

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Пермский государственный национальный исследовательский университет»

Редакционный совет

Александрова О. В., д. филол. н., проф. (Россия, МГУ)
Балина М., д-р, проф. (США, ун-т Иллинойс Везлиан)
Березович Е. Л., д. филол. н., проф. (Россия, УрФУ им. первого Президента России Б. Н. Ельцина)
Богданова-Беллярян Н. В., д. филол. н., проф. (Россия, СПбГУ)
Буле О., д-р, доц. (Нидерланды, ун-т Лейдена)
Вендина Т. И., д. филол. н., проф. (Россия, Москва, Институт славяноведения РАН)
Войтак М., д-р, проф. (Польша, Люблинский ун-т)
Ерофеева Т. И., д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)
Котельников В. А., д. филол. н., проф. (Россия, СПб., Институт русской литературы РАН)
Краузе М., д-р, проф. (Германия, ун-т Гамбурга, Институт славистики)
Мызников С. А., д. филол. н., проф. (Россия, СПб., Институт лингвистических исследований РАН)
Овчинникова И. Г., д. филол. н., проф. (Израиль, ун-т Хайфы)
Полякова Е. Н., д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)
Рут М. Э., д. филол. н., проф. (Россия, УрФУ им. первого Президента России Б. Н. Ельцина)
Савкина И., д-р, проф. (Финляндия, ун-т Тампере)
Саксена Р., д-р, проф. (Индия, ун-т Дели)
Ушакова О. М., д. филол. н., доц. (Россия, ТюменГУ)
Фэвр-Дюэгр А., д-р, доц. (Франция, ун-т Пуатье)
Чернявская В. Е., д. филол. н., проф. (Россия, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого)

Редакционная коллегия

<i>Новокрепленных И. А.</i> (гл. ред.), к. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)	<i>Бурдина С. В.</i> , д. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)
<i>Русинова И. И.</i> (зам. гл. ред.), к. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)	<i>Данилевская Н. В.</i> , д. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)
<i>Шутёмова Н. В.</i> (зам. гл. ред.), д. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)	<i>Дускаева Л. Р.</i> , д. филол. н., доц. (Россия, СПбГУ)
<i>Абашев В. В.</i> , д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)	<i>Ерофеева Е. В.</i> , д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)
<i>Абашева М. П.</i> , д. филол. н., проф. (Россия, ПГГПУ)	<i>Кондаков Б. В.</i> , д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)
<i>Алексеева Л. М.</i> , д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)	<i>Кочкарева И. В.</i> , к. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)
<i>Арустамова А. А.</i> , д. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)	<i>Кушнина Л. В.</i> , д. филол. н., проф. (Россия, ПНИПУ)
<i>Баженова Е. А.</i> , д. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)	<i>Мишланов В. А.</i> , д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)
<i>Боронникова Н. В.</i> , к. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)	<i>Нестерова Н. М.</i> , д. филол. н., проф. (Россия, ПНИПУ)
<i>Бочкарёва Н. С.</i> , д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)	<i>Петрова Н. А.</i> , д. филол. н., доц. (Россия, ПГГПУ)
<i>Братухин А. Ю.</i> , д. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)	<i>Подкоков И. А.</i> , д. филол. н., проф. (Россия, ПГГПУ)
	<i>Проскурнин Б. М.</i> , д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)
	<i>Серова Т. С.</i> , д. филол. н., проф. (Россия, ПНИПУ)
	<i>Фоминых Т. Н.</i> , д. филол. н., проф. (Россия, ПГГПУ)

Адрес учредителя и издателя: 614990, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15.

Адрес редакции: 614990, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15 (Факультет современных иностранных языков и литератур, Филологический факультет). E-mail: langlit2009@mail.ru.

Сайт журнала: <http://www.fpr.psu.ru>. Контент-редактор сайта А. В. Пустовалов

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС 77-66482 от 14.07.2016 г.

Издание включено в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по научным специальностям 10.01.00 – литературоведение, 10.02.00 – языкознание от 01.12.2015 г.

Founder: Perm State University

Editorial Council

Olga Aleksandrova (Russia, Moscow State University)
Marina Balina (USA, Illinois Wesleyan University)
Elena Berezovich (Russia, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin)
Natalya Bogdanova-Beglarian (Russia, Saint Petersburg State University)
Otto Boele (Netherlands, Leiden University)
Tatyana Vendina (Russian Academy of Sciences, Moscow, Institute of Slavic Studies)
Maria Voytak (Poland, Lublin University)
Tamara Erofeeva (Russia, Perm State University)
Vladimir Kotelnikov (Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Institute of Russian Literature)
Marion Krause (Germany, University of Hamburg, Institute for Slavic Studies)
Sergey Myznikov (Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Institute of Linguistic Studies)
Irina Ovchinnikova (Israel, University of Haifa)
Elena Polyakova (Russia, Perm State University)
Mary Rut (Russia, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin)
Ranjana Saxena (India, University of Delhi)
Irina Savkina (Finland, University of Tampere)
Olga Ushakova (Russia, Tyumen State University)
Anne Faivre Dupaigne (France, University of Poitiers)
Valeriya Chernyavskaya (Russia, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University)

Perm Editorial Board

<i>Irina Novokreshchennykh</i> – <i>Editor-in-Chief</i> (Perm State University)	<i>Elena Erofeeva</i> (Perm State University)
<i>Irina Rusinova</i> – <i>Associate Editor</i> (Perm State University)	<i>Boris Kondakov</i> (Perm State University)
<i>Natalya Shutemova</i> – <i>Associate Editor</i> (Perm State University)	<i>Irina Kochkareva</i> (Perm State University)
<i>Vladimir Abashev</i> (Perm State University)	<i>Ludmila Kushnina</i> (Perm National Research Polytechnic University)
<i>Marina Abasheva</i> (Perm State Humanitarian-Pedagogical University)	<i>Valeriy Mishlanov</i> (Perm State University)
<i>Larissa Alekseeva</i> (Perm State University)	<i>Natalya Nesterova</i> (Perm National Research Polytechnic University)
<i>Anna Arustamova</i> (Perm State University)	<i>Natalya Petrova</i> (Perm State Humanitarian-Pedagogical University)
<i>Elena Bazhenova</i> (Perm State University)	<i>Ivan Podyukov</i> (Perm State Humanitarian-Pedagogical University)
<i>Natalya Boronnikova</i> (Perm State University)	<i>Boris Proskurnin</i> (Perm State University)
<i>Nina Bochkareva</i> (Perm State University)	<i>Tamara Serova</i> (Perm National Research Polytechnic University)
<i>Alexandr Bratukhin</i> (Perm State University)	<i>Tatyana Fominykh</i> (Perm State Humanitarian-Pedagogical University)
<i>Svetlana Burdina</i> (Perm State University)	
<i>Natalya Danilevskaya</i> (Perm State University)	
<i>Liliya Duskaeva</i> (Saint Petersburg State University)	

Address of the founder and publisher: 15, Bukireva st., Perm, 614990, Perm Krai
Address of the editorial office: 15, Bukireva st., Perm, 614990, Perm Krai
(Faculty of Modern Languages and Literatures, Faculty of Philology). E-mail: langlit2009@mail.ru
Web-site of the journal: <http://www.rfp.psu.ru>. Content editor of the website A. V. Pustovalov

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫК, КУЛЬТУРА, ОБЩЕСТВО	5
Аристова Е. А., Протопопова О. В. СКАЗЫ П. БАЖОВА В АСПЕКТЕ СТИЛИСТИЧЕСКОГО ПРЕДПЕРЕВОДЧЕСКОГО АНАЛИЗА	5
Богданова-Бегларян Н. В., Лю Даян ИДИОМАТИКА В ПОВСЕДНЕВНОЙ УСТНОЙ РЕЧИ (к разработке методики описания)	16
Данилевская Н. В. НАЦИОНАЛЬНАЯ САМОБЫТНОСТЬ В ЗЕРКАЛЕ ЯЗЫКОВЫХ СТЕРЕОТИПОВ	28
Еремина М. А. РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ИДЕИ ОТВЕРЖЕННОСТИ В СИНОНИМИЧЕСКОМ РЯДУ <i>ИЗГОЙ, ОТВЕРЖЕННЫЙ, ПАРИЯ, ОТЩЕПЕНЕЦ</i>	36
Ерофеева Е. В., Ерофеева Т. И. РУССКАЯ РЕЧЬ КОМИ-ПЕРМЯКОВ: ЛЕКСИЧЕСКИЙ АСПЕКТ	48
Кушнина Л. В., Криворучко А. И. МЕСТО ДОКТРИНАЛЬНОГО ПЕРЕВОДОВЕДЧЕСКОГО ДИСКУРСА СРЕДИ ДРУГИХ ВИДОВ ДИСКУРСА	59
Проконичев Г. И. ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТОВ «ЖИЗНЬ» И «СМЕРТЬ» В РАССКАЗЕ ДЖ. Р. ТОЛКИЕНА «LEAF BY NIGGLE» И ОСОБЕННОСТИ ИХ ПЕРЕДАЧИ НА РУССКИЙ ЯЗЫК	66
Сурикова О. Д. К ИЗУЧЕНИЮ АРХАИЧНОЙ ЛЕКСИКИ В «ПРИЧИТАНИЯХ СЕВЕРНОГО КРАЯ» Е. В. БАРСОВА	73
Чернявская В. Е. ОПЕРАЦИОНАЛИЗАЦИЯ КОНТЕКСТА В ДИСКУРСИВНОМ АНАЛИЗЕ	83
Чулкова Е. А. ОБРАЗ БОГА В ДРЕВНЕГЕРМАНСКОЙ КАРТИНЕ МИРА (на материале древнеисландских и древнеанглийских текстов)	94
ЛИТЕРАТУРА В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ	103
Абашева М. П., Максимова Т. О. БЛОГ-ЛИТЕРАТУРА КАК ФЕНОМЕН: ОПЫТЫ ЕВГЕНИЯ ГРИШКОВЦА	103
Бочкарева Н. С., Загороднева К. В. ФОТОЭКФРАЗИС В ПЬЕСЕ Л. ПЕТРУШЕВСКОЙ «ЧЕМОДАН ЧЕПУХИ, ИЛИ БЫСТРО ХОРОШО НЕ БЫВАЕТ»	113
Горбунова Н. В. ВЕРА И ЗНАНИЕ: «ИСПОВЕДЬ» VS «ПРОПОВЕДЬ» В РАССКАЗЕ ДЖОРДЖ ЭЛИОТ «ПРИОТКРЫТАЯ ЗАВЕСА»	121
Ловцова О. В. РЕБЕНОК В ДРАМЕ АНТИЧНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЯ: КТО ОН?	133
ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ	143
Баженова Е. А., Котюрова М. П. НАУЧНЫЙ ТЕКСТ В ГЛОБАЛЬНОМ НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ XXI ВЕКА	143
Зырянова А. И. БЫЛЬ СКАЗКИ: ИСТОРИЯ РУССКОЙ ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В ИСТОРИКО-СОЦИАЛЬНОМ КОНТЕКСТЕ	148
Кучумова Г. В. ПИСАТЬ СТИХИ В ЭПОХУ ПЕРЕМЕН: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ПОЭЗИИ ПОСЛЕ 1989 ГОДА В РОССИИ И ГЕРМАНИИ	154

CONTENTS

LANGUAGE, CULTURE, SOCIETY	5
Aristova E. A., Protopopova O. V. PAVEL BAZHOV'S TALES IN THE ASPECT OF STYLISTIC PRE-TRANSLATION ANALYSIS	5
Bogdanova-Beglarian N. V., Liu Dayang IDIOMATICS IN EVERYDAY SPEECH (Search for Methods of Description)	16
Danilevskaya N. V. NATIONAL IDENTITY IN THE MIRROR OF LINGUISTIC STEREOTYPES	28
Eremina M. A. REPRESENTATION OF THE IDEA OF REJECTION IN THE SYNONYMIC ROW <i>OUCAST, REJECTED, PARIAH, RENEGADE</i>	36
Erofeeva E. V., Erofeeva T. I. KOMI-PERMYAKS' RUSSIAN SPEECH: LEXICAL ASPECT	48
Kushnina L. V., Krivoruchko A. I. DOCTRINAL TRANSLATIONAL DISCOURSE AMONG OTHER DISCOURSE TYPES	59
Prokonichev G. I. "LIFE" AND "DEATH" IN J. R. R. TOLKIEN'S SHORT STORY <i>LEAF BY NIGGLE</i> : LINGUISTIC REPRESENTATION OF THE CONCEPTS AND PECULIARITIES OF THEIR CONVEYANCE INTO RUSSIAN	66
Surikova O. D. NOTES ABOUT ARCHAIC VOCABULARY IN <i>NORTHERN LAMENTATIONS</i> BY E. V. BARSOV	73
Chernyavskaya V. E. OPERATIONALIZATION OF CONTEXT IN DISCOURSE ANALYSIS	83
Chulkova E. A. THE IMAGE OF GOD AS A REFLECTION OF THE OLD GERMANIC MODEL OF THE WORLD (a Case Study of the Old Icelandic and Old English Languages)	94
LITERATURE IN THE CULTURAL CONTEXT	103
Abasheva M. P., Maksimova T. O. BLOG LITERATURE AS A PHENOMENON: THE EXPERIENCE OF EVGENY GRYSHKOVETS	103
Bochkareva N. S., Zagorodneva K. V. PHOTOEKPHRASIS IN <i>THE SUITCASE OF NONSENSE, OR QUICKLY DONE CANNOT BE WELL DONE</i> BY L. PETRUSHEVSKAYA	113
Gorbunova N. V. FAITH AND KNOWLEDGE: "CONFESSION" VS "SERMON" IN GEORGE ELIOT'S <i>THE LIFTED VEIL</i>	121
Lovtsova O. V. A CHILD IN THE ANCIENT AND MEDIEVAL DRAMA: WHO IS HE?	133
ACADEMIC REVIEWS AND SURVIEWS	143
Bazhenova E. A., Kotyurova M. P. SCIENTIFIC TEXT IN THE GLOBAL SCIENTIFIC DISCOURSE OF THE 21 ST CENTURY	143
Zyryanova A. I. TRUE TALES: HISTORY OF RUSSIAN CHILDREN'S LITERATURE IN HISTORICAL AND SOCIAL CONTEXT	148
Kuchumova G. V. WRITING POETRY IN THE TIME OF CHANGE: THE MAIN TRENDS IN GERMAN AND RUSSIAN POETRY AFTER 1989	154

ЯЗЫК, КУЛЬТУРА, ОБЩЕСТВО

УДК 81'255.4
doi 10.17072/2037-6681-2017-4-5-15

СКАЗЫ П. БАЖОВА В АСПЕКТЕ СТИЛИСТИЧЕСКОГО ПРЕДПЕРЕВОДЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Елена Алексеевна Аристова

к. пед. н., доцент кафедры иностранных языков, лингвистики и перевода
Пермский национальный исследовательский политехнический университет
614900, Россия, г. Пермь, Комсомольский просп., 29. elena-aristova2006@yandex.ru
SPIN-код: 7305-9822
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-9326-814X>
ResearcherID: N-5161-2017

Ольга Витальевна Протопопова

доцент кафедры иностранных языков, лингвистики и перевода
Пермский национальный исследовательский политехнический университет
614900, Россия, г. Пермь, Комсомольский просп., 29. olgprotopopova@yandex.ru
SPIN-код: 7243-0887
ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-6165-6941>
ResearcherID: N-5328-2017

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Аристова Е. А., Протопопова О. В. Сказы П. Бажова в аспекте стилистического предпереводческого анализа // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2017. Т. 9, вып. 4. С. 5–15. doi 10.17072/2037-6681-2017-4-5-15

Please cite this article in English as:

Aristova E. A., Protopopova O. V. Skazy P. Bazhova v aspekte stilisticheskogo predperevodcheskogo analiza [Pavel Bazhov's Tales in the Aspect of Stylistic Pre-Translation Analysis]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2017, vol. 9, issue 4, pp. 5–15. doi 10.17072/2037-6681-2017-4-5-15 (In Russ.)

На материале хрестоматийных произведений П. Бажова выявлены их лексические особенности, связанные главным образом с отступлением от литературных норм русского языка, свойственные диалекту и просторечию. Такие нарушения обусловлены стремлением Бажова сохранить местный уральский колорит, дать речевую характеристику персонажам и создать речевую экспрессию текста. В свою очередь именно это обстоятельство ставит перед переводчиком трудноразрешимую задачу сохранить стилистическую специфику оригинала, следовать природе жанра сказа, воссоздавая текст на чужом языке и стремясь при этом добиться такого воздействия на иноязычного читателя, которое близко восприятию оригинала носителем русского языка.

Особо трудно передавать российские реалии времен Старого Урала, отраженные в социокультурном комментарии автора. В поисках верного решения этих переводческих задач необходимо ориентироваться на советы авторитетных переводоведов. Авторы статьи также дают ряд рекомендаций для перевода подобных текстов. Работа имеет как теоретическую, так и практическую направленность.

Объектом исследования в настоящей статье выступают сказы П. Бажова, предметом – предпереводческий анализ их лексических особенностей. Актуальность исследования объясняется интересом науки к фольклору и его языку как важному компоненту национальной культуры и менталитета. Изученные отечественными литературоведами и лингвистами сказы Бажова недостаточно глубоко рассмотрены в аспекте их перевода на иностранные языки.

Бажовские сказы – пример мастерского использования в эстетических целях живого уральского языка с его народно-поэтической лексикой, фразеологией и местной диалектной спецификой. Именно яркая национально-культурная специфика уральских сказов создает особые трудности перевода, для осмысления и преодоления которых необходим предпереводческий анализ этих текстов.

Ключевые слова: жанр сказа; предпереводческий анализ; проблема перевода фольклорных произведений; национально-культурная специфика; лексические особенности; переводимость.

Каждый самобытный народ выражает национальное сознание, психологию в различных жанрах фольклора – былинах, легендах, преданиях, песнях, сказках, сказах. Фольклор, народные песни, этнические фестивали, возрождение традиций – все это привлекает иностранных туристов. За последнее время увеличился поток зарубежных гостей, приезжающих на различные фестивали, в том числе и в Пермский край: «Большая Рыба», «Живая Пермь», «Белые ночи», «Камва», «Купальские Ночи» и др. Одним из способов знакомства с культурой народов Урала является фольклор. Самым известным уральским сказителем можно назвать Павла Петровича Бажова, который внес значительный вклад в фольклорную культуру и развитие такого жанра, как сказ.

Исследование переводов сказов Павла Бажова, созданных на основе народной уральской словесности, актуально в связи с интересом ученых к фольклору и его языку как важной составляющей национальной культуры, а также в аспекте межкультурной коммуникации. Объектом нашего изучения выступают сказовые произведения Бажова, а его предметом – предпереводческий анализ лексических особенностей сказов. На сегодня исследований переводов бажовских сказов на иностранный язык недостаточно, среди единичных работ – публикация А. Э. Буженинова о выявлении различий русского и французского менталитетов при сравнении сказов Бажова на двух языках [Буженинов 2015]; интересны и полезны для нас также работы Д. Е. Меренковой, посвященные переводу сказов Лескова [Меренкова 2009]. Для достижения цели нашего исследования – показать необходимость и эффективность стилистического предпереводческого анализа бажовских сказов – изучен лексический состав наиболее известных произведений автора и частично проведено их сопоставление в оригинале и переводе на английский язык, дающее возможность оценить качество работы переводчиков и дать рекомендации по оптимизации способов передачи регионализмов.

Воссоздание на английском языке произведений П. Бажова, восходящих к уральской несказочной прозе, относится к художественному переводу, который в жанрово-стилистической классификации перевода по В. Н. Комиссарову есть один из его функциональных видов. Поня-

тие функции является ключевым в теории художественного перевода: цель переводчика такого текста состоит в порождении на языке перевода речевого произведения, способного оказывать на реципиента художественно-эстетическое воздействие, возможно близкое к авторскому [Комиссаров 1990: 94–95].

Бажовские сказы обладают несомненными художественными достоинствами. Они являются примером мастерского использования автором в эстетических целях живого народного языка, локализованного на Урале. Автор проявил себя не только фольклористом-обработчиком, но и самостоятельным художником, который свежо и неповторимо, поэтично поведал об искусстве местных камнерезов, о труде и быте горнорабочих и старателей. Удивителен, колоритен и богат, казалось бы, наивный и безыскусный язык сказа с его народно-поэтической лексикой: *дурман-цветок, змейки золотенькие, огневые пчелки, каменна девка, колокольцы малахитовы, девичья краса, белая да румяная* и т.п. Украшают сказы многочисленные присказки и поговорки, например: *У нас, говорит, такого обычая нет, чтобы хлеб за брюхом ходил («Малахитовая шкатулка»); За погляд-то ведь деньги берут («Медной горы хозяйка»)*. В соответствии с названием жанра (*сказ* от устаревшего глагола *сказывать*, т. е. рассказывать) автор широко применяет лексику разговорную, обиходно-бытовую, уместную для непринужденной беседы: *тамошний, свихнуться, оплошать, бобыль, пустомеля, взъедаться* и т. п., а также уральские диалектизмы типа *хитник (грабитель), повесть (чердак, сеновал)* и др.

На этапе предпереводческого анализа хрестоматийных сказов Бажова «Малахитовая шкатулка», «Медной горы хозяйка», «Серебряное копытце» нами выявлены многочисленные лексические единицы с разговорной окраской: это уральские диалектизмы (*шаньги, тимы* и др.), обиходно-бытовые лексемы (*оплошать, пустомеля, тамошний* и др.). Еще одним средством речевой характеристики всех персонажей в сказе выступает койне – общероссийское просторечие со сниженной стилистической окраской фамильярности, грубости, вульгарности. Оно свойственно простым малограмотным людям, например: *хапнуть, заварушка, пособить, брать на испуг, сперва* и др. Следуя правде жизни, Бажов также

наделяет носителей просторечия аномативной речью с различными неправильностями в произношении, грамматике и лексике (*баушка, одежда, кразелиты, церква, огромадная, посейчас, в ей, на ем, окроме, испужался, статуи каменный*). Так писатель успешно реализует важнейший жанрообразующий принцип литературного сказа: установку на воспроизведение чужой речи, включая повествователя, который также проявляется средствами устной речи и отделен от автора.

Переводчику необходимо понимать жанровую специфику сказа, чтобы суметь обеспечить воздействие на иноязычного читателя, близкое к восприятию русскоязычным реципиентом оригинального текста уральского сказителя. Теория сказа начала формироваться в российском литературоведении и стилистике в 20-х гг. прошлого века в ходе заочной дискуссии исследователей специфики этого жанра: Б. М. Эйхенбаума, Б. В. Томашевского, М. М. Бахтина, В. В. Виноградова. Академику Виноградову принадлежит, пожалуй, наиболее точное определение сказа как повествования с художественной имитацией монологической речи, произносимой сказителем, очевидцем или участником событий. При этом последняя как будто порождается в процессе ее произнесения, стилизуется под речь, литературно не обработанную [Виноградов 1980: 29]. С учетом сказанного А. И. Горшков в свою очередь добавлял: в сказе либо изображается речь конкретного рассказчика (например, Ивана Флягина в «Очарованном страннике» Лескова), либо дается собирательный речевой портрет повествователей [Горшков 2001: 234]. В сказах Бажова, наряду с речевым образом рассказчика, представлено именно такое обобщенное народное слово, связанное с определенной местностью (Полевской завод) и видом деятельности (труд уральских рабочих и крестьян). Таким образом, использование языковых средств, прежде всего лексических, свойственных разговорной речи, обеспечивает успешную стилизацию сказа под живое непринужденное говорение. Воспроизведя такую стилизацию оригинала на иностранном языке, переводчик сумеет воплотить эстетическую функцию сказа.

Подчеркнем также, что, в отличие от недостаточной изученности сказов Бажова в аспекте перевода, эти сочинения всесторонне рассматриваются в рамках отдельного направления – бажоведения [Бажовская энциклопедия 2007]. Отметим также вклад ученых Пермского университета в исследование творчества знаменитого уральского сказочника, его неповторимой авторской манеры. В. А. Мишланов в связи с изучением бажовского синтаксиса указал, в частности, на его экспрессивность [Мишланов 2003]. Каса-

ясь вопроса визуального представления образов горной мифологии, В. В. Абашев обосновывает такую тягу к визуализации сказов Бажова их поэтикой и обаянием, природой их фантастической составляющей [Абашев 2014].

Произведения Бажова сюжетно увлекательны и загадочны, они сочетают реально-бытовые и сказочные, дикихвинные элементы, обладают яркой национально-культурной спецификой. Писатель отразил историческую обстановку в образах, обусловленных этнически, ради достоверности и создания местного колорита воспроизвел региональные речевые особенности с помощью уральского диалекта. Появлению последнего способствовало активное освоение русскими с начала XVIII в. природных богатств Урала в процессе их поиска, добычи и обработки. Соответственно данный диалект – это, прежде всего, говор горнозаводчан: крепостных крестьян, рабочих рудников и медеплавильных заводов, мастеров по резке камня и обработке самоцветов. При этом в нем активно использовалась лексика и уральских аборигенов – башкир. Бажов эффективно реализовал жанрообразующую установку сказа на имитацию разговорной, с включением и региональной, устной народной речи (как рассказчика, так и персонажей). Благодаря этому писателю удалось воссоздать колорит и самобытность мира Старого Урала, приземленно-реалистичного, достоверного и фантастичного одновременно.

Уральские диалектизмы оказались достаточно частотным лексическим средством стилизации повествования под сказовую манеру. Так, в приложение к сборнику «Малахитовая шкатулка» (М., 1948) под названием «Объяснение отдельных слов, понятий и выражений, встречающихся в сказах» (примерно 400 единиц) наряду с собственными именами (топонимами, именами и прозвищами), реалиями, терминами и профессионализмами П. Бажов включил около 330 диалектизмов разных видов. Воссоздавая уральскую жизнь в ее естественной языковой среде, писатель осознавал, что местная диалектная лексика в тексте сказа малопонятна и неизвестна носителям литературного русского языка либо жителям других регионов, владеющих собственным говором. Учитывая таким образом фактор адресата, автор с помощью этого толкового словаря способствовал большей доступности произведений, сохраняя при этом яркий региональный колорит. Кроме того, возможность обратиться к авторскому комментарию благоприятствует восприятию, пониманию сказов всеми читателями и, что немаловажно, выступает ценнейшим источником социокультурной информации для переводчика.

Использование автором местных диалектных слов и выражений сигнализирует о принадлеж-

ности повествователя и героев сказов к жителям Урала. Наш анализ бажовских текстов показывает, что диалектные лексемы в сказах относятся к разным видам. Так, этнографизмы называют денотаты уральского региона: предметы одежды (*пониток, запон*), блюда (*аржанина, перепечи*), предметы и явления (*туес, пехло, назгал*). У собственно лексических уральских диалектизмов есть синонимы в литературном языке, например, *баской* (красивый), *зарукавье* (браслет), *урево* (стадо), *утлый* (ветхий, убогий), *голк* (шум, гул). Семантические диалектизмы обладают иным значением сравнительно со словами литературного языка: *худой* (плохой), *двор* (семья), *ограда* (двор), *подлокотник* (слуга, помощник) и др. Сниженная диалектная лексика весьма выразительна, например *гордыбака* – это гордый человек, любящий похвалиться, *бельмень* – бестолковый человек, *прикормленник* – тот, кто прикормлен кем-то и пользуется его расположением, любимец. Таким образом, благодаря диалектной лексике Бажов творчески решает важные стилистические задачи: сохраняет местный колорит и особенности речи персонажей, создает речевую экспрессию.

Покажем, как диалектизмы включаются в текст:

1. *Недавно на Глинке осиротела семья Григория Потопаева. Старших-то девчонок приказчик велел в барскую рукодельню взять, а одну девчоночку по шестому году никому не надо. Вот ты и возьми ее. – Несподручно мне с девчонкой-то. Парнишечко бы лучше. Обучил бы его своему делу, пособника бы растить стал. А с девчонкой как? Чему я ее учить-то стану?*

2. *В праздничный день и пришел он к тем людям, у кого сиротка жила. Видит, полна изба народу, больших и маленьких. На голбчике, у печки, девчоночка сидит, а рядом кошка бурая. Девчоночка маленькая, и кошка маленькая, и до того худая да ободранная, что редко кто такую в избу пустит. Девчоночка эту кошку гладит, а она до того звонко мурлычет, что по всей избе слышно. Поглядел Кокованя на девчоночку и спрашивает: – Это у вас Григорьева-то подаренка? («Серебряное копытце»).*

Отмеченные диалектные слова встречаются как в диалоге героев (пример 1), так и в монологе сказителя (пример 2), выделяясь на общем фоне разговорной речи. Последняя имитируется разноуровневыми средствами и лексикой, и грамматикой. Диалектизмы органично сочетаются с разговорными словами: *девчонка, сиротка, печка, девчоночка, поглядел*, при этом доброе отношение Коковани к Даренке выражается еще и грамматически, с помощью ласкательно-уменьшительных суффиксов существительных.

Развивая эту тему, авторы настоящей статьи выполнили предпереводческий стилистический анализ лексических особенностей сказа П. Бажова «Серебряное копытце», чтобы затем выяснить, как в текстах разных переводов на английский язык воспроизводится функция, в частности, диалектной лексики. Произведение входит в число детских сказов Бажова, регулярно печатается в серии «Школьная библиотека», в некоторых изданиях – в адаптированном виде. Однако этот сказ охотно читают и взрослые; как хрестоматийное, произведение неизменно включается в сборники «Малахитовая шкатулка» и на русском, и на иностранном языках.

Сказ «Серебряное копытце» написан для детей: в нем активно участвует ребенок – сиротка Даренка, ставшая участницей контакта с тайной силой. Свидетелями фантастических событий в цикле сказов «Малахитовая шкатулка» становятся старики и дети или одиночки, например, Даренка, Кокованя, Илюха, Данила, Катя. Явление тайной силы в народном мифологическом сознании не слишком таинственно, скорее обыденно, поскольку ожидаемо и довольно часто не поражает воображение. Так, Даренка живет надеждой на встречу с таинственным козлом, и ее ожидания оправдываются с лихвой. Девочка и названный дед Кокованя вознаграждены Серебряным копытцем за их доброту, сердечность, отсутствие жадности, как и другие положительные герои фольклорных произведений, столкнувшиеся с потусторонней силой. Носители традиционных национальных ценностей – смелости, трудолюбия, мастерства, честности, порядочности и т. п. – в произведениях народного творчества не страдают от контакта с тайной, нечистой силой, в отличие от отрицательных персонажей. Вот и у Бажова в таких сказах, как «Огневушка-поскакушка», «Про Полоза Великого», «Медной горы Хозяйка», «Синюшкин колодец» и других, добро побеждает зло с помощью фантастических персонажей, хотя не обязательно навсегда.

Упомянутые контакты людей с потусторонним миром, их встречи с демоническими персонажами происходят в сказах Бажова вследствие их генетической связи с народными несказочными произведениями – легендами, бывальщинами, быличками. На это указывает, в частности, И. И. Русинова, изучавшая феномен уральских быличек и их лексику [Русинова 2006].

Методом сплошной выборки в оригинале «Серебряного копытца» нами были выявлены лексические диалектизмы трех видов:

1. Этнографические

1. Приказчик – представитель владельца на заводе; управитель; управляющий.

II. Собственно лексические

1. Голбчик – подполье; рундук около печки, где делается ход в подполье.
2. Угрузнешь – увязнешь, провалишься.
3. Рукодельня – мануфактура, мастерская.
4. Охота – хочется.
5. Балаган – временная легкая деревянная постройка.
6. Лог, ложок – пологий широкий овраг.
7. Душной – вонючий; с сильным неприятным запахом.
8. Пора – время.

III. Семантические

1. Пособник – помощник.

Грамматические диалектизмы имеют три разновидности:

I. Словообразовательные

1. Горюн – горемыка.
2. Маленько – мало.
3. Дарёнка – дар, подарок.
4. Дивуются – удивляются.
5. Подарёнка – ласкательная форма от имени Дарья.

II. Морфологические

1. Несподручно – неудобно.
2. Сдалека – издалека.
3. Дедо – дед.
4. Парнишечко – паренек.
5. Кокованя – имя собственное (прозвище) от диалектной формы глагола *куковать*.

III. Синтаксические

1. В завод – на завод.
2. Из заводу – с завода.
3. По шестому году – на шестом году, шести лет.

Всего выявлено 22 случая употребления диалектизмов разных видов, многие из которых повторяются и тесно взаимодействуют с другими разговорными словами в тексте (см. 2 фрагмента, приведенные выше). Этот сказ не перегружен диалектной лексикой именно потому, что автор адресовал его прежде всего детям. Однако далеко не все из обнаруженных в тексте диалектизмов содержатся в разделе, объясняющем отдельные слова, понятия и выражения из сказов. Например, отсутствуют лексемы *рукодельня*, *угрузнуть*, *балаган*, *ложок*, *пособник*, толкование которых не вполне раскрывается с помощью контекста как юному читателю, так и переводчику. Поэтому в случае их непонимания последнему необходимо обращаться к справочной литературе, например к словарю В. Даля и другим источникам.

Как видим, предпереводческий анализ лексики в сказах Бажова показал значительное наличие в них региональной уральской и общерусской разговорной речи. Такое сознательное от-

клонение автора от употребления лишь литературной лексики оправдано стилистически и есть следование норме жанра сказа. Однако для переводчика это создает значительные трудности. Вот мнение по этому поводу англичанки Евы Мэннинг, переведившей сказы Бажова еще в середине XX в. Так, в предисловии к изданию сборника «Малахитовая шкатулка» (1950 г.) на английском языке она с сожалением писала о неизбежной потере яркого местного колорита, произошедшей вопреки всем ее стараниям ухватить и передать дух оригинала. Отмечая тот факт, что сказы написаны на уральском диалекте, динамичном и ритмичном, что роднит их с балладами Шотландских гор или с резким диалектом Йоркшира, Мэннинг самокритично оценила свои переводы как бледную копию оригинала [Manning 1950: 8]. Возникает вопрос, решаем ли переводческая проблема воспроизведения сказовой манеры Бажова на иностранном языке в целом и на лексическом уровне в частности?

Для начала рассмотрим этот вопрос более широко. Так, Ю. В. Лиморенко отмечает особенности фольклорного перевода. На раннем этапе истории перевода и публикации фольклорных произведений основное внимание переводчики уделяли как можно более полной передаче смысла произведения. На самом деле основной целью переводчика является наиболее цельный и внятный перевод черт и приемов, которые характеризуют национально-традиционные особенности и художественное своеобразие фольклорного текста. При этом далеко не все проблемы перевода могут быть решены, поскольку переводы фольклорных произведений полны массы нюансов: от передачи некоторых особенностей стиля и формы иногда необходимо сознательно отказываться [Лиморенко 2007].

Нам важно учесть, что чем ближе произведение по своей тематике к народной жизни, к «житейскому быту», а по своей стилистике – к фольклору, тем ярче обычно проявляется национальная окраска. При этом задача перевода усложняется еще и потому, что национальная окраска оригинала воспринимается как нечто привычное, родное, естественное всеми теми, для кого этот язык является родным. Отсюда, казалось бы, неразрешимая дилемма: или показать специфику и впасть в «экзотику», или сохранить привычность и утратить специфику, заменив ее особенностями одного из стилей того языка, на который делается перевод [Федоров 1983: 279]. Большинство отечественных теоретиков и практиков перевода понимают, что отказ от воспроизведения лексем подлинника, отклоняющихся от норм литературного языка, при переводе приводит к утрате живости, самобытности, простоты,

народности, достоверности оригинального произведения. Однако оправдан ли их дословный перевод на чужой язык?

Остановимся подробнее на подходе А. В. Федорова к передаче территориальных диалектизмов в художественном переводе на русский язык. Ученый относит их (наряду с архаизмами, варваризмами, просторечием и арго) к единицам с особой лексической окраской, которую, с учетом стилистического использования диалектизмов в тексте, необходимо воспроизводить в переводе. Ведь они указывают на принадлежность персонажей к определенной территории, являются признаком местного колорита и характеризуют героя социально и культурно. Воспроизведение диалектных слов в соответствии с их функцией А. В. Федоров относит к особо сложным переводческим задачам и считает, что передача иностранных диалектизмов с помощью этих же единиц языка перевода неосуществима, поскольку противоречит реальному содержанию оригинала, месту и обстановке действия, а также принадлежности персонажей и самого автора к определенной национальности [Федоров 1983: 252]. Солидаризуясь с Б. А. Лариным [Ларин 1959: 137], наиболее эффективным сигналом присутствия диалектизма в оригинале при переводе ученый видит просторечие [Федоров 1983: 253].

Аналогичным образом подходят к воспроизведению диалектизмов на другом языке многие авторы. П. Ньюмарк советовал никогда не пытаться переводить региональную лексику посредством диалектизмов, а лишь обозначать их присутствие разговорно-нелитературной лексикой [Ньюмарк 2005: 97]. О невозможности передавать диалектизмы посредством таких же единиц языка перевода писали, в свою очередь, и другие авторы, настаивавшие на поисках асимметричных подходов [Влахов, Флорин 1980: 251]. Как развернуто высказывается по этому поводу В. С. Виноградов: «...диалектным словам оригинального художественного произведения всегда соответствуют в переводе неполные эквиваленты... Иначе и быть не может, потому, что лексика конкретного языка в диалектном плане зонально маркирована только в ареале распространения данного языка и не может иметь эквивалентов с соответственной маркировкой в другом языке» [Виноградов 2001: 85]. Ученый рекомендует восполнять возникающие информативные потери с помощью просторечия с тем, чтобы указать: как эквивалент, так и диалектизм оригинала «оторваны», удалены от нормы. Другим способом передачи диалектных слов служат общелитературные лексемы, а утраченную лексику, связанную с речевой характеристикой героя или с описанием определенной среды, возможно

компенсировать другими языковыми средствами в том же микротексте или в более широком контексте [там же].

Представляется, что вышесказанное справедливо и по отношению к художественному переводу с русского языка на иностранный, а значит, применимо и к сказам П. Бажова. Воплощаются ли принципы сохранения национально-культурной специфики в сказах, изданных на множестве языков мира? Известно, что первые переводы бажовских произведений появились в 40-е гг. XX в. Сам автор интересовался ими, называя «прогулками по чужеземным местам». Тревожась о качестве иноязычных изданий, Бажов помогал переводчикам: в частности, в переписке с К. И. Федоровичем объяснял ему значения уральских слов, которые тот затруднялся перевести на латышский язык. О популярности «Малыхитовой шкатулки» в мире свидетельствует тот факт, что сборник сказов был издан в Лондоне, Нью-Йорке, Праге, Париже. Сказы были переведены на 100 языков: немецкий, венгерский, китайский и др.

Осмысляются ли сегодня специфика воссоздания произведений Бажова на иностранном языке и конкретные приемы перевода диалектизмов? Выявляя различия между русским и французским менталитетами и касаясь вопроса о передаче на французский язык просторечных слов из сказов П. Бажова, А. Э. Буженинов обнаружил такие способы перевода указанной лексики, как транскрипция и замена литературными синонимами, однако признал эти приемы неудачными, а стилистические потери никак не компенсируемыми [Буженинов 2015:145]. В тематически близком и полезном для нас диссертационном исследовании способов передачи сказовой манеры Н. С. Лескова на английском языке называются описание, дословный перевод и калькирование разговорной русской речи, ее транслитерирование и замена общелитературной лексикой [Меренкова 2009]. Ученый подчеркивает наблюдаемое при этом нежелательное «олитеруивание» переводного текста. По-видимому, такие результаты объясняются недостаточным вниманием переводчиков к рекомендациям крупных специалистов по передаче диалектизмов на иностранном языке и, соответственно, непониманием стилистической функции этой лексики в тексте.

Исходя из выполненного предпереводческого анализа, мы сравнили два перевода сказа «Серебряное копытце» на английский язык. Один вариант принадлежит англичанке Еве Мэннинг (1950); другой – Е. А. Аристовой (2010), которая выполнила его еще до знакомства с работой Е. Мэннинг и представила свой вариант для ре-

дакции носителю английского языка из Шотландии. Охарактеризовать переводчиков можно так: первый – это носитель английского языка, знакомый с диалектами языка перевода, а другой – носитель русского языка, имеющий представление об уральском диалекте. При этом оба автора

не выполняли предпереводческий стилистический анализ оригинала.

Как же переводчики справились с трудной задачей передачи диалектной лексики – важного средства сохранения колорита оригинала (см. табл. 1)?

Таблица 1 / Table 1

Лексические диалектизмы / Lexical dialectisms

Оригинал П. Бажов	Перевод	
	Е. Мэннинг	Е. Аристова
1. Приказчик	Bailiff (судебный пристав)	–
2. Рукодельня	Manor sewing-room (в усадьбе швейная комната)	–
3. Голбчик	–	–
4. Балаган	Hut (хижина, шалаш, лачуга)	Hut
5. Ложок	Glade where we go mowing (поляна, где мы косим)	Pasture (пастбище)
6. Угрузнуть (в снегу)	Sink in the snow (утонешь)	Get stuck in the snow (застрянешь)
7. Душной	–	Reek (вонять)
8. Охота (хочется)	Want	Want
9. Пора (время)	Now, this year	Now
10. Пособник (помощник)	He'd help	–

Как видим, налицо больше переводческих расхождений, чем совпадений. При этом оба переводчика следовали рекомендациям специалистов и не злоупотребляли обращением к диалектизмам английского языка, хотя у Е. Мэннинг встретились устаревшие диалектные слова: испугаться – *afear'd (afraid)*, хозяйка – *goodwife (missis)*, Аye (yes) – да, *naу (no)* – нет; *ye (you)* – вы, может – *mebbe (maybe)*. Лексема «девушка» – *Maid (girl)* использована для перевода слова *девчоночка*; да что поделаешь – *but there was naught (устар.) else to be done with it*. В остальных случаях либо пред-

ставлены общелитературные слова (*hut, want, now*), либо дан описательный перевод лексем *рукодельня* и *ложок* (удачно предложенный Мэннинг). Не удалось воспроизвести значение слова *приказчик*: у Е. Мэннинг это судебный пристав (*bailiff*), у Е. А. Аристовой оно опущено. Опущений больше в переводе носителя русского языка как следствие повышенной трудности при нахождении эквивалентов на иностранном языке.

Рассмотрим, как преодолеваются трудности при переводе грамматических диалектизмов, сведенных в табл. 2.

Таблица 2 / Table 2

Грамматические диалектизмы / Grammatical dialectisms

Оригинал П. Бажов	Перевод	
	Е. Мэннинг	Е. Аристова
1. Горюн	poor devil	–
2. Маленько	a little bit	a little
3. Дарёнка	Podaryonka	Daryonka
4. Подарёнка	giftie	–
5. Дивуются	stared in amaze	were wondering
6. Несподручно	unhandy-like	–
7. Сдалека	A long way off	from far away
8. Дедо	Grandad	–
9. Парнишечко	lad (парень)	boy
10. Кокованя	Kokovanya	Cocovanya
11. В завод	go to the village	go to the settlement
12. Из заводу	–	–
13. По шестому году	a little girl of six	a six-year-old girl

У Е. Мэннинг такая лексика часто переводилась литературно, стандартными грамматическими средствами – *stare in amaze*, *a little girl of six*, *Grandad*. А вот слово «горюн» удачно передано разговорным выражением *roog devil* (горемыка). Переводчица успешно обыграла имя девочки «Даренка», назвав ее *giftie* (подарочек) и сделав сноску с объяснением *Podaryonka – gift – подарок*. Параллельно обе переводчицы прибегли к транслитерации имен героев, чего явно недостаточно, особенно относительно прозвища *Кокованя*: не сохранено значение одиночества, присущее в диалекте глаголу *куковать*.

В целом отметим, что Е. Мэннинг разными способами воспроизвела 11 грамматических диалектизмов из 12, тогда как у Е. Аристовой больше таких лексем опущено. Вероятно, перевести их посредством литературной лексики ввиду отсутствия английских эквивалентов показалось носителю русского языка не лучшим решением, элиминирующим стилистическое своеобразие оригинала. Невозможность, да и ненужность, воспроизводить грамматические особенности уральского сказа подвела переводчиков к компенсации потерь с помощью разговорных средств. Так, англичанка использует их широко. На наш взгляд, для создания колорита удачным в переводе Е. Мэннинг является умеренное использование разговорных сокращенных форм *wi' (with)*, *'ud (would)*; инверсии – *Aye, that he has*. Стандартное выражение «остаться дома» она передает разговорным *stop behind* вместо литературной лексики *stay in*. «Статочное ли дело» – *What!* (Мэннинг), ср. *You shouldn't* у Аристовой. Правда, фраза «...так еще кошку драную где-то подобрала», переведенная Мэннинг как «...she's got to drag in that mangy beast», звучит более грубо и просторечно (притащила шелудивую тварь), чем у Аристовой «...the tattered (ободранную) cat that she picked up somewhere». В переводе русскоязычного автора чаще используется стандартный литературный язык.

Таким образом, мы видим, что не всегда возможно передать местный фольклорный колорит при переводе на английский язык, но обозначить его все-таки удастся средствами разговорной, устаревшей, отчасти даже диалектной, лексики, описательно. В большей степени воспроизвести стилистическую окраску сказа «Серебряное копытце» удалось Е. Мэннинг во многом за счет широкой контекстной компенсации диалектизмов разговорными средствами. При этом предпереводческий анализ текста по выявлению и осмыслению диалектных единиц, безусловно, мог бы оказать большую помощь переводчику.

Считаем также необходимым сформулировать некоторые рекомендации переводчикам бажовских сказов:

1. Помимо упомянутого выше авторского приложения с объяснением трудной лексики, неоценимую помощь переводчику произведений П. Бажова могут оказать специальные словники, например: «Словарь говоров Среднего Урала», Словарь В. Даля, «Большой академический словарь», толковые словари и подобные издания. Весьма полезны также многочисленные лингвострановедческие словари, наиболее авторитетный из них – «Большой лингвострановедческий словарь. 2000 реалий истории, культуры, природы и быта» [Борисенко 2009].

2. При репрезентации образов инокультуры, особенно ушедшей, переводчику целесообразно вводить дополнительный лингвокультурный комментарий, чтобы снимать препятствия иноязычного читателя в понимании смысла оригинала.

3. Исходя из особой сложности достижения адекватного перевода уральских сказов на иностранный язык, весьма полезным и перспективным мы считаем переводческий дуэт: совместную работу носителей двух языков и разных культур.

В заключение подчеркнем насущную необходимость предпереводческого анализа сказовых произведений П. Бажова, который позволяет выявить потенциальные трудности при воспроизведении сказов на иностранном языке, чтобы успешно находить возможности их преодоления, принимая адекватные переводческие решения. Такая подготовка вооружит языкового посредника, ориентирует его на воссоздание формы и содержания самобытных текстов на иностранном языке, стимулирует поиск творческих приемов и средств, а значит, поможет проявить ему профессиональное мастерство.

Список литературы

Абашев В. В. Интермедиаальные трансформации горной мифологии П. П. Бажова в романе Ольги Славниковой «2017» // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2014. Вып. 1(25). С. 145–158.

Бажов П. П. Малахитовая шкатулка. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1948. 566 с.

Бажов П. П. Малахитовая шкатулка. Уральские сказы. Свердловск: Ср.-Урал. кн. изд-во, 1973. 496 с.

Бажовская энциклопедия. Екатеринбург: Изд. дом «Сократ», 2007. 640 с.

Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. 3-е изд. М.: Худож. лит., 1972. 470 с.

Борисенко В. И. Россия. Большой лингвострановедческий словарь. 2000 реалий истории, культуры, природы и быта / под общ. ред. Ю. Е. Прохорова. М.: АСТ-Пресс, 2009. 726 с.

Брандес М. П., Провоторов В. И. Предпереводческий анализ текста: для институтов и факультетов иностранных языков: учеб. пособие. М.: НВИ-тезаурус, 2001. 224 с.

Буженинов А. Э. Лексико-семантические трансформации при переводе художественного текста как средство выявления особенностей национального менталитета России и Франции (На примере переводов сказов П. П. Бажова на французский язык) // Инновационная наука. 2015. № 10. С. 143–149.

Виноградов В. В. Предмет стилистики // Виноградов В. В. Проблемы русской стилистики. М.: Высш. школа, 1981. 320 с.

Виноградов В. В. Проблема сказа в стилистике // Виноградов В. В. О языке художественной прозы: Избранные труды. М.: Наука, 1980. 360 с.

Виноградов В. С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). М.: Изд-во ин-та общ. средн. образования РАО, 2001. 224 с.

Влахов С. И., Флорин С. П. Непереводимое в переводе. М.: Междунар. отн., 1980. 343 с.

Горшков А. И. Русская стилистика: учеб. для пед. ун-тов и гуманит. вузов. М.: АСТ: Астрель, 2001. 367 с.

Комисаров В. Н. Теория перевода: учебник. М.: Высш. школа, 1990. 253 с.

Ларин Б. А. О новых лингвистических исследованиях (рецензии на две книги) // Вестник ЛГУ. 1959. № 20. С. 135–143.

Лиморенко Ю. В. Проблемы перевода фольклорных текстов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Улан-Удэ, 2007. URL: <http://cheloveknauka.com/problemy-perevoda-folklornyh-tekstov> (дата обращения: 12.01.2017).

Меренкова Д. Е. Способы передачи сказовой манеры Н. С. Лескова при переводе на английский язык: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2009. URL: <http://cheloveknauka.com/sposoby-peredachi-skazovoy-manery-n-s-leskova-s-russkogo-na-angliyskiy-yazyk> (дата обращения: 06.02.2017).

Мишланов В. А. О некоторых особенностях синтаксиса сказов Павла Бажова // Известия Уральского государственного университета. 2003. № 28. С. 69–83.

Русинова И. И. Еще раз об облике бесовском. Статья 1 (на материале мифологических рассказов Пермского края) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2010. Вып. 3(9). С. 18–25.

Томашевский Б. В. Теория литературы. Поэтика: учеб. пособие. М.: Аспект Пресс, 1999. 334 с.

Федоров А. В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы): учеб. пособие / отв. ред. Л. С. Бархударов. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Высш. школа, 1983. 330 с.

Эйхенбаум Б. М. Иллюзия сказа // Эйхенбаум Б. М. Сквозь литературу. Л.: Academia, 1924. 282 с.

Bazhov P. Malachite Casket: Tales from the Urals/ translated by Eve Manning (1950s). Moscow: Foreign Languages Publishing House, 1950. 250 p.

Newmark P. The translator as writer // Sborník prací filozofické fakulty brněnské univerzity studia minora facultatis philosophicae universitatis brunensis S 11: Brno studies in English 31, 2005. P. 95–102.

Newmark P. A Textbook of Translation. New York; London; Toronto; Sydney; Tokio: Prentice Hall, 1998. 292 p.

References

Abashev V. V. Intermedial'nye transformatsii gornoy mifologii P. P. Bazhova v romane Ol'gi Slavnikovoy «2017» [Intermedial transformations of P. P. Bazhov's mountain mythology in the novel "2017" by Olga Slavnikova]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i Zarubezhnaya Filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2014, issue 1(25), pp. 145–158. (In Russ.)

Bazhov P. P. *Malakhitovaya shkatulka* [Malachite Casket]. Moscow, Gosudarstvennoe Izdatel'stvo Khudozh. Literatura Publ., 1948. 566 p. (In Russ.)

Bazhov P. P. *Malakhitovaya shkatulka. Ural'skie skazy* [Malachite Casket. Tales from the Urals]. Sverdlovsk, Sredne-Ural'skoe Knizhnoe Izdatel'stvo Publ., 1973. 496 p. (In Russ.)

Bazhovskaya entsiklopediya [Bazhov's Encyclopedia]. Ekaterinburg, Sokrat Publ., 2007. 640 p. (In Russ.)

Bakhtin M. M. *Problemy poetiki Dostoevskogo* [Problems of Dostoevsky's poetics]. 3rd edition. Moscow, Khudozhestvennaya Literatura Publ., 1972. 470 p. (In Russ.)

Borisenko V. I. *Rossiya. Bol'shoy lingvostрановедческий slovar'. 2000 realiy istorii, kul'tury, prirody i byta* [Russia. The Large Linguocultural Dictionary]. Ed. by Yu. E. Prokhorov. Moscow, AST-Press Publ., 2009. 726 p. (In Russ.)

Brandes M. P., Provotorov V. I. *Predperevodcheskiy analiz teksta: dlya institutov i fakul'tetov inostrannykh yazykov: ucheb. posobie* [Pre-translation Text Analysis: A Textbook for Institu-

tions and Faculties of Foreign Languages]. Moscow, NVI-Tezaurus Publ., 2001. 224 p. (In Russ.)

Buzheninov A. E. *Leksiko-semanticheskie transformatsii pri perevode khudozhestvennogo teksta kak sredstvo vyavleniya osobennostey natsional'nogo mentaliteta Rossii i Frantsii (Na primere perevodov skazov P. P. Bazhova na frantsuzskiy yazyk)* [Lexical and Semantic Transformations in Translation of Literary Text as a Means of Identifying the Peculiarities of National Mentality of Russia and France (Based on translations of P. P. Bazhov's tales into French)]. *Innovatsionnaya nauka* [Innovative science]. Ufa, Aeterna Publ., issue 10, 2015, pp. 143–149. (In Russ.)

Vinogradov V. V. *Predmet stilistiki*. [The Subject of Stylistics]. Vinogradov V. V. *Problemy russkoy stilistiki* [Problems of Russian Stylistics]. Moscow, Vysshaya Shkola Publ., 1981. 320 p. (In Russ.)

Vinogradov V. V. *Problema skaza v stilistike* [The Problem of Tale in Stylistics]. Vinogradov V. V. *O yazyke khudozhestvennoy prozy: Izbrannyye Trudy* [About the Language of Fiction: Selected Works]. Moscow, Nauka Publ., 1980. 360 p. (In Russ.)

Vinogradov V. S. *Vvedenie v perevodovedenie (obshchie i leksicheskie voprosy)* [Introduction to Translation Studies (General and Lexical Issues)]. Moscow, Institute of secondary education RAO Press, 2001. 224 p. (In Russ.)

Vlakhov S. I., Florin S. P. *Neperevodimoe v perevode* [Untranslatable in Translation]. Moscow, International Relations Publishing House, 1980. 343 p. (In Russ.)

Gorshkov A. I. *Russkaya stilistika: ucheb. dlya pedagogicheskikh universitetov i gumanitarnykh vuzov*. [Russian Stylistics: A Textbook for Universities for Pedagogics and Humanities]. Moscow, AST: Astrel' Publ., 2001. 367 p. (In Russ.)

Komissarov V. N. *Teoriya perevoda: uchebnik* [Theory of Translation: a Textbook]. Moscow, Vysshaya Shkola Publ., 1990. 253 p. (In Russ.)

Larin B. A. *O novykh lingvisticheskikh issledovaniyakh (retsenzii na dve knigi)* [New Linguistic Research (reviews of two books)]. Leningrad, *Vestnik LGU* [Herald of Leningrad State University], 1959, issue 20, pp. 135–143. (In Russ.)

Limorenko Yu. V. *Problemy perevoda fol'klornykh tekstov*. Avtoreferat. diss. kand. filol. nauk. [Problems of Folklore Texts Translation. Abstract Cand. philol. sci. diss.]. Ulan-Ude, 2007. Available

at: <http://cheloveknauka.com/problemy-perevoda-folklornyh-tekstov> (accessed 12.01.2017). (In Russ.)

Merenkova D. E. *Sposoby peredachi skazovoy manery N. S. Leskova pri perevode na angliyskiy yazyk*. Avtoref. diss. kand. filol. nauk. [Methods of Rendering N. S. Leskov's storytelling manner in English translation. Abstract Cand. philol. sci. diss.]. Moscow, 2009. Available at: <http://cheloveknauka.com/sposoby-peredachi-skazovoy-manery-n-s-leskova-s-russkogo-na-angliyskiy-yazyk> (accessed 06.02.2017). (In Russ.)

Mishlanov V. A. *O nekotorykh osobennostyakh sintaksisa skazov Pavla Bazhova* [Some Features of Pavel Bazhov's Syntax]. *Izvestiya Ural'skogo Gos. Universiteta* [Izvestia of the Ural Federal University], 2003, issue 28, pp. 69–83. (In Russ.)

Rusinova I. I. *Eshche raz ob oblike besovskom (na materiale mifologicheskikh rasskazov Permskogo kraja)* [Once Again, About the Appearance of Demons (based on mythological stories of Perm Krai)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology]. 2010, issue 3(9), pp. 18–25. (In Russ.)

Tomashevskiy B. V. *Teoriya literatury. Poetika: ucheb. posobie* [Theory of Literature. Poetics: A Textbook]. Moscow, Aspekt Press Publ., 1999. 334 p. (In Russ.)

Fedorov A. V. *Osnovy obshchey teorii perevoda (lingvisticheskie problemy): Uchebnoe Posobie* [Foundations of General Translation Theory (Linguistic Problems): A Textbook]. 4th edition, revised and updated by L. S. Barkhudarov. Moscow, Vysshaya Shkola Publ., 1983. 330 p. (In Russ.)

Eikhenbaum B. M. *Illyuziya skaza* [The Illusion of the Tale]. Eikhenbaum B. M. *Skvoz' literaturu* [Through literature]. Leningrad, Academia Publ., 1924. 282 p. (In Russ.)

Bazhov Pavel *Malachite Casket: Tales From the Urals*. Transl. by Eve Manning (1950s). Moscow, Foreign Languages Publishing House, 1950. 250 p. (In Eng.)

Newmark P. *The Translator as Writer*. *Sbornik prací filozofické fakulty brněnské univerzity studia minora facultatis philosophicae universitatis brunensis S 11: Brno studies in English 31*, 2005, pp. 95–102. (In Eng.)

Newmark P. *A Textbook of Translation*. New York, London, Toronto, Sydney, Tokio, Prentice Hall, 1998. 292 p. (In Eng.)

PAVEL BAZHOV'S TALES IN THE ASPECT OF STYLISTIC PRE-TRANSLATION ANALYSIS

Elena A. Aristova

**Associate Professor in the Department of Foreign Languages, Linguistics and Translation
Perm National Research Polytechnic University**

29, Komsomolsky prospekt, Perm, 614900, Russian Federation. elena-aristova2006@yandex.ru

SPIN-code: 7305-9822

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-9326-814X>

ResearcherID: N-5161-2017

Olga V. Protopopova

**Associate Professor in the Department of Foreign Languages, Linguistics and Translation
Perm National Research Polytechnic University**

29, Komsomolsky prospekt, Perm, 614900, Russian Federation. olgprotopopova@yandex.ru

SPIN-code: 7243-0887

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-6165-6941>

ResearcherID: N-5328-2017

The research into Bazhov's tales has revealed frequent occurrence of the dialect and colloquial language, which is a deviation from the literary norm. Such deviations are caused by the author's intention to preserve the local Ural language, to make the speech of the characters more colorful and authentic, and to make the text more expressive. As a result, a translator meets certain challenges – to follow the style and preserve the specific character of the original tale, to recreate it in a foreign language in such a way that the target text could have an effect on a foreign reader similar to that produced by the source text on a native reader. It is especially difficult to convey the Russian realities of the times of the Old Urals reflected in the author's socio-cultural comments. Looking for the best solutions to these translation problems, it is necessary to rely on recommendations of reputable translation experts. The authors also give a number of recommendations for translation of such texts. The research has both theoretical and practical orientation.

The research object of the article are Pavel Bazhov's tales, the subject is the analysis of their lexical special features. The relevance of this research can be explained by the scientific interest in folklore and its language as a significant part of any culture and mentality. Bazhov's tales have been studied by Russian philologists but not so deeply in the aspect of translation into other languages.

Bazhov's collection of tales is a good example of using a living poetic language of the Ural region, with its specific phraseology and local dialect features, to create an authentic atmosphere in literary works. This causes difficulties in translating, which can be overcome by means of pre-translation stylistic analysis of texts.

Key words: genre of tales; pre-translation analysis; problem of folk tales translation; national and cultural specific character; lexical special features; translatability.

УДК 81-13
doi 10.17072/2037-6681-2017-4-16-27

ИДИОМАТИКА В ПОВСЕДНЕВНОЙ УСТНОЙ РЕЧИ (к разработке методики описания)

Наталья Викторовна Богданова-Бегларян

д. филол. н., профессор кафедры русского языка

Санкт-Петербургский государственный университет

199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 11. n.bogdanova@spbu.ru

SPIN-код: 67740937

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-7652-0358>

ResearcherID: M-9042-2013

Scopus AuthorID: 56292096800

Лю Даян

аспирант кафедры русского языка

Санкт-Петербургский государственный университет

199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 11. cristalplane@mail.ru

SPIN-код: 81444678

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-5552-7454>

ResearcherID: M-5627-2017

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Богданова-Бегларян Н. В., Лю Даян Идиоматика в повседневной устной речи (к разработке методики описания) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2017. Т. 9, вып. 4. С. 16–27. doi 10.17072/2037-6681-2017-4-16-27

Please cite this article in English as:

Bogdanova-Beglarian N. V., Liu Dayang. *Idiomatika v povsednevnoy ustnoy rechi (k razrabotke metodiki opisaniya)* [Idiomatics in Everyday Speech (Search for Methods of Description)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2017, vol. 9, issue 4, pp. 16–27. doi 10.17072/2037-6681-2017-4-16-27 (In Russ.)

В статье рассматриваются методические проблемы фразеологического описания материала повседневной русской речи, организованной в Звуковой корпус «Один речевой день» (ОРД), и предлагаются возможные варианты их решения. Идиома понимается в работе достаточно широко и приравнивается к понятию фразеологизма. Критериями идиоматичности признаются устойчивость, воспроизводимость и – с некоторыми оговорками – сверхсловность той или иной единицы, а также возможность ее замены словом-идентификатором. Последнее (в сомнительных случаях) предлагается проверять в ходе специального лингвистического эксперимента. Помимо более или менее традиционных единиц такого типа, какими являются пословицы, поговорки и прочие «словарные» (имеющие лексикографическую фиксацию, в том числе модифицированные и не обязательно литературные) идиомы-фразеологизмы, в пользовательский подкорпус материала для дальнейшего исследования предлагается включать также единицы, идиоматичность которых может вызывать сомнения: устойчивые конструкции (*такое ощущение / впечатление; с ума сошёл что ли*), формы-идиомы (*по идее, по барабану, по чесноку*), идиоматизированные междометия (*Бог / чёрт с тобой! ёлки-палки, ах ты чёрт!*), прецедентные тексты, в том числе модифицированные и иноязычные, фразеологические окказионализмы (контекстуальные модификации «словарных» идиом), а также единицы, которые могут быть результатом в равной степени как сознательной модификации (например, языковой игры), осуществленной говорящим, так и речевого сбоя, типичного в ситуации спонтанного речепорождения. Для всех таких типов идиом в статье предлагается система специальных помет: *ИдОкк, *ИдИд, *ИдКонстр, *ИдМежд, *ИдПрец, *ИдПрецМод, *ИдПрес и *Ид/РСб. Предварительные количественные данные встречаемости идиом в «речевом дне» говорящего получены на материале записей первых трех информантов ОРД.

Ключевые слова: повседневная речь; звуковой корпус; идиома; фразеологический окказионализм; модифицированная идиома; методика описания.

1. Введение

Идиома (от др.-греч. *ιδίωμα* – ‘особенность, своеобразие’) была и всегда будет актуальным объектом лингвистического исследования. При всем разнообразии толкований этого термина наиболее общим можно считать сближение его с понятием *фразеологизма* в достаточно широком понимании – как оборота речи, который употребляется как некое целое, не подлежит дальнейшему разложению и значение которого не выводится из значений входящих в него слов (см., например: [Ахманова 1966; Кунин 1996]). Вслед за В. В. Виноградовым (см., например: [Виноградов 1986]) основными свойствами идиомы в таком понимании следует признать ее *воспроизводимость, устойчивость и сверхсловность*. Под *идиоматикой*, соответственно, понимается учение об идиомах, а также совокупность идиом конкретного языка. Именно в таком понимании используются данные термины в настоящем исследовании. На основании тех же признаков к идиоматике можно отнести, по видимому, и такие единицы, как *пословицы* и *поговорки* (это сомнению практически не подлежит), а также *прецедентные тексты*, которые часто употребляются в речи на правах пословиц и поговорок (см. об этом ниже – п. 3.1.3).

В статье предлагаются подходы к описанию корпусного материала устной речи с точки зрения представленности в нем идиоматических единиц разного типа: пословиц (*кто не работает, тот не ест*), поговорок (*попасть под раздачу, поставить на поток*), фразеологизмов-идиом, как «словарных», т. е. имеющих лексикографическую фиксацию, хотя и не обязательно литературных (*борьба за место под солнцем, вешать лапшу на уши*), так и «несловарных» – контекстуальных, или окказиональных (*ни в коей жизни, всяка дурка в бошку, на халяву и хлорка творог*), и проч. Обращение к корпусному материалу выявляет множество проблем, с которыми связано такое описание. В статье предлагается не только перечень таких проблем, которые возникли уже при попытке создать пользовательский подкорпус материала для анализа, но и некоторые способы их решения, т. е. возможная методика анализа устного дискурса на уровне идиоматики.

2. Источник материала исследования

Источником *материала* для настоящего исследования стал Звуковой корпус повседневной русской речи «Один речевой день» (далее – ОРД), фиксирующий максимально естественную повседневную речь носителей русского языка («речь с диктофоном на шее»)¹. Корпус ОРД создается на филологическом факультете СПбГУ с 2007 г. и к настоящему времени характеризуется

следующими количественными показателями: более 1250 часов звучания, 130 информантов (69 мужчин и 61 женщина, 17–83 года), более 1000 их собеседников-коммуникантов (3–85 лет), более 1 млн словоформ в расшифровках (транскриптах) (подробнее об ОРД см., например: [Asinovsky et al. 2009; Богданова-Бегларян и др. 2015, 2017; Русский язык повседневного общения... 2016]). Объемность и разнообразие корпусного материала, естественность и максимальная спонтанность речи, в которой носители языка используют разные типы устойчивых сочетаний, часто порождают новые идиомы (*гуляющая итатная единица, определить в хлам* и др.) или модифицируют старые (*воду полить, кладезь юмора* и др.), – все это и легло в основу выбора именно звукового корпуса для анализа особенностей функционирования идиом в устной речи.

Перед лицом такого «идиоматического разнообразия» встает вопрос о принципах отбора материала, о способах его систематизации и описания и мн. др. Эти вопросы и рассматриваются в настоящей статье.

3. Методические проблемы отбора материала и его описания

Рассмотрим последовательно все те проблемы, которые с неизбежностью встают перед исследователем при попытке описать идиоматику русской устной повседневной (прежде всего и по преимуществу – разговорной) речи. Постараемся в данном разделе не только поставить вопросы, но и найти на них более или менее приемлемые ответы, т. е. предложить конкретную методику фразеологического описания такого сложного, неоднородного и диффузного материала, каким является устная спонтанная речь, ср.: «современная разговорная речь по ее лексико-фразеологическому составу отличается от той разговорной речи, которая описана в работах Е. А. Земской и О. Б. Сиротининой» [Крысин 2008: 111]: она неоднородна и диффузна по составу и включает в себя как единицы, традиционно маркируемые пометой *разг.* (разговорное) в лексикографических источниках, так и те единицы, которые имеют просторечное или жаргонное происхождение, однако широко употребляются носителями русского литературного языка. Много таких единиц и на уровне идиоматики.

3.1. Принципы отбора материала

Первым вопросом, встающим перед исследователем, является сам *принцип отбора материала*: что считать идиомой и, следовательно, включать в выборку для дальнейшего анализа, а что не включать и, соответственно, не исследовать. Рассмотрим подробнее все конкретные возникшие перед нами вопросы.

3.1.1. Модифицированная идиома или речевой сбой?

Важной проблемой, которую пришлось решать при отборе материала для исследования, является разграничение известной, «словарной», но модифицированной в конкретном употреблении идиомы и элементарного *речевого сбоя*, в результате которого и родилась эта единица, ср.:

- (1) *я готов убр... убрать свои наза... да слова назад*
 // # здесь / скажу / у меня вот на работе был такой (...) @ угу / @ националист².

Во фрагменте (1) представлена вполне кодифицированная идиома *брать/взять <свои> слова/слово обратно/назад*³ в значении ‘отказываться/отказаться от обещанного, сказанного’ [Фразеологический словарь... 1968: 47], в которой наблюдается замена глагольной формы *брать* на *убрать*. Можно было бы говорить в данном случае о разговорной модификации этого известного выражения, если бы не масса других примет спонтанности речи, присутствующих в данном контексте: обрывы слов (*убр... наза...*) с их повтором (контактным (on-line): *убр... убрать* – или дистантным (off-line): *наза... да слова назад*)⁴, а также наличие метакоммуникатива *да*, с помощью которого говорящий как бы подтверждает сам для себя, что, кажется, правильно вспомнил и хоть и не с первой попытки употребил это выражение⁵. Что перед нами? Ошибочное употребление идиомы, порожденное речевым сбоем, или все же разговорная ее модификация? Думается, что правильным решением будет не искать на этот вопрос единственно правильный ответ (какого при анализе устной спонтанной речи почти никогда и не может быть), а учитывать при отборе все такого рода единицы и включать их в пользовательский подкорпус для дальнейшего исследования, но, например, маркировать определенным образом (скажем, **Ид/РСб – идиома/речевой сбой*) и снабжать в ходе описания специальным лингвистическим комментарием. Не исключено, что доля таких единиц в повседневной речи окажется достаточно большой, что, несомненно, добавит существенный нюанс к описанию ее специфики. Важно, что при анализе письменной речи такой вопрос не мог бы даже возникнуть.

3.1.2. Идиома или просто частотная комбинация слов?

Достаточно много в нашей устной речи вполне устойчивых лексических последовательностей, или *конструкций*, которые отличаются высокой употребительностью, узнаваемостью, воспроизводимостью и повторяемостью в речи разных говорящих, ср.: «РР (разговорная речь. – Авт.) – это языковая система, для которой в высшей степени характерно стремление к ис-

пользованию готовых единиц, всякого рода готовых конструкций, что объясняется автоматизмом протекания речевого акта. Говорящий, находясь в условиях непринужденного неподготовленного общения, стремится упростить и облегчить свое “речевое поведение”, поэтому он легко и часто прибегает к готовым языковым формулам, в том числе всякого рода клише, шаблонам, стереотипам» [Земская и др. 1981: 6]. Такими готовыми формулами можно признать многие единицы из нашего материала, ср.: *с ума сошёл / спятил / дурной что ли; серьезно / правда что ли; не видишь / слышишь что ли; знаешь как / кто / что...; такое впечатление / ощущение, что...; (тут) такое дело; (что-нибудь) в таком духе* и под. Идиоматичность подобных конструкций⁶ хорошо ощущается носителями языка, но можно ли причислить их к идиомам? Представляется, что на первом этапе исследования, в ходе подготовки пользовательского подкорпуса материала, их следует учитывать – например, с пометой **ИдКонстр* (*идиоматизированная конструкция*). В дальнейшем наличие и степень идиоматичности подобных единиц можно проверить в ходе лингвистического эксперимента, организовав своеобразную проверку фразеологизма *словом-идентификатором* (см. о важности данного критерия: [Балли 1955; Виноградов 1986]).

Но в устной речи есть и другие конструкции, также весьма распространенные, обладающие «и цельностью, и повторяемостью, и воспроизводимостью, и элементами грамматического значения, и несомненным планом выражения», но практически утратившие свое лексическое, а порой и грамматическое значение, на смену которому пришло прагматическое, дискурсивно-функциональное (*функция* в дискурсе): это конструкции *хезитативные, дискурсивные* (стартовые, направляющие / навигационные или финальные), *поисковые, рефлексивные, метакоммуникативные, аппроксимативные* и проч. (см. о них подробнее: [Богданова-Бегларян 2014]): *это самое, как его (её, их), как это, скажем так, не знаю, ну знаешь, и все дела, пятое-десятое* и под. Подобные единицы, как представляется, несмотря на множество признаков, сближающих их с идиомами, все же должны остаться за рамками предполагаемого анализа речевого материала. Их логичнее описывать в терминах *прагматем*, а не идиом (о понятии *прагматемы* и типологии прагматем русской устной речи см.: [там же]).

3.1.3. Идиома ли прецедентный текст?

Столь же проблематичным можно считать и разграничение идиом и *прецедентных текстов*, под которыми понимаются «осознанные или неосознанные, точные или преобразованные цита-

ты или иного рода отсылки к более или менее известным ранее произведенным текстам» [Костомаров, Бурвикова 1996: 297]. В корпусном материале таких примеров оказалось достаточно много, ср.:

- (2) *там как-то через Нортон Коммандер нужно заходить я помню что (...) / искать вот этот номер там // @ *Н *П # так-то всё где-то написано / # зачем ? он там же // *П # ну смотря какая Лингво ещё // *П там везде по-разному // *П у меня десятая / *П была шестая // *П # у Майкла есть // *П # ну у Майкла **всё есть** / *П **как в Греции** [цитата из «Свадьбы» А. П. Чехова (1889 г.); используется как шутивное обозначение наличия, доступности чего-либо нужного, дефицитного и т. п.];*
- (3) *ты хочешь кофе ? *П **их есть у меня** !* [строка из одесской песни, начинающейся словами: *Вы хотите песен? – Их есть у меня!* И пародирующей известный романс Саши Макарова «Вы просите песен, их нет у меня» (1912 г.)];
- (4) *а для чего на кораблях брёвна ? @ можно... // можно здесь остановиться / например // *П их строили (...) из досочек / *П а не из железячек // *П в некоторые (...) **времена** (...) **не столь отдалённые*** [модификация известного выражения *места не столь отдалённые* из «Уложения о наказаниях» дореволюционной России, по которому ссылка делилась на две степени: в *отдалённые* и *не столь отдалённые места* Сибири. В современном языке употребляется *иронически* и *эффемистически*: о тюрьме, исправительном учреждении, поселении где-либо по приговору суда и т. д. Иногда – в переносном смысле, применительно к поездке куда-либо (Серов 2017)] или даже – *шутивно* – о новых городских кварталах или о школьном туалете (Максимов 2002: 244–245)];
- (5) *сейчас буду уже собираться // *П // # отлично // *П отлично / *П хорошо пришёл // *П // # да(:) // *П **ты удачно пришёл** // *П // # ну ладно / скачивай у меня !* [несколько измененный прецедентный текст *Это я удачно зашёл* – цитата из к/ф «Иван Васильевич меняет профессию» (1973 г.)].

Считать ли подобные единицы идиомами? Учитывать ли при анализе? Снова думается, что – по крайней мере, на этапе создания самого пользовательского подкорпуса материала – лучше считать, учитывать и также снабжать специальным маркером: например, **ИдПрец* (идиома – прецедентный текст) – для контекстов типа (2)–(3), употребленных без всяких изменений, и **ИдПрецМод* (идиома – прецедентный модифицированный текст) – для контекстов типа (4)–(5), в которых прецедентные тексты подверглись каким-то изменениям. Представляется, что в обоих случаях в ходе описания подобного материала снова необходим соответствующий лингвистический комментарий. Данные о распространенности подобных единиц в повседневной устной речи также расширят наши представления о специфике такой речи.

Встречаются подобные прецедентные фрагменты и в качестве иноязычных вкраплений в русский устный текст:

- (6) *(а-э) русские корабли с русскими моряками и русскими адмиралами могут *В по примеру Юлия Цезаря / **veni vedi vici** / прийти увидеть победить* [с лат. – *Пришёл, увидел, победил* – слова, которыми, как сообщает Плутарх в своих «Изречениях царей и полководцев», Юлий Цезарь в 47 г. до н. э. уведомил своего друга Аминция в Риме о победе, быстро одержанной им при Зеле над Фарнаком, сыном Митридата];
- (7) *мне говорят / *С канал Грибоедова // *П я говорю / а где Пряжка ? а он / психушка ? # *Н **Please / tell me! why !*** [название песни английской рок-группы «The Beatles», написанной Джоном Ленноном в 1964 г.].

Вероятно, и такие единицы стоит учитывать при нашем анализе и маркировать так же, как и на русском материале, только в латинице: **IdPrec* (идиома – иноязычный прецедентный текст).

Сложнее обстоит дело в тех случаях, когда использование прецедентного текста превращается в затяжную языковую игру, в которую включаются оба собеседника, ср. (напомним, что знак # в расшифровках означает смену говорящих):

- (8) *но... но самое забавное / как я её* [информацию о местонахождении какого-то объекта в ходе проводимой говорящим экскурсии] *дала своим друзьям // *П **вот это дом** // *П и тут я понимаю / что я больше никакой информации не помню об этом // *П # **который построил Джек** // # **это дом** / в нём живёт много людей // *П @ так / а мы не туда пошли @ **а это синица** // *П # ну // *П # **которая // лихо ворует пшеницу** // *П **в доме / который построил Джек*** [строки из стихотворения А. Милна в переводе С. Маршака];
- (9) *военный патруль до сих пор тут ? # да ? *П (:)* *эй... # ... их затопливает // *Н находится / ... **на ихуне ! @ *Н // *С *П # **Верещагин / уходи с баркаса !***** [цитата из к/ф «Белое солнце пустыни» (1970 г.)];
- (10) *нет / они отрезали всё что можно было (э-э) ... @ ага / @ до # до () **до основания / а затем / *С а () затем ! # а затем всё пришли мне*** [строка из «Интернационала»; автор текста – Эжен Потье (1871 г.), русский перевод А. Я. Коца (1902 г.)].

Такого рода фрагменты трудно представить в материале как одну цельную единицу, так же как, например, случаи цитирования больших фрагментов песен или стихотворений (такого материала в ОРД тоже много⁷), поэтому трудно отнести и к классу идиом.

В качестве критерия идиоматичности прецедентного текста можно предложить возможность замены подобного фрагмента *словом-идентификатором*, а в случае сомнений провести весь такой спорный материал через лингвистический эксперимент.

3.1.4. Идиома или предложно-падежная словоформа?

Вопрос об идиоматичности / неидиоматичности *предложно-падежных сочетаний* давно и широко обсуждается в отечественной лингвистике. И таких примеров в материале настоящего исследования тоже достаточно много, ср.:

- (11) условия тяжёлые были / это говорит о том / что подбираются кадры очень хорошие / и сразу без **никаких** начинают / и срабатываются;
 (12) ну / хотя вот в последний раз / **по идее** / вообще никто не лажал практически / хорошо танцевали;
 (13) страну / кстати / **по барабану** можно ставить / да не / ну наверное / надо Израиль поставить;
 (14) но самое прикольное то @ что теперь **по ходу** я буду в курсе всего / что происходит в инсте.

Против признания таких единиц идиомами высказывался, например, Н. М. Шанский, ссылаясь на их одноударность, что свойственно слову в отличие от фразеологизма, ср.: «Поскольку в подобных образованиях (предложно-падежных формах. – Авт.) всего одно ударение, они не могут быть интерпретированы и как фразеологизмы: в них нет фонетической расчлененности, свойственной фразеологическим сращениям. Это обычные слова, лишь раздельно написанные», «кроме раздельного написания, слова типа *до упаду* ничем не отличаются от “классических” слов, входящих в разряд наречий» [Шанский 1996: 31–32]. Однако большинство исследователей придерживается иной точки зрения, согласно которой устойчивые предложно-падежные сочетания рассматриваются в рамках фразеологических единиц, см.: [Ройзензон 1961; Лекант 1965; Куклина 2006, Тимошенко 2010 и др.]. П. А. Лекант предложил называть такие «устойчивые предложно-субстантивные формы» *формами-идиомами* [Лекант 1965: 42] на том основании, что «в них нельзя выделить элементы значения, внесенные предлогом и существительным. Предлог не может быть определен и как формальное слово, как носитель грамматического значения. Всем этим формы-идиомы отличаются от соответствующих свободных сочетаний предлога с существительным» [там же: 43].

В настоящей работе принимается именно эта точка зрения и формы-идиомы включаются в пользовательский подкорпус для дальнейшего исследования – с пометой ***Фид** (*форма-идиома*). В случае сомнений в степени идиоматичности таких единиц также возможно проведение лингвистического эксперимента.

3.1.5. Идиоматичность междометных конструкций

Еще одна группа единиц, требующих принятия решения об их идиоматичности, – это различные междометные конструкции: *Бог / чёрт /*

хрен (его) знает, ни хрена себе! Боже мой! ёлки-палки, ух ты! и под.:

- (15) *например(?) если я даю в долг / я всегда(:) расстаюсь с деньгами например ... @ сразу / чтобы ... вдруг не отдадут // @ я / морально / @ угу // @ от... отдаю / # прикольно // # я (... э) рассчитываю сейчас / что я отдаю // а потом когда мне приходит долг / так **оппа** // @ ага // @ **ни хрена себе** // типа о / кру... круто // мне ещё плюс деньги пришли // я на них не рассчитывал;*
 (16) **Боже мой** / где эта Мексика / где Бразилия;
 (17) *вообще вз... () такая () сл... сложная история у меня с этим здоровьем и с этим курением / вообще **чёрт его знает!***

Думается, подобные единицы – в отличие от одиночных типа *о* или *оппа* из контекста (15) – стоит включать в материал исследования как идиоматизированные междометия и снабжать соответствующей пометой: например, ***ИдМежд** (*идиоматизированное междометие*). Такими единицами материал ОРД богат чрезвычайно.

3.2. Поиск единиц для анализа

Отдельную проблему представляет собой сам процесс *поиска единиц описания* в корпусном материале. Использование маркера IDIOM, что выводит на автоматизированный поиск, возможно только на ограниченном материале сбалансированного, аннотированного на всех уровнях подкорпуса ОРД объемом в 125 000 словоупотреблений (подкорпус содержит речь 100 информантов и 154 коммуникантов, мужчин и женщин трех возрастных групп, принадлежащих к различным профессиональным и статусным группам) (подробнее об этом пилотном исследовании на материале ОРД см.: [Русский язык повседневного общения... 2016])⁸.

Более точным представляется метод *сплошной выборки*, что весьма затруднительно осуществить сразу на всем корпусном материале. Поэтому в настоящем исследовании предлагается для начала провести отбор идиом на материале речи (транскриптов) небольшого количества информантов, что позволит получить общее представление о материале: разнообразие типов идиом, встречающихся в повседневной коммуникации, соотношение количества использованных говорящим устойчивых выражений, с одной стороны, и времени звучания речевого отрезка, а также количества слов в этом фрагменте – с другой (см. разд. 4).

В перспективе возможно также сделать выборку материала из речи нескольких групп информантов для учета в ходе анализа, например, их гендера, возраста, уровня речевой компетенции и других параметров, которые сбалансированы в корпусе ОРД.

4. Конкретный материал исследования

В настоящей статье такое пилотное исследование разговорной идиоматики проведено на материале речи трех первых информантов из корпуса ОРД (И1, И2, И3) и их коммуникантов⁹ (см. табл. 1)¹⁰.

Из табл. 1 видно, что первые три информанта из числа участников проекта ОРД оказались практически одинаковыми по возрасту, статусу и

образованию, но все же принадлежат к разным профессиональным группам. Думается, что некоторое представление об их речи на уровне идиоматики получить все же удастся, а в дальнейшем эта группа непременно будет расширена и сбалансирована. Пока же нам важно разработать саму методику задуманного исследования.

Приведем далее количественные данные записей этих трех информантов (см. табл. 2).

Таблица 1 / Table 1

Метаданные информантов / Metadata of informants

Метаданные инф.	И1	И2	И3
Пол	Ж	М	Ж
Возраст	33	32	33
Место рождения	Санкт-Петербург		
Образование	Высшее	Незаконченное высшее	Высшее
Квалификация по диплому	Экскурсовод	Инженер	
Профессия (род деятельности)	Няня, репетитор	Работает на производстве	Маркетинг, руководитель отдела
Дополнительные сведения	Владеет английским и немецким языками	Владеет английским и украинским языками; в СПб живет 15 лет	
Профессиональная группа	ГУМ ¹¹	ИНЖ	ОФ
Статусная группа	СП ¹²	СП	РУК
Возрастная группа	Средн.	Средн.	Средн.

Таблица 2 / Table 2

Количественные данные записей информантов / Quantitative data of informant entries

№ инф.	№ звукового файла	Время звучания (мин: сек)	Объем фрагмента в словах ¹³	Кол-во идиом (употреблений)	Кол-во идиом на объем «речевого дня» в словах (%)	Кол-во идиом на минуту записи
И1	1	35:23	5 285	44	0,83	1,24
	2	14:54	1 979	6	0,3	0,40
	3	4:07	788	–	–	–
	4	26:48	4 213	14	0,33	0,52
	5	11:26	2 399	5	0,21	0,43
Всего		91:58	14 664	69	0,47	0,75
И2	1	23:02	2 855	9	0,32	0,39
Всего		23:02	2 855	9	0,32	0,39
И3	4	13:03	2 852	22	0,77	1,69
	9	05:39	832	2	0,24	0,36
	10	06:37	1 334	9	0,67	1,38
	11	11:24	2 353	8	0,34	0,70
Всего		36:03	7 371	41	0,56	1,14

Из табл. 2 видно, что средняя доля разного типа идиом на объем текстового фрагмента в словах составляет 0,2–0,3 % (ср. 0,19 % в целом по аннотированному подкорпусу ОРД: см. примеч. 9), хотя в отдельных случаях возрастает до 0,7–0,8 %. Количество идиом (напомним, в широком их понимании) на минуту звучания варьирует от нуля (файл 3 в записи И1) до 1,69 (файл 4

в записи И3, когда говорящие употребляют чуть ли не до двух идиом в минуту). Любопытно было бы в ходе исследования фиксировать специфику коммуникативных ситуаций (тематика разговора, характеристики говорящих и отношения между ними, место общения и т. д.), в которых уровень идиоматичности используемых лексических средств особенно высок.

5. Выводы

Если формулировать выводы из приведенных рассуждений как некоторые методические рекомендации для анализа (на корпусном материале) идиоматики повседневной русской речи, то следует, вероятно, прежде всего говорить о необходимости выработки четких *критериев отбора материала*. Идиомой должна быть признана *речевая* (не *условно-речевая!*)¹⁴ единица, которая обладает признаками воспроизводимости, устойчивости и отчасти сверхсловности (за исключением форм-идиом типа *по ходу, по сути, по чесноку*). Дополнительным критерием идиоматичности можно считать способность такой единицы заменяться *словом-идентификатором*, что в случае необходимости устанавливается в ходе лингвистического эксперимента.

С учетом всех рассмотренных сложностей отбора единиц для дальнейшего анализа в пользовательский подкорпус материала должны войти, конечно, традиционные и не вызывающие сомнений пословицы, поговорки и «словарные» фразеологизмы-идиомы (своеобразное *ядро сематического поля идиоматики русской разговорной речи*). В случае выявления «несловарных» (контекстуальных) модификаций этих единиц можно говорить о *фразеологических окказионализмах* и использовать при анализе помету **ИдОкк* (*окказиональные идиомы*). Этот пласт материала можно квалифицировать как *ближнюю периферию* сематического поля идиоматики русской разговорной речи.

Кроме того, в подкорпус (и тоже, по-видимому, в пласт ближней периферии) для анализа должны быть включены также *формы-идиомы* (**ФИд*), *идиоматизированные конструкции* (**ИдКонстр.*) и *междометия* (**ИдМежд.*), *прецедентные тексты* на любом языке (**ИдПрец.*, **ИдПрецМод* и **ИдПрец*), представляющие собой цельную единицу и также способные заменяться *словом-идентификатором* (что в случае необходимости снова можно проверить в ходе лингвистического эксперимента).

С пометой **Ид/РСб* могут войти в этот подкорпус такие модифицированные идиомы, в отношении которых нет уверенности, что эта модификация сознательно осуществлена говорящим, а не вызвана речевым сбоем, т. е. специфической спонтанного речепорождения (пласт *дальней периферии* сематического поля идиоматики русской разговорной речи).

Первые наблюдения над корпусным материалом позволяют предположить, что зона идиоматической периферии, особенно ближней, в устной спонтанной речи значительно шире зоны ядра. Объем дальней периферии в соотношении

с ближней еще только предстоит установить в ходе исследования.

Не исключено, впрочем, что конкретный анализ корпусного материала выявит необходимость создания еще каких-то помет типа предложенных выше и расширит зону периферии, как ближней, так и дальней.

Не входят в число идиом *вводные конструкции* разного типа (*грубо говоря, к слову сказать* и под. по той простой причине, что являются, так же как прагматы, не *речевыми*, а *условно-речевыми* функциональными единицами устного дискурса), а также те разговорные словосочетания, специфика которых обеспечивается не идиоматичностью всей единицы, а лишь изменением значения входящих в нее слов (*подсесть на сало, наворачивать бутерброды один за другим* и под.).

Поиск единиц для анализа должен проводиться методом *сплошной выборки* с фиксацией времени звучания и объема в словах каждого речевого фрагмента. В дальнейшем это позволит не только создать достаточно полную типологию идиом устной речи, но и установить зависимость появления идиоматических единиц разного типа от характеристик как говорящих, так и всей коммуникативной ситуации.

Предварительные количественные данные, полученные в ходе пилотного исследования «речевых дней» трех первых информантов ОРД, позволяют заключить, что средняя доля идиом в их речи – 0,2–0,3 %, что соответствует общим показателям по корпусу ОРД. В отдельных разговорах (коммуникативных ситуациях) эта доля возрастает до 0,7–0,8 %. За минуту разговора говорящий (вместе со своими собеседниками) способен употребить до 1,69 идиом.

Важно отметить и еще одну особенность проведенного пилотного исследования, которая дополнительно усиливает степень условности получаемых данных: речь информанта и его коммуникантов в течение «речевого дня» пока не дифференцируется. Иными словами, полученные количественные характеристики относятся не к речи конкретного говорящего, а к коммуникативному акту в целом. Вероятно, в дальнейшем целесообразно ввести в таблицу еще и метаданные всех коммуникантов (в рамках корпуса ОРД это вполне возможно), что позволит получить информацию о специфике (на уровне идиоматики) разных типов повседневного общения (макро-, микро- и мини-эпизодов «речевого дня») (подробнее о дискретности «речевого дня» говорящего на «коммуникативной шкале» см.: [Sherstinova 2015b; Русский язык повседневного общения... 2016]).

Еще одно необходимое замечание: многие из методических трудностей описания, которые обсуждаются в настоящей статье, связаны именно с устным характером материала и попросту не могут возникнуть при анализе материала письменной речи.

Можно предположить, что лингвистический анализ созданного таким образом пользовательского подкорпуса материала устной повседневной речи позволит увидеть еще одну грань такой речи, а также откроет много других возможностей фразеологического исследования речевого материала.

Примечания

¹ Т. Г. Винокур считает, что устная речь должна фиксироваться именно «на магнитофонном уровне достоверности» [Винокур 1988: 47] и только в таком виде становиться предметом лингвистического анализа. Ср. также: «Лингвисты обычно делают утверждения о тех или иных языковых фактах, основываясь на данных письменного языка, предполагая, что это утверждения о языке вообще. Это совершенно неоправданно: истинность любого такого утверждения должна непосредственно проверяться на устном материале» [Кибрик, Подлеская 2009: 25].

² Знак # в расшифровках (здесь и далее в примерах) означает смену говорящих; знак @ – наложение их речи; *П, (), (...), ... – паузы разной длительности и различного характера; знак *Н – неразборчивый фрагмент; *В – вдох, *С – смех. Подробнее о специальных обозначениях в транскриптах ОРД см.: [Шерстинова и др. 2009; Русский язык повседневного общения... 2016: 242–243].

³ Нельзя не отметить, что уже и в кодифицированном виде данная идиома отличается существенной структурной вариативностью, затрагивающей все ее компоненты.

⁴ О двух типах стратегии, используемой говорящим в ходе преодоления речевого сбоя, – мгновенной (on-line) и дистантной, отложенной на некоторое время (off-line), – см., например: [Подлеская, Кибрик 2005].

⁵ Подробнее о таком употреблении *партикулы*, или «блуждающей частицы» (термины Т. М. Николаевой [Николаева 2008: 266–269]), да см., например: [Звуковой корпус... 2013: 161–162; Шершнева 2015]. Эта функция *да* является атрибутом именно устной спонтанной речи.

⁶ В таком понимании *конструкция* сближается с соответствующим термином из *Грамматики конструкций (CxG)* Ч. Филлмора [Fillmore 1965]. Основным положением этой теории является тезис о том, что практически вся языковая деятельность говорящего, за редкими исключения-

ми, состоит из конструкций [Рахилина 2010], что хорошо подтверждается анализом корпусного материала русской устной речи.

⁷ Так, например, на основе анализа материала ОРД удалось выделить группу «поющих участников» – информантов, в речи которых присутствуют эпизоды бытового пения. Такие примеры нельзя однозначно отнести к цитированию, эти речевые фрагменты требуют более тщательного изучения. Т. Ю. Шерстинова, автор этого исследования, называет данное явление *singing behavior* (см.: [Sherstinova 2015a]).

⁸ В ходе этого пилотного исследования было, в частности, установлено, что идиомы (IDIOM; в подкорпусе их 0,19 % общего объема в словах) в наибольшем количестве присутствуют в речи групп БИЗ (бизнесмены и предприниматели) (0,58 %), ТВОР (творческая интеллигенция) (0,56 %) и РАБ (рабочие) (0,40 %). Впрочем, принципы выделения идиом в корпусном материале в ходе пилотного аннотирования не прорабатывались так тщательно, как предлагается в настоящем исследовании, поэтому полученные данные можно принять лишь в самом первом приближении.

⁹ На этом (пилотном) этапе исследования речь информанта и его коммуникантов в течение «речевого дня» не дифференцируется.

¹⁰ В таблице приведено только то, что информант сам зафиксировал в социологической анкете, которую заполнял в день записи. Как показали наблюдения над материалом ОРД, в ходе такого анкетирования было получено не более 70 % данных об участниках эксперимента. Многие графы анкет говорящие оставляли незаполненными – это неизбежное следствие массовых опросов.

¹¹ ГУМ – носители языка с гуманитарным образованием и сферой деятельности, ИНЖ – инженеры, ОФ – офисные работники. Подробнее о профессиональных группах информантов в корпусе ОРД см.: [Русский язык повседневного общения... 2016].

¹² СП – носители языка из группы специалистов, РУК – руководители. Подробнее о статусных группах информантов в корпусе ОРД см.: [там же].

¹³ Объем фрагмента в словах подсчитывался автоматически, поэтому в него попали и все знаки расшифровки – следовательно, эти данные надо воспринимать в значительной степени как условные, хотя и дающие все же представление о частоте встречаемости идиом разного типа в нашей устной речи. Говоря о доле идиом на объем текста в словах, надо также понимать, что сами идиоматические единицы, как правило, неоднословны, но принимаются нами за цельную единицу каждая. Это еще усиливает степень

условности полученных данных, хотя и не снижает их ценности для фразеологического (идиоматического) описания устной речи.

¹⁴ Данное противопоставление базируется на классификации функциональных единиц устного дискурса, в которой выделяют (1) *речевые*, полнозначные, элементы звуковой цепи, передающие основное содержание текста; (2) *прагматические условно-речевые* единицы, характеризующиеся высокой употребительностью и повторяемостью в речи разных говорящих, помогающие структурировать текст, но не связанные напрямую с его содержанием (служебные, вводные слова и прагматемы), а также (3) *неречевые* элементы, невербальные заполнители пауз – хезитации (колебания говорящего) (э-э, м-м, а-а и под.). В основу этой классификации положена концепция, разработанная авторами семантического словаря, см.: [Русский семантический словарь 1998]. Подробнее о трех этих типах единиц см.: [Куканова 2009: 173–177; Звуковой корпус... 2013].

Список литературы

Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: Сов. энциклопедия, 1966. 608 с.

Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М.: Изд-во иностр. лит., 1955. 416 с.

Богданова-Бегларян Н. В. Прагматемы в устной повседневной речи: определение понятия и общая типология // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2014. Вып. 3(27). С. 7–20.

Богданова-Бегларян Н. В., Асиновский А. С., Блинова О. В., Маркасова Е. В., Рыко А. И., Шерстинова Т. Ю. Звуковой корпус русского языка: новая методология анализа устной речи // Язык и метод: Русский язык в лингвистических исследованиях XXI века. Вып. 2 / ред. Д. Шумска, К. Озга. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2015. С. 357–372.

Богданова-Бегларян Н. В., Шерстинова Т. Ю., Блинова О. В., Мартыненко Г. Я. Корпус «Один речевой день» в исследованиях социолингвистической вариативности русской разговорной речи // Анализ разговорной русской речи (АР³-2017): труды седьмого междисциплинарного семинара / науч. ред. Д. А. Кочаров, П. А. Скрелин. СПб.: Политехника-принт, 2017. С. 14–20.

Виноградов В. В. Русский язык: Грамматическое учение о слове. Изд. 3-е, испр. М.: Высш. школа, 1986. 640 с.

Винокур Т. Г. Устная речь и стилистические свойства высказывания // Разновидности городской устной речи: сб. науч. тр. / ред. Д. Н. Шмелев, Е. А. Земская. М.: Наука, 1988. С. 44–84.

Звуковой корпус как материал для анализа русской речи. Ч. 1: Чтение. Пересказ. Описание / отв. ред. Н. В. Богданова-Бегларян. СПб.: Филол. ф-т СПбГУ, 2013. 536 с.

Земская Е. А. Китайгородская М. В. Ширяев Е. Н. Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М.: Наука, 1981. 276 с.

Кибрик А. А., Подлеская В. И. (ред.) Рассказы о сновидениях. Корпусное исследование устного русского дискурса. М.: Языки слав. культур, 2009. 736 с.

Крысин Л. П. Некоторые принципы словарного описания русской разговорной речи (Постановка задачи) // Русский язык в научном освещении. 2008. № 2 (16). С. 110–118.

Куканова В. В. Лингвистический анализ репродуцированных текстов (на материале звукового корпуса русской речи юристов): дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2009. 224 с.

Куikliна И. Н. Явления фразеологизации и дефразеологизации в языке современной прессы: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2006. 18 с.

Кунин А. В. Курс фразеологии современного английского языка. М.: Высш. школа; Дубна: Феникс, 1996. 381 с.

Лекант П. А. К вопросу о формах-идиомах в русском языке // Проблемы фразеологии и задачи ее изучения в высшей и средней школе. Вологда: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1965. С. 41–43.

Максимов Б. Б. *Фильтруй базар*: словарь молодежного жаргона города Магнитогорска. Магнитогорск: МаГУ, 2002. 506 с.

Николаева Т. М. Непарадигматическая лингвистика: История «блуждающих частиц». М.: Языки слав. культур, 2008. 376 с.

Подлеская В. И., Кибрик А. А. Коррекция сбоев в устной спонтанной речи: опыт корпусного исследования // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: труды международной конференции «Диалог'05» / под ред. И. М. Кобозевой, А. С. Нариньяни, В. П. Селегея. М.: РГГУ, 2005. URL: // <http://www.dialog-21.ru/media/2416/podlesskaya-kibrik.pdf> (2005) (дата обращения: 11.09.2017).

Рахилина Е. В. Лингвистика конструкций. М.: Изд. центр «Азбуковник», 2010. 584 с.

Ройзензон Л. И. Фразеологизация как лингвистическое явление // Труды СамГУ им. А. Навои. 1961. № 119. С. 101–119.

Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / под общ. ред. Н. Ю. Шведовой. Т. 1: Слова указующие: местоимения. Слова именуемые: имена существительные (*Всё живое. Земля. Космос*). М.: Азбуковник, 1998, 807 с.

- Русский язык повседневного общения: особенности функционирования в разных социальных группах / отв. ред. Н. В. Богданова-Бегларян. СПб.: ЛАЙКА, 2016. 244 с.*
- Серов В.* Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений. URL: <http://www.bibliotekar.ru/encSlov/12/53.htm> (2017) (дата обращения: 12.09.2017).
- Тимошенко И. В.* Формы-идиомы: семантика и употребление: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2010. 18 с.
- Фразеологический словарь русского языка.* Изд. 2-е, стер. / сост. Л. А. Войнова, В. П. Жуков, А. И. Молотков, А. И. Федоров / под ред. А. И. Молоткова. М.: Сов. энциклопедия, 1968. 544 с.
- Шанский Н. М.* Фразеология современного русского языка. СПб.: Спец. лит., 1996. 192 с.
- Шерстинова Т. Ю., Рыко А. И., Степанова С. Б.* Система аннотирования в звуковом корпусе русского языка «Один речевой день» // Формальные методы анализа речи: материалы XXXVIII Междунар. филол. конф. (16–20 марта 2009 г.). СПб.: Ф-т филологии и искусств СПбГУ, 2009. С. 66–75.
- Шершнева Д. М.* Да как лексическая и функциональная единица русской речи // *Studia Slavica XVIII*. Таллин, 2015. С. 270–278.
- Asinovsky, A., Bogdanova, N., Rusakova, M., Ryko, A., Stepanova, S., Sherstinova, T.* The ORD Speech Corpus of Russian Everyday Communication “One Speaker’s Day”: Creation Principles and Annotation / Matoušek, V., Mautner, P. (eds.) TSD 2009. LNAI, vol. 57292009. Berlin-Heidelberg: Springer, 2009. P. 250–257.
- Fillmore, Ch.* Indirect Object Constructions in English and the Ordering of Transformations. The Hague: Mouton & CO, 1965. 54 p.
- Sherstinova, T.* Some Observations on Everyday Singing Behavior Based on Long-Term Audio Recordings // *Language, Music and Computing (LMAC-2015)*, Communications in Computer and Information Science, CCIS, vol. 561 / Eismont, P., Konstantinova, N. (eds.). Springer International Publishing Switzerland, 2015a. P. 88–100.
- Sherstinova, T.* Macro Episodes of Russian Everyday Oral Communication: Towards Pragmatic Annotation of the ORD Speech Corpus / Ronzhin, A. et al. (eds.) SPECOM 2015 // *Lecture Notes in Artificial Intelligence*, LNAI, vol. 9319. Springer International Publishing, Switzerland, 2015b. P. 268–276.
- References**
- Akhmanova O. S.* *Slovar’ lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of Linguistic Terms]. Moscow, Sovetskaya Entsiklopedia Publ., 1966. 608 p. (In Russ.)
- Bally Ch.* *Obshchaya lingvistika i voprosy frantsuzskogo yazyka* [General Linguistics and Issues of the French Language]. Moscow, Inostrannaya Literatura Publ., 1955. 416 p. (In Russ.)
- Bogdanova-Beglarian N. V.* Pragmatemy v ustnoy povsednevnoy rechi: opredelenie ponyatiya i obshchaya tipologiya [Pragmatic Items in Everyday Speech: Definition of the Concept and General Typology]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology]. 2014, issue 3(27), pp. 7–20. (In Russ.)
- Bogdanova-Beglarian N. V., Asinovsky, A. S., Blinova O. V., Markasova E. V., Ryko A. I., Sherstinova T. Yu.* *Zvukovoy korpus russkogo yazyka: novaya metodologiya analiza ustnoy rechi* [Speech Corpus of the Russian Language: a New Methodology for Analyzing Oral Speech]. *Yazyk i metod: russkiy yazyk v lingvisticheskikh issledovaniyakh 21 veka. Vyp. 2* [Language and Method: The Russian Language in the Linguistic Studies of the 21st Century. Issue 2]. Ed. by D. Shumska, K. Ozga. Cracow, 2015, pp. 357–372. (In Russ.)
- Bogdanova-Beglarian N. V., Sherstinova T. Yu., Blinova O. V., Martynenko G. Ya.* *Korpus «Odin rechevoy den’» v issledovaniyakh sotsiolingvisticheskoy variativnosti russkoy razgovornoy rechi* [Corpus “One Speaker’s Day” in Studies of Sociolinguistic Variability of Russian Colloquial Speech]. *Analiz razgovornoy rechi (AR³-2017): trudy sed’mogo mezhdisciplinarnogo seminarara* [Analysis of Spoken Russian Speech (AR³-2017): Proceedings of the 7th Interdisciplinary Seminar]. Ed. by D. A. Kocharov, P. A. Skrelin. St. Petersburg, Politehnika-Print Publ., 2017, pp. 14–20. (In Russ.)
- Vinogradov V. V.* *Russkiy yazyk: Grammaticheskoe uchenie o slove* [Russian language: Grammatical Doctrine on the Word]. Moscow, Vysshaya Shkola Publ., 1986. 640 p. (In Russ.)
- Vinokur T. G.* *Ustnaya rech’ i stilisticheskie svoystva vyskazyvaniya* [Oral Speech and Stylistic Properties of the Language]. *Raznovidnosti gorodskoy ustnoy rechi. Sbornik nauchnykh trudov* [Varieties of Urban Oral Speech. Collection of Scientific Works]. Ed. by D. N. Shmelev, E. A. Zemskaya. Moscow, Nauka Publ., 1988, pp. 44–84. (In Russ.)
- Zvukovoy korpus kak material dlya analiza russkoy rechi. Kollektivnaya monografiya. Chast’ I. Chtenie. Pereskaz. Opisaniye* [Speech Corpus as a Base for Analysis of Russian Speech. Collective Monograph. Part 1. Reading. Retelling. Description]. Ed. by N. V. Bogdanova-Beglarian. St. Petersburg, SPbU Press, 2013. 532 p. (In Russ.)
- Zemskaya E. A., Kitaigorodskaya M. V., Shiryayev E. N.* *Russkaya razgovornaya rech’. Obshchie voprosy. Slovoobrazovanie. Sintaksis* [Russian Col-

- loquial Speech. General Issues. Word Formation. Syntax]. Moscow, Nauka Publ., 1981. 276 p. (In Russ.)
- Rasskazy o snovideniyakh. Korpusnoe issledovanie ustnogo russkogo diskursa [Night Dream Stories: A Corpus Study of Spoken Russian Discourse]. Ed. by A. A. Kibrik, V. I. Podlesskaya. Moscow, LRC Publishing House, 2009. 736 p. (In Russ.)
- Krysin L. P. Nekotorye printsypy slovarnogo opisaniya russkoy razgovornoy rechi (Postanovka zadachi) [Some Principles of Making a Russian Colloquial Speech Dictionary (Setting the Problem)]. *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii* [Russian Language and Linguistic Theory]. 2008, issue 2(16), pp. 110–118. (In Russ.)
- Kukanova V. V. *Lingvisticheskiy analiz reproduktivnykh tekstov (na materiale zvukovogo korpusa russkoy rechi yuristov)*. Diss. kand. filol. nauk [Linguistic Analysis of Reproduced Texts (Based on Russian Speech Corpus of Lawyers). Cand. philol. sci. diss.]. St. Petersburg, 2009, 224 p. (manuscript). (In Russ.)
- Kuklina I. N. *Yavleniya frazeologizatsii i defrazeologizatsii v yazyke sovremennoy pressy*. Avtoreferat diss. dokt. filol. nauk [The Phenomenon of Phraseologization and Dephraseologization in the Modern Press Language. Abstract of Dr. philol. sci. diss.]. Moscow, 2006. 18 p. (In Russ.)
- Kunin A. V. *Kurs frazeologii sovremennogo angliyskogo yazyka* [Phraseology Course of the Modern English Language]. Moscow, Dubna Publ., 1996. 381 p. (In Russ.)
- Lekant P. A. K voprosu o formakh-idiomakh v russkom yazyke [To the issue of Forms-Idioms in the Russian language]. *Problems of Phraseology and Objectives of its Study in Higher and Secondary School*. Vologda, Severo-zapadnoe izdatel'stvo Publ., 1965, pp. 41–43. (In Russ.)
- Maksimov B. B. *Fil'truy bazar: slovar' molo-d'ozhnogo slenga goroda Magnitogorska* [Watch your mouth: Youth Slang Dictionary of Magnitogorsk city]. Magnitogorsk, MaSU Press, 2002. 506 p. (In Russ.)
- Nikolaeva T. M. *Neparadigmatischeckaya lingvistika: Istoriya «bluzhdayushchikh chastits»* [Non-paradigmatic Linguistics: History of “Wandering Particles”]. Moscow, LRC Publishing House, 2008. 376 p. (In Russ.)
- Podlesskaya V. I., Kibrik A. A. Korrektsiya sboev v ustnoy spontannoy rechi: opyt korpusnogo issledovaniya [Correction of Failures in Spontaneous Verbal Speech: Experience of Corpus Research]. *Kompyuternaya lingvistika I intellektual'nye tekhnologii. Trudy mezhdunarodnoy konferentsii «Dialog'05»* [Computational Linguistics and Intellectual Technologies: Proceedings of International Conference «Dialogue'05»]. Moscow, Russian State University for the Humanities Press, 2005. Available at: <http://www.dialog-21.ru/media/2416/podlesskaya-kibrik.pdf>. (In Russ.)
- Rakhilina E. V. *Ligvistika konstruksiy* [Linguistics of Constructions]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2010. 584 p. (In Russ.)
- Roizenon L. I. *Frazeologizatsiya kak lingvisticheskoe yavlenie* [Phraseologization as a Linguistic Phenomenon]. *Trudy SamGU im. A. Navoi* [Proceedings of Samara State University]. 1961, issue 119, pp. 101–119. (In Russ.)
- Russkiy semanticheskiy slovar'. Tolkovyy slovar', sistematizirovanny po klassam slov i znacheniy. Tom 1. Slova ukazuyushchie: mestoimeniya. Slova imenyushchie: imena sushchestvitel'nye (Vse zhyvoe. Zemlya. Kosmos)* [The Russian Semantic Dictionary. Explanatory Dictionary, Systematized in Classes of Words and Meanings. Vol. 1. Words Indicating: Pronouns. Words Nominating: Nouns (All of life. Earth. Space)]. Ed. by N. Yu. Shvedova. Moscow, Azbukovnik Publ., 1998. 807 p. (In Russ.)
- Russkiy yazyk povsednevnogo obshcheniya: osobennosti funktsionirovaniya v raznykh sotsial'nykh gruppakh* [Everyday Russian Language: Functional Features in Different Social Groups. Collective Monograph]. Ed. by N. V. Bogdanova-Beglarian. St. Petersburg, Laika Publ., 2016. 244 p. (In Russ.)
- Serov V. *Entsyklopedicheskiy slovar' krylatykh slov i vyrazheniy* [Encyclopedic Dictionary of catchwords and phrases]. Available at: <http://www.bibliotekar.ru/encSlov/12/53.htm> (2017). (In Russ.)
- Timoshenko I. V. *Formy-idiomy: semantika i upotreblenie*. Avtoreferat diss. dokt. filol. nauk [Forms-Idioms: Semantics and Use. Abstract of Dr. philol. sci. diss.]. Moscow, 2010. 18 p. (In Russ.)
- Frazeologicheskiy slovar' russkogo yazyka* [Russian Phraseological Dictionary]. Ed. by A. I. Molotkov. Moscow, Sovetskaya Entsiklopedia Publ., 1968. 544 p. (In Russ.)
- Shanskiy N. M. *Frazeologiya sovremennogo russkogo yazyka* [Modern Russian Phraseology]. St. Petersburg, Spetsial'naya Literatura Publ., 1996. 192 p. (In Russ.)
- Sherstinova T. Yu., Ryko A. I., Stepanova S. B. *Sistema annotirovaniya v zvukovom korpusе russkogo yazyka «Odin rechevoy den'»* [The System of Annotation in the Speech Corpus of the Russian Language “One Speaker’s Day”]. *Formal'nye metody analiza rechi. Materialy XXXVIII Mezhdunarodnoy filologicheskoy konferentsii* [Formal Methods for Speech Analysis. Proceedings of the XXXVIII International Philological Conference]. St. Petersburg, SPbU Publ., 2009, pp. 66–75. (In Russ.)
- Shershneva D. M. *Da kak leksicheskaya i funktsional'naya edinita russkoy rechi* [Yes as Lexical and Functional Unit of Russian Speech]. *Studia Slavica XVIII*. Tallinn, 2015, pp. 270–278. (In Eng.)

Asinovsky A., Bogdanova N., Rusakova M., Ryko A., Stepanova S., Sherstinova T. The ORD Speech Corpus of Russian Everyday Communication “One Speaker’s Day”: Creation Principles and Annotation. Ed. by V. Matoušek, P. Mautner. *TSD 2009. LNAI, vol. 57292009*. Berlin-Heidelberg, 2009, pp. 250–257. (In Eng.)

Fillmore Ch. *Indirect Object Constructions in English and the Ordering of Transformations*. The Hague, 1965. 54 p. (In Eng.)

Sherstinova T. Some Observations on Everyday Singing Behavior Based on Long-Term Audio Re-

cordings. *Language, Music and Computing (LMAC-2015), Communications in Computer and Information Science, CCIS, vol. 561*. Ed. by P. Eismont, N. Konstantinova. Switzerland, Springer International Publishing, 2015a, pp. 88–100. (In Eng.)

Sherstinova T. Macro Episodes of Russian Everyday Oral Communication: Towards Pragmatic Annotation of the ORD Speech Corpus. *Lecture Notes in Artificial Intelligence, LNAI, vol. 9319. SPECOM 2015*. Ed. by A. Ronzhin et al. Switzerland, Springer International Publishing, 2015b, pp. 268–276. (In Eng.)

IDIOMATICS IN EVERYDAY SPEECH (Search for Methods of Description)

Natalia V. Bogdanova-Beglarian

Professor in the Department of Russian Language

Saint Petersburg State University

11, Universitetskaya naberezhnaya, St. Petersburg, 199034, Russian Federation. n.bogdanova@spbu.ru

SPIN-code: 67740937

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-7652-0358>

ResearcherID: M-9042-2013

Scopus AuthorID: 56292096800

Liu Dayang

Postgraduate Student in the Department of Russian Language

Saint Petersburg State University

11, Universitetskaya naberezhnaya, St. Petersburg, 199034, Russian Federation. cristalplane@mail.ru

SPIN-code: 81444678

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-5552-7454>

ResearcherID: M-5627-2017

The article considers problems of methods of description of phraseological units of Russian everyday speech arranged in the Speech corpus “One Speaker’s Day” (ORD), and suggests possible solutions to these problems. The idiom is understood quite widely as an equivalent to the notion “phraseologism”. Criteria of idiomatity are recognized to include stability, reproducibility, and – with some reservations – compound character and possibility to replace an idiom by a *word-indicator*. The last one is requested (in doubtful cases) to be checked in the course of a special linguistic experiment. In addition to the more or less conventional units of this type, i. e. proverbs, sayings and other “dictionary” idioms-phraseologisms (with lexicographic fixation, including the modified and not necessarily literary units), it is proposed to enrich the user’s corpus data for further research with units, whose idiomatity may cause doubt, such as stable constructions (*takoe oshchushchenie / vpechatlenie; s uma soshol chto li*), forms-idioms (*po idee, po barabanu, po chesnoku*), idiom-like interjections (*Bog / chort s toboj! jolki-palki, akh ty chort!*), precedent texts, including modified and in foreign languages, phraseological occasionalisms (contextual modifications of “dictionary” idioms), as well as units that can result both from conscious modification (e. g., language games) accomplished by a speaker and from speech shifts that are typical in the situation of spontaneous speech. For all these types of idioms the article suggests a special system of labels: **IdOkk*, **FId*, **IdKonstr*, **IdMezhd*, **IdPrec*, **IdPrecMod* and **IdRSb*. Preliminary quantitative data of idioms occurrence in “a speaker’s day” are obtained on the basis of records of the first three informants of ORD.

Key words: colloquial speech; speech corpus; idiom; phraseological occasionalism; modified idiom; methods of description.

УДК 81'42: 659: 656.1
doi 10.17072/2037-6681-2017-4-28-35

НАЦИОНАЛЬНАЯ САМОБЫТНОСТЬ В ЗЕРКАЛЕ ЯЗЫКОВЫХ СТЕРЕОТИПОВ

Наталья Васильевна Данилевская

д. филол. н., профессор кафедры русского языка и стилистики

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15. danil6@mail.ru

SPIN-код: 8925-1833

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-9727-3782>

ResearcherID: H-4798-2017

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Данилевская Н. В. Национальная самобытность в зеркале языковых стереотипов // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2017. Т. 9, вып. 4. С. 28–35. doi 10.17072/2037-6681-2017-4-28-35

Please cite this article in English as:

Danilevskaya N. V. Natsional'naya samobytnost' v zerkale yazykovykh stereotipov [National Identity in the Mirror of Linguistic Stereotypes]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2017, vol. 9, issue 4, pp. 28–35. doi 10.17072/2037-6681-2017-4-28-35 (In Russ.)

Статья посвящена анализу особенностей отражения в сознании представителей разных национальностей одних и тех же фактов действительности, а именно специфике восприятия русскими и китайцами такого артефакта, как автомобиль. При этом специальное внимание уделяется проблеме сохранения языковой самобытности того или иного народа в условиях глобализации, в связи с чем рассматриваются некоторые причины роста процессов языковой унификации на современном этапе развития русского языка – американизация общественного сознания, мировая глобализация, массовизация современной русской культуры и др. Проблема национальной самобытности анализируется сквозь призму языковой реализации автомобильных предпочтений русских и китайцев в текстах рекламных слоганов. Исходной исследовательской позицией автора является убежденность в том, что изучение своеобразия картин мира разных народов посредством выявления составляющих эти картины этнических языковых стереотипов может способствовать усилению положительных тенденций в военно-политической динамике противостояния двух полюсов цивилизации – западного и восточного. Концептуальные положения подтверждаются кратким обзором военно-политической ситуации в России. Утверждается, что включение культурологического аспекта в методику обучения иностранцев русскому языку будет способствовать необходимому сегодня созидательному процессу на пути к преодолению холодной войны между Россией и Западом, включая Америку. Анализ проводится на основе дискурсивного, семантического, сопоставительного методов с привлечением социолингвистического эксперимента. В результате доказывается тезис о том, что гуманитарные науки, в том числе лингвистика и культурология, способны, наравне с другими науками, противостоять угрозам холодной войны, объединяя разные народы на основе культурно-исторических знаний друг о друге.

Ключевые слова: культурология; глобализация; картина мира; языковой стереотип; межкультурное взаимодействие; национальная самобытность; русский язык как иностранный.

Постановка проблемы. Обострившееся в последнее время военно-политическое противостояние двух глобальных систем мироустройства – условно говоря, западной, включающей в свой состав Америку, и, условно говоря, восточной, включающей в свой состав Россию, – бросает вызовы и сложившемуся в течение многих веков

поступательного развития культурному миропорядку. На смену прежнему идеологическому противоборству пришло соперничество новых центров силы: противостояние этносов, религий и цивилизаций.

По мнению многих политологов, «военно-политическая обстановка в мире складывается

под воздействием набирающего силу сложного и противоречивого процесса глобализации международных политических и экономических отношений и характеризуется высокой динамичностью, повышенной нестабильностью, ростом напряженности в целом ряде регионов, обострением существующих и возникновением новых кризисных ситуаций» [Иванов 2013]. Нестабильность в отношениях двух глобальных систем особенно возросла после негативных событий на Украине в 2014 г., когда, взорвав привычное положение дел в этом регионе, западные силы создали условия для новых конфликтов экономического, геополитического, военного, а также этнического характера.

Вместе с тем процессы глобализации охватывают не только военно-политическую сферу социума, но и сферу духовно-нравственную, изменяя ее ничуть не меньше, чем политику или экономику. Мы становимся свидетелями того, как ужесточается конкуренция не только за металлы, нефть и газ, но прежде всего за человеческие ресурсы, за интеллект (см. подробнее: [Военно-политическая обстановка...]). И в этом духовно-нравственном, или культурном, своем противостоянии два мировых полюса решают разные задачи: западный вектор направлен на нивелирование, сглаживание национальной специфики того или иного народа, его самобытности, вплоть до полного ее устранения (так называемая американизация или европеизация / прозападничество); восточный же вектор сосредоточен на попытках сохранить национальную самобытность, не позволить ей раствориться в западно-американских ценностях. К сожалению, в этой борьбе у восточного блока пока немного успехов.

Обратимся к мнению Н. И. Клушиной о масовизации современной русской культуры, что, по мнению исследователя, ведет к формированию особого современного национального стиля как «глобалистского *поп-стиля* (наднационального, точнее – антинационального), отражающего и фиксирующего массовую культуру глобального постиндустриального общества потребления, не знающего национальных границ и формирующего вкусы *среднего* “цивилизованного” человека (не космополита, не гражданина Мира), а конвейерной личности, потребителя массовой культуры, с идеологией, модой, разрушающей национальные границы» [Клушина 2012: 23. Выделено автором. – Н. Д.].

Иными словами, военно-политическое противостояние осложняется противоборством этнокультурного характера. Этот новый вызов нового времени вынуждает гуманитариев России ставить перед собою специфические задачи, связанные с сохранением национальной самобытности

и национального языка, и искать пути их решения. Не случайно в марте 2016 г. Русская православная церковь (РПЦ) учредила и возглавила Общество русской словесности, задачей которого является «консолидация усилий ученых, педагогов, деятелей культуры, широкой общественности для сохранения ведущей роли литературы и русского языка в воспитании подрастающего поколения, укрепления единого культурно-образовательного пространства, развития лучших традиций отечественного гуманитарного образования, культурно-просветительской деятельности» [Итоговая резолюция расширенного заседания Патриаршего совета по культуре от 09.03.2016].

Далеко не последнюю роль в этой сложной работе могут и должны сыграть лингвисты, культурологи, литературоведы – все, чья деятельность непосредственно связана с русским словом, русской мыслью, русской картиной мира и ее сохранением.

История вопроса. Процессы глобализации, усиливающие центробежные силы в рамках однополярного мира, одновременно порождают и стимулируют развитие противоположных процессов – взаимопроникновение культур, их переплетение, вплоть до частичного совмещения веками отдельно существовавших разных картин мира. Этот объективно развивающийся «тектонический сдвиг» культур и народов потребовал от лингвистов и культурологов активизации исследований проблем межкультурной коммуникации, в связи с чем в последние годы среди гуманитариев возрос интерес к анализу «острых углов», возникающих в рамках межнационального взаимодействия, а также к поиску способов их сглаживания. Вставшие перед современным миром проблемы *созидательной связи* и *взаимодействия* людей с разными языками и культурами породили всплеск научных исследований в области лингвокультурологии и межкультурной коммуникации (см. подробно: [Алефиренко 2012; Вань Нин 2015; Данилевская 2015; Межкультурная коммуникация... 2011; Сэпир 2001; Ху Сяосюэ 2013; Чой Су Ен 2009 и др.]).

Исходя из всего сказанного, **теоретическую значимость** настоящего исследования мы видим в уточнении знаний культурологического характера, а именно в уточнении представлений об особенностях картин мира русских и китайцев, в поиске путей гармонизации межкультурной коммуникации, а также в подтверждении важности и необходимости изучения специфики восприятия разными народами окружающей действительности, особенно в эпоху роста межнациональной напряженности. Выявление и описание типичных, стереотипных этнических представле-

ний о чем-либо способствует, на наш взгляд, осмыслению особенностей идентичности, уточнению тонкостей и своеобразия реакций того или иного народа на глобальные проблемы – социальные, экономические, военно-политические и др.

С точки зрения **практической значимости** результаты исследования могут быть полезны преподавателям РКИ и других иностранных языков, студентам-гуманитариям, а также всем, кто интересуется вопросами культурологии.

Сегодня уже нет необходимости доказывать важность гуманитарного разрешения межнациональных конфликтов: миру, перенасыщенному оружием разных типов и систем, до сих пор удается уходить от глобальной войны во многом благодаря Слову, его способности возводить коммуникативные мосты, сглаживать противоречия между государствами, актуализировать простые нравственные ценности, в том числе ценности самой жизни.

Небезынтересно в связи с этим мнение известного культуролога С. Г. Тер-Минасовой о том, что «...слова связывают людей, объединяют их через общение. Без общения нет общества, без общества нет человека социального, нет человека культурного, человека разумного, homo sapiens» [Тер-Минасова 2008: 11]. По мнению ученого, «Его Величество Общение (или Ее Величество Коммуникация) правит людьми, их жизнью, их развитием, их поведением, их познанием мира и самих себя как части этого мира. И всякая попытка осмыслить коммуникацию между людьми, понять, что ей мешает и что способствует, важна и оправданна, так как общение – это столп, стержень, основа существования человека» [там же]. Особенно необходимо изучение феномена национальной идентичности сейчас, «когда смешение народов, языков, культур достигло невиданного размаха и как никогда остро встала проблема *воспитания терпимости к чужим культурам*, пробуждения интереса и уважения к ним, преодоления в себе чувства раздражения от избыточности, недостаточности или просто непохожести других культур» [там же. Выделено автором. – Н. Д].

Задача гармонизации межнациональных отношений – одна из центральных сегодня в международной и внутренней политике руководства России. Решается эта задача разными способами и на разных уровнях. Большую роль в решении вопросов межнационального общения играют учителя и преподаватели русского языка. Однако сохранить уникальные черты разных наций в условиях глобального мира – задача сложная, многогранная. Она не может быть решена быстро и легко. К тому же здесь появляется такая проблема, как «в борьбе за свое родное не уще-

мить чужое». Но в любом случае лингвокультурологии здесь принадлежит одна из ведущих ролей, ибо прежде всего через язык мы познаем себя в мире и мир в себе.

Задачи и методика анализа. В этой ситуации безусловно важной и актуальной становится проблема изучения и описания общего (совпадающего) и, напротив, самобытного (отличительного) в культуре разных народов – фактов «культурного совпадения или несовпадения» представителей разных наций. Выявление и описание тонкостей национальной идентичности способствует сглаживанию противоречивого по своей природе и сложного процесса культурного взаимодействия, а также предотвращению конфликтных ситуаций, которые неизбежно возможны во время переживания разными народами одного (общего) исторического события – глобализации.

Известно, что самоидентичность того или иного народа выражается в разных сферах его жизнедеятельности: политике, экономике, науке, искусстве, культуре, быте и других сферах, вплоть до письменности, особенностей кулинарии, медицины, системы образования, предпочтений в типе одежды, косметики и мн. др. Однако для лингвиста областью поиска фактов самоидентичности является язык нации, в котором отражаются особенности вербализации мышления, чувств, представлений, стереотипов поведения и др. Язык нации – это один из наиболее ярких и значимых способов ее самосознания и самовыражения. Это также один из наиболее мощных инструментов межнациональной связи, а значит, один из инструментов гармонизации процессов глобализации.

Исследовательская часть. В настоящей статье предпринимается попытка рассмотреть вопрос о значимости культурной информации в рамках межнационального общения на примере сопоставительного анализа автомобильных предпочтений русских и китайских автолюбителей. Такой анализ способен выявить зоны культурного совпадения и несовпадения между русскими и китайцами в рамках автомобильного дискурса, что в целом, как кажется, уточнит наши представления друг о друге.

В основе наших размышлений лежит понятие *стереотипа*, под которым в литературе понимается «схематический, стандартизированный образ или представление о социальном явлении или объекте, обычно эмоционально окрашенные и обладающие устойчивостью. Выражает привычное отношение человека к какому-либо явлению, сложившееся под влиянием социальных условий и предшествующего опыта» [там же: 171]. Представленный в настоящей статье анализ

разноязычных рекламных текстов (русских и китайских автомобильных слоганов) требует уточнения термина *стереотип* посредством его сопоставления, во-первых, с языковым, во-вторых, с культурологическим аспектом исследования, в результате чего можно говорить о том, что исходным термином наших размышлений является термин *этнический языковой стереотип*. Именно своеобразие этнических языковых стереотипов, формирующих русскую и китайскую картины мира, есть инструмент выявления и описания зон культурного совпадения и несовпадения между этими народами в рамках автомобильного дискурса.

Нами было опрошено 200 респондентов: по 100 человек с русской и китайской стороны. При этом мы придерживались гендерного паритета, поэтому в каждую сотню вошли по 50 мужчин и 50 женщин. Средний возраст опрошенных составил 25–35 лет (в целом в опросе участвовали люди от 17 до 50 лет); социальное положение респондентов разное – это студенты, рабочие, служащие (гос- и офис-служащие, работники бюджетной сферы), предприниматели, домохозяйки.

Респондентам были предложены анкеты с двумя одинаковыми вопросами: 1. Какими качествами, по вашему мнению, должен обладать хороший автомобиль? 2. Сведения о чем вас привлекают прежде всего в автомобильной рекламе?

Эти вопросы выявили зоны совпадения и зоны несовпадения в оценке автомобиля и его важнейших качеств русскими и китайцами. Представляется, что полученные результаты не просто демонстрируют разное отношение русских и китайцев к автомобилю, но и высвечивают особенности их картин мира, разное отношение к жизни.

Среди ответов на первый вопрос в *русских анкетах* преобладают следующие ответы: 1-е место – *комфорт*; 2-е место – *разгон с места*

до 100 км / мощность двигателя / скорость (динамичность); 3-е место – *надежность, выносливость*. *Китайские анкеты* демонстрируют иные представления о важнейших качествах автомобиля: 1-е место – *безопасность*; 2-е место – *дизайн («стильный вид»)*; 3-е место – *комфорт*. Таким образом, приоритетными качествами автомобиля *для русских* являются комфорт, мощность и надежность, *для китайцев* – безопасность, внешний вид (эстетика оформления) и комфорт.

Как видно, зоной совпадения в русских и китайских представлениях об основных качествах автомобиля является такой этнический стереотип, как *комфорт*, причем для русских – это первое требование к автомобилю, для китайцев оно лишь на третьем месте среди важнейших. По всем же остальным качествам представления опрошенных о хорошем автомобиле не совпадают: для русских важны его *мощность* и *надежность* (= выносливость), для китайцев – *безопасность на дороге* (= прочность стали и стекол) и *внешний дизайн*.

Выявленная разница в автомобильных приоритетах двух народов представляется вполне естественной, поскольку у китайцев и русских разная автомобильная история, разный жизненный опыт в обладании машинами и в их эксплуатации. В России долгое время не было хороших автомобилей, поэтому для русского водителя *комфорт* и *надежность* составляют ядро ценностей автомобиля. То же можно сказать о мощности автомобиля (она на 2-м месте): в России мало хороших дорог, а зимой много снега – без автомобиля с мощным мотором можно проехать далеко не везде, даже в пределах городского ландшафта.

Обобщим результаты ответов на первый вопрос в табл. 1:

Таблица 1 / Table 1

Качества «хорошего автомобиля» с точки зрения русских и китайцев
Characteristics of a “good car” in the opinion of the Russians and Chinese

Ответы русских респондентов		Ответы китайских респондентов	
Качество автомобиля	Приоритетность	Качество автомобиля	Приоритетность
Комфорт	I	Безопасность	I
Разгон с места до 100 км / мощность двигателя / скорость (динамичность)	II	Дизайн («стильный вид»)	II
Надежность, выносливость	III	Комфорт	III

Интересно распределились оценки качества хорошего автомобиля в зависимости от гендерных характеристик респондентов. Так, среди *русских автолюбителей-мужчин* важнейшими оказались такие качества, как *комфорт*, *мощность двигателя* и *надежность, выносливость*;

среди *автолюбителей-женщин* наиболее предпочтительными названы *мощность двигателя* и *комфорт*, затем *внешний дизайн* и далее *надежность, выносливость*. Если учесть, что перечисленные качества расположены по степени убывания их важности, то становится очевидным,

что русские мужчины как знающие цену комфорту и надежности машины не задумываются, в отличие от женщин, над ее внешним дизайном (хотя в нашем материале есть и мужские ответы, в которых внешний дизайн поставлен на первое место. Но таких ответов очень немного и они находятся на периферии общей статистики).

Для *китайских автолюбителей-мужчин* в число важнейших качеств входят (по степени убывания важности) *безопасность* автомобиля, его *внешний (стильный) дизайн, комфорт в управлении; китайские автолюбители-женщины* называют *внешний (стильный) дизайн, безопасность, комфорт в управлении*. Как видим, с китайской точки зрения, ценности автомобиля не меняются в зависимости от гендерных характеристик его потребителей. Меняется лишь сте-

пень их значимости: для мужчин важнее всего *безопасность*, для женщин – *внешний вид*, тогда как *комфорт* и у тех и у других на надежном третьем месте.

Ответы на второй вопрос анкеты (Сведения о чем вас привлекают прежде всего в автомобильной рекламе?) выявили несколько иную картину.

В *русских анкетах* 1-е место разделили сведения о *цене и технических характеристиках машины*; 2-е место занимает информация о *мощности двигателя*; на 3-м месте – *комфорт салона*. В *китайских анкетах* на 1-м месте такое качество, как *безопасность*, на 2-м месте – *экономичность расхода топлива*, 3-ю позицию занимают сведения о *технических характеристиках автомобиля* (см. табл. 2):

Таблица 2 / Table 2

Важнейшая рекламная информация об автомобиле с точки зрения русских и китайцев
The most important advertising information about a car in the opinion of the Russians and Chinese

Ответы русских респондентов		Ответы китайских респондентов	
Важнейшая рекламная информация	Приоритетность	Важнейшая рекламная информация	Приоритетность
Цена и технические характеристики машины	I	Безопасность	I
Мощности двигателя	II	Экономичность расхода топлива	II
Комфорт салона	III	Технические характеристики машины	III

Такие данные свидетельствуют о том, что текст рекламного сообщения русский потребитель начинает рассматривать с цены товара и его технических характеристик; немаловажным для него оказывается и комфортное оформление салона, но это, как показывает материал, уже дело третье. Иное восприятие рекламного сообщения у китайского потребителя: не задумываясь о цене, он интересуется прежде всего безопасностью и экономичностью машины, которые позволяют ему уже более или менее спокойно воспринять сведения о технических особенностях предлагаемого товара, а также о его цене.

В ответах на второй вопрос так же, как и в ответах на первый вопрос, можно отметить некоторые особенности, связанные с гендерными характеристиками респондентов.

Так, например, для *русских мужчин* наиболее значимой оказывается информация о *цене* автомобиля (1-е место) и его *мощности* (2-е место), а уж затем его *марка* (3-е место); для *русских женщин* более приоритетной оказывается информация о *мощности* (1-е место), затем сведения об *удобстве и комфорте* (2-е место), на последнем же месте стоит вопрос о *цене и надежности* автомобиля. Подобный расклад «голосов» объясняется, видимо, тем, что русские мужчины почти полностью – покупатели автомобиля (ср. место

вопроса о цене в их анкетах), тогда как женщины почти полностью только пользователи (ср. место вопроса о цене автомобиля в их анкетах).

Китайские мужчины выделяют в информации об автомобиле прежде всего сведения об *экономичности расхода топлива* (1-е место), затем о *безопасности* (2-е место) и уже в третью очередь о *технических характеристиках*; китайские женщины сведения о *безопасности* ставят на 1-е место, сведения об *экономичности* – на 2-е, а уже затем обращают внимание на *технические характеристики* рекламируемого автомобиля. Как видно, китайские женщины единодушны со своими мужчинами, ибо ценность рекламных сведений для них одинакова, меняется местами лишь экономичность с безопасностью, уходя с первого места у мужчин на второе у женщин.

Таким образом, приоритетными качествами автомобиля для русских являются комфорт, мощность и надежность, для китайцев – безопасность, внешний вид (эстетика оформления) и комфорт. Эти различия формируют *зону несовпадения* в национальных автомобильных приоритетах русских и китайцев. *Зоной совпадения* же является *комфорт* автомобиля, причем для русских – это первое требование к автомобилю, для китайцев оно лишь на третьем месте среди важнейших. По всем остальным качествам пред-

ставления опрошенных о хорошем автомобиле не совпадают: для русских важны его *мощность* и *надежность* (= выносливость), для китайцев – *безопасность на дороге* (= прочность стали и стекол) и *внешний дизайн*.

Завершая анализ, отметим: наш социолингвистический эксперимент показал, что отношение к автомобилю у русских и китайских автолюбителей неодинаковое; среди сведений об автомобиле русские и китайцы выделяют в качестве ценностных разные качества, демонстрируя тем самым самобытные, этнически предопределенные приоритеты. Здесь действительно многое зависит от особенностей менталитета – культурных и бытовых традиций, социально-экономических особенностей жизни, прошлых и настоящих исторических событий, влияющих на картину мира носителей того или иного языка. В результате эмоционально-психическое восприятие одного и того же артефакта, обнаруживая *зоны культурного несовпадения*, приводит к неодинаковым, а часто и к противоположным физическим или материальным реакциям/действиям со стороны представителей разных национальностей. Поэтому, например, всякое рекламное сообщение фирмы-производителя или фирмы-продавца, которые выходят на международное торговое пространство, должно непременно учитывать особенности национального мировосприятия своего адресата, ибо то, что жизненно необходимо для русского, – для китайца вторично. И наоборот. Это убедительно демонстрирует проведенный нами анализ русских и китайских автомобильных ценностей.

Вопрос о соотношении этнических языковых стереотипов и, следовательно, психоэмоциональных предпочтений оказывается весьма значимым в условиях обучения иностранных граждан в российских вузах, а также русскоговорящих, обучающихся иностранным языкам. Когда иностранные студенты не только учатся в одних стенах, но и живут в одних общежитиях с представителями других наций, вполне вероятны конфликты и противоречия на национальной почве. Предотвратить подобные ситуации можно только с помощью воспитания, выстроенного на основе культурологических знаний, информации об особенностях национальной картины мира разных народов. Эти знания, на наш взгляд, совершенно необходимы в разнонациональной аудитории, поскольку способны служить основой непротиворечивой, неконфликтной коммуникации, когда учет национальной самобытности может оказаться ключом к более точному определению стратегии и тактики взаимодействия с «друзьями» и более адекватному прогнозированию индивидуальной или социальной (общественной) реакции на те или иные события.

Происходящие сегодня в мире кардинальные изменения в геополитической, социально-экономической, духовно-нравственной сферах сделали проблему обеспечения национальной безопасности Российской Федерации особенно острой. Потенциальная военная опасность и реальные военные угрозы для России имеют чрезвычайно разнообразные формы. Попытки нашей политической элиты поставить на первый план «общечеловеческие ценности», представить страну в окружении «союзников» и «друзей» успехом не увенчались, но привели к ослаблению позиций России в мире и сокращению сфер ее влияния (см. подробнее: [Основные угрозы военной безопасности...]).

Однако в последние годы ситуация, благодаря целенаправленным и настойчивым действиям правительства, меняется в лучшую сторону: мировые державы, несмотря на введенные ими экономические и политические санкции, уже не могут не считаться с Россией, не могут смотреть на нее как на бессильное, разваливающееся государство. Не случайно даже один из самых активных американских критиков нашей страны Джордж Сорос вынужден был признать, что «Россия вновь становится экономической и политической супердержавой» [Радио Asia-plus: URL: <http://news.tj/ru/news/dzhordzh-soros-obeshchaet-rossii-svetloe-budushchee>].

Безусловно, в этой положительной военно-политической динамике современного развития России должна занять свое определенное место и гуманитарная мысль, ибо изучение своеобразия этнических ценностей, особенностей картин мира наших «друзей» и «врагов» является одним из условий гармоничного взаимодействия разных держав, такого взаимодействия, которое способствовало бы необходимому сегодня созиданию нового, бесконфликтного миропорядка и преодолению в очередной раз сковавшей мир холодной войны.

Список литературы

Алефиренко Н. Ф. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка. М.: Флинта: Наука, 2012. 288 с.

Вань Нин. Слоган русской автомобильной рекламы в структурно-содержательном аспекте (на фоне китайской рекламы): дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2015. 229 с.

Военно-политическая обстановка и общая характеристика военных угроз. URL: <http://www.bibliofond.ru/view.aspx?id=436590> (дата обращения: 20.09.2017).

Данилевская Н. В. Национально значимые ключевые смыслы современной социальной рекламы (на материале русских телевизионных

текстов) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2015. Вып. 4(32). С. 51–57.

Иванов Б. Военно-политическая обстановка и общая характеристика военных угроз. URL: http://goup32441.narod.ru/files/ogp/001_oporn_konспект/2013-2013-10-1.htm (дата обращения: 19.09.2017).

Итоговая резолюция расширенного заседания Патриаршего совета по культуре от 09.03.2016. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/2029336.html>. (дата обращения: 20.09.2017).

Клушина Н. И. Русский национальный стиль и его реализация в текстах СМИ // *Stylistyka*, XXI. Opole (Польша), 2012. С. 19–33.

Межкультурная коммуникация: современные проблемы и решения / науч. ред. Г. А. Дзида. М.: Спутник, 2011. 339 с.

Основные угрозы военной безопасности Российской Федерации. URL: http://knowledge.allbest.ru/war/3c0a65635b2bc68b4c43b89421216d27_0.html (дата обращения: 11.09.2017).

Радио Asia-plus. Джордж Сорос обещает России светлое будущее. 26.06.2016. URL: <http://news.tj/ru/news/dzhordzh-soros-obeshchaet-rossii-svetloe-budushchee> (дата обращения: 20.09.2017).

Сепир Э. Культура подлинная и мнимая // Избранные труды по языкознанию и культурологии. М.: Прогресс, 2001. С. 312–357.

Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. 3-е изд. М.: Изд-во МГУ, 2008. 352 с.

Ху Сяосюэ. Речевое воплощение концепта «успешная женщина» в текстах русских глянце-вых журналов (на фоне китайского языка): дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2013. 225 с.

Чой Су Ен. Межкультурная коммуникация как фактор ценностного самоопределения студентов: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Хабаровск, 2009. 19 с.

References

Alefirenko N. F. *Lingvokulturologiya: tsennostno-smyslovoe prostranstvo yazyka* [Cultural linguistics: value-semantic language space]. Moscow, Flinta: Nauka Publ., 2012. 288 p. (In Russ.)

Wan Ning *Slogan russkoy avtomobil'noy reklamy v strukturno-soderzhatel'nom aspekte (na fone kitayskoy reklamy)*. Diss. kand. filol. nauk [The slogan of the Russian automotive advertising in the structural and substantive aspect (against the background of China's advertising). Cand. philol. sci. diss.]. Perm, 2015. 229 p. (In Russ.)

Voенно-politicheskaya obstanovka i obshchaya kharakteristika voennykh ugroz [The military-political situation and general characteristics of military threats]. Available at: [\[fond.ru/view.aspx?id=436590\]\(http://fond.ru/view.aspx?id=436590\). \(accessed 12.05.2017\). \(In Russ.\)](http://www.biblio-</p></div><div data-bbox=)

Danilevskaya N. V. *Natsionalno znachimye klyuchevye smysly sovremennoy sotsialnoy reklamy (na materiale russkikh televizionnykh tekstov)* [Nationally significant key meanings of the modern social advertising (through the example of Russian television texts)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2015, issue 4(32), pp. 51–57. (In Russ.)

Ivanov B. *Voенно-politicheskaya obstanovka i obshchaya kharakteristika voennykh ugroz* [The military-political situation and general characteristics of military threats]. Available at: http://goup32441.narod.ru/files/ogp/001_oporn_konспект/2013/2013-10-1.htm (accessed 20.03.2017). (In Russ.)

Itogovaya rezolutsiya rasshirennoy zasedaniya Patriarshego soveta po culture ot 09.03.2016 [Final resolution of the enlarged session of the Patriarchal Council for culture dated 09.03.2016]. Available at: <http://www.patriarchia.ru/db/text/2029336.html> (accessed 06.04.2017). (In Russ.)

Klushina N. I. *Russkiy natsionalny stil' i ego realizatsiya v tekstakh SMI* [Russian national style and its implementation in the mass media texts], *Stylistyka XXI*, Opole (Poland), 2012, pp. 19–33. (In Russ.)

Mezhkul'turnaya kommunikatsiya: sovremennye problemy i resheniya [Intercultural communication: current problems and solutions]. Ed. by G. A. Dzida. Moscow, Sputnik Publ., 2011. 339 p. (In Russ.)

Osnovnye ugrozy voennoy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii [The main threats to the Russian Federation's military security]. Available at: http://knowledge.allbest.ru/war/3c0a65635b2bc68b4c43b89421216d27_0.html (accessed 20.03.2017). (In Russ.)

Radio Asia-plus. *Dzhordzh Soros obeshchaet Rossii svetloe budushchee*. 26.06.2016 [Radio Asia-plus. George Soros promises a bright future for Russia]. Available at: <http://news.tj/ru/news/dzhordzh-soros-obeshchaet-rossii-svetloe-budushchee> (accessed 21.03.2017). (In Russ.)

Sapir E. *Kul'tura podlinnaya i mnimaya* [Culture, Genuine and Spurious]. *Izbrannyye trudy po yazykoznaniiyu i kul'turologii* [Selected works on linguistics and cultural studies]. Moscow, Progress Publ., 2001, pp. 312–357. (In Russ.)

Ter-Minasova S. G. *Yazyk i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [Language and intercultural communication]. Moscow, MSU Publ., 2008. 352 p. (In Russ.)

Hu Siao Sue. *Rechevoe voploshchenie kontsepta «uspeshnaya zhenshchina» v tekstakh russkikh glyantsevykh zhurnalov (na fone kitayskogo yazyka)*. Diss. kand. filol. nauk [The speech emdodiment of the concept “successful woman” in texts of Russian glossy

magazines (against the background of the Chinese language). Cand. philol. sci. diss.]. Perm, 2013. 225 p. (In Russ.)

Choy Soo-Yeong. *Mezhkul'turnaya kommunikatsiya kak faktor tsennostnogo samoopredeleni-*

ya studentov. Avtoreferat diss. kand. filol. nauk [Intercultural communication as the factor of value-based self-determination of students. Abstract of Cand. philol. sci. diss.]. Khabarovsk, 2009. 19 p. (In Russ.)

NATIONAL IDENTITY IN THE MIRROR OF LINGUISTIC STEREOTYPES

Nataliya V. Danilevskaya

Professor in the Department of Russian Language and Stylistics

Perm State University

15, Bukireva st., Perm, 614990, Russian Federation. danil6@mail.ru

SPIN-code: 8925-1833

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-9727-3782>

ResearcherID: H-4798-2017

The article analyzes the peculiarities in reflection of the same facts of reality in the consciousness of representatives of different nationalities, namely the specific features of the perception of such artifact as a car by the Russians and the Chinese. A special attention is paid to the problem of preservation of the linguistic identity of a people in the context of globalization, and in this connection the author considers some of the reasons for the increasing processes of linguistic unification at the present stage of development of the Russian language – Americanization of social consciousness, globalization, decrease in the level of the modern Russian culture etc. The problem of the national identity is analyzed through the prism of the linguistic realization of automobile preferences of the Russians and Chinese in texts of advertising slogans. The original author's position is the conviction that the study of different worldviews of different peoples by identifying ethnic lingual stereotypes as the components of these views may contribute to the strengthening of positive trends in the military-political dynamics of the confrontation between the two poles of civilization – Western and Eastern. Conceptual statements are confirmed by a brief overview of the political and military situation in Russia. It is argued that the inclusion of cultural aspects in the methods of teaching foreigners the Russian language will facilitate the creative process on the way of overcoming the cold war between Russia and the West, including America. The analysis is based on discourse, semantic, and comparative methods with the involvement of the sociolinguistic experiment. The result proves the thesis that the humanities, including linguistics and cultural studies, are able, on a par with other sciences, to tackle the threats of the cold war, uniting different peoples on the basis of cultural and historical knowledge about each other.

Key words: cultural studies; globalization; political and military situation; worldview; linguistic stereotype; intercultural communication; national identity.

УДК 81.37
doi 10.17072/2037-6681-2017-4-36-47

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ИДЕИ ОТВЕРЖЕННОСТИ В СИНОНИМИЧЕСКОМ РЯДУ *ИЗГОЙ*, *ОТВЕРЖЕННЫЙ*, *ПАРИЯ*, *ОТЩЕПЕНЕЦ*¹

Марина Артуровна Еремина

к. филол. н., доцент кафедры иностранных языков и межкультурных коммуникаций

Уральский государственный университет путей сообщения

620034, Россия, г. Екатеринбург, ул. Колмогорова, 6б. marina_makridina@mail.ru

научный сотрудник

Российский государственный профессионально-педагогический университет

620012, Россия, г. Екатеринбург, ул. Машиностроителей, 11

SPIN-код: 7362-6582

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-1553-9258>

ResearcherID: O-2964-2017

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Еремина М. А. Репрезентация идеи отверженности в синонимическом ряду *изгой*, *отверженный*, *пария*, *отщепенец* // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2017. Т. 9, вып. 4. С. 36–47. doi 10.17072/2037-6681-2017-4-36-47

Please cite this article in English as:

Eremina M. A. Reprezentatsiya idei otverzhenosti v sinonimicheskom ryadu *izgoi*, *otverzhenyy*, *pariya*, *otshchepenets* [Representation of the Idea of Rejection in the Synonymic Row *Oucast*, *Rejected*, *Pariah*, *Renegade*]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2017, vol. 9, issue 4, pp. 36–47. doi 10.17072/2037-6681-2017-4-36-47 (In Russ.)

В статье рассматриваются семантические, коммуникативные, прагматические и сочетаемостные свойства синонимов, репрезентирующих идею отверженности в русском языке: *изгой*, *отверженный*, *пария*, *отщепенец*. Материалом для исследования послужили контексты, взятые из Национального корпуса русского языка. Семантический анализ контекстов демонстрирует различие синонимов по следующим смысловым признакам: тип субъекта-носителя признака; тип среды, которая отвергает субъекта; тип конфликта между человеком и средой; указание на степень проявления признака; возможность изменения социального статуса. Семантические особенности синонимов обуславливают их сочетаемостные, прагматические и коммуникативные сходства и различия. Отмечается, что синонимы *изгой*, *отщепенец*, *пария* образуют оценочные сочетания с весьма широким спектром эмоциональных оценок, а также входят в сравнительные конструкции. Слово *отверженный*, будучи субстантивированным причастием, не имеет такой конструктивной особенности. *Изгой*, помимо отрицательной оценки, допускает положительную оценку качеств субъекта. Все синонимы ряда имеют валентность субъекта, среды, которая отвергает носителя признака. Синонимам данного ряда свойственна предикативная функция. В случае с *отщепенец* и *изгой* актуальной становится атрибутивная функция, реализуемая с помощью приложения. Слово *отщепенец* чаще, чем остальные синонимы, употребляется в тематической части высказывания. В целом, в данном синонимическом ряду сходства преобладают над различиями. Для всех синонимов ряда типичны нейтрализующие и невозможны дифференцирующие контексты.

Ключевые слова: синонимы; семантические признаки; семантический анализ; прагматические и коммуникативные свойства синонимов; отверженность.

Предварительные замечания

Идея отверженности репрезентируется в русском языке синонимами **изгой**, **отверженный**, **пария**, **отщепенец**. Показателем синонимичности лексем является пересекающаяся часть их значений ‘тот, кто стоит вне какой-либо среды, общества в результате отвержения’, выделяемая в результате дефиниционного анализа, ср.: **изгой** ‘человек, стоящий вне какой-л. среды, общества, отвергнутый ими; отверженный, отщепенец’ (МАС); **отверженный** ‘изгнанный из общества, отвергнутый обществом, всеми избегаемый, презираемый’ (МАС); **пария** ‘бесправное, угнетаемое, отверженное существо’ (МАС); **отщепенец** ‘тот, кто откололся от какой-л. общественной группы, среды; тот, кто отвергнут обществом’ (МАС).

Семиотика отверженности, являясь одной из множества форм проявления универсальной оппозиции «свой-чужой» [Корнева 2014], остается пока малоизученной областью в сфере семантических изысканий. Исследователи, обнаруживая значительное количество номинаций данного тематического класса, ограничиваются, как правило, рассмотрением отдельных лексем: **отщепенец** [Виноградов 1999; Воркачев 2013а; Воркачев 2013б], **изгой** [Лотман 1982; Хашимов 2015], **диссидент** [Хашимов 2015; Васильева 2014].

Между тем исследование синонимического ряда как лексической микросистемы, основанное на выявлении существенных семантических, конструктивных и сочетаемостных сходств и различий, приближает к решению как минимум двух задач как теоретического, так и практического характера. Во-первых, реализуется принцип активности описания лексики, согласно которому оно должно содержать «по возможности исчерпывающую информацию о каждой лексеме, необходимую не только для ее понимания в произвольном тексте, но и для правильного использования в своем собственном тексте» [НОСС 2003: 9; АРСС 2004]. Данный принцип масштабно разрабатывается в лексикографических проектах исследовательской группы под руководством Ю. Д. Апресяна [Апресян 2009, 2007, 2002]. Во-вторых, изучение лексем с общей семантикой отверженности позволяет увидеть фрагмент наивной социологии, т. е. некоего общего взгляда на нормы человеческих взаимоотношений в обществе, присущего русскому языку [Апресян 2006].

Эмпирической базой исследования и источником иллюстраций послужил Национальный корпус русского языка, в который входят основные жанры словесного творчества: художествен-

ная проза, поэзия, драматургия, литературная критика, мемуары, публицистика. Художественные тексты и тексты СМИ рассматривались как равнозначные источники на основании отнесенности синонимов к одному стилистическому разряду «книжных» слов.

В **исследовательской части** описание синонимов строится путем выделения в ходе контекстного анализа сквозных семантических и конструктивных признаков каждой из четырех лексем.

1. Изгой

Типичный **изгой** – это человек, характеризующийся свойствами, которые противопоставляют его общественной среде и/или понижают его положение в социальной структуре, ср.: *Наверное, он имел в виду то, что персонаж-изгой во всех отношениях получился **изгой**, и добился, чтобы герой никоим образом не вписывался в общество.* [Н. Бестемьянова и др. Пара, в которой трое]; *Полукровка, полукровка, Неудачливый **изгой**, Где проходит эта кромка – Пол одной и пол другой?* [А. Городницкий. Полукровка]. Статусом **изгоя** может обладать не только индивид, но и группа людей, объединенных по признаку принадлежности к определенной, как правило, творческой профессии, ср.: *Сегодня, когда в силу причин унижающих, нечеловечных, преступных – слово «актер» звучит как «**изгой**», как **пария**, когда из всех зарплат «бюджетников» зарплата тех, кто работает в театре, – стоит ниже всех, наша профессия считается непрестижной.* [Т. Доронина. К. С. (Константин Сергеевич)]; *Поэт – **изгой**; это по определению, это общее место.* [А. Найман. Славный конец бесславных поколений], или социальная структура, в частности, государство, ср.: *В Кремле требовали именно открытых, публичных встреч, которые стали бы демонстрацией того, что Россия не **изгой**, а партнер* [Повестка дня // «Эксперт»]; *Объявленный большевиками дефолт по долгам царского и Временного правительств, национализация частной собственности, в том числе иностранной, и ленинский «Декрет о мире без аннексий и контрибуций» оставили Россию с пустыми руками, на положении, которое лучше всего определяется современным термином «государство-**изгой**».* [В. Абаринов. Ошибка «короля шпионов» // «Совершенно секретно»]. Обнаружить признаки изгоя можно и у животных, ср.: *Дважды Иван Иванович выводил его на выставку: снимали с ринга без оценки. Значит – **изгой**. И все же Бим – не наследственная бездарь, а замечательная, настоящая собака: он начал ра-*

ботать по птице с восьми месяцев. [Г. Троепольский. Белый Бим черное ухо]. Здесь стоит сделать замечание стилистического характера. Если обращение к человеку как к носителю признака приемлемо для всех типов дискурса, то государство (страна) и животное в силу особенностей данных референтов «разводятся» соответственно по публицистической и художественной сферам использования языка.

Среда, которой противостоит **изгой**, чаще всего представляет собой социальную группу, замкнутую, ср.: *Он фаворит школы, она изгой и отшельник*. [Коллективный форум: Обсуждение фильма «Спешите любить»] – или незамкнутую, ср.: *Опальный человек, изгой, находившийся в состоянии utlegd, не мог жить в обществе, удалялся в незаселенную местность (отсюда его название skogarmadr, живущий в лесу) и считался оборотнем, волком (vargr)*. [А. Я. Гуревич. Категории средневековой культуры].

Изгой может находиться в конфликте с идеологической системой, реализуемой в форме социального института или социальной практики, ср.: *При этом для Андрея Платонова у авторов пока что нашлась не столько теоретическая, сколько историко-литературная характеристика: «изгой соцреализма»*. [А. Люсий. О томе IV «Теории литературы» // «Октябрь»].

Взаимоотношения общества и **изгоя** могут регулироваться разными способами, например, путем ограничения его социальных прав, ср.: *По этой логике изгой, лишенный гражданства, неизбежно лишен и прав*. [С. С. Неретина, А. П. Огурцов. Пути к универсалиям. Разд. II. Творец и род]. Влияние на **изгоя** оказывается также в форме общественного мнения, в котором преобладают оценки презрения и уничтожения, ср.: *Их бог – изгой, бродяга, он бросил свою мать*. [А. Иванов. Сердце Пармы]; *Кто не любит землю, не чувствует ее материнства, тот – раб и изгой, жалкий бунтовщик против матери, исчадие небытия*. [С. Н. Булгаков. Свет не вечерний]; *Безродный изгой, никому не интересный, духовно пустой*. [В. Попов. Свободное плавание // «Звезда»]; *Эстонская школа. Йозеп – изгой в своем классе. Его положено унижать, над ним положено издеваться*. [О. Андреева, Г. Тарасевич. Отличники с Манежной // «Русский репортер»]. Кроме того, как при восприятии любого чужака негативная оценка **изгоя** может варьироваться до опасливого уважения [Лотман 1982: 87], ср.: *Ощущение, что ты изгой, но такой изгой, которого не презирают, а боятся*. [Э. Володарский. Дневник самоубийцы (1997)]; *Она чувствовала, только стыдилась*

сознаться, что казак Пугачев – не маркиз со страниц авантюрного романа французского, не презренный изгой, а доподлинный вождь народа – опасный и грозный. [В. Я. Шишков. Емельян Пугачев. Книга первая. Ч. 3].

Социальная норма в отношении **изгоя** предусматривает меру, которая позволяет определять степень проявления признака, ср.: *Только очень сильная личность, почти изгой способен идти наперекор тем требованиям, что предъявляет женская половина*. [С. Г. Кара-Мурза. «Совок» вспоминает свою жизнь]; *Полукровка – почти такой же изгой, как и бывшие отверженные, как гонимые и уничтожаемые фашизмом и коммунизмом евреи*. [В. Кантор. Жизнь или «жизненное пространство» // «Октябрь»].

Причина конфликтных взаимоотношений индивида и социума в некоторых случаях кроется в слабой или несправедливой организации последнего, ср.: *Правда, еще могут посадить ни за поных табаку, что у нас случается сплошь и рядом, однако надо принять в расчет: бывают такие государства и времена, когда нормальное положение нормального человека – изгой, и место ему в тюрьме*. [В. Пьецух. Сравнительные комментарии к пословицам русского народа // «Октябрь»]; *Сытый ли, голодный ли, в толпе или изгой, властитель, раб или вольный гражданин – человек несчастен*. [А. Кабаков. Последний герой]. Истоки такого представления уходят в историю слова **изгой**, в которой оно изначально являлось обозначением особого класса князей-изгоев [Хашимов 2015: 42]. В рамках этого представления знак оценки меняется на положительный и делается акцент на сильных сторонах натуры человека-**изгоя**: воле и чувстве собственного достоинства, ср.: *Я – изгой, князь, а потому исполняю лишь те повеления, которые хочу исполнить*. [Б. Васильев. Вещий Олег]; *Только очень сильная личность, почти изгой способен идти наперекор тем требованиям, что предъявляет женская половина*. [С. Г. Кара-Мурза. «Совок» вспоминает свою жизнь]; *Гордый изгой, пытающийся устоять в перекошенном мире*. [Е. Губайдуллина. Бах и Коломбина. Завершаются Дни Швейцарии в Москве // «Известия»]. Признание за изгоем личностного начала и учет возможности «маргинального самоопределения» [Переверзева 2015: 62] позволяют упоминать в этом качестве конкретные лица, ср.: *В этом смысле его превосходил разве что изгой Вампилов, не принятый не только партийно-театральной цензурой – тут многие были равны, – но и стилем, господствовавшим в «прогрессивной» части театра и литературы*. [С. Б. Рассадин. Книга прощаний. Воспоминания

о друзьях и не только о них], а также допускают высказывания, содержащие самоидентификацию, ср.: *Был еще один мальчик, с кем я не то что крепко дружил, но он был такой же **изгой**, как и я, и очень уж льнул ко мне.* [С. М. Голицын. Записки уцелевшего].

В целом в общественном мнении по отношению к **изгою** заметна амбивалентность, сосуществование позиции осуждения, с одной стороны, и принятия, с другой стороны. Контексты демонстрируют использование двух противоположных оценочных схем: 1) 'X – **изгой**, но «хороший»', ср.: *Калека ты, **изгой**, урод, несчастный бездомный чужестранец – ты все равно человек, ты достоин любви.* [М. Шишкин. Венерин волос // «Знамя»]; 2) 'X – «хороший», но **изгой**', ср.: *Друзья детства остаются комаровскими аборигенами, а он – всегда радостно принятый, но все же – **изгой**.* [Михаил Чулаки. Примус // «Звезда»]; *На Западе пьяница – аутсайдер, **изгой**, будь он хоть семи пядей во лбу.* [Д. Карапетян. В. Высоцкий. Воспоминания].

Статус **изгоя** характеризуется социальной мобильностью: человек, однажды изгнанный из сообщества, может восстановить свои права и занять свое место в его структуре, ср.: *Казалось, что черствое, расчетливое сердце Северной Пальмиры наконец растаяло и всем до князя стало дело, будто он уже не прежний **изгой**, а полноправный и обожаемый соплеменник.* [Б. Окуджава. Путешествие дилетантов]; *Витька сел на заднюю парту – уже не **изгой**, но еще и не полноправный член «творческой группы», хотя какие там могут быть права, Витька не знал.* [А. Иванов. Географ глобус пропил]. Повышение статуса иногда обусловлено сменой сообщества, например, в случае миграции, ср.: *А портной – **изгой** в своей бывшей стране и только что прижившийся в Штатах.* [В Ярославле моден реализм // «Театральная жизнь»].

2. Отверженный

Синоним **отверженный**, подобно **изгою**, употребляется по отношению не только к единичному субъекту, но и к коллективному, ср.: *Несмотря на то, что были избранным Божиим народом, ныне – **отверженный** и проклятый.* [иеромонах Никон (Беляев). Дневник]; *В их «отверженных селеньях» течет нормальная, по их меркам, жизнь.* [А. Грудинкин. На Земле мы нашли «марсианских микробов» лишь четверть века назад // «Знание – сила»]. Возможно также применение слова к животному, ср.: *Так вблизи Хрустальной Сиверсии кружит **отверженный** волк,*

– продолжил рассказ старый Николай. [В. Бурак. Хранители древних тайн].

За отвержением субъекта стоит непринятие любой группой лиц, как замкнутой, ср.: *После обеда, **отверженный** всей семьей, я угрюмо занимался в кабинете и несколько раз говорил по телефону.* [А. Т. Аверченко. Магнит]; *Сидел тут, **отверженный** от двора Екатерины, с краю пустыря и хоть бы пальцем пошевелил, чтобы сделать свою жизнь наряднее и привлекательней.* [Ю. М. Нагибин. От письма до письма], так и незамкнутой, ср.: *И для того чтобы разделить до конца человеческую судьбу, **отверженный** людьми, распираемый ими, Он должен приобщиться к последнему ужасу человеческой судьбы – богооставленности или, вернее, утрате, потере Бога.* [митрополит Антоний (Блум). Размышления на пути к Пасхе].

Истоки конфликта между субъектом и средой иногда неопределенны. В этом случае отверженность воспринимается как экзистенциальное свойство человека, ср.: *От самого рождения печать рока на мне. Обреченный, **отверженный**... Ну, что ж?* [Д. С. Мережковский. Александр Первый]. Но чаще всего человек получает статус **отверженного** в результате порочного процесса, катализатором которого выступают нарушения в нравственной сфере субъекта, ср.: *Так может чувствовать себя человек заблудший и **отверженный**.* [В. Рецпер. Репетилов // «Знание – сила»]; *Этот человек, **отверженный** из **отверженных**, так низко упавший, как только может представить себе человеческая фантазия, этот добровольный палач, обошелся с ней без грубости.* [А. И. Куприн. Яма]; *Один брат убит, другой убийца, Каин, **отверженный** среди людей.* [В. Шаров. Воскрешение Лазаря]. Субъект может находиться в разной фазе данного процесса, быть почти или совсем отверженным, ср.: *Ему было приятно, что он, почти **отверженный** и загнанный, причастен к этой смерти и не боится ее, а блестящий доцент жметя к дверям и чувствует себя, как набедокуривший первоклашка в кабинете директора.* [В. Корнилов. Демобилизация]; *Если бы кто и полез на Горку, то уж разве какой-нибудь совсем **отверженный** человек, который при всех властях мира чувствует себя среди людей, как волк в собачьей стае.* [М. А. Булгаков. Белая гвардия]. Существенно, что процесс является обратимым, ср.: *Но главное – ему теперь кажется, что хотя он и не такой, как все, но уже не **отверженный**, что он нужен людям.* [О. Зайончковский. Счастье возможно: роман нашего времени].

Отличительная особенность синонима – указание на то, что основанием для отвержения может быть несоответствие грешной природы человека религиозной морали. В связи с этим частотно употребление слова в контекстах на религиозные темы, ср.: *Поэтому тот, кто не видит в себе греха, есть самый последний грешник, отверженный от Бога, забывший Его и никогда не знавший, что такое благодать Божия.* [Протоиерей Д. Смирнов. Проповеди]; *Михаил, может быть вам неприятно мое посещение? Я, ведь, отверженный церковью Лев Толстой... О. Михаил ответил:* [К. Орлов. Отъезд Л. Н. Толстого // «Русское слово»].

В любом случае характер конфликта предполагает тесную связь отверженности с проявлениями человеческой индивидуальности. По этой причине для **отверженного** характерны контексты, указывающие на самоидентификацию субъекта, ср.: *Я – разбойник, отверженный Богом, людьми, никогда – никого не жалеть я, – пойми!* [Е. Н. Чириков. Братья-разбойники // Златоцвѣтъ], а также на конкретные личности, ср.: *В обсуждении и написании Конституции Н. И. принимал непосредственное участие, поэтому свое отсутствие на съезде отверженный Бухарин переживал особенно тяжело.* [А. Ларина (Бухарина). Незабываемое]. Способность иметь как родовой, так и конкретно-референтный статус сближает синонимы **изгой** и **отверженный**.

Акцент на моральной стороне вопроса приводит к тому, что **отверженность** рассматривается не как объективное положение дел, а как ощущение ситуативной близости к данному статусу, ср.: *Надежда обижается, бормочет ругательства, отлипает от стены и уходит, набросив бушлатик на плечо, как отверженный парень-ухажер, шапчонка набок, не хватает цветка за ухом, полная деревня.* [Л. Петрушевская. Надька]; *Один я стоял в стороне ото всех как отверженный, не решаясь подойти к моим бывшим друзьям.* [К. И. Чуковский. Серебряный герб].

В сценарии отвержения заложена избирательность отношения общества к свойствам субъекта: в одном качестве он отвергается, в другом – принимается, ср.: *Везде, в любом представлении, где есть Чарли Чаплин, это человек в котелке и с тросточкой (у нас с воображаемой тросточкой и с усиками, кстати, тоже воображаемыми, никакой бутяфории). Наш Чарли – это отверженный человек. Всех вокруг интересовали его котелок, походка, но как личность его никто не воспринимал.* [Н. Бестемьянова и др. Пара, в которой трое]. Дифференциация существует и в отношении среды, которая отторгает человека,

ср.: *Если для своих земляков я отверженный, то для него я в какой-то степени сотоварищ.* [Ф. Шамагонов, Е. Зотов. Гость]; *Итак, отверженный «приличным» обществом парень, год назад сбежавший из родительского гнезда, поднимается на первую ступень заводской служебной лестницы.* [И. Александров, Г. Григорьев. Курако].

Взаимоотношения человека и отвергающего его общества приобретают различные формы: выключение субъекта из социально значимой деятельности, ср.: *Утрата работы человеком есть предупреждение, смутный сигнал о том, что этот человек – отверженный.* [С. Г. Карамурза. Антисоветский проект]; пренебрежительное отношение окружающих, для которых он перестает что-то значить и даже существовать, ср.: *Моя мнительность обострилась припадком страха, что Поп расскажет о моей грубости Гануверу и меня не пустят к столу; ничего не увидев, всеми забытый, отверженный, я буду бродить среди огней и цветов, затем Томеон выстрелит в меня из тяжелого револьвера, и я, испуская последний вздох на руках Дюрока, скажу плачущей надо мной Молли: «Не плачьте».* [А. С. Грин. Золотая цепь]; отсутствие прикрепленности субъекта к одному месту, ср.: *Для мира их Учитель – отверженный и бездомный Странник, но именно сейчас пришло время Его «славы».* [А. Мень. Сын Человеческий].

Признаки отвержения иногда воспринимаются как своего рода метка, ср.: *То есть как «не коснется» – его оставляют в стороне, он отверженный, меченый, да?* [Л. Р. Кабо. Повесть о Борисе Беклешове].

Подобно **изгою**, **отверженный** находит утешение в возможности осознания и принятия своего положения, реализуя тем самым внутреннюю свободу, ср.: *Ибо самый отверженный и темный грешник еще имеет око, непогрешимо видящее свой грех.* [Б. П. Вышеславцев. Значение сердца в религии // «Путь»].

3. Пария

Слово **пария**, как и **изгой**, часто относится к представителю творческой профессии, ср.: *Сценарист и вообще пария, ему не перепадает даже крох, если, конечно, он не носит имени Михалкова.* [Ю. М. Нагибин. Дневник]; *Сегодня, когда в силу причин унижающих, нечеловечных, преступных – слово «актер» звучит как «изгой», как пария, когда из всех зарплат «бюджетников» зарплата тех, кто работает в театре, – стоит ниже всех, наша профессия считается непрестижной.* [Т. Доронина. К. С. (Константин Сергеевич)]; *Современный литератор всего*

меньше «властитель дум», современный литератор – это **пария**, это почти прокаженный. [М. Е. Салтыков-Щедрин. Литературное положение]. Приписывание положения **парии** крупным социальным группам возможно только в отношении к группам с недостаточно организованной структурой, ср.: *И почему же Народ мой слаб? И почему народ мой – пария среди других народов? И зачем повторяю собственной судьбою судьбу своего Народа, еврейского?* [О. Эз. Пария], ср. невозможность употребления *государство-пария.

Обычно **пария** обретает свой статус в рамках социальной иерархии, в которой он противопоставляется более высокому социальному сословию, ср.: *Светского кондачка; и всякое отступление от него встречалось уничижительным презрением; я не соответствовал этому тону; и я был пария («не нашего общества»!* [А. Белый. На рубеже двух столетий].

Положение **парии**, в отличие от **изгоя** и **отверженного**, рассматривается не как результат идеологического или морально-поведенческого конфликта между социумом и человеком, а как следствие расслоения общества, ср.: *А потом пришел человек, который в глазах иудеев был презренным просто из-за того, чем он был; не за его личные или нравственные недостатки, а потому что он был самарянин: отверженный, то, что индусы называют пария.* [митрополит Антоний (Блум). Притча о милосердном самарянине]. Воля человека при этом сводится к осознанию и принятию своего положения, ср.: *Я – пария, неприкасаемый, я – лишенец и, самое главное, меня могут в любой день арестовать, отправить в ссылку или в лагерь.* [С. М. Голицын. Записки уцелевшего]. По этой причине невозможна синонимическая замена на **парию** в контексте: – *Я – изгой, князь, а потому исполняю лишь те повеления, которые хочу исполнить.* [Б. Васильев. Вещий Олег].

Аспекты, на основании которых человек наделяется статусом **парии**, различны, ср.: *Всячески пария: для хамки – «бедная» (грошовые чулки, нет бриллиантов), для хама – «буржуйка», для тещи – «бывшие люди», для красноармейцев – гордая стриженная барышня.* [М. И. Цветаева. Вольный проезд]. Иногда эти аспекты противопоставляются, ср.: *А что я для нее, Инги, как мужчина – гожусь, а как человек – пария?* [В. Корнилов. Демобилизация].

Основной формой проявления общественного неприятия **парии** становится ограничение вербальных социальных контактов, ср.: *Он не наш, не достоин общения с нами, он – пария...* [кол-

лективный. Из России пишут // «Дни: Ежедневник» (Париж)]; *Все лица, окружавшие Нежданова, казались, во-первых, более особами, нежели лицами; во-вторых, они все очень хорошо знали друг друга и менялись короткими разговорами, словами или даже простыми восклицаниями и приветами – иные опять-таки через голову Нежданова; а он сидел неподвижно и неловко в своем широком, покойном кресле, точно пария какой.* [И. С. Тургенев. Ночь].

Из всех синонимов **пария** обозначает самый низкий социальный статус, ср.: *Места на нарах не дают, хотя его и достаточно, живет под нарами. Он здесь даже не пария. Если уж проводить аналогию с кастовым делением, то Повесть-Чайника следовало бы отнести, скорее, к «неприкасаемым».* [Г. Г. Демидов. Начальник]. Он граничит с положением раба, лишённого всех социальных прав и являющегося объектом продажи, ср.: *Выплеснутая на него вода сбегала теперь мелкими серебристыми каплями с его волос, с пальцев его дрожащих рук, с его платья, с его сомлевших колен: словно все существо его плакало, и слезы его лились на пол той самой комнаты, где за два года пред этим он был продан как пария, как последний крепостной раскрепощенной России.* [Н. С. Лесков. На ножах]. **Пария** настолько не вписывается в человеческое общество, что уподобляется животному, ср.: *Для людей сострадательных в понятии о нищем смешиваются два противные взгляда: с одной стороны, он человек божий, которому надо подать гроши не по чувству сострадания, а главное, потому, что за это на том свете награда будет; а с другой стороны, нищий – это пария, это какое-то особое животное низшей породы, которому нужно только поддерживать свое существование, и больше ничего.* [Н. А. Добролюбов. Внутреннее обозрение].

Общий резко негативный характер оценки накладывает ограничение на упоминание конкретных лиц и употребление имен, что отличает данный синоним от **отверженного**, **изгоя** и **отщепенца**. Вместе с тем эмоциональная оценка **парии** довольно сложная: на презрение и отвращение накладывается жалость и сочувствие, ср.: *Самый несчастный человек во всей нашей пенсильванской Москве на данный момент – это Майк Макгофф. Он изгой и пария. Он один против общества.* [И. Свиноаренко. Век водки не видать // «Столица»]. В связи с этим нет запрета на автореференцию, ср.: *А я люблю без надежд, но все с тем же неугасимым пылом и с тою же нежностью, с тем же безумием. Я – жалкий пария, полюбивший королеву. Разве*

может быть королеве обидна такая любовь?.. [А. И. Куприн. Первый встречный]. Возможно также сближение **парии** с синонимами **изгой** и **отверженный** в контексте противопоставления социального статуса и внутренней свободы индивида, ср.: – *И помни: ты пария, ты плебей, но не раб!* [К. И. Чуковский. Серебряный герб].

4. Отщепенец

Для **отщепенца** центральной является идея противопоставления субъекта не столько социальному множеству, сколько определенному порядку вещей, сложившейся в обществе системе взглядов, ср.: *Социальным отщепенцем является такой отщепенец, который обрекается на эту роль по причинам глубоко социального характера, т. е. в силу его взаимоотношений с социальным строем страны, с ее системой власти и с идеологией.* [А. Зиновьев. Русская судьба, исповедь отщепенца]; *Но мой охотник – отщепенец, давно расставшийся с кержацкими предрассудками: нет для него ни Христа, ни Антихриста.* [О. В. Волков. Из воспоминаний старого тенишевца]. Наиболее часто **отщепенец** рассматривается в конфликте с религией как институционализированной системой общественно признанных верований и соответствующей практики, ср.: – *Да вы имеете понятие, что такое расстрига? Это отщепенец. Ему нигде места нет!* [В. И. Немирович-Данченко. Святые горы]; – *Ну, верно, – подхватил купец, – и этот не простой отщепенец; но злобный и яко лев рыкающий на православие еретик!* [М. Н. Загоскин. Брынский лес]; *С атеистом Рабиновичем еще можно, стиснув зубы, смириться (отщепенец, блудный сын), но как быть с Рабиновичем-христианином?* [В. Иванов. Местечковый расизм // Интернет-альманах «Лебедь»]. Такой семантический ракурс объясняется историей слова, согласно которой оно изначально функционировало в религиозном дискурсе [Виноградов 1999: 88; Воркачев 2013б: 10].

Отвержение **отщепенца** обществом или его частью является уже следствием изначального мировоззренческого конфликта. При этом речь всегда идет о незамкнутой группе, ср.: *И это не потому, что я отщепенец мира сего, а потому, что каждый из людей есть вселенский отщепенец.* [А. Ким. Мое прошлое // «Октябрь»]; *Отщепенец православной церкви, сообщник слуг антихристовых, он и благодарность, и кровь топчет в грязи.* [И. И. Лажечников. Последний Новик]; – *Не вас лично, вы ренегат, отщепенец от своего народа.* [И. Л. Солоневич. Россия в концлагере], ср. неестественное **отщепенец школы.*

Положение **отщепенца** не определяется какой-либо иерархией, как у **парии**, оно возникает в среде людей, равных по социальному статусу, ср.: *И здесь мы вновь видим трещины, возникшие между Пушкиным и всей массой его класса, и здесь Пушкин выступает, как отщепенец, как одиночка.* [В. Кирпотин. Великий народный поэт // «Народное творчество»].

Главное отличие лексемы **отщепенец** от других синонимов ряда состоит в том, что оно обозначает не собственно статус, а социальную роль, т. е. социально ожидаемое поведение субъекта, поэтому формы проявления признака лежат, в основном, в области поведенческого, ср.: *Каждый как будто держит шпагат или живет в футляре от контрабаса, это бывает более или менее заметно, но, видимо, каждый «отщепенец» вынужден импровизировать себе жилище, окружающую среду и принимать там неестественные позы.* [Л. Гурова. В промежутке – жутко // Неприкосновенный запас]; *Воспитательница Галина Ивановна пока дает большую калошу, и, хлопая и волоча подошву, девочка ходит позади всего класса как отщепенец, грешная душа, в разных калошах.* [Л. Петрушевская. Незрелые ягоды крыжовника].

В силу того что поступками субъекта руководят не социальные правила и нормы, а его собственные установки, поведение отщепенца иногда носит демонстративный характер, ср.: *Тогда возникают – «Крик ястреба», «Осенний вечер в скромном городке», «На смерть Жукова» (тут автор, принципиальный, демонстративный отщепенец, не может, не хочет скрыть причастности к общей и, что бы там ни было, родной судьбе)...* [С. Б. Рассадин. Книга прощаний. Воспоминания о друзьях и не только о них]; *Такой отщепенец как бы говорит нам: «Извергните меня из среды своей, ибо я одичалый член вашего общежития!»* [М. Е. Салтыков-Щедрин. Фантастическое отрезвление].

Будучи оценочным ярлыком, синоним указывает не на объективное положение дел, а на позицию, принятую тем или иным сообществом, иначе говоря, является идеологически маркированным [Воркачев 2013а: 9], ср.: *Отборочный матч претендентов на звание чемпиона мира взял и выиграл эмигрант, с точки зрения официальной идеологии – предатель и отщепенец, Виктор Корчной.* [В. Быков, Ольга Деркач. Книга века]; *Кстати, поляки считают меня отщепенцем... Кажется, есть такое слово: отщепенец? Поляки считают меня русским, а русские считают меня поляком.* [М. А. Алданов. Истоки. Части 9–17]. Это объясняет, почему **отщепенец** в один момент

может перестать быть таковым, ср.: *Этот Саша, отщепенец Саша, вдруг стал в глазах всех совсем другим человеком, словно свершившим необыкновенный подвиг и осененный лучезарным ореолом.* [К. М. Станюкович. Женитьба Пинегина].

Поведенческий аспект самоутверждения **отщепенца** обуславливает появление слов, репрезентирующих концепт стыда как одного из основных регуляторов поведения человека, ср.: *А я что? Отщепенец какой-то! Кругом смотрю – сердце радуется, а на себя взглянешь – болеть начинает.* [В. К. Кетлинская. Мужество]; *Возникло внезапное сообщение о чуть ли не всеобщем попадании в «одиночки» – «Сателлит-отель» сбил подготовленную начальством линию «гражданской обороны» за счет обилия односторонних и противоземных (для нас) дефицита двойных номеров, – и я, бесстыдный отщепенец, забыв о корпоративной этике, не смог скрыть своего животного ликования.* [В. Рецептер. Ностальгия по Японии]; – *Скажите, пожалуйста, что я отщепенец какой или бездарность, стыдно, что ли за меня замуж идти?* [Л. А. Чарская. Мой принц].

Эмоциональным наполнением переживания субъектом своего положения нередко становится озлобленность, ср.: *Интересный у нас расклад получается: озлобленный отщепенец растлевает желторотых юнцов и старого дурака Адамсона, дошло уже до того, что запасается про черный день огнестрельным оружием.* [С. Гандлевский. НРЗБ // «Знамя»]; – *Ну, верно, – подхватил купец, – и этот не простой отщепенец; но злобный и яко лев рыкающий на православие еретик!* [М. Н. Загоскин. Брынский лес].

Что касается социально значимых действий **отщепенца**, то к ним относится прежде всего предательство, ср.: *Не самодержавный строй Николая I, смерть которого прошла незамеченной в осажденном Севастополе, защищали эти герои, а то, что является непререкаемой святыней для каждого, если он не чужак, если он не отщепенец, если он не предатель, – Родину.* [С. Н. Сергеев-Ценский. Синопский бой]; – *Причитается, – машинально поправил он, хотя ему было не до языковых тонкостей, поскольку Сергей Иванович в это время упер ему сзади в поясницу ствол казенного пистолета и шипел театральным голосом: «...измена славянской родине... мы ж вас еще тогда предупреждали, не наш он человек, атлантист и отщепенец, аксеновец... эх, Юрий Ильич, Юрий Ильич...»* [А. Кабаков. Путешествие экстраполятора].

Поскольку положение **отщепенца** – это изначально внутреннее переживание, внешне он мо-

жет имитировать причастность к сообществу, ср.: *Но вот уже вежливо к отошедшему прибавляется какая-нибудь бродячая душа, приглашая алкоголизироваться или затевая разговор, и опять очарование внеположения разрушено, и отщепенец возвращается в смуту танцующих.* [Б. Ю. Поплавский. Аполлон Безобразов].

Общественное мнение в отношении к **отщепенцу** однозначно негативное, ср.: *Ты ж, подлец, – он мне кричит, – отщепенец!* [Б. Левин. Инородное тело]. Внешней формой социального воздействия становится исключение субъекта из определенной структуры, ср.: *На том заседании «отщепенец Пастернак» (так сказано в постановлении) был исключен из членов Союза писателей.* [К. Ваншенкин. Писательский клуб].

Шаблонность характеристики, стоящей за синонимом, может приводить к сдвигу значения: предметом обозначения становится не субъект, а имя, словесный знак как инструмент общественного манипулирования, ср.: *Самым страшным и убийственным было забытое сейчас громовое слово-обвинение «отщепенец», действительное на всех уровнях жизни.* [В. Муравьев. Высоких зрелищ зритель]; *Этот оскорбительный термин встал в ряд с такими словами-дубинками, как «безродный космополит», «низкопоклонник», «отщепенец», позже сюда прибавилась и «плеень».* [А. Козлов. Козел на саксе].

В целом, синонимы различаются по следующим смысловым признакам:

1) тип субъекта-носителя признака (коллективным субъектом чаще всего бывает **изгой**; реже – **отверженный**, **пария**; **отщепенец** – никогда);

2) тип среды, которая отвергает субъекта (**пария** противостоит части иерархического сообщества; **отверженный** и **изгой** подразумевают отторжение субъекта не только от мира людей, но и от заряженной смыслами сущности, в случае с **отверженным** это Бог; **отщепенец**, как правило, не вписывается в общепринятую систему взглядов, противостоит незамкнутой социальной группе);

3) тип конфликта между человеком и средой (для **отверженного**, **изгоя**, **отщепенца** типичен идеологический и поведенческий конфликт с социумом или общественно принятой системой взглядов; религиозная подоплека конфликта характерна для **отверженного** и **отщепенца**; статус **парии** отражает неравенство социальных статусов);

4) указание на степень проявления признака (для **изгоя** и **отверженного** возможна полная и частичная отверженность;

статус **пария** и **отщепенца** абсолютный: он или есть, или его нет);

5) возможность изменения положения (**изгой**, **отверженный** и **отщепенец** имеют такую возможность, **пария** – нет).

Семантические особенности синонимов обуславливают их сочетаемостные, прагматические и коммуникативные различия.

Синонимы **изгой**, **отщепенец**, **пария** образуют оценочные сочетания с весьма широким спектром эмоциональных оценок. Слово **отверженный**, будучи субстантивированным причастием, не имеет такой конструктивной особенности. **Изгой**, помимо отрицательной оценки, допускает положительную оценку качеств субъекта, ср. *гордый изгой*.

Синонимы **изгой**, **отверженный** и **отщепенец** входят в сравнительные конструкции с союзами *как*, *точно*, *будто* и др.

Все синонимы ряда имеют валентность субъекта, среды, которая отвергает носителя признака. Эта валентность у синонимов **отщепенец** и **отверженный** единообразно оформляется предложно-именной группой *от* + *Род. п.*, ср.: *отщепенец от своего народа*, *отщепенец от природной, органической жизни*, *отверженный от Бога*, *отверженный от двора Екатерины*. Сходный способ выражения данной валентности свойствен синонимам **пария**, **изгой**, **отщепенец**, которые управляют беспредложным *Род. п.*, ср.: *отщепенец мира сего*, *отщепенец православной церкви*, *пария бурсы*, *«изгой соцреализма»*. Кроме того, синонимы **отщепенец** и **пария** подчиняют себе падежно-именную группу *среди* + *Род. п.*, ср.: *пария среди других народов*, *отщепенец среди их сынов*. Синоним **отверженный** то же самое грамматическое значение способен выражать *Тв. п.*, ср.: *отверженный церковью*, *отверженный всей семьей*, *отверженный Богом*, *отверженный людьми*, *отверженный родиной*. Среди синонимов выделяется слово **изгой**, которое реализует противостояние субъекта и среды при помощи валентности места, ср.: *изгой в своем классе*, *изгой в своей бывшей стране*.

Синонимам данного ряда свойственна предикативная функция, ср.: *Ни охоты, ни права нет отвечать, что ты – такой же изгой в своей стране, как любой прочий, что ни шиша за душой у тебя нет, кроме упований, – и начинаешь верить в везение, «пруху», обыкновенное счастье*. [Ю. Черниченко. Красный остров // «Огонек»]; – *Диагноза «алкоголизм» врачи боятся, алкоголик – это пария*. [А. Лужбин. Цифра Паукова // «Столица»]. Для всех синонимов возможны конструкции с отрицательным предикатом,

ср.: *Мы – не сверхдержава и не страна-изгой*. [С. Новопрудский. Элегия Пингвина // «Известия»]; *Здесь он с первых же дней ощутил, что он не калека, не урод, не отверженный, а такой же человек, как и все*. [К. И. Чуковский. Солнечная]. В случае с лексемами **отщепенец** и **изгой** актуальной становится атрибутивная функция, реализуемая с помощью приложения, ср.: *Книжки в доме ни одной, разве какой-нибудь отщепенец-сын, от которого родители не ожидали проку, тайком от них, где-нибудь на сеничке, теребил по складам замасленный песенник или сказки про Илью Муромца и Бову Королевича*. [И. И. Лажечников. Беленькие, черненькие и серенькие]; *Все это, придя, рассказал тот же Андрей-отщепенец, и его оставили со всеми пить водку, и он в порыве сказал, чтобы ему никто ничего не говорил, он за включение в экспедицию стал стукачом, но стучать обязан только на корабле, на суше он не нанимался*. [Л. Петрушевская. Свой круг]; *Возникает еще один вопрос: не выгодно ли самим Соединенным Штатам пойти на такую войну, чтобы навести порядок в тех странах, которым они приклеили кличку «страна-изгой»?* [М. Виноградов, А. Садчиков. Поза или позиция. Наши политики не знают, как теперь смотреть на мир // «Известия»].

Стереотипность представления об **отщепенце** приводит к тому, что слово чаще, чем остальные синонимы, употребляется в тематической части высказывания, ср.: *Если какой-нибудь отщепенец спьяну и купит билет, так ему, конечно, неудобно, когда идут контролеры: когда к нему подходят за билетом, он не смотрит ни на кого – ни на ревизора, ни на публику, как будто хочет провалиться сквозь землю*. [В. Ерофеев. Москва–Петушки]; *По крайней мере, этот отщепенец был хитрым педантом, ставящим себе задачу сделать из литературы источник дохода*. [Р. Грачев. Промежуток].

Анализ семантических, референциальных, коммуникативных и прагматических свойств слов **изгой**, **отверженный**, **пария**, **отщепенец** показывает, что в данном синонимическом ряду сходства преобладают над различиями. В силу этого для синонимов типичны нейтрализующие контексты, в которых происходит «нанизывание» синонимов, ср.: *Недаром, Альцест, прозвали тебя мизантропом и суждено тебе под этим именем прославиться в веках – ты и есть человеконенавистник, нелюдим, отщепенец, пария, изгой!* [В. Соловьев. Три еврея, или Утешение в слезах. Роман с эпиграфами]; *Самый несчастный человек во всей нашей пенсильванской Москве на*

данный момент – это Майк Макгофф. Он изгой и пария. Он один против общества. [И. Свиначенко. Век водки не видать // «Столица»; Видимо, изгой не склонны любить других отверженных. [С. Довлатов. Наши], и невозможны дифференцирующие контексты, ср.: *он не пария, а отщепенец, *он не изгой, а отверженный. Причиной сближения семантических, сочетаемостных и функциональных свойств синонимов является общая для всего ряда эмоционально-оценочная «заряженность», одинаково, за исключением редких случаев, «эксплуатируемая» как в художественных, так и публицистических текстах.

Примечание

¹ Исследование выполнено за счет средств гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-02075 «Русский социум в зеркале лексической семантики») / The study was supported by the Russian Science Foundation (project No. 16-18-02075 “Russian Society in the Mirror of Lexical Semantics”).

Источники

Национальный корпус русского языка. URL: <http://ruscorpora.ru/>.

Список литературы

APCC – Англо-русский синонимический словарь. English-Russian dictionary of synonyms: [Более 350 синоним. рядов] / под рук. А. И. Розенмана и Ю. Д. Апресяна. М., 2004. 544 с.

Апресян В. Ю. и др. Языковая картина мира и системная лексикография / В. Ю. Апресян, Ю. Д. Апресян, Е. Э. Бабаева, О. Ю. Богуславская и др. М., 2006. 912 с.

Апресян Ю. Д. О проекте Активного словаря русского языка // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. 2009. № 3 (56). С. 118–130.

Апресян Ю. Д. Теоретические основы активной лексикографии // Русский язык в странах СНГ и Балтии. М., 2007. С. 375–385.

Апресян Ю. Д. Новый объяснительный словарь русского языка: ход работы и результаты // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. 2002. № 3. С. 87.

Васильева А. В. Диссентеры, диссиденты, правозащитники, инакомыслящие... к вопросу о «диалоге» соседствующих понятий в общественных науках // Мир русского слова. 2014. № 1. С. 26–30.

Виноградов В. В. Отщепенец // Из истории слов. М.: Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН, 1999. С. 428–430.

Воркачев С. Г. «Отщепенец» и «безродный космополит» как антонимы лингвоидеологемы «народ» // Электронный научно-образовательный журнал ВГСПУ «Грани познания». 2013а. № 1(21). С. 9–12.

Воркачев С. Г. Отщепенцы и безродные космополиты: антонимическая периферия лингвоидеологемы «народ» // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. Владикавказ: Изд-во Сев.-Осет. гос. ун-та им. К. Л. Хетагурова. 2013б. №15. С. 274–279.

Корнева Г. В. «Иностранцы», «иноземцы», «иногородцы» как проявление «чужого» в бинарной оппозиции «свой – чужой» // Международный аспирантский вестник. Русский язык за рубежом. 2014. № 2. С. 26–29.

Лотман Ю. М. «Изгой» и «изгойничество» как социально-психологическая позиция в русской культуре преимущественно допетровского периода («свое» и «чужое» в истории русской культуры) // Ученые записки Тартуского государственного университета. Тарту, 1982. Вып. 576. С. 86–98.

МАС – Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стереотип. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp> (дата обращения: 18.07.2017).

НОСС – Новый объяснительный словарь синонимов русского языка: 2-е изд., испр. и доп. М.: Языки слав. культуры, 2003. 488 с.

Переверзева А. А. Семиотика маргинальности (на материале повести П. Санаева «Похороните меня за плинтусом») // Пятый этаж: сб. науч. статей молодых ученых. Барнаул, 2015. С. 61–64.

Хашимов Р. И. Аномализмы русского языка: из истории слов диссидент, изгой // Материалы обл. науч. конф. по проблемам гуманитарных исследований, посвященной году литературы (21–25 мая 2015 г.). Елец: ЕГУ им. И. А. Бунина, 2015. С. 39–45.

References

Anglo-russkiy sinonimicheskiy slovar' [English-Russian dictionary of synonyms]. Moscow, 2004. 544 p. (In Russ.)

Apresyan V. Yu. et al. *Yazykovaya kartina mira i sistemnaya leksikografiya*. [The linguistic worldview and systemic lexicography]. Ed. by V. Yu. Apresyan, Yu. D. Apresyan, E. E. Babaeva, O. Yu. Boguslavskaya, B. L. Iomdin, T. V. Krylova, I. B. Levontina, E. V. Uryson, A. V. Sannikov. Moscow, 2006. 912 p. (In Russ.)

Apresyan Yu. D. O proekte aktivnogo slovarya russkogo yazyka [About the Active Dictionary of the Russian Language Project]. *Vestnik Rossiyskogo*

fonda fundamental'nykh issledovaniy. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki [RFBR Journal. Humanities and Social Sciences], 2009, issue 3(56), pp. 118–130. (In Russ.)

Apresyan Yu. D. Teoreticheskie osnovy aktivnoy leksikografii [Theoretical foundations of active lexicography]. *Russkiy yazyk v stranakh SNG i Baltii* [The Russian language in CIS and Baltic countries]. Moscow, 2007, pp. 375–385. (In Russ.)

Apresyan Yu. D. Novyy ob"yasnitel'nyy slovar' russkogo yazyka: khod raboty i rezul'taty [New Explanatory Dictionary of the Russian Language: Work Progress and Results]. *Vestnik Rossiyskogo fonda fundamental'nykh issledovaniy. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki* [RFBR Journal. Humanities and Social Sciences], 2002, issue 3(56), p. 87. (In Russ.)

Vasil'eva A. V. Dissentery, dissidenty, pravozashchitniki, inakomyslyashchie: k voprosu o «dialoge» sosestvuyuschikh ponyatiy v obshchestvennykh naukakh [Dissenters, Dissidents, Human Rights Activists, Intellectual Deviants: On the "Dialogue" of Adjacent Notions in Social Sciences]. *Mir russkogo slova* [The World of Russian Word], 2014, issue 1, pp. 26–30. (In Russ.)

Vinogradov V. V. Otschepenets [Renegade]. *Iz istorii slov* [From the History of words]. Moscow, V. V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences Publ., 1999, pp. 428–430. (In Russ.)

Vorkachev S. G. «Otschepenets» i «bezrodnyy kosmopolit» kak antonimy lingvodeologemy «narod» ["Dissenter" and "stateless cosmopolite" as the antonyms of the linguistic ideologeme "people"]. *Elektronnyy nauchno-obrazovatelnyy zhurnal «Grani poznaniya»* [Electronic Scientific and Educational Journal "The Limits of Cognitions"], 2013, issue 1 (21), pp. 9–12. (In Russ.)

Vorkachev S. G. Otschepents i bezrodnyy kosmopolit: antonimicheskaya periferiya lingvodeologemy «narod» ["Dissenter" and "stateless cosmopolite" as the antonyms of the linguistic ideologeme "people"]. *Aktualnye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki* [Contemporary Problems of Philology and Pedagogical Linguistics], 2013, issue 15, pp. 274–279. (In Russ.)

Korneva G. V. «Inostrantsy», «inozemtsy», «inorodtsy» kak proyavlenie «chuzhogo» v binarnoy opozitsii «svoe – chuzho» ["Foreigners", "Outlanders", "Aliens" as a Manifestation of "Stranger's" in the Binary Opposition "Ours – Theirs"]. *Mezhdunarodnyy aspirantskiy vestnik. Russkiy yazyk za rubezhom* [International Post-Graduate Student Bulletin. Russian Language Abroad], 2014, issue 2, pp. 26–29. (In Russ.)

Lotman Yu. M. «Izgoy» i «izgoynichestvo» kak sotsial'no-psikhologicheskaya pozitsiya v russkoy kul'ture preimushchestvenno dopetrovskogo perioda («svoe» i «chuzhoe» v istorii russkoy kul'tury) ["Outcast" and "Outcastness" as a Socio-Psychological Position In Russian Culture mostly of Pre-Petrine Period ("Ours" and "Theirs" in the History of Russian Culture)]. *Uchenye zapiski Tartusskogo gosudarstvennogo universiteta* [Proceedings of Tartu State University], 1982, issue 576, pp. 86–98. (In Russ.)

Slovar' russkogo yazyka: v 4 t. [Russian Language Dictionary in 4 vols.]. Moscow, Russkiy yazyk: Poligrafresursy Publ., 1981–1984. (In Russ.)

Novyy ob"yasnitelnyy slovar' sinonimov russkogo yazyka [New Explanatory Dictionary of Synonyms of the Russian Language]. Moscow, 2003. 488 p. (In Russ.)

Pereverzeva A. A. Semiotika marginal'nosti (na materiale povesti P. Sanaeva «Pokhoronite menya za plintusom») [Semiotics of Marginality (on the material of P. Sanaev's Novel "Bury me behind a Plinth")]. *Pyatyy etazh: sb. nauch. statey molodyikh uchennykh* [The Fifth Floor: Collection of Scientific Articles of Young Scientists]. Barnaul, 2015, pp. 61–64. (In Russ.)

Khashimov R. I. Anomalizmy russkogo yazyka: iz istorii slov dissident, izgoy [Anomalism of the Russian Language: Etymology of Dissident, Outlaw]. *Materialy oblastnoy nauchnoy konferentsii po problemam gumanitarnykh issledovaniy, posvyashchennoy godu literatury* [Proceedings of Regional Scientific Conference on Studies in the Humanities dedicated to the year of literature. 21–22 May 2015]. Yelets, Bunin Yelets State University Press, 2015, pp. 39–45. (In Russ.)

REPRESENTATION OF THE IDEA OF REJECTION IN THE SYNONYMIC ROW *OUCAST*, *REJECTED*, *PARIAH*, *RENEGADE*

Marina A. Eremina

Associate Professor in the Department of Foreign Languages and Intercultural Communications

Ural State University of Railway Transport

66, Kolmogorova st., Ekaterinburg, 620034, Russian Federation. marina_makridina@mail.ru

Research Fellow

Russian State Vocational Pedagogical University

11, Mashinostroiteley st., Ekaterinburg, 620012, Russian Federation

SPIN-code: 7362-6582

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-1553-9258>

ResearcherID: O-2964-2017

The article deals with semantic, pragmatic and communicative properties of synonyms representing the idea of exclusion in the Russian language. This row of synonyms has not become the object of linguistic research yet. Data for the study are based on contexts taken from the Russian National Corpus. The semantic analysis of contexts shows a distinction of synonyms in the following semantic characteristics: the type of the subject; the type of the environment that rejects the subject; the type of the conflict between the subject and the environment; indication of the degree of the trait; the ability to change the social status. Semantic peculiarities of synonyms determine their co-occurrence, pragmatic and communicative similarities and differences. It is noted that words *the outcast*, *the renegade*, *the pariah* form evaluation combinations with a very wide range of emotional assessments and enter comparative constructions as well. The word *rejected*, being a substantivized participle, does not have such a constructive feature. *Outcast*, in addition to a negative assessment, presupposes a positive evaluation of the qualities of the subject. All synonyms of the row have the valence of the subject, the environment which rejects the bearer of the characteristic. Synonyms of this row are characterized by a predicative function. In the case of *the renegade* and *the outcast*, the attributive function implemented by the application becomes relevant. More often than other synonyms, the word *renegade* is used in the thematic part of an utterance. Overall, in this synonymic row similarities prevail over differences. For all the synonyms, neutralizing contexts are typical and differentiating ones are impossible.

Key words: synonyms; semantic analysis; semantic features; pragmatic and communicative properties of synonyms; rejection.

УДК 81'37
doi 10.17072/2037-6681-2017-4-48-58

РУССКАЯ РЕЧЬ КОМИ-ПЕРМЯКОВ: ЛЕКСИЧЕСКИЙ АСПЕКТ¹

Елена Валентиновна Ерофеева

д. филол. н., зав. кафедрой теоретического и прикладного языкознания

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15. elenerofee@gmail.com

SPIN-код: 4653-7454

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-6659-6519>

ResearcherID: Q-3940-2017

Тамара Ивановна Ерофеева

д. филол. н., профессор кафедры теоретического и прикладного языкознания

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15. genling.psu@gmail.com

SPIN-код: 7299-8815

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-0316-4302>

ResearcherID: Q-3942-2017

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Ерофеева Е. В., Ерофеева Т. И. Русская речь коми-пермяков: лексический аспект // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2017. Т. 9, вып. 4. С. 48–58. doi 10.17072/2037-6681-2017-4-48-58

Please cite this article in English as:

Erofeeva E. V., Erofeeva T. I. Russkaya rech komi-permyakov: leksicheskiy aspekt [Komi-Permyaks' Russian Speech: Lexical Aspect]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2017, vol. 9, issue 4, pp. 48–58. doi 10.17072/2037-6681-2017-4-48-58 (In Russ.)

В статье рассматриваются проблемы использования лексических единиц разных идиомов и временных пластов, а также распределение единиц разных идиомов по тематическим группам в русской речи коми-пермяков, проживающих на территории Пермского края. Материалом для анализа послужили 47 спонтанных монологических текстов, полученных от билингвов-коми-пермяков. Анализ текстов показал, что, помимо литературных русских лексических единиц, в речи встречаются: 1) коми-пермяцкие слова (обусловленные влиянием билингвальной среды); 2) слова из нелитературных форм существования русского языка (диалектизмы, просторечные слова, разговорная лексика, профессиональная лексика); 3) устаревшие слова; 4) ocasionальные употребления. Количественный и качественный анализ данного материала показал, что выделяется довольно большой пласт нелитературной лексики разных идиомов (русского и коми-пермяцкого языков), которая связана с разными тематическими группами. Семантическое «ядро» нелитературных лексических единиц в спонтанной монологической русской речи коми-пермяков формируется разговорной лексикой, которая тематически связана с просторечной лексикой. Диалектная русская лексика также крайне важна для семантической структуры текстов, так как именно она осуществляет семантические связи с коми-пермяцким языковым сознанием. Тематическое единство коми-пермяцкой и диалектной лексики указывает на тесное взаимодействие коми-пермяцкой культуры и культуры русской деревни (и историческое, и современное). Оба пласта лексики важны для самоидентификации коми-пермяков, так как описывают фрагменты картины мира, связанные с традиционной культурой и образом жизни.

Ключевые слова: билингвизм; коми-пермяки; русская спонтанная речь; лексика; тематические группы.

Введение

В подавляющем большинстве стран мира функционирует одновременно несколько языков; только 4 % всех государств являются моноязычными (см., например: [Вахтин, Головкин 2004]). В таких условиях билингвизм – это не исключительная ситуация, а скорее норма. Однако в каждом конкретном случае билингвизм, как социальный, так и индивидуальный, представлен особыми формами и нуждается в отдельном описании.

На территории Коми-Пермяцкого округа широко представлен коми-пермяцко-русский билингвизм (а также русско-коми-пермяцкий билингвизм), т. е. владение с различной степенью сво-

боды двумя языками – коми-пермяцким (родным) и русским [Дерябин 1997; Ерофеева Е. В. 2013; Чагин 2004; Шабаев 2006 и др.]. В наше время почти все коми-пермяки знают русский язык, поскольку он является государственным языком и языком межнационального общения. Согласно переписи 2010 г. [Всероссийская перепись населения 2010], в Пермском крае русский язык знали 99 % коми-пермяков, тогда как коми-пермяцкий – всего 68 %; считали родным коми-пермяцкий язык только 65 % коми-пермяков, в то время как русский язык – 34 %. Из русских же коми-пермяцкий язык знали всего лишь 0,0015 %, считали его родным менее 0,0003 % (см. табл. 1).

Таблица 1 / Table 1

**Национальный состав и владение языками в Пермском крае,
по данным Всероссийской переписи населения 2001 г., абс.
Ethnic composition and language competence in Perm Krai
according to the National Population Census (2001), abs.**

Параметры	Коми-пермяки	Русские
Численность в Пермском крае	81 084	2 191 423
Владеют русским языком	80 183	2 190 480
Считают русский язык родным	27 874	2 187 059
Владеют коми-пермяцким языком	55 285	3 276
Считают коми-пермяцкий язык родным	53 028	581

Одной из наиболее важных черт билингвизма считается уровень, или степень, владения каждым конкретным языком. Однако не менее важным является вопрос о тех формах языка, которыми владеют билингвы.

С этой точки зрения языковая ситуация исследователями коми-пермяцкого языка описывается следующим образом. Разговорному языку своей национальности коми-пермяки обучаются в детстве, семье, где он является функционально первым. Зачастую в детском возрасте усваивается не литературная разновидность коми-пермяцкого языка, а один из его диалектов. Большинство населения специально литературный коми-пермяцкий язык не изучает. Чтение и письмо на родном языке во многом осваивается самостоятельно, отсюда и слабое знание грамматики языка, что особенно сказывается на письме [Шабаев 2006]. Первое знакомство с русским языком, как отмечает М. Б. Рогачев, происходит либо в ходе общения со сверстниками, либо в школе. Наиболее основательные знания дает школа: в процессе обучения расширяется словарный запас, усваиваются систематические знания грамматики и навыки употребления языка [Рогачев 1984: 11]. В связи с этим считается, что при коми-пермяцко-русском билингвизме ведущими являются разговорные формы коми-пермяцкого языка, а ведущей формой русского

языка – литературный язык. Однако данный тезис до сих пор не подтвержден и требует изучения.

Предмет и материал исследования

Предметом исследования в данной статье являются языковые идиомы², которые коми-пермяки используют в своей устной русской речи. Исследование сосредоточено на лексическом уровне.

Материалом исследования послужили 47 спонтанных монологических текстов на русском языке, полученных от билингвов-коми-пермяков, проживающих на территории Коми-Пермяцкого округа (22 текста на тему «О себе», 25 текстов на тему «Национальные традиции»). Тексты опубликованы в звучащих хрестоматиях, подготовленных и выпущенных кафедрой теоретического и прикладного языкознания Пермского государственного национального исследовательского университета [Русская спонтанная речь коми-пермяков 2007, 2014]. Общий объем текстов составляет более 26 тыс. словоупотреблений (включая hesitation).

В спонтанных текстах коми-пермяков на русском языке анализировались следующие лексические особенности:

- 1) использование единиц разных идиомов и временных пластов;
- 2) анализ тематических групп единиц разных идиомов.

Результаты исследования

1. Использование единиц разных идиомов и временных пластов

При определении принадлежности слова к идиомам (формам существования) русского языка были востребованы словари литературного языка (БТСРЯ, Ефремова, Кузнецов, МАС, Ожегов, СТСРЯ); диалектные словари (Акчимский словарь, СПГ, СРНГ); словари городской разговорной речи (ТСРРР, ССРГ, Химик); недифференцированные словари (Даль, Ушаков).

Анализ русской спонтанной монологической речи коми-пермяков показал, что среди единиц

разных идиомов и временных пластов, помимо литературных русских лексических единиц, в речи встречаются: 1) коми-пермяцкие слова (обусловленные влиянием билингвальной среды); 2) слова из нелитературных форм существования русского языка (диалектизмы, просторечные слова, разговорная лексика, профессиональная лексика); 3) устаревшие слова; 4) окказиональные употребления. В совокупности объем этих лексических единиц составляет более 560, т. е. более 2% всех словоупотреблений.

Количественная характеристика данных групп лексики в текстах представлена в табл. 2.

Таблица 2 / Table 2

Объем групп лексических единиц разных идиомов и временных пластов, абс.
Volume of lexical units groups in different idioms and temporal strata, abs.

Лексическая группа	Объем группы
Коми-пермяцкий язык	
Коми-пермяцкие слова и выражения	62
Русский язык	
Разговорные единицы	392
Диалектизмы	117
Просторечные единицы	40
Специальные единицы	6
Устаревшая лексика	5
Окказиональные единицы	5

2. Анализ тематических групп лексики разных идиомов

Анализ семантики производился только для четырех наиболее крупных групп лексики: коми-пермяцких слов и выражений, русских разговорных лексических единиц, русских диалектизмов, русской просторечной лексики.

2.1. Коми-пермяцкие слова и выражения

В 47 текстах встретилось всего 62 употребления коми-пермяцких слов и выражений, т. е. несколько больше, чем одно употребление на текст. При этом далеко не все, а лишь примерно треть (17 из 47) информантов использовала вставки на коми-пермяцком языке.

Большинство коми-пермяцких вставок в русскую речь можно рассматривать как внутрисентенциональное переключение кодов (вставку отдельных слов), например: *Например в Ошибе отмечали нынче праздник / посвящённый / горадзулю* 'купальнице' //; *И в / Егорий / э-э / дышыс* 'ленивый-то' / *в декабре отмечали* //. Однако встречаются и интерсентенциональные переключения (вставки отдельных фраз), например: *А-а / м-м тц / дух / э / переходит / э-э / на сорок второй / э-э / день / у русских / на сороковой день / а у коми-пермяков на сорок второй день / перехо-*

дит / с этого света / в другой свет // *Эта югытись* 'из этого света' // *Мёдёр югытас* 'на тот свет' // *Вот* //. Среди коми-пермяцких вставок содержится 15 фраз, словосочетаний или устойчивых речевых формул: *воишö деддэс бабаэс* 'угощайтесь дедушки и бабушки', *иогми ме* 'родился я', *менö шуöны* 'меня зовут', *ю* 'пей' и др.

В некоторых случаях при внутрисентенциональном переключении кода происходит оформление слова грамматическими средствами русского (матричного) языка, которое можно трактовать либо как вставку в грамматическую рамку [Myers-Scotton 1993], либо как включение корней / лексем из структуры коми-пермяцкого языка в структуру русского [Muysken 2000]. Например: *Э-э / систематически в вевдёр Юсьве* // – коми-пермяцкое *вевдёр Юсьва* 'на верхней Юсьве' оформлено как местный падеж по правилам русского языка, т. е. с помощью окончания *-е* и предлога *в*; *праздник / посвящённый / горадзулю* – к коми-пермяцкому слову *горадзуль* 'купальница' добавлено русское окончание дат. п. *-у*, т. е. слово осмыслено как русское существительное мужского рода.

Поскольку сбор монологов осуществлялся людьми, не говорившими на коми-пермяцком языке, информанты, как правило, поясняют упо-

требленные коми-пермяцкие слова и выражения непосредственно в монологе, например: *Слово очень короткое / из одной буквы / ю... Пей / значит //; Рись // Это творог // свежий //; чом / э-э дом / для молебна* и др. Иногда за довольно развернутой вставкой на коми-пермяцком языке следует перевод не всего текста, а лишь его части: *Меным* ('мне') *пятьдесят лет / а / э... // Мешогми деревнян // Комиён баита* ('по-коми разговариваю') / *с рождения // Кёр и- / э-э / кыз шогми* ('когда родилась') / *сэсянь* ('тогда') // *Я родилась в деревне // Мне сейчас пятьдесят лет //*. Такой перевод коми-пермяцких слов для собеседника свидетельствует о том, что коми-пермяки хорошо разграничивают русскую и коми-пермяцкую лексику, хотя русский язык и выступает в качестве лексификатора для коми-пермяцкого.

Анализ семантических групп коми-пермяцких слов и выражений показывает (см. табл. 3), что чаще всего среди них встречаются слова, обозначающие еду и напитки. При этом в случае с коми-пермяцкими словами – это различные национальные блюда: *нянь* 'хлеб', *сур* 'пи-

во', *пельнянь* 'пельмени', *черинянь* 'рыбный пирог', *рись* 'творог' и др.

Кроме того, весьма часто включение коми-пермяцкого языка при назывании различных реалий, связанных с традициями: обрядов (*кикутны* 'совершить помолвку', *нянь-сол* 'хлеб-соль', *вошиётны* 'угощать, окормливать', *мөдөр югытас* 'на тот свет' и др.); праздников, в том числе христианских (*Егорий дышиис* 'Егорий ленивый'); народных танцев (*тупи-тапи* 'коми-пермяцкий народный танец') и т. п. Часто слова этой группы оказываются связанными с традиционными свадьбами, похоронами, поминками.

Довольно регулярно на коми-пермяцком языке упоминаются различные места: *в вевдөр Юсьва* 'в верхней Юсьве', *ракошорка* 'маленькая речка, ручеек', *крестатуй* 'место скрещения дорог, развилка, перекресток', *ывлө* 'во дворе' и др.; а также животные и растения: *порсезз* 'свиньи', *чужмөр* 'горностаи', *горадзуль* 'купальница', *бадьög* 'куропатка' и др.

Остальные семантические группы, показанные в табл. 3, представлены в речи информантов достаточно редко.

Таблица 3 / Table 3

Объем семантических групп в коми-пермяцких словах и выражениях, абс.
Volume of semantic groups in Komi-Permyak words and expressions, abs.

Семантическая группа	Объем группы
Еда и напитки	24
Традиции и обряды	17
Места	9
Животные и растения	7
Быт	5
Местоимения	4
Время	3
Национальности	3
Собственные имена	2
Наименования человека по полу и возрасту	1
Части тела	1

Таким образом, в большинстве случаев (41 из 62) коми-пермяки вставляют в русскую речь коми-пермяцкие слова и выражения, описывающие традиции (включая национальные блюда). Очевидно, именно поэтому коми-пермяцкие слова чаще встречаются в текстах «Национальные традиции», а не в текстах «О себе»: они провоцируются самой тематикой текста. Кроме того, для коми-пермяков достаточно важно обозначить на родном языке места, в которых они мыслят свою жизнь, и природный мир, окружающий их.

2.2. Русская лексика

Из русских нелитературных слов, как видно из табл. 2, шире всего представлена разговорная лексика, более чем в два раза уступает ее объему объем диалектизмов; просторечной же лексики почти в 10 раз меньше, чем разговорной, и в три раза меньше, чем диалектной. Таким образом, основа устной русской речи коми-пермяков является разговорной, в то же время в ней достаточно широко представлен диалектный компонент.

Семантические группы данных лексических пластов представлены в табл. 4.

**Объем семантических групп лексических единиц разных идиомов русского языка, абс.
Volume of semantic groups of lexical units in different Russian idioms, abs.**

Семантические группы	Лексика		
	разговорная	диалектная	просторечная
Служебная лексика	155	14	–
Время	65	2	–
Быт	43	6	13
Еда и напитки	40	39	8
Наименования человека по полу и возрасту	26	–	2
Традиции и обряды	21	40	6
Признаки	21	7	9
Место	15	–	–
Работа	9	–	1
Учеба	8	–	–
Животные и растения	8	17	–
Семья	4	–	1
Части тела	1	–	–
Национальности	1	–	1
Группы людей	1	–	–
Местоимения	–	19	–
Всего	391	117	40

2.2.1. Русская разговорная лексика

В целом в текстах хрестоматии фиксируется 391 словоупотребление единиц разговорной лексики, представленной четырьмя тематическими группами с небольшим количеством слов.

Самая частотная группы среди разговорных единиц – это служебная лексика, которую составляют в основном разговорные формы частиц и союзов, а также различные хезитативные вставки: *вроде, вроде бы, нету, типа, как бы* и др. Служебной лексикой эта группа названа условно, она объединяет асемантические единицы, у которых нет выраженного лексического значения [Богданова-Бегларян 2014]. Наиболее частотной единицей в этой группе является *как бы*: частота этого слова составляет 119 употреблений. Показательно, что данная группа лидирует именно среди разговорного пласта лексических единиц, т. к. асемантические единицы характерны для устной разговорной речи.

Следующая по объему группа – «Время», в которую вошли единицы *допоздна, наавтра, щас, тыща, ныне*. Эту группу формируют в основном наречия времени (исключение – слово *тыща*, входящее в составные порядковые числительные, обозначающие годы). Наиболее частотной едини-

цей в данном случае является аллегроя форма слова *сейчас – щас* (51 словоупотребление).

Таким образом, мы видим, что самые крупные группы разговорных единиц формируются за счет наиболее частотных разговорных единиц, которые вызваны устной формой речи – асемантическими хезитативами и аллегроями формами.

Далее следует группа «Еда и напитки». Эта группа представлена всего четырьмя разными лексемами: *стряпать, картошка, спиртное, выпивка*, – наиболее частотной из которых является глагол *стряпать*.

Группу «Быт», занимающую четвертое место по объему среди разговорной лексики, составили такие слова, как *садик* ‘детский сад’, *вариться* ‘жить в какой-либо среде’, *всунуть* ‘поместить что-либо внутрь’, *парить* ‘массировать веником в русской парной бане’, *сидеть (с детьми)* ‘присматривать’, *костерить* ‘сильно ругать, бранить’, *чашика* ‘миска’, *штука* ‘вещь’ и др. Наиболее частотной лексемой в этой группе является лексема *садик*. В группе «Быт» можно выделить и отдельные подгруппы «Бытовые действия» (примеры см. выше), а также «Деньги»: *денежка, рублёвка, сотня, десятка*.

Семантические группы «Наименования человека по полу и возрасту», «Традиции и обряды» и «Признаки» также имеют довольно высокую частотность.

Разговорные слова группы «Наименования человека по полу и возрасту» обозначают лиц и пожилого, и среднего, и молодого возраста: *бабушка* 'старая женщина', *мужик* 'мужчина', *девочка* 'молодая девушка', *ребята*, *ребятки* 'дети' и др.

Семантическая группа «Традиции и обряды» содержит в основном слова, которые описывают современный уклад жизни информантов: *гармошка*, *сидеть (за столом)* 'праздновать', *гулять* 'праздновать', *ставить концерты* и др.

В группу «Признаки» объединяется разговорная лексика, которая характеризует либо самих людей, либо их действия: *быстренько*, *потихоньку*, *показушно*, *заодно*, *особо*, *шустрая*, *рукастая* и др.; кроме того, разговорными оказываются и слова, определяющие меру количества (*маленько*, *многовато*).

Слова остальных семантических групп разговорной лексики значительно менее частотны, однако можно видеть, что в основном они направлены на описание разных сторон повседневной бытовой жизни (см. табл. 4).

2.2.2. Диалектные слова

Среди русских нелитературных лексических единиц в русской речи коми-пермяков второе по объему место занимают диалектные слова и выражения. Контакты коми-пермяцкого и русского языков осуществлялись изначально именно через народные говоры: из говоров в коми-пермяцкий язык вошло много слов, но в то же время и русские говоры перенимали коми-пермяцкие слова и выражения [Баталова, Кривошекова-Гантман 1985; Полякова 2002, 2009 и др.].

Большинство диалектизмов (89) наблюдается в текстах «Национальные традиции», в текстах на тему «О себе» диалектизмы встретились только 28 раз. Это свидетельствует о том, что, как и в случае с коми-пермяцкими вкраплениями в текст, употребление диалектизмов провоцируется темой текста.

Семантические группы диалектизмов отчасти похожи на семантические группы коми-пермяцких слов, отчасти – на семантические группы разговорной лексики.

Чаще всего среди диалектных слов встречаются слова семантической группы «Традиции и обряды»: *пускать икотку* 'вселять в человека дух болезни', *кочерга*, *выводить кочергу*, *окармливать*, *старик* 'колдун', *помянуть*, *пропивать невесту* 'завершить сватовство застольем' и др.

Диалектные слова данной семантической группы по своему значению ближе словам коми-пермяцким, чем разговорным. В них так же, как и в коми-пермяцких словах и выражениях, отражаются древние народные верования, бытовой магизм и практики его применения, встречаются также слова, описывающие части обрядов – свадьбы, поминок, похорон.

Совсем немного по объему среди диалектизмов уступает группе «Традиции и обряды» семантическая группа «Еда и напитки». Примерами слов этой группы могут служить следующие: *шаньга* 'уральская ватрушка с картофелем', *пистик* 'молодой побег хвоща', *булка* 'буханка, каравай', *парёнки* 'пареные в русской печи овощи (репа, свекла, морковь, брюква)', *бражна* 'мука для браги' и др. Как видим, в эту группу часто попадают традиционные, в том числе национальные, блюда коми-пермяков.

Сближает с семантикой коми-пермяцкой лексики семантику диалектной русской лексики и наличие в последней группы «Местоимения», которую составили в данном случае местоимение *чѐ* и его производные: *ничѐ*, *нечѐ*, *чѐ-то*.

Семантическая группа «Животные и растения» оказалась также достаточно широко представлена в текстах диалектизмами. Однако в данном случае используется всего четыре слова, при этом все – названия съедобных растений и прилагательные, образованные от них: *пикан*, *пистик*, *пистиковый*, *редешный*.

Диалект служит для коми-пермяков и источником служебной лексики: употребляется диалектная частица *дак* и выражение *да что да*.

Остальные семантические группы среди диалектизмов имеют довольно малый объем (см. табл. 4).

2.2.3. Просторечная лексика

В просторечной лексике наиболее частотной оказалась семантическая группа «Быт», в которую вошли в основном глаголы, обозначающие бытовые действия. В большинстве случаев просторечные глаголы отличаются от литературных только приставочным оформлением. Ср.: *обкутывать* – *укутывать*, *просрамиться* – *осрамиться*, *пронадеяться* – *понадеяться* и т. д. В других единицах изменение структуры слова сложнее, затрагивается и суффиксальное оформление, к примеру: *услышивать* 'слушать, прислушиваться'. Информанты используют в речи устойчивые просторечные единицы *лѐжить* 'класть', *прѐстынь*.

Следующая по объему среди просторечных слов – семантическая группа «Признаки». Она образована словами, обозначающими признаки

предметов, действий, ситуаций: *чисто, цельный, мало-мало, втихаря*. По семантическим свойствам просторечные слова этой группы мало отличаются от разговорных или диалектных.

На фоне других семантических групп достаточно часто просторечия относятся к группам «Еда и напитки» и «Традиции».

В группу «Еда и напитки» попали в данном случае слова, обозначающие процесс еды и питья (*кушать, употреблять* ‘пить спиртное’), а также название алкогольного напитка (*вино* ‘водка’).

Группу «Традиции» сформировали просторечия, относящиеся к обряду поминок (в нелитературной возвратной форме – *поминаться, помянуться*) и к промыслам – *смотреть (зверей)*.

2.2.4. Специальные лексические единицы

Специальная лексика возникает в текстах в основном при описании профессиональной деятельности. Встретилось всего 7 таких единиц в текстах трех информантов (5 единиц отмечены у одного информанта). Из всех специальных слов два представляют собой термины, употребляемые в определенных сферах: *многокомплектный детский сад – спец.* ‘детский сад с большим количеством детей’, *простейшие* ‘микроорганизмы’; четыре являются профессионализмами – словами, заменяющими термины в неофициальной речи (см.: [Ерофеева Т. И. 2009]): *маркёр* ‘вещество, показывающее наличие вируса’, *РВ* ‘реакция Вассермана’, *забор анализов* ‘процедура взятия анализов’, *забор крови* ‘процедура взятия крови для анализа’. Одно из специальных слов принадлежит диалекту и связано с рыболовным промыслом: *нора* ‘плетеная рыболовная снасть в виде воронки, ловушка для рыбы’.

2.2.5. Устаревшая лексика

Устаревших лексических единиц в текстах пять: *в миру* ‘в сельской общине, с односельчанами’; *ежели* ‘если’; *прийти* ‘прийти’, *сказывать* ‘рассказывать’, *ударница* ‘хорошистка, ученица, которая учится на 4 и 5’. Интересно, что в ряду устаревших слов есть как те, которые связаны с традиционным крестьянским укладом жизни (*в миру*), так и те, которые были характерны для конца 70-х гг. XX в. (*ударница*).

2.2.6. Окказионализмы

Хотя окказионализмов встретилось так же мало, как и устаревших слов, среди них представлены практически все возможные типы: фо-

нетический вариант слова *пиво* – *пило* (скорее всего, возникший под влиянием диалектного коми-пермяцкого произношения, в котором [v] и [l] могут замещать друг друга [Баталова 1975; Коми-пермяцкий язык 1962]); альтернативная словообразовательная модель – *молебня* (образовано, в отличие от литературного *молебеня*, не от *молиться*, а от *молебен*); расширение семантического значения – *коронный* ‘главный, основной’; контаминация слов и фразеологизмов – *кваринованные* (*квашеные* + *маринованные*, возможно, в качестве языковой игры), *с голыми руками* (*с пустыми руками* + *голыми руками*).

3. Корреляция семантических групп разных идиомов

Разные идиомные пласты лексики, прежде всего наиболее крупные: коми-пермяцкие слова и выражения, русские разговорные, диалектные и просторечные лексические единицы – отличаются в речи коми-пермяков как количественно, так и качественно. Качественное различие состоит в привлечении лексики разных тематических групп, а в случае с привлечением одной тематической группы – в использовании разных подгрупп этой лексики.

Для анализа качественно-количественной разницы в лексике разных идиомов был рассчитан коэффициент ранговой корреляции распределений семантических групп в разных идиомах. Результаты представлены в табл. 5.

Сопоставление распределений семантических групп, представленных в русской речи коми-пермяков лексикой разных идиомов, показывает, что тематически связаны разговорная и просторечная русская лексика, а также коми-пермяцкая лексика и русская диалектная лексика (коэффициент корреляции для этих распределений превосходит уровень статистической значимости: при $n = 17$, $r_{0,5} = 0,48$).

Самая сильная связь наблюдается между разговорной и просторечной лексикой. Общими для них являются большие объемы таких семантических групп, как «Быт» и «Признаки».

Коми-пермяцкую и диалектную русскую лексику объединяют семантические группы «Еда и напитки», «Традиции» и «Животные и растения». С другими русскими идиомами коми-пермяцкая лексика не связана (корреляция не значима).

**Коэффициент ранговой корреляции Спирмена
между распределениями объемов семантических групп разных идиомов
Spearman's rank correlation coefficient
between distributions of semantic groups volumes in different idioms**

	Коми-пермяцкая лексика	Русская разговорная лексика	Русская диалектная лексика
Русская просторечная лексика	0,36	0,51	0,45
Русская диалектная лексика	0,49	0,44	
Русская разговорная лексика	0,23		

Выводы

Таким образом, количественный и качественный анализ лексики русских спонтанных текстов коми-пермяков показал, что, как и ожидалось, большую часть лексического состава текстов составляет литературная, или (что точнее в данном случае) общенародная лексика. При этом выделяется довольно большой пласт нелитературной лексики разных идиомов (русского и коми-пермяцкого языков), которая связана с разными семантическими полями.

Семантическое «ядро» нелитературных лексических единиц в спонтанной монологической русской речи коми-пермяков формируется разговорной лексикой, поскольку она наиболее представительна по объему. Тематически разговорная лексика связана с просторечной, которая употребляется не всеми говорящими и в основном представляет собой грамматические варианты разговорных или литературных единиц.

Диалектная русская лексика также крайне важна для семантической структуры текстов: ее объем достаточно велик и она осуществляет семантические связи с коми-пермяцким языковым сознанием. Тематическое единство коми-пермяцкой и диалектной лексики указывает на тесное взаимодействие коми-пермяцкой культуры и культуры русской деревни (и историческое, и современное). «Тандем» коми-пермяцкой и диалектной лексики важен для самоидентификации коми-пермяков, так как описывает фрагменты картины мира, связанные с традиционной культурой и образом жизни.

Примечания

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ, проект № 15-04-00381.

² В данном случае термин «идиом» используется как «общий термин для обозначения различных языковых образований – языка, диалекта, говора, литературного языка, его варианта и

других форм существования языка. Термин “идиом” используется в тех случаях, когда определение точного лингвистического статуса языкового образования затруднено... или когда такое определение несущественно в рамках решаемой задачи» [Виноградов 1990: 171].

Список словарей

Акчимский словарь – Словарь говора деревни Акчим Пермской области / гл. ред. Ф. Л. Скицова; Перм. гос. ун-т. Пермь, 1990. Вып. 2. 183 с.; 1999. Вып. 4. 215 с.; 2003. Вып. 5. 228 с.; 2011. Вып. 6. 312 с.

БТСРЯ – *Большой толковый словарь русского языка* / гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.

Ефремова – *Ефремова Т. Ф.* Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Рус. язык, 2000. URL: <http://www.efremova.info> (дата обращения: 10.07.2017).

Даль – *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Рус. язык, 2000. Т. 1 (А–З). 699 с.

Кузнецов – *Кузнецов С. А.* Большой толковый словарь русского языка. 2014. URL: <http://www.gramota.ru/slovari/info/bts> (дата обращения: 10.07.2017).

МАС – *Словарь русского языка: в 4 т. (Малый академический словарь)* / под ред. А. П. Евгеньевой; Ин-т лингв. исслед. РАН. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. Т. 1 (А–Й). 702 с. Т. 2 (К–О). 736 с. Т. 3 (П–Р). 750 с. Т. 4 (С–Я). 797 с.

Ожегов – *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь современного русского языка. М.: АЗЪ, 1995. 928 с.

СПГ – *Словарь пермских говоров* / под ред. А. Н. Борисовой. Пермь: Книжный мир, 2000. Вып. 1 (А–Н). 608 с.; 2002. Вып. 2 (О–Я). 576 с.

СРНГ – *Словарь русских народных говоров.* М.; Л.: Наука, 1965–1966. Вып. 1–2. Л.: Наука,

1968–1991. Вып. 3–26. СПб.: Наука, 1992–2013. Вып. 27–46.

ССРГ – *Словарь* современного русского города: около 11 000 слов; около 1000 фразеол. выражений / под ред. Б. И. Осипова. М.: Рус. словари: Астрель: АСТ: Гранзиткнига, 2003. 565 с.

СТСРЯ – *Современный* толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. М., 2004. 960 с.

ТСРРР – *Толковый* словарь русской разговорной речи: проспект / под ред. Л. П. Крысина / Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова РАН. М.: 2010. 346 с.

Ушаков – *Ушаков Д. Н.* Большой толковый словарь. М.: ПрофиКС, 2008. 960 с.

Химик – *Химик В. В.* Большой словарь русской разговорной речи. СПб.: Норинт, 2004. URL: <http://project.phil.spbu.ru/lib/data/slovari/khimik/razgovor.html> (дата обращения: 10.07.2017).

Список литературы

Баталова Р. М. Коми-пермяцкая диалектология. М.: Наука, 1975. 252 с.

Баталова Р. М., Кривошчëкова-Гантман А. С. Коми-пермяцко-русский словарь. М.: Рус. яз., 1985. 621 с.

Богданова-Бегларян Н. В. Дискурсивная единица *типа (того что)*: функционирование в устной спонтанной речи и возможности лексикографического описания // Проблемы истории, филологии, культуры. Journal of Historical, Philological and Cultural Studies. 2014. № 3(45). С. 252–255.

Вахтин Н. Б., Головкин Е. В. Социоллингвистика и социология языка. СПб.: Изд. центр «Гуманитарная академия», 2004. 336 с.

Виноградов В. А. Идиом // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия, 1990. С. 171.

Всероссийская перепись населения 2010. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis_2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 02.02.2017).

Дерябин В. С. Коми-пермяки сегодня: особенности этнокультурного развития. Серия: Исследования по прикладной и неотложной этнологии Института этнологии и антропологии РАН. М., 1997. Документ № 102. 22 с.

Ерофеева Е. В. Языковая ситуация Пермского края: особенности русской спонтанной речи и методы исследования // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2013. Вып. 3(23). С. 7–16.

Ерофеева Т. И. Социолект: стратификационное исследование / Перм. гос. ун-т. Пермь, 2009. 240 с.

Коми-пермяцкий язык: Введение, фонетика, лексика и морфология / под ред. В. И. Лыткина. Кудымкар: Коми-Пермяцкое кн. изд-во, 1962. 340 с.

Полякова Е. Н. Лексика и ономастика в памятниках письменности и в живой речи Прикамья / Перм. гос. ун-т. Пермь, 2002. 293 с.

Полякова Е. Н. Лингвокультурное пространство Верхнего и Среднего Прикамья. Пермь, 2009. 260 с.

Рогачев М. Б. Билингвизм сельских коми (социологический аспект) // Взаимодействие финно-угорских и русского языков. Сыктывкар, 1984. С. 3–17.

Русская спонтанная речь коми-пермяков: звучащая хрестоматия / науч. ред. Т. И. Ерофеева; Н. В. Боронникова, Т. И. Доценко, Е. В. Ерофеева, Е. В. Овчинникова, И. А. Угланова; Перм. гос. ун-т. Пермь, 2007. 72 с.

Русская спонтанная речь коми-пермяков: Национальные традиции: звучащая хрестоматия / науч. ред. Т. И. Ерофеева; В. Ю. Березина, Н. В. Боронникова, Е. В. Ерофеева, Е. В. Овчинникова, Е. В. Пепеляева, М. А. Томилина, Е. С. Худякова; Перм. гос. ун-т. Пермь, 2014. 112 с.

Чагин Г. Н. Интерпретация исторического взаимодействия этносов Пермского Прикамья в контексте культуры толерантного поведения // Региональный информационный фарватер. 2004. URL: http://fairway.h1.ru/1/242_1.html (дата обращения: 02.09.2014).

Шаббаев Ю. П. Этносоциальные последствия объединения регионов (Из опыта формирования Пермского края) // СоцИс. 2006. № 3. С. 64–71.

Muysken P. Bilingual Speech. A Typology of Code-Mixing. Oxford, 2000. 306 p.

Myers-Scotton C. Duelling Language. Grammatical Structure in Codeswitching. Oxford: Clarendon Press, 1993. 304 p.

References

Batalova R. M. *Komi-permyatskaya dialektologiya* [Komi-Permyak Dialectology]. Moscow, Nauka Publ., 1975. 252 p. (In Russ.)

Batalova R. M., Krivoshechkova-Gantman A. S. *Komi-permyatsko-russkiy slovar'* [Komi-Permyak-Russian Dictionary]. Moscow, Russkiy Yazyk Publ., 1985. 621 p. (In Russ.)

Bogdanova-Beglaryan N. V. Diskursivnaya ednitsa *tipa (того что)*: funktsionirovanie v ustnoy spontannoy rechi i vozmozhnosti leksikograficheskogo opisaniya [Discursive unit *tipa (того что)*: functioning in oral spontaneous speech and possibilities of lexicographical description]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Problems of History, Phi-

logy and Culture, Journal of Historical, Philological and Cultural Studies], 2014, issue 3(45), pp. 252–255. (In Russ.)

Vakhtin N. B., Golovko E. V. *Sotsiolingvistika i sotsiologiya yazyka* [Sociolinguistics and Sociology of Language]. St. Petersburg, Gumanitarnaya akademiya Publ., 2004. 336 p. (In Russ.)

Vinogradov V. A. Idiom [Idiom]. *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Ed. by V. N. Yartseva. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1990. P. 171. (In Russ.)

Vserossiyskaya perepis' naseleniya 2010 [The Russian Census of 2010]. Available at: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (accessed 02.02.2017) (In Russ.)

Deryabin V. S. Komi-permyaki segodnya: osobennosti etnokul'turnogo razvitiya [Komi-Permyaks today: Features of Ethno-Cultural Development]. *Seriya: Issledovaniya po prikladnoy i neotlozhnoy etnologii Instituta etnologii i antropologii RAN* [The Series: Studies on Applied and Urgent Ethnology of the Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences]. Moscow, 1997, Document No. 102. 22 p. (In Russ.)

Erofeeva E. V. Yazykovaya situatsiya Permskogo kraia: osobennosti russkoy spontannoy rechi i metody issledovaniya [Linguistic Situation of Perm Region: Specific Features of Russian Spontaneous Speech and Methods of Investigation]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2013, issue 3(23), pp. 7–16. (In Russ.)

Erofeeva T. I. *Sotsiolekt: stratifikatsionnoe issledovanie* [Sociolect: stratification analysis]. Perm, Perm State University Press, 2009. 240 p. (In Russ.)

Komi-permyatskiy yazyk: vvedenie, fonetika, leksika i morfologiya [Komi-Permyak language: introduction, phonetics, lexis and morphology]. Ed. by V. I. Lytkina. Kudymkar, Komi-Permyak Publishing House, 1962. 340 p. (In Russ.)

Polyakova E. N. *Leksika i onomastika v pamyatnikakh pis'mennosti i v zhivoy rechi Prikamya* [Lexis and onomastics in ancient manuscripts and live speech of the Kama Region]. Perm, Perm State University Press, 2002. 293 p. (In Russ.)

Polyakova E. N. *Lingvokul'turnoe prostranstvo Verkhnego i Srednego Prikamya* [Linguistic and Cultural Space of the Upper and Middle Kama Region]. Perm, 2009. 260 p. (In Russ.)

Rogachev M. B. Bilingvizm sel'skikh komi (sotsiologicheskiy aspekt) [Bilingualism of the Rural Komi (sociological aspect)]. *Vzaimodeystviye finno-ugorskikh i russkogo yazykov* [Interaction between Finno-Ugric and Russian languages]. Syktyvkar, 1984, pp. 3–17. (In Russ.)

Russkaya spontannaya rech' komi-permyakov: zvuchashchaya khrestomatiya [Komi-Permyaks' Russian speech: sounding chrestomathy]. Ed. by T. I. Erofeeva, N. V. Boronnikova, T. I. Dotsenko, E. V. Erofeeva, E. V. Ovchinnikova, I. A. Uglanova. Perm, Perm State University Press, 2007. 72 p. (In Russ.)

Russkaya spontannaya rech' komi-permyakov. Natsional'nye traditsii: zvuchashchaya khrestomatiya [Komi-Permyaks' Russian spontaneous speech. National Traditions: sounding chrestomathy]. Ed. by T. I. Erofeeva, V. Yu. Berezina, N. V. Boronnikova, E. V. Erofeeva, E. V. Ovchinnikova, E. V. Pepeyaeva, M. A. Tomilina, E. S. Khudyakova. Perm, Perm State University Press, 2014. 112 p. (In Russ.)

Chagin G. N. Interpretatsiya istoricheskogo vzaimodeystviya etnosov Permskogo Prikamya v kontekste kul'tury tolerantnogo povedeniya [Interpretation of historical interaction between ethnics of the Kama Region in the context of culture of tolerant behavior]. *Regional'nyy informatsionnyy farvater* [Regional Information Fairway]. 2004. Available at: http://fairway.h1.ru/1/242_1.html (accessed 02.09.2014) (In Russ.)

Shabaev Yu. P. Etnosotsial'nye posledstviya ob'edineniya regionov (Iz opyta formirovaniya Permskogo kraia) [Ethno-social consequences of the merging regions (from the experience of the formation of the Perm Region)]. *Sociological Studies*, 2006, issue 3, pp. 64–71. (In Russ.)

Muysken P. *Bilingual Speech. A Typology of Code-Mixing*. Oxford, 2000. 306 p. (In Eng.)

Myers-Scotton C. *Duelling Language. Grammatical Structure in Codeswitching*. Oxford, Clarendon Press, 1993. 304 p. (In Eng.)

KOMI-PERMYAKS' RUSSIAN SPEECH: LEXICAL ASPECT

Elena V. Erofeeva

Head of the Department of Theoretical and Applied Linguistics

Perm State University

15, Bukireva st., Perm, 614990, Russian Federation. elenerofee@gmail.com

SPIN-code: 4653-7454

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-6659-6519>

ResearcherID: Q-3940-2017

Tamara I. Erofeeva

Professor in the Department of Theoretical and Applied Linguistics

Perm State University

15, Bukireva st., Perm, 614990, Russian Federation. genling.psu@gmail.com

SPIN-code: 7299-8815

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-0316-4302>

ResearcherID: Q-3942-2017

The paper deals with the usage of lexical units belonging to different idioms and temporal strata, as well as with the distribution of units of different idioms across thematic groups in Russian spontaneous speech of the Komi-Permyaks residing within the Perm Krai territory. The analyzed material included 47 spontaneous monologues produced by the Komi-Permyak bilinguals. The analysis of the texts proved that, except literary Russian lexical units, the monologues contain: 1) the Komi-Permyak words (determined by the influence of the bilingual environment); 2) words belonging to the non-literary forms of the Russian language (dialect, vernacular, colloquial, professional lexis); 3) archaic words; 4) occasional word usages. Quantitative and qualitative analysis of the research material revealed a sufficiently large layer of non-literary lexis belonging to different idioms (both of the Russian and Komi-Permyak languages) and related to different thematic groups. The semantic “nucleus” of non-literary lexical units in spontaneous Russian speech of the Komi-Permyaks is formed by colloquial lexis that is thematically connected to vernacular lexis. The dialect Russian lexis is also very significant for the semantic structure of texts, as it provides semantic links with the Komi-Permyak linguistic consciousness. The thematic unity of the Komi-Permyak and dialect lexis reveals close interaction between the Komi-Permyak culture and the culture of a Russian village (both historical and present). Both lexis layers are important for the Komi-Permyaks' national self-identification as ones that describe fragments of the worldview connected with traditional culture and lifestyle.

Key words: bilingualism; Komi-Permyaks; Russian spontaneous speech; lexis; thematic groups.

УДК 811.111'25
doi 10.17072/2037-6681-2017-4-59-65

МЕСТО ДОКТРИНАЛЬНОГО ПЕРЕВОДОВЕДЧЕСКОГО ДИСКУРСА СРЕДИ ДРУГИХ ВИДОВ ДИСКУРСА

Людмила Вениаминовна Кушнина

д. филол. н., профессор кафедры иностранных языков, лингвистики и перевода
Пермский национальный исследовательский политехнический университет
614990, Россия, г. Пермь, Комсомольский просп., 29. lkushnina@yandex.ru

SPIN-код: 5273-8845

ORCID: <http://orcid.org/0000-003-4360-7243>

ResearcherID: D-5858-2017

Анна Игоревна Криворучко

ассистент кафедры иностранных языков, лингвистики и перевода

Пермский национальный исследовательский политехнический университет
614990, Россия, г. Пермь, Комсомольский просп., 29. annaigor08@mail.ru

SPIN-код: 7798-1167

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-4093-3641>

ResearcherID: I-6542-2017

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Кушнина Л. В., Криворучко А. И. Место доктринального переводоведческого дискурса среди других видов дискурса // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2017. Т. 9, вып. 4. С. 59–65. doi 10.17072/2037-6681-2017-4-59-65

Please cite this article in English as:

Kushnina L. V., Krivoruchko A. I. Mesto doktrinal'nogo perevodovedcheskogo diskursa sredi drugikh vidov diskursa [Doctrinal Translational Discourse among Other Discourse Types]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2017, vol. 9, issue 4, pp. 59–65. doi 10.17072/2037-6681-2017-4-59-65 (In Russ.)

Авторы статьи на основе анализа функций дискурса сформулировали свое понимание роли и места доктринального переводоведческого дискурса. Современное состояние дискурс-анализа характеризуется повышенным вниманием лингвистов к функциям, которые он выполняет в определенной коммуникативной сфере, что позволяет вычлнить следующие основополагающие функции дискурса: социальная, культурная, деятельностная, когнитивная, интертекстуальная. Целью данной статьи является определение места и роли одного из жанров юридического дискурса – доктринального, особенности которого раскрываются при анализе коммуникативно-речевого поведения языковой личности переводчика, что позволяет отнести его также к переводоведческому дискурсу. В связи с тем что понятие доктринального дискурса не вошло в понятийно-категориальный аппарат современного дискурс-ведения, авторы опирались на результаты исследований европейских ученых, которые вычлнили доктринальный дискурс среди других типов юридического дискурса. Использование в качестве анализируемого материала текстов и дискурсов в сфере переводоведения позволило вычлнить доктринальный переводоведческий дискурс как самостоятельный тип дискурса. Исследование выполнено в рамках концепции переводческого пространства и теории гармонизации одного из авторов статьи. Предметом исследовательского интереса являются черты творческого и стереотипного в структуре языковой личности переводчика, что приводит (или не приводит) к гармоничному переводу специальных типов дискурса, к которым относится доктринальный дискурс.

Ключевые слова: юридический дискурс; доктринальный дискурс; доктринальный переводоведческий дискурс; функции дискурса; языковая личность; стереотипное / творческое; гармоничный перевод; переводческое пространство.

Дискурс как одно из ключевых понятий современной лингвистики открыт к изучению. Несмотря на многочисленные исследования в области дискурса, предпринятые как в отечественном, так и в зарубежном языкознании, ученые активно продолжают свои разыскания в данном направлении, что обусловлено, среди прочих факторов, появлением его новых разновидностей, в частности, доктринального дискурса [Peshkov 2012].

Начнем с того, что само понятие доктринального дискурса пока не вошло в понятийно-категориальный аппарат отечественного дискурсологии. Вместе с тем наше обращение к изучению различных аспектов юридического дискурса, а также специального дискурса в сфере юрислингвистики, обозначенного как юрислингвистический дискурс, привело нас к идее подробного изучения доктринального дискурса, рассматриваемого франкоязычными учеными в системе юридического дискурса.

Исследовательской задачей данной статьи является выявление места и роли доктринального дискурса среди других видов дискурса, а также его описание на материале переводных текстов в данной сфере. Решение поставленной задачи становится возможным, на наш взгляд, в результате анализа функций дискурса.

Обратимся к трудам классиков анализа дискурса. По мнению Т. ван Дейка, одного из основателей теории дискурса, «...дискурс является лишь одной из многих социальных практик, которые необходимо осмыслить» [Дейк 2013: 31]. Мы констатируем, что содержание дискурса детерминировано социальными взаимодействиями, в частности, речь идет о способности субъектов социальных отношений наблюдать, переживать и интерпретировать социальные структуры: «Именно эта (субъективная) репрезентация, эти ментальные модели специфических событий, это знание, эти оценки и идеологии в конечном итоге влияют на дискурсы и другие социальные практики» [там же: 34]. Можно сказать, что в данном случае ученый акцентирует внимание на **социальной функции дискурса**. Компонентами социального аспекта дискурса он считает также историю и культуру: «... Представители различных культур могут понимать и использовать эти дискурсы по-разному в зависимости от разделяемого в их культуре знания и оценок» [там же: 35]. Исследователь подчеркивает, что в условиях возрастающей глобализации дискурсивные жанры становятся универсальными, что не исключает зависимости дискурсов от культуры. Как видим, дискурс выполняет **культурную функцию**, т. е. необходимо учитывать культурный контекст, в который включены участники межкультурного взаимодействия.

Подытоживая представления Т. ван Дейка о природе дискурса, дадим его определение: «В этой работе под «дискурсом» мы понимаем только специфичное коммуникативное событие в общем и письменную или устную форму взаимодействия или использования языка в частности. Иногда понятия «дискурс» используется в родовом смысле, обозначая тип дискурса, совокупность дискурсов или класс дискурсивных жанров, например, когда мы говорим о «медицинском дискурсе», «политическом дискурсе» или же «расистском дискурсе» [там же: 131].

Исследования в области функциональной стилистики, предпринятые в научной школе проф. М. Н. Кожинной, открывают новые грани в трактовке дискурса. По утверждению Н. В. Данилевской, теория дискурса в ее современном освещении, особенно в трудах зарубежных исследователей, близка функционально-стилистической концепции текста, представленной учеными пермской научной школы стилистики. В основе этих научных направлений лежат такие области, как предмет исследования – речь и ее разновидности, общие параметральные признаки: динамизм в процессе использования языка, его детерминация экстралингвистическими факторами, системность, историзм, речеведческий подход, трактовка текста как результата речевой / дискурсивной деятельности и как материала исследования. Автор напоминает дефиницию М. Н. Кожинной, согласно которой дискурс – это «речь, разновидность речи как процесс использования языка в когнитивно-речевой деятельности, фиксирующийся в текстах, опирающийся на интрадискурсивность, обусловленный экстралингвистическими факторами (идеологическими, социокультурными, историческими) и представляющий определенную общность практики людей в качестве обобщенного субъекта высказывания (особый «ментальный мир» с его «духом времени»)» (цит. по: [Данилевская 2005: 179]).

В своих работах М. Н. Кожина неоднократно подчеркивала, что «динамика употребления языка человеком – главнейший, существенный признак речи, обуславливающий все другие ее признаки и свойства, круг категорий и объектов исследования» [Стилистический энциклопедический словарь... 2003: 334]. Эта идея получила наибольшее развитие в связи с развитием теории дискурса в ее современном освещении.

В работах Н. В. Данилевской дискурс соотносится не только с текстом, но и с интердискурсом, интегрирующим в себе совокупность дискурсов в рамках эвристической деятельности. Иными словами, интердискурсивность предопределяет особую организацию смысла высказывания, формирование и выражение автором

новой идеи и организацию ментальной активности предполагаемого читателя.

Все сказанное позволяет выявить такие функции дискурса, как **деятельностная**, обуславливающая рече- и текстопроизводство, **когнитивная**, определяемая типом мышления и когнитивными прототипами, но, самое главное, детерминированная **экстралингвистическими факторами**.

В этой же парадигме разворачиваются рассуждения В. Е. Чернявской о природе дискурса, отмечающей, что «содержание (тема) дискурса раскрывается не одним отдельным текстом, но интертекстуально, в комплексном взаимодействии многих отдельных текстов» [Чернявская 2014: 112].

Следовательно, можно говорить об **интертекстуальной функции дискурса**, обеспечивающей тематическое единство входящих в него текстов и их функционирование в пределах определенной коммуникативной сферы. При этом автор подчеркивает, что дискурс продуцируется коллективным субъектом. Именно такой подход позволяет ученым вычленивать относительно самостоятельные типы, виды, жанры дискурса.

Для проводимого нами исследования важны положения о дискурсивной формации – условных границах дискурса, изложенных в работе В. Е. Чернявской. Автор обозначает следующие типы границ: ментальные, методологические, содержательные, лингвистические, создающие своего рода «рамочное пространство» дискурса, которое характеризует коллективное речевое действие данного языкового сообщества.

Как видим, понятие дискурса может быть выражено через функции, которые он выполняет в определенной коммуникативной сфере. В дальнейшем мы подробнее рассмотрим функции доктринального дискурса. Предметом нашего исследовательского интереса является юридический дискурс и его разновидности, что наиболее полно представлено в работе Киры Пешков, франкоязычного ученого русского происхождения, озглавленной “Le discours juridique en russe et en français: une approche typologique” [Peshkov 2012].

Кроме того, нас интересует переводной юридический дискурс, а именно тексты юридической тематики на французском языке и их переводы на русский. По нашим наблюдениям, среди данного типа текстов особое место занимают тексты, посвященные проблемам юридического перевода, интерес к которому постоянно растет, что обусловлено социально-экономическими причинами и что позволило нам вычленивать самостоятельный доктринальный переводоведческий дискурс.

К. Пешков исходит из положения о том, что юридический дискурс является одновременно и

лингвистическим, и юридическим актом, т. е. речь идет о междисциплинарном феномене, где имеет место взаимодействие дисциплин, личностей, культур [Peshkov 2012].

Наибольший интерес в данной работе представляет для нас описание жанров юридического дискурса. Составленная автором классификация показывает, что типы юридического дискурса различаются по следующим параметрам: автор дискурса, получатель дискурса, цель дискурса, уровень специализации. При этом в основу трактовки дискурса положено его понимание как продукта множественных дискурсивных практик в социальной жизни, а источником изучения дискурса являются различные области социальной жизни. В центре внимания исследователя – транслингвистические дискурсивные практики языка права. В основу предложенной К. Пешков классификации положен коммуникативно-функциональный подход, что позволило выделить четыре жанра юридического дискурса (*discours juridique*): 1) нормативный дискурс (*discours normatif*), 2) судебный дискурс (*discours juridictionnel*), 3) арбитражный дискурс (*discours des traités*), 4) доктринальный дискурс (*discours doctrinal*). Нормативный дискурс покрывает законодательный и административный дискурсы. Судебный дискурс относится к государственным структурам, судебным инстанциям. Арбитражный дискурс касается также государственных органов, связанных с международным правом, с заключением договоров и пр. Доктринальный дискурс соотносится со всеми, кто создает законы и обучает законотворчеству. Как подчеркивает автор, он соотносится с деятельностью юристов-ученых, что находит отражение в монографиях и научных статьях юридической тематики. По нашим наблюдениям, к доктринальному дискурсу можно отнести как дискурс преподавателей права, так и дискурс преподавателей юридического перевода, который в настоящее время становится самостоятельным предметом изучения и который будет рассмотрен ниже. При этом, как считают представители кемеровской школы юрлингвистики, рядовой носитель языка (в нашем случае – переводчик) «вовсе не факультативный читатель текста. Он, основной участник правовой коммуникации, является в своей основе диалогом народа и власти» [Голев 2015: 138].

Возвращаясь к работе К. Пешков, приведем следующее определение доктринального текста: «Le discours doctrinal est l’oeuvre des “doctes”, de ceux qui enseignent ou écrivent sur le droit <...> Elle est le produit de la “caste” des juristes – ni une origine officielle – l’autorité publique ne lui confère pas, en principe, de statut particulier dans la création de la règle de droit. Le rôle de la doctrine est de

déterminer la règle juste. Mais la liberté d'opinion des doctes entraîne une grande diversité des règles proposées» [Peshkov 2012: 26]. – (Доктринальный дискурс – это речевое произведение, созданное компетентными специалистами в области права, т. е. теми, кто пишет правовые документы или обучает правопроизводству. Это продукт «касты» юристов, которых государственные структуры не наделяют полномочиями правотворчества и роль которых заключается в формулировке справедливых правил. Но свобода мнений среди этих специалистов влечет за собой большое разнообразие предлагаемых правил) (перевод наш. – Л. К.). В рамках проводимого нами исследования важно подчеркнуть сферу функционирования доктринального дискурса. По мнению К. Пешков, «... le discours doctrinal est abordé dans le cadre d'articles scientifiques, de manuels de droit et de monographies traitant de sujets juridiques» [Peshkov 2012: 45]. – (...доктринальный дискурс используется при написании научных статей, учебников и учебных пособий в области права, монографий, посвященных субъектам юридического дискурса) (перевод наш. – Л. К.). Данная сфера была использована нами для анализа доктринального переводоведческого дискурса.

Таким образом, разновидностью доктринального дискурса, раскрывающего особенности коммуникативно-речевого поведения определенного типа языковой личности, является доктринальный переводоведческий дискурс (ДПД). В качестве авторов ДПД выступают профессиональные юристы, ученые в сфере юриспруденции, преподаватели права, переводчики юридических текстов и исследователи в сфере специального юридического перевода. В качестве реципиентов выступают ученые-юристы, студенты, преподаватели, частные лица, интересующиеся проблемами права, переводчики юридических текстов. Именно переводчики юридических текстов послужили для нас источником теоретических размышлений и наблюдений.

Мы предположили, что в роли переводчиков могут выступать как профессиональные юристы, так и профессиональные переводчики, которые не являются специалистами в юридической сфере. Иными словами, мы анализируем дискурсивную деятельность переводчиков-юристов и переводчиков-лингвистов. Если рассматривать эти категории деятельности с позиций рамочного пространства дискурса, о котором речь шла выше, можно предположить, что деятельность переводчиков-юристов осуществляется в рамках методологических и содержательных границ, а деятельность переводчиков-лингвистов – в рамках ментальных и лингвистических границ.

Таким образом, сопоставив основные положения анализа дискурса в целом и юридического дискурса в частности, представленные отечественными и зарубежными учеными, мы вычленили самостоятельный тип дискурса – *доктринальный переводоведческий дискурс*, который является разновидностью доктринального дискурса. В свою очередь, доктринальный дискурс выступает родовым понятием по отношению к данному типу, но видовым понятием по отношению к юридическому дискурсу. Что касается юридического дискурса, наряду со многими другими, он является разновидностью специального дискурса, обеспечивающего профессиональную коммуникацию в определенной сфере общения. Доктринальный переводоведческий дискурс в дискурсивной системе коммуникации может быть представлен следующим образом: юридический дискурс: нормативный дискурс – судебный дискурс – арбитражный дискурс – доктринальный дискурс.

Исследование ДПД мы проводим в рамках концепции переводческого пространства Л. В. Кушнина (2016) и концепции стереотипного и творческого М. П. Котюровой (2005, 2007). Согласно концепции переводческого пространства перевод текста / дискурса протекает как процесс транспонирования гетерогенных эксплицитно-имплицитных смыслов из одного языка в другой, из одной культуры в другую. Этот процесс является синергетическим по своей природе, т. к. смысл текста перевода является результатом синергии смыслов всех полей переводческого пространства [Кушнина 2016]. Синергетический эффект означает, что в процессе перевода произошло приращение новых смыслов, приемлемых в принимающей культуре. В результате смыслы текстов оригинала и перевода соразмерны друг другу, т. е. гармоничны.

Исследование доктринального переводоведческого дискурса мы проводим в свете проблемы языковой личности переводчика, обладающей чертами творческого и стереотипного. Мы предположили, что в зависимости от соотношения творческих и стереотипных характеристик в структуре языковой личности переводчика происходит порождение качественного, гармоничного перевода, что приводит к успешному взаимодействию коммуникантов, или имеет место переводческая дисгармония как проявление ошибок, неудач, погрешностей, что приводит к коммуникативному сбою.

Как поясняет М. П. Котюрова, обращение к проблеме творческого и стереотипного в тексте позволяет реализовать «панорамный подход к тексту» [Котюрова 2005], иными словами, выявить противоположные и, вместе с тем, взаимо-

обусловленные свойства процессов текстопорождения и текстовосприятия. Единство стереотипного и творческого, лингвистического и экстралингвистического, текстового и дискурсивного характеризует уровень развития лингвистического знания, что расширяет наши возможности при изучении как монологического, так и двуязычного языкового материала.

М. П. Котюрова, а также авторы многочисленных статей ежегодного научного сборника «Стереотипность и творчество в тексте» убедительно доказали, что стереотипное и творческое характеризуют любой текст, при этом уровень их взаимодействия определяет качество текста.

Перейдем к анализу. В качестве материала для анализа мы использовали фрагменты текста Ф. Оста «Dire le droit, faire justice» [Ost 2007] в оригинале и переводе. В качестве переводчиков выступили студенты старших курсов гуманитарного факультета ПНИПУ, обучающиеся по специальности «лингвист-переводчик». Текстовые категории стереотипного и творческого мы проанализировали с позиций современной метафорологии, согласно которой метафора является одним из когнитивных механизмов языка. Мы предположили, что динамика порождения метафоры в тексте перевода может осуществляться по двум направлениям: реметафоризации и деметафоризации, что, соответственно, отражает проявление творческого и стереотипного компонентов в речевой деятельности переводчика. В процессе реметафоризации переводчику удастся воссоздать метафору оригинала, в процессе деметафоризации метафорическое выражение исчезает.

Приведем фрагмент текста оригинала.

Et comme le traducteur encore, le juge fait l'expérience d'une nécessaire et impossible fidélité – une fidélité paradoxale donc, qui tient moins dans la stricte conformité (à quoi, du reste : au mot, au sens, à l'intention de l'auteur, aux attentes du lecteur, aux particularités du contexte ?) que dans une créativité responsable, "responsive" disent les auteurs anglo-saxons, répondante des virtualités des textes et en dialogue avec les interpellations des justiciables [Ost 2007: XVI].

Текст перевода № 1

*...И еще, так же как и переводчик, судья сталкивается с необходимым и тяжелым разочарованием – парадоксальным разочарованием, которое связано не столько с точным соответствием (соответствием чему, в конце концов: слову, смыслу, авторскому намерению, ожиданию читателя, особенностям контекста?), а с процессом ответственной творческой способности, «чуткой», по выражению англосаксонских авторов, отвечающей **возможностям текста** и в соответствии с запросами подсудных лиц.*

Текст перевода № 2

*...И подобно переводчику, судья стремится к верности — необходимой и невозможной, то есть парадоксальной, — верности, которая кроется не столько в адекватности (чему, кстати: слову, смыслу, намерению автора, ожиданиям читателя, контексту?), сколько в ответственном творчестве. Творчестве, как пишут англичане, responsive, то есть чутком к **скрытым смыслам текста** и ведущем постоянный допрос обвиняемого.*

Как видим, в оригинале автор прибегает к использованию метафоры «**virtualités des textes**». Первый переводчик пишет: «**возможности текста**», второй переводчик формулирует: «**скрытые смыслы текста**». Следовательно, в первом случае имеет место процесс деметафоризации, в то время как во втором случае мы констатируем реметафоризацию. Согласно концепции переводческого пространства второй вариант можно признать гармоничным, что отражает творческий характер языковой личности переводчика.

Таким образом, на частном примере мы показали, что в ситуации доктринального переводоведческого дискурса находят выражение стереотипные и творческие черты языковой личности переводчика. Эти черты обладают дискурсообразующими свойствами, влияя тем самым на содержание дискурса, его качество, его роль в общей системе профессиональной деятельности, включенной в единое коммуникативное пространство.

Список литературы

- Алексеева И. С. Текст и перевод. Вопросы теории. М.: Междунар. отн., 2008. 184 с.
- Белозерова Н. Н. Дискурсивная избыточность и перформативность современного медийного пространства // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. 2015. № 1(1), т. 1. С. 7–20.
- Голев Н. Д. Юридическая терминология в контексте доктринального толкования // Сибирский филологический журнал. 2015. № 4. С. 138–148.
- Данилевская Н. В. Научный текст – дискурс – интердискурс: функционально-стилистический взгляд // Стереотипность и творчество в тексте: межвуз. сб. науч. тр. Пермь, 2005. Вып. 8. С. 175–184.
- Дейк Т. А. ван. Дискурс и власть. Репрезентация доминирования в языке и коммуникации / пер. с англ. М.: ЛИБРОКОМ, 2013. 344 с.
- Котюрова М. П. Когнитивно-функционально-стилистический подход к культуре письменной речи // Стереотипность и творчество в тексте: межвуз. сб. науч. тр. Пермь, 2005. Вып. 9. С. 120–127.

Котюрова М. П., Баженова Е. А. Культура научной речи: текст и его редактирование. Пермь, 2007. 282 с.

Кушникова Л. В. Культурная парадигма перевода // Стереотипность и творчество в тексте: межвуз. сб. науч. тр. Пермь, 2016. Вып. 20. С. 130–139.

Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. М.: Флинта: Наука, 2003. 696 с.

Чернявская В. Е. Лингвистика текста. Лингвистика дискурса: учеб. пособие. М.: Флинта, 2014. 200 с.

Ost F. Obiter dicta / Dire le droit, faire justice. Collection: Penser le droit. 2-e édition // F. Ost. Dire le droit, faire justice. Bruxelles: Bruylant, 2007. P. IX–1. URL: <http://fr.bruylant.larciergroup.com/resource/extra/9782802738497/OBITER%20DICTA%20DIRDROMB.pdf> (дата обращения: 02.05.2017).

Peshkov K. Le discours juridique en russe et en français: une approche typologique. Linguistique. Aix-Marseille Université, 2012. Français. URL: https://tel.archives-ouvertes.fr/tel-00997016/file/These_PESHKOV_Kira.pdf (дата обращения: 03.04.2017).

References

Alekseeva I. S. *Tekst i perevod* [Text and Translation]. Moscow, International Relations Publishing House, 2008. 184 p. (In Russ.)

Belozerova N. N. Diskursivnaya izbytochnost' i performativnost' sovremennogo mediynogo prostanstva [Discourse Redundancy and Performativity of the Modern Media Landscape]. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnyye issledovaniya* [Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanities], 2015, issue 1(1), vol. 1, pp. 7–20. (In Russ.)

Golev N. D. Yuridicheskaya terminologiya v kontekste doktrinal'nogo tolkovaniya [Juridical terminology in the context of doctrinal interpretation]. *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal* [Siberian Philological Journal], 2015, issue 4, pp. 138–148. (In Russ.)

Danilevskaya N. V. Nauchnyy tekst – diskurs – interdiskurs: funktsional'no-stilisticheskiy vzglyad [Scientific text – discourse – interdiscourse]. *Stereotipnost' i tvorchestvo v tekste: mezhvuz. sb. nauch.*

tr. [Stereotype and Creativity in the Text: inter-university collection of scientific works]. Perm, Perm State University Press, 2005, issue 8, pp. 175–184. (In Russ.)

Van Dijk T. A. *Diskurs i vlast'. Rerezentatsiya dominirovaniya v yazike i kommunikatsii (Perevod s angliyskogo)* [Discourse and Power. Representation of Dominance in Language and in Communication]. Transl. from English. Moscow, Librokom Publ., 2013. 344 p. (In Russ.)

Kotyurova M. P. Kognitivno-funktsional'no-stilisticheskiy podkhod k kul'ture pis'mennoy rechi [Cognitive-Functional-Stylistic Approach to the Culture of Writing]. *Stereotipnost' i tvorchestvo v tekste* [Stereotype and Creativity in Text]. Perm, Perm State University Press, 2005, issue 9, pp. 120–127. (In Russ.)

Kotyurova M. P., Bazhenova E. A. *Kul'tura nauchnoy rechi: Tekst i ego redaktirovanie: ucheb. posobie* [Culture of Scientific Speech: Text and Its Editing: tutorial]. Perm, Perm State University Press, 2012. 280 p. (In Russ.)

Kushnina L. V. *Kul'turnaya paradigma perevoda* [Cultural Paradigm of Translation]. *Stereotipnost' i tvorchestvo v tekste* [Stereotype and Creativity in the Text]. Perm, Perm State University Press, 2016, issue 20, pp. 130–139. (In Russ.)

Stilisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar' russkogo yazika [Stylistic Encyclopedic Dictionary of the Russian Language]. Ed. by M. N. Kozhina. Moscow, Flinta, Nauka Publ. 2003. 696 p. (In Russ.)

Chernevskaya V. E. *Lingvistika teksta. Lingvistika diskursa: ucheb. posobie* [Text Linguistics. Discourse Linguistics: tutorial]. Moscow, Flinta Publ., 2014. 200 p. (In Russ.)

Ost F. Obiter dicta. *Dire le droit, faire justice*. Collection: Penser le droit. 2-e édition. Bruxelles, Bruylant, 2007, pp. IX–1. Available at: <http://fr.bruylant.larciergroup.com/resource/extra/9782802738497/OBITER%20DICTA%20DIRDROMB.pdf> (accessed 02.05.2017) (In Fre.)

Peshkov K. *Le discours juridique en russe et en français: une approche typologique*. Linguistique. Aix-Marseille Université, 2012. Français. Available at: https://tel.archives-ouvertes.fr/tel-00997016/file/These_PESHKOV_Kira.pdf (accessed 03.04.2017). (In Fre.)

DOCTRINAL TRANSLATIONAL DISCOURSE AMONG OTHER DISCOURSE TYPES

Lyudmila V. Kushnina

Professor in the Department of Foreign Languages, Linguistics and Translation

Perm National Research Polytechnic University

29, Komsomolsky prospekt, Perm, 614900, Russian Federation. lkushnina@yandex.ru

SPIN-code: 5273-8845

ORCID: <http://orcid.org/0000-003-4360-7243>

ResearcherID: D-5858-2017

Anna I. Krivoruchko

Assistant in the Department of Foreign Languages, Linguistics and Translation

Perm National Research Polytechnic University

29, Komsomolsky prospekt, Perm, 614900, Russian Federation. annaigor08@mail.ru

SPIN-code: 7798-1167

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-4093-3641>

ResearcherID: I-6542-2017

Based on the discourse functions analysis, the authors give their own interpretation of the discourse named “doctrinal translational discourse”. The current state of discourse analysis is characterized with an increased attention from linguists to its functions displayed in a definite communication sphere. It permits one to define the following basic discourse functions – social, cultural, pragmatic, cognitive and intertextual ones. The purpose of the article is to determine the place and role of the doctrinal discourse, being one of juridical discourse types. The subject of the research interest is the doctrinal discourse. Its particularities are revealed when analyzing the communicative linguistic behavior of the translator as a linguistic identity, which allows for classifying it as a translational discourse. As far as the doctrinal discourse is not included into the conceptual and categorical framework of modern discourse studies, the authors address to some European scientists’ researches revealing the doctrinal discourse within other juridical discourse types. Using texts devoted to the translation process problems as a material for analysis, the authors manage to distinguish “the doctrinal translational discourse” as an integral discourse type. The research is done within the conception named “translation space” and the theory of harmonization, worked out by one of the article’s authors. The study of the doctrinal translational discourse is conducted from the perspective of the problem of the creative and stereotype in the actions of the translator as a subject of the discourse. It is proved by the authors that interrelation of the stereotype and creative influences the production of a harmonious target text within special discourse types.

Key words: juridical discourse; doctrinal discourse; doctrinal translational discourse; discourse functions; linguistic identity; the stereotype / creative; harmonious translation; translation space.

УДК 811.111'37: 81'25
doi 10.17072/2037-6681-2017-4-66-72

ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТОВ «ЖИЗНЬ» И «СМЕРТЬ» В РАССКАЗЕ ДЖ. Р. ТОЛКИЕНА «LEAF BY NIGGLE» И ОСОБЕННОСТИ ИХ ПЕРЕДАЧИ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Георгий Игоревич Прокони́чев

к. филол. н., доцент кафедры теории и практики перевода и переводоведения

Московский педагогический государственный университет

119571, Россия, г. Москва, просп. Вернадского, 88. Armiger@Yandex.ru

SPIN-код: 9268-6183

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-7754-8723>

ResearcherID: D-4648-2017

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Прокони́чев Г. И. Языковая репрезентация концептов «Жизнь» и «Смерть» в рассказе Дж. Р. Толкиена «Leaf by Niggle» и особенности их передачи на русский язык // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2017. Т. 9, вып. 4. С. 66–72. doi 10.17072/2037-6681-2017-4-66-72

Please cite this article in English as:

Prokonichev G. I. Yazykovaya representatsiya kontseptov «Zhizn'» i «Smert'» v rasskaze Dzh. R. Tolkiena «Leaf by Niggle» i osobennosti ikh peredachi na russkiy yazik [“Life” and “Death” in J. R. R. Tolkien’s Short Story *Leaf by Niggle*: Linguistic Representation of the Concepts and Peculiarities of their Conveyance into Russian]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2017, vol. 9, issue 4, pp. 66–72. doi 10.17072/2037-6681-2017-4-66-72 (In Russ.)

Рассматриваются вопросы языковой репрезентации концептов «Жизнь» и «Смерть» на основе когнитивных метафор, которые моделируют эти концепты в известном рассказе Дж. Р. Толкиена. Эти онтологические концепты, играющие важную роль во всем творчестве писателя, особенно ярко проявлены в языке его главного романа. Выявление слов, моделирующих эти концепты в языке художественного произведения, позволяет пролить свет на лежащие за уровнем внешней формы глубинные структуры языка. Ключевым образом, представляющим в рассказе концепт «Жизнь», выступает дерево, являющееся символом жизни во многих религиях мира. Метафора «ЖИЗНЬ – ЭТО ДЕРЕВО» выражена целым рядом языковых единиц. Концепт «Смерть» представлен через метафору путешествия, перемещения, которая тоже является архетипом для множества культур. В статье проводится также сопоставительный анализ исходного текста и нескольких существующих переводов на русский язык для выявления расхождений в исходной репрезентации указанных концептов и в том, как они моделируются в тексте перевода. Анализ переводов позволяет прийти к выводу о необходимости учитывать в процессе перевода не только лексические, синтаксические и семантические особенности, но и лежащие за ними концептуальные структуры. Национальная ментальность, будучи важнейшим аспектом языкового мышления, находит свое отражение в лексико-семантической и грамматической системе языка, в этой связи исследование и адекватность передачи национально-специфичных, а также сугубо авторских особенностей текста оригинала занимает особое место в переводоведении.

Ключевые слова: Дж. Р. Толкиен; концепт; когнитивная метафора; жизнь; смерть; перевод; соотношение оригинала и перевода.

В последнее время одно из центральных мест в современных лингвистических исследованиях отводится изучению концептосферы языка. Данная область представляет интерес, поскольку

находится на стыке лингвистики, культурологии, психологии и других наук и ставит своей задачей исследовать процессы восприятия, категоризации, классификации и осмысления мира [Болды-

рев 2001: 8]. Отдельный и весьма важный аспект данного направления – это выявление специфики передачи концептуальных построений в переводе. Еще Б. Уорф акцентировал внимание на вопросе перевода как на переходе с одного национального кода на другой, выделяя «лингвистику говорящего» и «лингвистику слушающего», что применительно к когнитивному подходу означает правильную трансляцию в процессе перевода культурно специфичных концептов.

Являясь процессом когнитивной деятельности человека, концептуализация ведет к образованию базовой единицы – концепта, часто называемого главным, ключевым понятием современной когнитивной лингвистики.

Е. Г. Беляевская предлагает два видения содержания понятия «концепт»: 1) максимально обобщенный ментальный конструкт, вербализуемый множеством языковых средств; 2) условная ментальная единица, являющаяся составным элементом концептуальных структур, лежащих в основе семантики языковых и речевых единиц [Беляевская 2007: 63–64].

Содержание концептов, согласно Ю. С. Степанову, культурно детерминировано, что позволило исследователю определить концепт как «сгусток культуры в сознании человека, то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, с другой стороны, концепт – это то, посредством чего человек сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее» [Степанов 1997: 40]. Важной в этом определении нам представляется мысль о том, что концепт неразрывно связан с определенной культурой и, соответственно, с определенной понятийной картиной мира.

Р. Джакендофф описывает концепт как «ментальную структуру», которая отражает и фиксирует весь опыт [Jackendoff 1983: 78]. На эту сторону указывает и Н. Н. Болдырев, полагая, что концепты, являясь результатом когнитивной деятельности человека, «отражают содержание полученных знаний, опыта, результатов деятельности человека и результатов познания им окружающего мира в виде определенных единиц знания» [Болдырев 2002: 23–24].

Е. С. Кубрякова определяет концепт как некий отдельный смысл, «оперативную единицу», имеющуюся у нас в сознании [Кубрякова 2004: 316]. Таким образом, можно сказать, что концепт служит своего рода посредником между словом и реальностью.

Одним из ключевых процессов в концептуализации называется процесс метафоризации. Развитие теории концептуальной метафоры и последовательное описание метафорических мо-

делей является одним из перспективных направлений когнитивной лингвистики.

Метафора образует фундамент концептуальной системы, она определяет способ человеческого осмысления событий, фактов, способов действий. Человек может, не прикладывая усилий, неосознанно накладывать одно явление на другое, так что весь его опыт организуется с помощью стереотипных образов – когнитивных моделей, которые проявляются в языке в виде метафор.

Наиболее четко данная теория изложена Дж. Лакоффом и М. Джонсоном в известной монографии «Метафоры, которыми мы живем» [Lakoff, Johnson 1980]. Основные положения концептуального анализа, предложенного Дж. Лакоффом и М. Джонсоном, заключаются в том, что метафора относится не к уровню языковой техники, но к уровню мышления и деятельности: «наша обыденная концептуальная система, в терминах которой мы одновременно думаем и действуем, фундаментально метафорична по своей природе» [ibid: 3].

В когнитивных исследованиях принято отличать метафору как термин от метафорического выражения. Под метафорой подразумевается концептуальная метафора – способ думать об одной области через призму другой, например, «ЛЮБОВЬ – ЭТО ПУТЕШЕСТВИЕ» (метафоры принято писать заглавными буквами). Метафорические выражения – это отражения метафор в языке, например: “*Our relations have hit a dead-end street*” [Ченки 1997: 351]. Е. С. Кубрякова определяет когнитивную метафору как «одну из форм концептуализации, когнитивный процесс, который выражает и формирует новые понятия и без которого невозможно получение нового знания» [КСКТ 1997: 55].

Когнитивная лингвистика и теория концептуальной метафоры отводят метафоре центральную роль в понимании и структурировании действительности, и под метафоризацией понимается процесс, основанный на взаимодействии двух структур знаний – когнитивной структуры «источника» и когнитивной структуры «цели». Область источника относится к более конкретному знанию человека, полученному им при непосредственном взаимодействии с действительностью, и представляет собой обобщение опыта практической жизни человека в мире. Область цели составляют понятия, которые недоступны в прямом физическом опыте, это нечто менее ясное и конкретное. В процессе метафоризации некоторые области структурируются по образу источника, т. е. происходит «метафорическая проекция» (“*metaphorical mapping*”), или «когни-

тивное отображение» (“cognitive mapping”) [Лакофф, Джонсон 2008: 9].

Метафора не ограничивается одной лишь сферой языка, т. е. сферой слов: сами процессы мышления человека в значительной степени метафоричны. Именно это имеется в виду, когда говорится о том, что понятийная система человека упорядочивается и определяется метафорически. Метафоры как языковые выражения становятся возможны именно потому, что существуют метафоры в понятийной системе человека.

Таким образом, как указывает Н. Д. Арутюнова, центральный тезис Дж. Лакоффа состоит в том, что метафоры облегчают процесс мышления, предоставляя нам эмпирические рамки, внутри которых мы можем осваивать новообретенные абстрактные концепты [Арутюнова 1999: 35].

Понимание когнитивных метафорических структур является важным аспектом переводческой деятельности, поскольку неверная их интерпретация может привести к формированию у читателя переведенного текста неверного образа.

В условиях глобализации межъязыковой коммуникации культуры переводчик становится центральной фигурой межъязыковой и межкультурной коммуникации, поскольку происходит и контактирование двух семантических систем со своими национально-культурными особенностями, и контакт представителей двух лингвокультурных общностей, каждого со своим мировосприятием и определенным фондом культурного наследия: фоновыми знаниями, морально-этическими нормами, речевым этикетом [Кабанков 2002: 246].

Между концептосферами различных народов с различными языками много общего, и такая общность обеспечивает переводимость с одного языка на другой, и в то же время, по словам Вежбицкой, сама возможность перевода свидетельствует о близости концептосфер [Вежбицкая 1997: 28]. Вместе с тем некоторые национальные концепты одного языка не могут быть адекватно отображены в другом. Каждая культура обладает определенным набором концептов, а метафорическая модель соединяет два концепта одной языковой системы путем переосмысления области-цели относительно области-источника. Очевидно, что при отсутствии одной из частей опыта (области-цели или области-источника) в концептосфере принимающей культуры воссоздание оригинальной метафоры невозможно [Проконьева 2006: 210].

Целью нашего исследования является рассмотрение концептов «Жизнь» и «Смерть» на примере метафорических моделей в художественном дискурсе произведения Дж. Р. Толкиена. Эти концепты были выбраны, поскольку,

по нашему, мнению, противостояние жизненного начала и смерти проходит красной нитью через все произведения писателя.

В отечественной практике художественного перевода произведения Дж. Р. Толкиена представляют собой, как нам кажется, объект своего рода переводческого соревнования: так, анализируемый нами рассказ переводился на русский язык ни много ни мало 12 раз, включая любительские переводы. При анализе переводов этой философской сказки автором статьи использовались четыре варианта перевода: «Лист кисти Ниггля» М. Каменкович, «Лист Найгла» Т. Антонян, «Лист работы Мелкина» С. Кошелева и «Дерево и лист» Е. Гиппиус.

Процесс создания художественной картины мира в работах Дж. Р. Толкиена проявляется особенно выпукло, поскольку профессор не просто сочинял художественное произведение, но продумывал мир во всей его полноте, создавая географию, историю народов, династии королей и самое сложное – языки с полностью продуманной грамматикой и несколькими тысячами единиц словарного запаса. Сам Дж. Р. Толкиен называл такой процесс «sub-creation», процесс создания воображаемого мира, отличающегося от существующего или прототипа, но продуманного [Tolkien 2001: 100]. Он выразился о процессе творчества поэтически:

The heart of man is not compound of lies,
but draws some wisdom from the only Wise,
and still recalls him. Though now long estranged,
man is not wholly lost nor wholly changed
Man, sub-creator, the refracted light
through whom is splintered from a single White
to many hues, and endlessly combined
in living shapes that move from mind to mind.
[Tolkien 2001: 101]

Рассказ о Ниггле является, несмотря на свою принадлежность к малым формам, ключом к пониманию Дж. Р. Толкиенем сути творчества. Сам он писал так о процессе создания рассказа: «Эта история – единственная из всех мною написанных, что не стоила мне ни малейших усилий. Обычно я сочиняю лишь с превеликим трудом, до бесконечности все переписывая. Как-то утром я проснулся (более двух лет назад) – и в голове моей эта странная вещица была практически готова. Мне понадобилось только несколько часов на то, чтобы перенести ее на бумагу – а потом переписать набело. По-моему, я о ней вовсе не «думал» и не сочинял ее в обычном смысле этого слова» (из письма издателю Стэнли Анвину [цит. по: Парфенов 2004: 96]).

Можно утверждать, что жизнь Ниггла, и вообще человека, символически изображена как дерево, которое он рисует. Образ дерева жизни

характерен для множества мифологических до-христианских культур. Это египетский тамариск, прорастающий из гроба Осириса, акация Иусат, объединяющая жизнь и смерть, это германский ясень Иггдрасиль, «Мировое дерево», это китайское дерево дракона и феникса. В буддизме считают, что Ситхартха Гаутама родился под деревом Бодхи или, иначе, «деревом пробуждения». В центре исламского рая растет огромное дерево Туба, в тени которого праведники вкушают плоды с его ветвей. Наконец, это еврейское дерево Эц Хаим, растущее посреди Эдема и дающее вечную жизнь. Именно из этого последнего образа данная культурная метафора переключивается в христианство, а Дж. Р. Толкиен был человеком глубокой веры, воплощая свои христианские представления во всех своих знаковых произведениях.

На основании анализа текста мы можем говорить о представленной в нем метафоре ЖИЗНЬ – ЭТО ДЕРЕВО: *"He wanted to paint a whole tree, with all of its leaves in the same style, and all of them different"*. М. Каменкович дает следующий перевод: *«Однако Ниггль неизменно покушался изобразить все дерево целиком, со всеми листьями, и следил, чтобы все они были разные и в то же время походили друг на друга»*. Недостатком этого перевода является выбор единицы «покушался», что создает у читателя неверное ощущение запретного действия. Не лишен недостатков и другой перевод: *«Ему хотелось нарисовать целое дерево, огромное дерево со множеством листьев, похожих, и все же разных, так, чтобы красота каждого листа была неповторима»*. (Е. Гиппиус). Перевод, возможно, получился слишком длинным, и при этом в нем упущена важная исходная концептуальная деталь – цельность, завершенность дерева, которая передается в исходном тексте словосочетанием *all of its leaves*. Более точен и компактен перевод С. Кошелева: *«И все же ему хотелось изобразить целое дерево, чтобы все листья были одинаковыми и вместе с тем разными»*.

Цельность, как центральный концептуальный признак дерева и репрезентированного им творчества, является центральным в произведениях Дж. Р. Толкиена. Однажды писатель обнаружил, что сосед (отсюда, без сомнения, образ Пэриша из анализируемого нами рассказа) срубил огромное дерево, которое росло близ дома Дж. Р. Толкиена. После этого он стал представлять созданную им мифологию вымышленного мира как такое дерево, которое разделит ту же участь [Kelly 2012: 36]. Возможно, именно желая передать так явно выписанную в рассказе дихотомию части и целого, Е. Гиппиус, переводя заглавие рассказа «Leaf by Niggle», отказывается от оче-

видных вариантов перевода и называет рассказ «Дерево и лист».

Совершенно справедливо в отношении части и целого в творчестве Дж. Р. Толкиена пишет В. Генисаретская: «Дух дышит где хочет». В каждой крупице прекрасного сотворенного мира – в каждом его цветке, луче, в небесах, дождях и радугах, в живых водах морей, в травах и холмах, ветвях, облаках, во всем, что деяниями глупых еще не превратилось в руины. Дух дышит и в бережно несомом человеком даре творчества. В способности человека «творить реальность» [Генисаретская 1988].

Другим концептуальным признаком является то, что дерево живое, что передается напрямую *was alive*: *"Before him stood the Tree, his Tree, finished. If you could say that of a Tree that was alive, its leaves opening, its branches growing and bending in the wind that Niggle had so often felt or guessed, and had so often failed to catch"*. В переводе Т. Антонян подчеркивается единство нарисованного и увиденного теперь дерева за счет объединения признаков в одном словосочетании: *«Перед ним стояло Дерево. Его Дерево, только законченное и живое, если, конечно, можно так сказать о дереве»*. М. Каменкович делает разбиение на несколько односоставных предложений, передающих поток мыслей художника: *«Дерево. Это было его Дерево. Дорисованное. Живое – если можно так сказать о дереве»*.

Однако оно было живым и в самом начале. Заболев, Ниггль лежит в жару: *"Niggle was in bed, with a high temperature, and marvellous patterns of leaves and involved branches forming in his head and on the ceiling. <...>He turned his face to the wall and buried himself in leaves"*. Переводя этот фрагмент, М. Каменкович, как нам кажется, допускает смысловую ошибку: *«Ниггль только отвернулся к стене и с головой зарылся в опавшие листья»*. На картине лето, а возможно, и весна: *"the glistening of the dewdrops on its edges"*, Осеннее дерево не подходит для передачи деятельного жизненного стремления, и образ Ниггля иной – он погружается в живые листья своего живого дерева, как бы соединяясь с ним. Т. Антонян предлагает такой перевод фразы: *«Он отвернулся к стене и утонул в листве»*. Такой вариант гораздо правильнее передает исходный концептуальный образ листвы, в русском языке есть устойчивая сочетаемость: тонуть / утопать в листве. Построение фразы перекликается со строками поэта А. Кондратова: *«Густою ночью августовской уплюсь и листьях утоплюсь»*. Вариант Е. Гиппиус *«Он просто повернулся лицом к стене, и листья накрыли его с головой»* также не искажает образа живого дерева, хотя переход

к пассивному действию представляется нам не вполне обоснованным.

И все же, хотя жизнь художника завершилась, репрезентирующее ее дерево продолжает существовать и жить: *“The Tree was finished, though not finished with”*. На передаче этой фразы споткнулись многие переводчики: «Дерево было закончено, хотя и не...» (Т. Антонян), «оно было закончено (“и возница так говорил”, – припомнил он)» (С. Кошелев), замысел переводчика тут нам не вполне ясен. Е. Гиппиус производит замену уступительной связи на следственную: «Дерево оказалось закончено, а значит, вовсе с ним не было покончено». Наиболее верным представляется вариант М. Каменкович: «Дерево было окончено, хотя с ним и не было “покончено” навсегда».

Многие народы соотносили явления жизни с жизнью растений, что находит отражение в языке. Образ Дерева кисти Ниггля перекликается с представлением о том, что душа умершего может жить в цветах и деревьях (отсюда обычай засаживать кладбища растениями). Метафора ДУША-ДЕРЕВО встречается и в Библии: И будет душа их якоже древо плодовито и не взалчут ктому (Иер. 31: 12).

Жизнь человека неразрывно связана с пониманием приходящей смерти, после которой заканчивается труд его жизни. Очевидно, что путешествие, которое предстоит художнику, и есть его смерть.

Первым аспектом репрезентации модели СМЕРТЬ – ЭТО ПУТЕШЕСТВИЕ является восприятие предстоящего перехода человеком. Думать о нем ему неприятно, что подчеркивается модальностью *have to*: *“He didn’t want to go, indeed, the whole idea was distasteful to him, but he couldn’t get out of it. He knew, he would have to start some time...”*. «Идти ему не хотелось, да и вообще вся эта затея была не по душе, но и увильнуть было невозможно. Он знал, что когда-нибудь отправиться в путь придется» (Т. Антонян). «Ехать ему было неохота. По правде сказать, ему сама мысль об этом путешествии претила. Но изменить он ничего не мог» (М. Каменкович). Как можно видеть, первый перевод более формален, второй более лично ориентирован, что точнее соответствует духу произведения. Также выстраивает перевод и С. Кошелев: «Ехать он не хотел, да и вообще вся эта история была ему не по душе. Но деваться было некуда». Перевод Е. Гиппиус, как нам кажется, излишне эмоционален: «Ох, как он не хотел уходить! От одной мысли об этом, ему делалось не по себе». Лексема *distasteful* указывает, что человек испытывает отвращение к путешествию в смерть, русское же словосочетание «не по себе» скорее указывает на страх.

Затем художник говорит про смерть: *“...to go on that wretched journey”*, и это словосочетание показывает, что мысль о неизбежном ему невыносима – «проклятое путешествие» (Е. Гиппиус). Этот же вариант выбрали М. Каменкович и некоторые другие переводчики. С. Кошелев усиливает отношение художника: «путешествие, пропади оно пропадом» (С. Кошелев). Такой перевод скорее подчеркивает модальность неизбежности смерти.

Другим признаком концепта «Смерть» является ее неожиданность: *“to start on your journey, leaving your jobs undone”*, *“The Driver gave him no time to pack”*. Эта онтологическая суть смерти присутствует во множестве произведений, от библейской книги Екклесиаста: «Ибо человек не знает своего времени» [Екк. 9, 12] – до фразы булгаковского Воланда «Человек порой внезапно смертен». В переводах этот признак передан точно: «Тот не дал ни минуты на сборы» (М. Каменкович), «Водитель не дал ему времени на сборы» (Т. Антонян). Неизбежность смерти как отличительный признак этого концепта в языковой картине мира отмечается исследователями [Колкова 2008: 10].

Ниггл, как и большинство людей, не готов к смерти: *“He never got ready for his journey. He was moderately well-off, and yet he arrived here almost destitute, and had to be put in the paupers’ wing”*.

«Не подготовился к путешествию... Был вроде бы человеком не бедным, а сюда явился чуть ли не нищим, так что пришлось поместить его в отделение для нищих бродяг» (С. Кошелев). Не вполне точным является передача исходного *never*, указывающего на то, что смерти предстоит постоянная подготовка всей жизни, более удачен вариант Е. Каменкович: «К путешествию своему он так и не подготовился».

Очень интересным нам представляется метафора СМЕРТЬ – ЭТО ТУННЕЛЬ: *“The train ran almost at once into a dark tunnel”*, причем на этом переход оканчивается, так как следующий абзац начинается фразой: *“Niggle woke up in a very large, dim railway station”*. Видение туннеля, сопровождающее клиническую смерть, было описано психологом Р. Моуди, однако рассказ Дж. Р. Толкиена был написан намного ранее, в 1939 г.

Эта же метафора встречается в конце рассказа, вкупе с другими авторскими выражениями, которые использует как эвфемизмы инспектор Томпкинс: *“Or I would put them away. I should have put him away long ago”* – *“Put him away? You mean you’d have made him start on the journey before his time?”* – *“Yes, if you must use that meaningless old expression. Push him through the tunnel into the great Rubbish Heap: that’s what I mean”*. В переводе М. Каменкович эта метафора сохра-

няется, хотя исчезает императив: «Пусть себе катится по туннельчику на Большую Свалку – вот что я имею в виду!» Однако другие переводчики не почувствовали необходимости сохранения слова для фиксации метафорического образа: «Вот именно, в "путешествие", как вы изволили выразиться. На свалку!» (С. Кошелев), «Я спустил бы его вниз по мусорной трубе – прямо на свалку» (Е. Гиппиус).

Итак, основным репрезентантом концепта «Жизнь» в анализируемом рассказе является дерево. Оно живое, хоть и нарисованное, и вместе с ним его создатель продолжает жить, оно цельное, но состоит из множества элементов. Не во всех переводах данный образ передан точно, что оставляет простор для дальнейшего поиска. Центральной метафорой, представляющей смерть в рассказе, является метафора путешествия, и текстовые элементы, передающие ее в переводах, не искажают исходного образа. Концептуальными признаками ее являются неожиданность и неприятность.

Свое представление о творчестве Дж. Р. Толкиен более полно воплотил во «Властелине колец», каждый лист которого выписал с любовью и тщательными подробностями. Впрочем, основной свой труд – историю Средиземья «Сильмариллион» писатель не довел до завершения и, подобно своему герою Нигглию, отправился в путешествие смерти, оставив свою главную картину неоконченной.

Список литературы

- Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М., 1999. 896 с.
- Беляевская Е. Г. Концептуальный анализ: модифицированная версия методов структурной лингвистики // Концептуальный анализ языка: современные направления исследования. М., 2007. С. 60–69.
- Болдырёв Н. Н. Когнитивная лингвистика: курс лекций по английской филологии. Тамбов, 2002. 123 с.
- Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. М., 2001. 288 с.
- Генисаретская В. Мир Толкиена – мир надежды. М., 1988. 75 с.
- Кабанков В. Б. Внеязыковые факторы переводческой деятельности в достижении коммуникативного эффекта при переводе // Реальность, язык и сознание: междунар. межвуз. сб. науч. тр. Тамбов, 2002. Вып. 2. С. 244–248.
- Колкова Н. А. Концепт «Смерть» в пословичных текстах // Вестник ОГУ. 2008. Вып. 11. С. 9–15.
- КСКТ – Кубрякова Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке. Части речи с

когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М., 2004. 560 с.

КСКТ – Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г. Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1997. 245 с.

Парфенов П. Эхо благой вести: христианские мотивы в творчестве Дж. Р. Р. Толкина. М., 2004. 322 с.

Прокопьева А. А. Особенности передачи метафор при переводе произведений В. В. Набокова // Политическая лингвистика. Екатеринбург, 2006. С. 206–212.

Степанов Ю. С. Константы. Словарь Русской культуры. Опыт исследования. М., 1997. 824 с.

Ченки А. Семантика в когнитивной лингвистике // Фундаментальные направления современной американской лингвистики. М., 1997. С. 340–369.

Jackendoff R. Semantics and Cognition. Cambridge, 1983. 283 p.

Keller T. Every good endeavour. Penguin group. New York, 2012. 336 p.

Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live by. Chicago, 1980. 256 p.

Tolkien J. R. R. Tree and leaf: Including the Poem Mythopoeia. Introd. by Christopher Tolkien. London, 2001. 176 p.

References

- Arutyunova N. D. *Yazyk i mir cheloveka* [Language and the human world]. Moscow, 1999. 896 p. (In Russ.)
- Belyaevskaya E. G. Kontseptual'nyy analiz: modifitsirovannaya versiya metodov strukturnoy lingvistiki [Conceptual analysis: A modified version of structural linguistics methods]. *Contseptual'nyy analiz yasyka: sovremennye napravleniya issledovaniya* [Conceptual language analysis: modern fields of investigation]. Moscow, 2007, pp. 60–69. (In Russ.)
- Boldyrev N. N. *Kognitivnaya lingvistika: kurs lektsiy po angliyskoy filologii* [Cognitive linguistics: Lecture course on English philology]. Tambov, 2002. 123 p. (In Russ.)
- Vezhbitskaya A. *Ponimanie kul'tur cherez posredstvo kluchevykh slov* [Cultural understanding through key words]. Moscow, 2001. 288 p. (In Russ.)
- Genisaretskaya V. *Mir Tolkiena – mir nadezhdy* [Tolkien's world – the world of hope]. Moscow, 1988. 75 p. (In Russ.)
- Kabankov V. B. *Vneyazykovyye faktory perevodcheskoy deyatel'nosti v dostizhenii kommunikativnogo effekta pri perevode* [Extralinguistic factors of translation in achieving the communicative effect]. *Realnost', yazyk i soznanie: mezvuzovkiy sbornik nauchnikh trudov* [Reality, language and mind: inter-university scientific collection of scientific papers], 2002, issue 2, pp. 244–248. (In Russ.)

Kolkova N. A. Kontsept «Smert'» v poslovichnykh tekstakh [Concept of “Death” in proverbial texts]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of the Orenburg State University], Omsk, 2008, issue 11, pp. 9–15. (In Russ.)

Kubryakova E. S. *Yazyk i znanie: Na puti polucheniya zhanii o yazyke. Chasti rechi s kognitivnoy tochki zreniya. Rol' yazyka v poznanii mira* [Language and knowledge: Getting knowledge of the language. Cognitive aspects of parts of speech. Language role in the world cognition]. Moscow, 2004. 560 p. (In Russ.)

Kubryakova E. S., Dem'yankov V. Z., Pankrác U. G., Luzina L. G. *Kratkiy slovar' kognitivnykh terminov* [Abridged Dictionary of Cognitive Terms]. Moscow, 1997. 245 p. (In Russ.)

Parfenov P. *Ekho blagoy vesti: Khristianskie motivy v tvorchestve Tolkina* [The Echo of Good News: Christian motives in Tolkien's works]. Moscow, 2004. 322 p. (In Russ.)

Prokop'eva A. A. Osobennosti peredachi metaphor pri perevode proizvedeniy V. V. Nabokova

[Peculiarities of rendering metaphors when translating V. V. Nabokov's works]. *Politicheskaya lingvistika* [Political linguistics]. Ekaterinburg, 2006, pp. 206–212. (In Russ.)

Stepanov Yu. S. *Konstanty. Slovar' russkoy kultury. Opyt issledovaniya* [Constants. Russian Culture Dictionary. Research Experience]. Moscow, 1997. 824 p. (In Russ.)

Chenky A. Semantika v kognitivnoy lingvistike [Semantics in cognitive linguistics]. *Fundamental'nye napravleniya sovremennoy amerikanskoy lingvistiki* [Fundamental focuses of modern American linguistics]. Moscow, 1997, pp. 340–369. (In Russ.)

Jackendoff R. *Semantics and Cognition*. Cambridge, 1983. 283 p. (In Eng.)

Keller T. *Every good endeavour*. New York. 2012. 336 p. (In Eng.)

Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live by*. Chicago, 1980. 256 p. (In Eng.)

Tolkien J. R. R. *Tree and leaf: Including the Poem Mythopoeia*. Introd. by Christopher Tolkien. London, 2001. 176 p. (In Eng.)

“LIFE” AND “DEATH” IN J. R. R. TOLKIEN'S SHORT STORY *LEAF BY NIGGLE*: LINGUISTIC REPRESENTATION OF THE CONCEPTS AND PECULIARITIES OF THEIR CONVEYANCE INTO RUSSIAN

Georgy I. Prokonichev

Associate Professor in the Department of Theory and Practice of Translation
Moscow State Pedagogical University

88, prospekt Vernadskogo, Moscow, 119571, Russian Federation. Armiger@Yandex.ru

SPIN-code: 9268-6183

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-7754-8723>

ResearcherID: D-4648-2017

The article considers the linguistic representation of the concepts “Life” and “Death” in the text of J. R. R. Tolkien's short story *Leaf by Niggle*, in particular the cognitive metaphors representing the given concepts. Studies of how different notions are conceptualized in the language are a perspective way to understand the basic mechanisms which lie deep within any language. One of the ways these mechanisms can be revealed is through analysis of cognitive metaphors in the language. In the process of text interpretation, it is important to render conceptual information correctly into another language. The basic concepts “Life” and “Death” play one of the central roles in many literary works by J. R. R. Tolkien, including his fundamental novel, and they are especially well rendered in the story under analysis. When the words making up these concepts in a fictional work are determined, we can get an insight into deeper linguistic structures underlying the outer language form. The main conceptual metaphor which represents the concept “Life” is “LIFE IS A TREE”. Tree is a symbol of life in many cultures and religions, and in the text it is represented by numerous collocations. In the text of the story, the Tree in the picture is represented as living and serves metaphorical representation of its creator's life. Also, it is the symbol of prevalence of life over death. Death is represented in the text of the story through the conceptual metaphor “DEATH IS TRAVEL”, which is also archetypical for many cultures. The metaphor has several defining characteristics, which are mainly negative. We also conduct a comparative analysis of the English text and several of its most well-known translations into Russian in order to reveal differences in the representation of the above-mentioned concepts in the original text and in these translations.

Key words: J. R. R. Tolkien; concept; cognitive metaphor; life; death; translation; source text and target text.

УДК 811.161.1'373.44: 398
doi 10.17072/2037-6681-2017-4-73-82

К ИЗУЧЕНИЮ АРХАИЧНОЙ ЛЕКСИКИ В «ПРИЧИТАНИЯХ СЕВЕРНОГО КРАЯ» Е. В. БАРСОВА¹

Олеся Дмитриевна Сурикова

к. филол. н., научный сотрудник

Институт славяноведения РАН

620000, Россия, г. Екатеринбург, просп. Ленина, 51. surok62@mail.ru

SPIN-код: 2319-3715

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-9526-7853>

ResearcherID: R-6745-2016

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Сурикова О. Д. К изучению архаической лексики в «Причитаниях северного края» Е. В. Барсова // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2017. Т. 9, вып. 4. С. 73–82. doi 10.17072/2037-6681-2017-4-73-82

Please cite this article in English as:

Surikova O. D. K izucheniyu arkhaischeskoy leksiki v "Prichitaniyakh Severnogo kraya" E. V. Barsova [Notes about Archaic Vocabulary in *Northern Lamentations* by E. V. Barsov]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2017, vol. 9, issue 4, pp. 73–82. doi 10.17072/2037-6681-2017-4-73-82 (In Russ.)

Важной и до сих пор не решенной проблемой современной лингвофольклористики является недостаточная обработанность лексического материала, представленного в «Причитаниях Северного края», собранных Е. В. Барсовым. Многие слова, встречающиеся в этом сборнике, не фиксируются в диалектных словарях, а значит, не попадают в поле зрения диалектологов, этимологов и этнолингвистов, хотя нередко представляют интерес с точки зрения структуры, семантики, происхождения и лингвогеографии. Такие лексемы, способные считаться архаичными уже по причине исчезновения из свободного речевого употребления, по крайней мере ко второй половине XIX в., часто позволяют «выйти» на стоящие за ними обрядовые действия, реализуют архаичные семантические модели, отражают древние метафоры, воплощают в себе особенности архаичного мышления и, безусловно, нуждаются в интерпретации. Статья состоит из двух очерков, в которых рассматривается несколько отдельных слов, фигурирующих в причитаниях Барсова. Первый очерк посвящен семантическим диалектизмам – дериватам глагола *пахать*: *горепашница* ‘самоименование вдовы / сироты’, *попахать* ‘обмести могилу на Троицу’, *спахаться* ‘проявлять внимание, интерес, заботу’. Устанавливается, что слово *горепашница* происходит от *пахать* ‘обрабатывать землю’ и реализует на Русском Севере архаичный семантический переход ‘тяжело работать’ → ‘страдать’; *попахать* и *спахаться* восходят к *пахать* в более древнем, общеславянском значении – ‘мести’. Второй очерк содержит анализ контекстного значения глагола *отлить*, который встречается в одном из плачей в составе молитвы: «Спаси Господи людей да нехороших, *Отлей Господи* да людям этим злым, Стричь их Господи на втором на пришествии». По одной из версий, глагол, употребленный в таком контексте, отражает представления о кровной мести (точнее – взаимном пролитии «ценных» жидкостей); по другой – отсылает к магическим практикам отливания водой и / или воском.

Ключевые слова: севернорусские причитания; «Причитания Северного края» Е. В. Барсова; архаичная лексика; лингвофольклористика; диалектология; семантико-мотивационная реконструкция; этнолингвистика.

Исследователям хорошо известно, что «Причитания Северного края», собранные Е. В. Барсовым во второй половине XIX в. в Олонецкой губернии, содержат огромное количество диалектной лексики, в том числе специфичной для Русского Севера, и в частности – для Заонежья, уроженкой которого была главная информантка Барсова – И. А. Федосова. Существует давняя и богатая традиция изучения текстов, опубликованных в этом сборнике, с позиций лингвофольклористики, однако до сих пор не решен вопрос атрибуции многих слов, встречающихся в плачах: являются ли они собственно фольклорными или функционируют / функционировали вне текстов причитаний; принадлежат ли они исключительно к заонежскому диалекту (и ближайшему – условно «центральнокарельскому» – языковому ареалу) или распространены шире; употребляются ли они вне идиолекта И. А. Федосовой и т. д. Эти проблемы, конечно, не могут решаться умозрительно, и здесь первый инструмент исследователя – сопоставление барсовских фактов с данными других фольклорных источников, языковых компендиумов и картотек. Однако, идя по этому пути, мы сталкиваемся с трудностями, которые порождены недостаточной обработанностью лингвистического материала, представленного в сборнике Барсова. Так, С. М. Толстая обратила внимание, что в «Словаре русских говоров Карелии и сопредельных областей» многие слова, зафиксированные у Барсова, отсутствуют (среди них *безуенный*, *бындырь*, *ватулить*, *варежинка*, *водыльник*, *гимерить*, *гнехать*, *гуспелый*, *изберень*, *изрыхла*, *нешуточка*, *рутить* ‘лить слезы’, *столыпаться* ‘бродить толпами’ и мн. др.), а «значительная часть (несколько сот слов) русской диалектной лексики в “Словаре русских народных говоров” документируется исключительно олонцкими материалами Е. В. Барсова» [Толстая 2012] (приведем только несколько примеров, избегая полипрефиксальных глаголов, часто признаваемых характерной чертой идиостиля И. А. Федосовой²: *спацливый* ‘ласковый, заботливый (о человеке, народе)’ [СРНГ 40: 126], *наставить веку* ‘продлить, удлинить жизнь’ [там же: 187], *повону* ‘снаружи’ [там же: 259], *понутру* ‘изнутри’ [там же: 277], *суровство* ‘смелость, удаль’ [там же: 285], *доброумие* ‘хорошее расположение духа’ [там же: 79] и т. д.). Более того, многие факты из «Причитаний Северного края» вообще не учтены составителями «Словаря русских народных говоров». Например, в [СРНГ] отсутствуют:

▪ **дайволевать* ‘дать разрешение, позволить’ – «*Дайволейте-тко, народ да люди добрыи*» [Барсов 1: 68];

▪ *демыан* ‘фимиам’ – «*Вы демьян да этот ладон разжигайте-тко*» [там же: 101];

▪ *заушенье, подтычина* ‘тумак, затрещина’ – «*Аль по головы дают оны заушенье, Али под белую-то грудь оны подтычину!*» [там же: 202];

▪ *крушить* ‘сокрушаться’ – «*Тут крушить будет ретливое сердечушко*» [там же: 40];

▪ *ополувеку* ‘среднего возраста’ – «*Ты поклон держи от старого до малого; Ты старому держи да ради старости, Ты малому держи да ради глупости, Ополувеку поклон да ради похвал!*» [там же: 114];

▪ *оцветать* ‘становиться ярким, приобретать цвет’ – «*И как от солнышка ведь платье оцветает*» [там же: 161];

▪ *порозрыться* ‘разозлиться, найти причину для недовольства’ – «*И на меня, бедну горяшу, порозроются, И станут искоса ведь братыца поглядывать*» [там же: 150];

▪ *скороплящий* ‘ярко горящий’ – «*И издываюца огни да скороплящи*» [там же: 279];

▪ *слововольный* ‘свободолюбивый, не стесняющийся в выражениях’ – «*И от невестушек слыву да я, голубушек, И слововольной солдаткой самовольной!*» [там же: 169];

▪ *стрядня* ‘трудовая страда’ – «*Нынь стрядня да пора-времечко рабочее, Пришло времечко теперь да сенокосное!*» [там же: 199].

Симптоматично, что приведенные слова (и многие другие!), не учтенные в [СРНГ] (а значит, не отмеченные в изданиях XIX–XXI вв., ставших для него источниками), не зафиксированы ни в [СРГК], ни в других современных «северных» словарях («Словарь вологодских говоров», «Архангельский областной словарь», «Словарь говоров Русского Севера» и пр.), – и, игнорируя барсовские материалы, мы лишаемся солидного массива данных, интересных как в структурном, семантическом, этимологическом, так и в ареальном отношении, – особенно если допустить их системно-языковое (не индивидуально-речевое) бытование. Ср. здесь замечание А. С. Герда о природе лексикона «Причитаний»: «По-видимому, многие из слов, употребляемых И. Федосовой в причитаниях и кажущихся нам сегодня особенными, чисто фольклорными, были достаточно широко известны в бытовой свободной диалектной речи в Заонежье в XIX в. В частности, и в наши дни диалектологи не раз подчеркивали, что и для диалектов, и для разговорной речи вообще, в особенности для речи женщин, весьма характерно постоянное употребление слов, осложненных экспрессивными уменьшительно-ласкательными суффиксами. <...> Именно поэтому так трудно отличить индивидуальные, собственно авторские поэтические новообразования И. Федосовой. Скорее всего, ее сло-

варь причитаний – это лексика живой обиходной диалектной речи Заонежья XIX в. в яркой, повышено эмоциональной поэтической форме» [Герд 1997: 616].

Очевидно, наилучший способ учета (с последующими задачами атрибуции и интерпретации) обсуждаемых фактов – создание полного словаря причитаний Русского Севера, о необходимости которого говорит С. М. Толстая [Толстая 2012]. Однако пока этот масштабный проект не осуществлен, полезной будет и «точечная» работа, например, анализ отдельных лексических фактов, не зафиксированных в диалектных словарях или документируемых только в сборнике Барсова. Такие слова претендуют на архаичность: судя по всему, они вышли из свободного употребления как минимум ко второй половине – концу XIX в., а возможно, и раньше, – сохранившись только в обрядовом дискурсе. Кроме того, многие из этих лексем являются «темными» и требуют, помимо атрибуции, еще языковой интерпретации. Например, составители [СРНГ 32: 156] не формулируют значение частотного в плачах слова *прокладбище*: [знач.?]. Вероятно, это происходит из-за ложного притяжения к гнезду *класть*, *кладбище* (переразложение в виде *про-* + *кладбище*). Но анализ контекстов, в которых встречается эта лексема, позволяет уверенно связывать ее со словом *прохлада* (ср. диал. шир. распр. *проклáд*, *проклáда* ‘жизнь, полная довольства’ [там же]) и членить в виде *прок(х)лад-* + *-ище* (где увеличительный суффикс *ищ-* и суффикс существительных *-б-* – дань «полиаффиксальным» требованиям жанра): «Походить стану хоть, белая лебедушка, На гульбище я на *прокладбище* Со этыма красныма девушкам» [Барсов 1: 113]; «Как пойдут его любимы поровечники, По гульбищечкам пойдут, по *прокладбищам*, Красны девушки пойдут да по гуляньицам» [там же: 95] и др.

В ряде случаев барсовские раритеты позволяют «выйти» на народные верования, которые они отражают. Так, интересно словосочетание *кайётная неделька*, употребляющееся в сговорном плаче – от лица невесты, сожалеющей, что ее поспешно выдают замуж за нелюбимого: «И вы послушайте, желанныи родители! Уж вы думайте-тко думу, не продумайтесь! И ваша думушка, родители, часовая, Моя жирушка, родители, вековая; *Кайётная неделька* в году сбудется, Поворотного часочку не бывает!» [Барсов 2: 279]. Вероятно, словосочетание не просто называет момент раскаяния, который ожидает родителей девушки (ср. олон. *кайтный* ‘раскаивающийся, сожалеющий о сделанном’ [СРНГ 12: 304]), но является вариацией календарного обрядового термина, записанного в Ярославской губернии (По-

шехонье, 1906–1907): *месяц-кай* ‘первые месяцы после свадьбы, когда молодые, ввиду обычной здесь поспешности при браке, разочаровываются друг в друге и «каются»’ [там же: 323]³.

Нередко в причитаниях можно обнаружить нестандартные или редкие случаи реализации архаичных семантических моделей (ср. воплощение соматического кода в ласковом обращении к человеку – *тепла пазушка*, где *пазушка* – арх., сев., олон. ‘подмышка’ [СРНГ 25: 150]: «Не убоюсь – выду, *тепла моя пазушка*, Отопру, бедна горюша, дверь дубовую, Тебя стричу на прогульной славной улице» [Барсов 1: 96]); отражения древних метафор (ср. уподобление тоски ржавчине, разрушению: «И тут не *ржавело* б победно ретливо *сердчѐ*» [Барсов 2: 75], «Бедна спинушка моя да пороспластана, И вся *утробушка* моя да *перержавела!*» [там же: 77]); проявления особенностей архаического сознания (ср. типичный синкретизм перцептивного и психологического в случаях «Нам не по уму *остуда-чужа сторона*, Не по совести *остудней бладо-отецьской сын*» [там же 1: 83], «Тут разошлись да и разъехались Наши мильи перелѣтны соколы По *чужой-то дальней ознобной сторонушке*» [там же: 219]) и под.

Посильный учет и интерпретация раритетной архаичной лексики, встречающейся в «Причитаниях Северного края», позволяют не только картографировать экстралингвистические и собственно лингвистические факты, не только получить новые примеры реализации ряда культурных кодов, но и существенно дополнить сведения о специфической картине мира, присущей ламентации – одному из самых древних фольклорных жанров.

Настоящая статья – *primus gradus* в этой работе. В ней мы остановимся на нескольких отдельных словах: семантических диалектизмах – дериватах глагола *пахать* в причитаниях Барсова и на глаголе *отлить*, имеющем в одном из плачей нетривиальное контекстное значение.

Горепашница* и другие дериваты глагола *пахать

а. В «Причитаниях Северного края» Е. В. Барсова неоднократно встречается такое самоименование вдовы / сироты, как *горепашница*: «Нонь гляжу-смотрю, печальна *горепашница*, Я на это на хоромное строеньицо...» [Барсов 1: 37]; «Я не знаю-то, победна *горепашница*, Кое – день, кое – темная е ноченька...» [там же: 45], «Я возрадуюсь, печальна *горепашница*, Што невестка до меня да сжаловалась, Всѐ подобрила победную голуушку!» [там же: 188] и т. д.

Судя по данным [СРНГ] и других диалектных словарей, это сложное слово употребляется пре-

имущественно в плачах, записанных Барсовым: в [СРНГ 7: 35] приведен единственный случай функционирования похожей лексемы (в мужском роде) вне фольклорного контекста – влг. *горепашник* ‘горемыка, несчастный человек’ (1892) (пример извлечен составителями [СРНГ] из словаря Дилакторского). Это неудивительно: подобные сложения – яркая примета языка фольклора, и, в частности, они характерны для причеты, представленной в сборнике Барсова (ср. «Ты оставь да свои прежние гуляница, Забывай да свое прежде *доброумьицо...*» [Барсов 1: 40], «И да што я скажу, победная головушка <...> И я про этих *тонконог* да вихреватыих!» [там же 2: 220]; «И попрошу у вас, невольна красна девушка, И я сердечных любимых *правоплечничек...*» [там же: 423] и мн. др.).

Что касается компонентов сложных слов *горепашница*, *горепашник*, то первый из них – *горе* – прозрачен и выступает в составе ряда других композитов (ср. общенар. *горемыка*, *горемычный*, арх. *горенюшница* ‘бедная, несчастная женщина’ [СРНГ 7: 34], олон. *горечасно* ‘горько’ [там же: 35], без указ. м. *горегляд*, *горехват*, *горехлест* ‘бедовик, не выходящий из горя, которого беда, нужда преследует по пятам’ [Даль 1: 389] и т. д.), в том числе фигурирующих в севернорусских причитаниях в качестве (само)именований вдовы / сироты / рекрута: *горюша* *горегорькая*, *кокоша* *горегорькая*, *горедитятко* и пр. Вторую составляющую рассматриваемых лексем находим в [СРНГ]: повен. олон., арх., сев. *пашница* ‘беднячка; бедняжка’ [СРНГ 25: 306], влг. *пашник* ‘неудачливый, несчастный, обездоленный человек’ [там же: 307]. Кроме приведенных фактов в диалектных словарях встречаются однокоренные им существительные в аналогичном или близких значениях, но с другим суффиксальным оформлением: печор. *пашина* ‘беднячка; бедняжка’, КАССР *пашенка* ‘о том, кто в беде, бедняга’, влг., арх. олон., сев. *пашиница* ‘неудачливая, несчастная, обездоленная женщина’, сев.-вост. *пашнюга* ‘бедняга’, арх. *пашня* ‘неудачливый, несчастный, обездоленный человек’, влг. *пашняга* ‘убогий человек’ [там же: 304–308], влг. *пашничок* ‘несчастный, вызывающий жалость человек’ [СВГ 7: 21]⁴. Обнаруживаем также прилагательные: *пашной*, *пашный* влг., арх. ‘неудачливый, несчастный, обездоленный’ [СРНГ 25: 307], влг. ‘бедный, несчастный’ [СВГ 7: 21; КСГРС], влг. *пашненький* ‘бедный’ [СРНГ 25: 307]. Примечательно, что все эти слова зафиксированы только в говорах Русского Севера.

С высокой долей вероятности можно предположить, что приведенные лексемы являются дериватами глагола *пахать* (общенар. ‘взрыхлять

почву’, прост. перен. ‘действовать, работать много и на совесть; тяжело трудиться’; арх. ‘работать’ [СРНГ 25: 289]), например: *пашной* – ‘такой, который тяжело, много трудится’ → ‘несчастный, вызывающий жалость’.

Если принять эту версию, то *пахать* встает в ряд глаголов, обозначающих физическое воздействие на объект и получающих субстантивные и адъективные производные, которые называют тяжелый труд и способны развивать абстрактные значения, перенося представления о мучительной работе в морально-психологическую и онтологическую плоскости: **terti* ‘тереть’ (ср. *труд* общенар. ‘работа, усилие’, рус. диал. ‘боль, недуг, нездоровье’ [СРНГ 45: 153], ср. диал. *труды видеть* ‘переживать беды, несчастья’ [там же: 154] и др.); **stradati* (ср. рус. диал. *страда* ‘сенокос, уборка сена и др.’, ‘страдание, мучение, мука’ [СРНГ 41: 271–272]; ср. рус. диал. *страдать* ‘косить, жать’, ‘рубить дрова в лесу’, ‘начинать усиленно делать что-то’ [там же: 273] на фоне общенар. *страдать* ‘испытывать страдание, муку’); **meiti* ‘мять’ (ср. общенар. *мука* ‘сильное физическое или нравственное страдание’); **tegnoti* ‘тянуть’ (ср. общенар. *тяжесть* ‘то, что имеет большой вес, требует физических усилий’, ‘нечто мучительно-неприятное’). Подробнее о семантическом параллелизме в гнездах **trud-*, **mok*, **teg*, **strad-* на материале русского и славянских языков см.: [Толстая 2008]; отдельно о гнезде **strad-* см.: [Березович 2015].

Принадлежность *пахать* к этой архаичной глагольной парадигме подтверждается не только существованием слов типа *пашница* ‘беднячка; бедняжка’, *пашной* ‘неудачливый, несчастный, обездоленный’, но и семантическим переходом ‘трудиться’ → ‘испытывать смертные муки’, который реализуется в костр. *пахаться* ‘метаться, томиться, испытывать предсмертные страдания, не находя себе места’ [СРНГ 25: 290]⁵, нижегор., костр. *пашиться* ‘умирать’ [там же: 306], ср. типологическую параллель, приводимую С. М. Толстой: влг. *трудиться* ‘быть больным, страдать тяжелой болезнью, страдать перед смертью, испытывать предсмертную агонию’ [Толстая 2008: 116], а также с.-х. *trudan most* ‘путь на тот свет’ [там же: 119]. По наблюдению С. М. Толстой, еще более характерным для гнезд **trud-*, **mok*, **teg*, **strad-*, чем «смертное», является гиперонимичное по отношению к нему значение ‘боль, болезнь, физическое мучение’ (ср. смол. *труд* ‘болезнь, боль’ и др. [там же: 116]). Результат семантического шага ‘труд’ → ‘боль, болезнь’ находим и среди дериватов глагола *пахать*: новг. *распахнулись глаза* ‘заболели глаза’ (1910) [СРНГ 34: 157].

Как уже говорилось выше, производные глагола *пахать* развивают «нетрудовые» значения

(связанные с представлениями о физиологических, морально-психологических и онтологических страданиях) только в севернорусских говорах. Возникает закономерный вопрос о причинах этой ареальной ограниченности – несмотря на 1) общевосточнославянское бытование континуантов **пахати* 'обрабатывать землю' [см.: ЭССЯ 40: 198–203]; 2) существование рус. общенар. *пахать* 'тяжело работать'; 3) общеславянскую распространенность модели «трудовое действие → мучение» для продолжений других глаголов, называющих физическое воздействие на объект. Возможно, ответ будет найден при обращении к специфическому употреблению глагола *пахать* на Русском Севере. По указанию Л. В. Куркиной, в этом регионе он входит в ряд терминов подсечно-огневого земледелия – наиболее тяжелого и трудоемкого способа обработки почвы, особенно развитого на лесных территориях, небогатых плодородными пахотными землями: «В некоторых контекстах <...> гл. *пахать* имеет отношение к лесу, а точнее связан с представлением о работах, предшествующих пахоте, – расчистке леса: *А у которых сел и деревень есть молоди, и тех молодых прежних выпашей...*; *А черный лес пахати в суземке просто...*» [Куркина 2011: 170]. В этой же работе приводятся лексические факты: *деревню пахати* 'расчищать под посев', арх. *выпахивать* 'копая, извлекать на поверхность земли, выкапывать, вырывать; доставать из-под земли, обрабатывая ее плугом' – «Лытки выпаживали да ноги, косью-то», «Я фсе выпаживал да вырывал (пни), куця была страшонная» [там же]. Принимая во внимание специфику подсечного земледелия, не кажется удивительным, что связанные с ним работы становятся эталоном мучительного труда, а севернорусский глагол *пахать*, называющий расчистку леса, «вырастает» из статуса сельскохозяйственного термина, в своем семантическом развитии «перерастает» даже (несомненно, влияющий!) общенародный предикат *пахать* 'тяжело работать' (в котором мог бы реализоваться, но не совершился переход «тяжелый труд → (любая) мука») и приобретает «психологические» («онтологические», «физиологические» etc.) значения.

в. В сборнике причитаний, записанных Е. В. Барсовым, встречаются и другие небезытересные для нас континуанты **пахати*, – но на сей раз продолжающие более древнюю по отношению к 'обрабатывать землю' семантику этого глагола – 'мести' («Слав. **пахати* в значении 'пахать' – семантическая инновация вост.-слав. языков, явившаяся результатом переосмысления конкретного действия, при котором земля оттачивается в сторону» [ЭССЯ 40: 199]; подробнее о семантическом развитии в гнезде **пахати* см.:

[там же: 197–205]); ср. в связи с этим диал. шир. распр. *пахать* 'мести, подметать (пол, улицу, под в печи и т. п.)' [СРНГ 25: 289]. Один из этих континуантов – глагол *попахать*, фигурирующий в следующем фрагменте плача: «Мы бы знали, где могилушка умершая, На Владычной Божий праздничек сходили бы! Спомянули тут мы их да *попахали* бы!» [Барсов 1: 212].

Словом *попахать* обозначается обряд «обметания могил», ареал которого, по данным [СД 3: 232–233], ограничивается русским северо-западом (там же упоминаются смоленские, новгородские, псковские свидетельства, к которым, несомненно, следует добавить олонечские факты): «на Троицу (а также на Радуницу, в день "дмитровских дедов") каждый приносил с собой на кладбище по березовой ветке; старший родственник связывал все ветки вместе и обметал могилу» [там же]. Судя по материалам [СРНГ 25: 289; 29: 300], такие обозначения ритуального обметания, как *пахать* и *попахать* (часто без зависимого слова), фиксируются только в Олонечской губернии (Бурнашев) и у Барсова; в новгородских и некоторых других говорах обрядовый термин имеет форму *опахать*: «Наломаешь берёзок, веточек, в церковь пойдёшь, отойдёт служба, и идёшь родителей поминать, так могилки те и *опахать* берёзкой-то», «В Троицу веточки берёзы берут с собой на могилы, *опахивают* их, принято так» [НОС: 725].

Интересен в связи с этим случай «обрядовой контаминации», зафиксированный в [СРНГ 23: 243]: петерб. *опахивать* 'по суеверным обычаям – разгребать землю на могиле, около могилы накануне религиозного праздника Троицы' – «Пойду мужа *опахивать*, т. е. березкой рыть землю около могилы, прорыть ему глаза, чтобы он нас видел» (архив РГО). Очевидно, неразличение (смешение) лексических омонимов *пахать*₁ 'взрыхлять землю' и *пахать*₂ 'мести, обметать' повлияло на замещение ритуального обметания обрядовым *опахиванием* (соответственно, на проникновение типичного отгонного ритуала в поминальный цикл). В результате этой флуктуации имеем контаминированный (деформированный) обряд, предполагающий рыхление могильной земли березовыми ветками на Троицу.

с. Наконец, следует упомянуть еще одно производное от *пахать* 'мести, обметать', встречающееся у Барсова, – глагол *спахаться* 'проявлять внимание, интерес, заботу о ком-, чем-л.': «Он не ходит-то крестьянин во Божью церковь, Он не молится-то Богу от желаньца, О души своей крестьянин не *спахается*» [Барсов 1: 202]. На первый взгляд неочевидная связь между значениями 'проявлять интерес, заботу' и 'мести' становится прозрачной при обращении к несо-

вершенной форме этого глагола, также неоднократно употребляющейся в сборнике Барсова и представляющей более раннюю фазу семантического развития, – олон., перм., казан. *спахнётся* ‘опомниться, одуматься, спохватиться’ – «И тут *спахнулася* родитель родна матушка, и вдруг на радости она да на весельице, И она ставила столы скоро дубовые» (Барсов), «Тут я *спахнуся*, кручинна вся головушка, За свою да за надежную сдержавушку» (Барсов) [СРНГ 40: 125–126].

Семантическая связь между видовой глагольной парой выстраивается следующим образом: ‘проявлять внимание, интерес, заботу’ (гл. сов. в.) ← ‘заинтересоваться, озаботиться’ // ‘спохватиться’ (гл. несов. в.).

В свою очередь, спохватиться (~ испытать душевный порыв, озарение, внезапное чувство тревоги или страха) означает совершить резкое движение: метафорически и – часто – физически в качестве «аккомпанирующего» движения, жеста. А резкие, махообразные движения – одна из составляющих подметания. Ср. здесь и другие дериваты глагола *пахать*, называющие внезапное действие, ощущение (в том числе сопровождаемое резким движением телом): влг., новг., вят., иркут. *напахаться* ‘неожиданно встретить, найти кого-, что-либо, наткнуться на кого-, что-либо’ [СРНГ 20: 55–56], *напахнуть* сев.-двин., арх. ‘напасть, наскочить; натолкнуться’, арх. ‘наброситься с упреками, бранью’, влг. *напахнуло* ‘нашло, овладело’ – «Что это все на нас одних напахнуло?», сиб., перм., свердл. *напахнул ум* ‘пришла в голову мысль; догадался (кто-либо)’ [там же].

Похожим образом – в качестве комплексного (психофизиологического) описания внезапного действия, состояния – возникают «ментальные» значения у другого глагола (как раз называющего движение веником, метлой) – *махать*: влад. *махнуть* ‘решиться на что-либо’ [СРНГ 18: 46], вят., Киров. *намáхом* ‘наобум, на авось’ [там же 20: 31] и т. д. Реальная связь подметания и махания (идентичность совершаемых движений) поддерживается сходством слов, называющих эти действия (*пахать*, *махать*), поэтому не исключено, что активность «психофизиологических» экспрессивов гнезда *пахать* ‘мести’ частично обусловлена контаминационными процессами (в связи с этим ср. выразительный фрагмент заговора (арх.): «Все святые божие угодники, возьмите шелковый веничек, *опашите*, *омашите* с раба божия притчи и призоры...» [там же 23: 244]).

Отлить

В сборнике причитаний Е. В. Барсова записан примечательный текст – «Плач об упряньливой головушке», исполняемый от лица вдовы, похо-

ронившей пьяницу мужа. Своеобычность этого плача заключается в нетипичной для lamentаций тональности, которую выбирает плачущая: используя традиционный жанровый лексикон и заключая индивидуальную историю в рамки стандартных для причети мотивов, женщина, тем не менее, подчеркивает, что мужа ей несколько не жаль, а его смерть стала для нее избавлением от мучений и позора. Ср. некоторые говорящие контексты и под.:

«Вы послушайте, народ да люди добры!
Проливаю хоть, несчастна, горюци слезы,
Не сдвуйте мне-ка, добры того людюшки,
Не жалию я надежной головушки!»
[Барсов 1: 225];

«Хоть нет пахаря на чистом этом полюшке,
Разорителя в хоромном нет строеньице,
У меня, да у несчастной у победнушки,
Нонь не ржавеет ретливое сердечушко
О упряньливой надежной о головушке!»
[там же: 228];

«Я раздумалась, победна, порасплакалась,
Под косевчатым я сидяци окошечком,
Под туманной стекольчатой околеницей
Тут я тяжкого греха-то залучила –
Мужу скорую смеретушку молила!»
[там же 1: 222].

Наше внимание привлёк один из фрагментов текста, в котором вдова, рассказывающая о «подвигах» мужа, упоминает его собутыльников и, в частности, случаи, когда она пыталась забрать от них «надежную головушку», увести его из кабака – и ей это не удавалось:

«Знать, по моему злодйну бесталаньицу,
Наступили злыи люди нехорошии,
Погубили тут надежную головушку!
Со той порушки ведь он да с того времечка,
Почасту стал во царев кабак захаживать;
Набоялася победна, наполохалась,
Настоялась у дверей я у дубовых,
Сожидаючи надежную головушку!
Тут я Господа Бладьку попросила,
За лихих людей я Бога помолила:
“Спаси Господи людей да нехороших,
Отлей Господи да людям этим злым,
Стричь их Господи на втором на пришествии,
Хто сгубил мою надежную головушку,
Разорил нашу крестьянску эту жирушку!”»
[там же: 226].

В силу специфики плача (несовпадения «частной» и «жанровой» тональностей) приведенный фрагмент, а точнее входящая в его состав молитва «за врагов», может пониматься двояко: или как действительная просьба об отпущении грехов, или как очередное проявление «несентиментального» настроения вдовы – призыв покарать собутыльников мужа. От истолкования

этого эпизода напрямую зависит интерпретация второй строки молитвы – «Отлей Господи да людям этим злым» – и реконструкция семантической мотивации глагола *отлить*, которая представляется нетривиальной и, возможно, отсылает к архаичным магическим практикам.

Сложность вопроса об интенции молитвы обеспечивается не только общей неоднозначностью текста, не только его уникальностью (отсутствием вариантов или параллелей, с которыми можно было бы сравнивать), но и смысловой «размытостью» составляющих молитву строк. Так, начало первой строки – *спаси Господи*, – очевидно, не способно свидетельствовать об исключительно «комплиментарном» тоне текста ввиду некоторой семантической выхолощенности соответствующей формулы в повседневной коммуникативной практике (ср. функционирование выражения *спаси господи* в качестве приветствия, благодарности, а также в роли модальной фразы в случаях типа «Ох, спаси господи, и устала же я»). Третья строка молитвы – «Стричь их Господи на втором на пришествии» – еще более спорная из-за амбивалентности представленный об упоминаемом в ней важнейшем событии: второе пришествие Христа обещает верующим «неувядающий венец славы» (1 Пет. 5: 4) и «венец правды» (2 Тим. 4: 7–8), но в то же время подразумевает близость Страшного суда, которого особенно боятся грешники. Здесь возникает вопрос, как вдова «квалифицирует» собутыльников мужа – как рядовых христиан (ср. обращение к человеку / группе людей, не учитывающее реальную степень воцерковленности, – *православный, православные*: «Расступитесь, православные!») или как пьяниц, которые должны быть наказаны за свой грех (отсюда следует отдельное и пространное рассуждение о мере греховности пьянства для «низового» православного сознания).

Очевидно, окончательная интерпретация разбираемого фрагмента плача пока невозможна, поэтому попытаемся воссоздать семанτικο-мотивационный «путь» интересующего нас глагола *отлить*, имея в виду обе возможные (противоположные) цели молитвы «за врагов» – их проклятие и прощение богом.

а. Если предположить, что интенция молитвы соответствует общему несколько агрессивному тону причитания, то строка «Отлей Господи да людям этим злым» должна прочитываться как призыв к отмщению за разрушенную семью и погубленную душу мужа, а глагол *отлить* должен иметь семантику, которую он развивает в ленинградских говорах, – ‘покарать, наказать, воздать по заслугам’; ср. схожие с нашим случаем контексты, зафиксированные в [СРГК 4: 304]:

«Господи, отлей им, старых да малых обижали», «А все-таки Господь ему отлиў». Там же записана и возвратная форма этого глагола – ленингр., карел. *отлі́ться* ‘воздасться за содеянное зло’ – «А мне свекровь говорила, отольётся тебе все», «Да чтобы тебе его отлилось; это если кто другому худого пожелает».

Глядя на приведенные примеры функционирования севернорусских предикатов, трудно не вспомнить распространенную поговорку *Отольются кошке мышьины слезы* (вариант: *Отольются волку овечьи слезы*) и угрозу (общенар.) *Отольются (чьи-л.) слезы (кому)* ‘кто-л. будет наказан, пострадает за причиненное другому зло, обиду’ [Кузнецов 2000]. Кроме того, необходимо упомянуть также ст.-рус. *отлити кровь за кровь (кому-л.)* ‘отомстить кому-л. за кровопролитие’ (XVII в.), *отлити своєю кровію за (чью-л.) кровь* ‘расплатиться собственной кровью за чью-л. пролитую кровь’ (XVI в.) [СлРЯ XI–XVII 13: 258]. В этих выражениях отмщение (искупление) представляется как «взаимное» пролитие, своего рода «обмен» физиологическими жидкостями, ассоциирующимся со страданием (крови и слез), а старорусские факты напрямую отсылают к обычаю кровной мести. Архаичная идея искупления (даже откупания) через отливание ценной жидкости отражена, как думается, еще в архангельском сочетании *отливаться салом* ‘во время сильного волнения на море выливать за борт жир морских животных, чтобы укротить волнение и предотвратить гибель судна’ (1850) [СРНГ 24: 226].

Думается, причетный глагол *отлить* и соответствующие ему ленинградские и карельские лексемы, зафиксированные в [СРГК], могут апеллировать к тем же представлениям; разница в управлении (употребление с зависимым словом – *кровь, слезы* и др. – или без него) вполне объясняется эллиптированием.

б. Если все же допустить мысль о «благонаправленности» молитвы, которую произносит вдова, то глагол *отлить* должен получить дефиницию, близкую к той, что сформулировали (однако не без сомнения) авторы [СРНГ 24: 226], анализировавшие тот же барсовский контекст, – ‘простить (?)’. Чтобы понять возможную связь прощения с отливанием, нужно обратиться к практике магического отливания с целью избавления от скверны. Известно, что для этого традиционно используются две жидкие субстанции – вода и воск; ср. хотя бы несколько русских «народно-медицинских» терминов, в которых зафиксированы представления об этих широко распространенных у славян методах:

▪ дон., курск. *выливать волос* ‘лечить болезнь волос’ [там же 5: 304], смол. *выливать волосень* ‘лечить волосень особым способом: взять колос

и над черепком поливать колос водою, произнося таинственные слова; водой мыть палец, слегка покалывая колосом' [СРНГ 5: 304], калуж. *сливать, слить стень* 'лечить стень (удушь по ночам) святой водой и заговором' [там же 38: 276];

▪ урал. казаки *отливать испуг* 'лечить испуг заговором' – «Итливый испуг на воск или на сало говяжий. Таньку итливала баушка» [Малеча 3: 100], томск. *отливать на воск* 'лечить от испуга знахарским способом: заставляя больного увидеть свои очертания в растопленном воске, разлитом в воде' [СРГС 3: 130], Груз. ССР *воск отливать* 'о действии, якобы обладающем свойством излечивать от болезней' – «Меня корова убила, лет десять уж, и врач мне ничего не помогнул, воск отливали, испуг отошел» [СРНГ 24: 226], Груз. ССР *отливаться* 'получать изображение на воске' – «Волк ли испугал, кто испугает, тот отливается, какой у тебя есть испуг, он отливается, а уже потом чисто, нет ничего» [там же], иссык-кульск. *выливать* 'лечить заговором над растопленным воском' [там же 5: 304] и мн. др.

Очевидно, в основе практики отливания водой и воском лежат разные свойства этих субстанций. Для воды релевантна, с одной стороны, ее способность перенимать признаки (как хорошие, так и дурные), полученные в результате контакта с разными стихиями, предметами, живыми существами, и аккумулировать их (таким образом, отливание «негативно заряженной» воды способствует избавлению от скверны, ср. хотя бы обычай выливать воду, стоявшую рядом с покойником). С другой стороны, важное свойство воды – ее проточность, которая обеспечивает смывание дурного (ср. магическое обмывание больного и обращение к воде с просьбой смыть порчу, см.: [Агапкина 2010: 231–232]), его безвозвратное «уплывание» (ср. обычай «пускания по воде» вредоносных предметов – одежды больного, вырванного в поле «заломы», клочков шерсти, костей и пр., см.: [Виноградова 2002]). В свою очередь, принципиальная особенность воска, «обыгрываемая» в народной магии, – принимать форму другого объекта или существа, становиться им подобным и замещать их: как правило, воск уподобляется болезни или порче, которые, как и он, должны растаять и утечь, см.: [СД 1: 442–444]. Так или иначе магическое отливание (и воском, и водой) предполагает избавление от дурного путем сливания жидкости, которая аккумулирует скверну (перенимает ее вредоносные черты). Следовательно, можно предположить, что вторая строка барсовской молитвы – «Отлей Господи да людям этим злым» – переносит эти традиционные представления об изживании негативного в более абстрактную (религиозно-этическую) плоскость и содержит призыв

простить нечестивцев, «отлив» их грехи (очистив их от скверны). В пользу этой версии, кажется, говорит еще традиционная формула *отпускать грехи* («Отпусти нам грехи наши»), в основе которой лежит похожий образ. Кроме того, говоря о мотиве освобождения от греха через опустошение, *опрастывание*, нужно упомянуть новг. *простить* 'делать простым от греха, вины, долга' [Даль 3: 533].

Примечания

¹ Авторская работа выполнена при поддержке РНФ по проекту «Славянские архаические зоны в пространстве Европы: этнолингвистические исследования», № 17-18-01373.

² См. хотя бы: [Пономарева 1992; Герд 1997].

³ Нужно отдельно отметить, что, по нашим наблюдениям, в свадебных причитаниях, собранных Е. В. Барсовым, неоднократно встречаются характерные костромские и ярославские слова (что нетипично для похоронной и рекрутской причеты, записанной от тех же исполнительниц). Вопрос, касающийся миграции свадебной терминологии, нуждается в отдельном пристальном рассмотрении.

⁴ Дальнейшее пейоративное расширение приводит к возникновению фактов типа влг. *пашня* 'бестолковый человек' [СРНГ 25: 308]. Не исключена принадлежность к рассматриваемому гнезду и влг. *пахни́ца* 'провинившаяся в чем-либо девушка, которую наказывают во время святок' – «Исхлещшат пахницу бедную кнотом» [СВГ 7: 18].

⁵ Составители [ЭССЯ 40] относят этот костромской глагол к гнезду **рахати (se)* II 'мести' [там же: 204], что, очевидно, является неверным.

Список источников

Барсов 1–2 – *Причитанья Северного края*, собранные Е. В. Барсовым: в 2 т. Т. 1. Плачи похоронные, надгробные и надмогильные; Т. 2. Рекрутские и солдатские причитанья. Свадебные причитанья / изд. подгот. Б. Е. Чистова, К. В. Чистов. СПб.: Наука, 1997.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. 2-е изд. СПб.; М.: Изд. М. О. Вольфа, 1880–1882 (1989).

КСГРС – *картоотека* Словаря говоров Русского Севера (кафедра русского языка и общего языкознания УрФУ, Екатеринбург).

Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка. 1-е изд. СПб.: Норинт, 1998. 1536 с. URL: <https://gufo.me/dict/kuznetsov> (дата обращения: 10.10.2017).

Малеча Н. М. Словарь говоров уральских (яицких) казаков: в 4 т. Оренбург: Оренбург. кн. изд-во, 2002–2003.

НОС – *Новгородский* областной словарь / изд. подгот. А. Н. Левичкин, С. А. Мызников. СПб.: Наука, 2010. 1435 с.

СВГ – *Словарь вологодских* говоров: в 12 т. / под ред. Т. Г. Паникаровской. Вологда: Изд-во ВГПИ/ВГПУ, 1983–2007.

СД – *Славянские древности*: этнолингвистический словарь: в 5 т. / под ред. Н. И. Толстого. М.: Междунар. отн., 1995–2012.

СлРЯ XI–XVII – *Словарь русского языка* XI–XVII вв. / гл. ред. С. Г. Бархударов и др. М.: Наука, 1975–. Вып. 1–.

СРГК – *Словарь русских* говоров Карелии и сопредельных областей: в 6 т. / гл. ред. А. С. Герд. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1994–2005.

СРГС – *Словарь русских* говоров Сибири: в 5 т. / под ред. А. И. Федорова. Новосибирск: Наука, 1999–2006.

СРНГ – *Словарь русских* народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов, С. А. Мызников. М.; Л.; СПб.: Наука, 1965–. Вып. 1–.

ЭССЯ – *Этимологический* словарь славянских языков: праславянский лексический фонд / под ред. О. Н. Трубачева, А. Ф. Журавлева. М.: Наука, 1974–. Вып. 1–.

Список литературы

Агапкина Т. А. Восточнославянские лечебные заговоры в сравнительном освещении: Сюжетика и образ мира. М.: Индрик, 2010. 824 с.

Березович Е. Л. *Поймать остродыма*: об одной лексической загадке русских народных говоров // *Русский язык в научном освещении*. 2015. № 1(29). С. 151–170.

Виноградова Л. Н. Та вода, которая... (Признаки, определяющие магические свойства воды) // *Признаковое пространство культуры* / отв. ред. С. М. Толстая. М.: Индрик, 2002. С. 32–60.

Герд А. С. Язык «Причитаний Северного края» // *Причитанья Северного края, собранные Е. В. Барсовым*: в 2 т. Т. 2. Рекрутские и солдатские причитанья. Свадебные причитанья / изд. подгот. Б. Е. Чистова, К. В. Чистов. СПб.: Наука, 1997. С. 603–618.

Куркина Л. В. Культура подсечно-огневого земледелия в зеркале языка. М.: Азбуковник, 2011. 367 с.

Пономарева С. Н. Функционирование полипрефиксальных глаголов в языке причитаний И. А. Федосовой // *Язык русского фольклора* / отв. ред. З. К. Тарланов. Петрозаводск: Изд-во ПГУ, 1992. С. 72–81.

Толстая С. М. Заметки о языке севернорусских причитаний // *Язык и прошлое народа*: сб. науч. ст. памяти проф. А. К. Матвеева / отв. ред.

М. Э. Рут. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2012. С. 464–475.

Толстая С. М. *Труд и мука* // Толстая С. М. Пространство слова. Лексическая семантика в общеславянской перспективе. М.: Индрик, 2008. С. 114–120.

References

Agapkina T. A. *Vostochnoslavjanskije lecebnye zagovory v sravnitel'nom osveshchenii: Syuzhetika i obraz mira* [East Slavic Healing Spells in Comparative Coverage: Plots and Worldview]. Moscow, Indrik Publ., 2010. 824 p. (In Russ.)

Berezovich E. L. *Poimat' ostrodyma: ob odnoj leksicheskoj zagadke russkikh narodnykh govorov* [To Catch the Ostrodam: about One Lexical Mystery of Russian Folk Dialects]. *Russkij yazyk v nauchnom osveshchenii* [Russian Language and Linguistic Theory], 2015, issue 1(29), pp. 151–170. (In Russ.)

Gerd A. S. *Yazyk «Prichitanij Severnogo kraja»* [Language of "Northern Lamentations"]. *Prichitanija Severnogo kraja, sobrannye E. V. Barsovy* [Northern Region's Lamentations collected by E. V. Barsov]. Ed. by B. E. Chistova, K. V. Chistov. St. Petersburg, Nauka Publ., 1997, vol. 2, pp. 603–618. (In Russ.)

Kurkina L. V. *Kul'tura podsečno-ognevo go zemledelija v zerkale jazyka* [Slash-and-Burn Agriculture in the Mirror of Language]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2011. 367 p. (In Russ.)

Ponomareva S. N. *Funkcionirovanie poliprefiksals'nykh glagolov v jazyke prichitanij* I. A. Fedosovoy [Polyprefixal Verbs Functioning in the Lamentations by I. A. Fedosova]. *Yazyk russkogo fol'klora* [The Russian Folklore Language]. Ed. by Z. K. Tarlanov. Petrozavodsk, PetrSU Press, 1992, pp. 72–81. (In Russ.)

Tolstaya S. M. *Trud i muka* [Labour and Torment]. *Prostranstvo slova. Leksicheskaya semantika v obshchoslavjanskoy perspective* [The Space of a Word. Lexical Semantics in General Slavic Perspective]. Ed. by S. M. Tolstaya. Moscow, Indrik Publ., 2000, pp. 114–120. (In Russ.)

Tolstaya S. M. *Zametki o jazyke severnorusskikh prichitanij* [Notes about the Language of Northern Russian Lamentations]. *Yazyki proshloe naroda* [People's Past and Language]. Ed. by M. E. Rut. Ekaterinburg, Ural State University Press, 2012, pp. 464–475. (In Russ.)

Vinogradova L. N. *Ta voda, kotoraya (Priznaki, opredelyayushchie magicheskie svoystva vody)* [The Water that... (Signs Defining Magic Properties of Water)]. *Priznakovoe prostranstvo kul'tury* [Characteristic Cultural Space]. Ed. by S. M. Tolstaya. Moscow, Indrik Publ., 2002, pp. 32–60. (In Russ.)

NOTES ABOUT ARCHAIC VOCABULARY
IN *NORTHERN LAMENTATIONS* BY E. V. BARSOV

Olesya D. Surikova

Research Fellow

Institute of Slavic Studies of the RAS

51, prospekt Lenina, Ekaterinburg, 620000, Russian Federation. surok62@mail.ru

SPIN-code: 2319-3715

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-9526-7853>

ResearcherID: R-6745-2016

The vocabulary represented in *Northern Lamentations* collected by E. V. Barsov is still poorly examined and studied by linguists and folklorists, which is a very important problem, yet unsolved. Many words in this collection cannot be found in dialect dictionaries, which means that they are not seen by dialectologists, etymologists and ethnolinguists, though their structure, semantics, etymology and geography could be of interest for researchers. These words can be considered archaic, as they disappeared from speech at least in the second half of the 19th century, and give the possibility to see rituals and rites that are “behind” them. This vocabulary implements archaic semantic models, embodies ancient metaphors and peculiarities of the archaic way of thinking and, of course, needs interpretation. The article consists of two sketches, in which the author considers some words from Barsov’s lamentations. The first sketch refers to semantic dialecticisms – derivatives from the verb *pakhat’* <to plough>: *gorepashnitsa* <woman who ploughs grief>, ‘self-denomination of a widow / orphan’, *popakhat’* <to plough a bit>, ‘to sweep the grave on the Trinity Sunday’, *spakhat’sya*, ‘to show interest, attention, to care’. It has been established that the word *gorepashnitsa* is a derivative of the word *pakhat’* (to plough) and functions in the frames of the Russian North archaic semantic transition model ‘to work hard’ → ‘to suffer’. The words *popakhat’* and *spakhat’sya* originate from the word *pakhat’* in a more ancient general Slavic meaning ‘to sweep’. The second sketch analyzes the context meaning of the verb *otlit’*, <to pour off>, which we meet in one of the lamentations as a part of a prayer: “O Lord, save thy bad people, pour off, o Lord, to these evil people, Meet them, o Lord, on the Second Advent”. One of the versions says that this verb in this context embodies the notion of the feud (to be more precise – of the mutual spill of the “valuable” liquids); another version refers to magical rites with the spillage of water and / or wax.

Key words: Russian Northern lamentations; *Northern Lamentations* by E. V. Barsov; archaic vocabulary; linguistic folklore studies; dialectology, semantic and motivational reconstruction, ethnolinguistics.

УДК 81'33(81.13)
doi 10.17072/2037-6681-2017-4-83-93

ОПЕРАЦИОНАЛИЗАЦИЯ КОНТЕКСТА В ДИСКУРСИВНОМ АНАЛИЗЕ

Валерия Евгеньевна Чернявская

д. филол. наук, профессор, зав. НИЛ «Лингвистические технологии»
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого
195251, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 19. tcherniavskaia@rambler.ru

SPIN-код: 5173-6746

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-6039-6305>

ResearcherID: A-1304-2017

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Чернявская В. Е. Операционализация контекста в дискурсивном анализе // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2017. Т. 9, вып. 4. С. 83–93. doi 10.17072/2037-6681-2017-4-83-93

Please cite this article in English as:

Chernyavskaya V. E. Operatsionalizatsiya konteksta v diskursivnom analize [Operationalization of Context in Discourse Analysis]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2017, vol. 9, issue 4, pp. 83–93. doi 10.17072/2037-6681-2017-4-83-93 (In Russ.)

Понятие «контекст» рассматривается как совокупность социокультурных факторов, значимых для адекватного извлечения смыслов при интерпретации текстовой структуры. Проблематизация контекста и его релевантности в лингвистическом анализе фокусирует на современном этапе задачу представления лингвистического знания как обоснованного и доказательного.

В статье показывается, что операционализация контекста не может быть формализована, сведена к системе очевидных языковых маркеров в структуре текста или последовательности операциональных шагов, обеспечивающих доступ к значимым аспектам. Релевантность контекста для адекватного понимания смыслов регулируется и детерминирована социальной, политической, идеологической практикой. Когерентность конструируется не только исходя из семантики языковых единиц и ситуативных знаний, сколько основываясь на доминирующей коллективной практике понимания. Выявление релевантных аспектов контекста при интерпретации текста рассматривается в связи с дискурсивной компетентностью личности. Дискурсивная компетентность – категория когнитивного уровня, предшествующего уровню текстовой реализации. В осмыслении контекста автор критически обсуждает основные идеи Т. ван Дейка о контекстуальных моделях. Перспективы теоретизации контекста связываются не с лингвистическим инструментарием, но с аналитическим потенциалом социально ориентированных теорий и с данными когнитивных наук, моделирующих процессы речемыслительной деятельности.

При объяснении языковых структур контекст по-разному операционализуется в соответствии с различными теоретико-методологическими установками исследователя. Сопоставляются подходы и объяснительные возможности т. н. некритического дискурсивного анализа в лингвистике дискурса и концепции критического дискурс-анализа.

Ключевые слова: контекст; дискурсивный анализ; критический анализ дискурса; дискурсивная компетентность.

Введение

Предметом анализа в рамках публикации является контекст как социокультурное пространство, в котором создаются и воспринимаются тексты. Операционализация контекста означает здесь возможность выхода исследователя к тем

его аспектам, которые существенны и репрезентативны для корректного понимания текстовых смыслов.

Наиболее интенсивные дискуссии вокруг значимости контекста как ключевой категории в объяснении понятия «когерентность» пришлось

на 1980-е гг. и далее получили новый ракурс в связи с дискурсивно и когнитивно ориентированными исследованиями в последнее десятилетие XX в. Контекст – это понятие, для которого не применимо одномерное техническое определение. Основное разделение проходит по линии вербальный контекст, т. е. непосредственное окружение языковой единицы в структуре (устного или письменного) текста – слова, словосочетания, предложения, и социальный контекст, т. е. те составляющие, которые конструируют идентичность использующего язык человека – пол, возраст, раса, национальность, социальный, профессиональный статус – и создают прагматическую релевантность высказываний. В таком ракурсе контекст является объектом для специалистов, работающих в социолингвистике, филологии, культурной антропологии. О традициях в осмыслении контекста см. напр.: [Duranti, Goodwin 1992; van Dijk 2005b; 2006, 2008, 2009], о контексте в герменевтической традиции, в постструктурализме – [Щирова 2014].

Следует исходить из того, что экстралингвистический контекст – это основа для адекватной интерпретации смыслов и языковой деятельности вообще. При этом выявление релевантных, т. е. значимых для адекватного извлечения смыслов, составляющих контекста зависит от методологической позиции исследователя, в целом от того, какой инструментарий может быть привлечен для этого. Как определить релевантные отношения между социокультурным контекстом и языковыми структурами – ключевой вопрос для исследователя. Он находится в точке пересечения нескольких сложных проблем. Это, с одной стороны, проблема гиперинтерпретации, и мера вовлечения контекста в интерпретации речевой структуры влияет на выводы интерпретатора. С другой стороны, вопросы контекста дополнительно кристаллизуют сегодня те теоретико-методологические аспекты лингвистики, которые решают задачу представления лингвистического знания как обоснованного и доказательного. Доказательность, как ясно из дискуссий, сопровождающих развитие теоретической лингвистики в XX в., связывается с достижением баланса между строгими, формализованными и интерпретативными подходами к языковому материалу. Волюнтаристские интерпретации в стиле «дискурс – это наше все», подмена анализа с процедурой доказательства эссеистикой и профанными рассуждениями в широком неструктурированном пространстве дискурса не могут не вызывать критическое отношение специалистов. В том числе и поэтому сегодня создается «некоторый формообразующий контекст для еще не заявившего о себе неоструктурализма» [Золяна

2014: 7] и фокус на доказательной лингвистике, подр.: [Беляева, Чернявская 2016]. Выбор исследовательского метода должен решать задачу отграничения контекстов в лингвистической интерпретации. В этом направлении сближаются дискурсивный анализ и корпусная лингвистика, применяющая статистические методы в определении ключевых слов и основных тем (key words, topics) дискурса. Одновременно делается заключение о том, что корпусные количественные методики не обеспечивают достаточной вовлеченности в анализ контекстов. Прагматический уровень анализа остается за рамками объяснительных возможностей количественных формализованных методов, см.: [Шилихина 2014, Чернявская 2017].

В аналитической перспективе следует определить отношение понятия контекст к базовым лингвистическим категориям – текст и дискурс.

Дискурс – текст – контекст

Обращаясь к дискурсу как к единице операционального анализа языкового материала, следует исходить из существования методологически различных подходов дискурсивного анализа. Некоторые из них не опираются на лингвистическое понимание речевой структуры и предполагают социологически, философски, культурологически ориентированный анализ. Разграничение лингвистического и нелингвистического подходов является принципиально значимым для непротиворечивой методики анализа. Это одна из разделительных линий в работе с дискурсом. Другая демаркационная линия проходит при разделении теоретико-методологических подходов внутри лингвистики. Ключевым становится вопрос об исследовательских и эвристических возможностях дискурсивного анализа, о том смысловом приращении, которое достигается работой с дискурсом по сравнению со структурно-грамматическим, семантическим, стилистическим анализом.

В лингвистической теории в последние два десятилетия XX в. сложился особый предмет – дискурсивный анализ (discourse analysis) и особая дисциплина – лингвистика дискурса, см. обзор: [Warnke, Spitzmüller 2008; Spitzmüller, Warnke 2011]. Это продолжение лингвистики текста, продолжение вектора развития функционально и прагматически ориентированной лингвистики. Основные подходы к дискурсу и методы его анализа сложились вследствие выхода исследователя и аналитического интереса за рамки отдельного предложения, затем отдельного текста. При оперировании термином «дискурс» коммуникативная деятельность и продукты этой деятельности – тексты – соотносятся с экстра-

лингвистическим фоном, со спецификой коммуникативной ситуации, социокультурными, историческими, этническими и прочими факторами. Тексты составляют эмпирическую основу для описания дискурса, которое не сводимо только к характеристике пропозиционального и иллокутивного аспекта (грамматики текста), а требует включения данных об организации коммуникативно-когнитивных процессов, приведших к созданию этих текстов.

Дискурс может быть представлен как корпус текстов. Содержание (тема) дискурса раскрывается не одним текстом, но интертекстуально, в комплексном взаимодействии многих отдельных текстов. Лингвистика дискурса устанавливает, как совокупность отдельных высказываний / текстов создает общие смыслы. Семантизация, выявление смысла языковой единицы, связывается не с лексико(слово)-центрическим объяснительным подходом и не (только) с текстоцентрическим подходом, но с мета- или транстекстовым подходом.

Дискурсивный анализ – это инструмент описания транстекстовых структур и их глубинной связности, интертекстуальности, интердискурсивности. Это метод описания языковой системы на уровне выше, чем отдельное предложение или отдельный текст. Задается новый ракурс изучения языка как функционирующей системы, дискурс – это язык в действии (*language-in-use*). Подчеркну, что речь идет о «некритическом» дискурсивном анализе («non-critical» discourse analysis) в отличие от концепций критического анализа дискурса (о них см. далее). В дискурсивном анализе особым образом реализуется текстоцентрический принцип языкового анализа, сфокусированный в лингвистических теориях конца XX в., ушедших от структурно-грамматического понимания текста к функциональному, прагматически обусловленному пониманию. Лингвистика дискурса – это выход за рамки грамматики текста в сторону все более широкого и многофакторного контекста.

Важно подчеркнуть, что контекстуализация, т. е. рассмотрение языковых структур вместе с экстралингвистическим содержанием, не является монополией только и именно дискурсивного анализа в его современном прочтении и не стала актуальной только в связи с дискурсивной парадигмой. Экстралингвистический контекст был атрибутом категории текст и сопровождал все более углубленное научное понимание сути текстуальности на протяжении последней трети XX в.

Лингвистика текста, а формулируя точнее по отношению к ее первоначальному становлению, грамматика текста, отходила от структурного подхода именно через расширение объяснительных возможностей контекста для семантики сло-

ва и, далее, предложения. Текст – это знак целой ситуации. Текст, а не слово или предложение, становился исходной семантической единицей и отправной точкой в анализе. При этом текст в динамической процессуальной проекции рассматривается как постоянная, непрекращающаяся семантизация, как со-бытие многих значений, которые актуализируются или не актуализируются в контексте. Всякая языковая единица, форма, слово рассматриваются не как семантическая постоянная (заданное лексиконом значение), но как контекстно зависимая, переменная величина. Слова наделяются смыслом исходя не из системно-языковых характеристик, но из межтекстовых связей и контекстуальных характеристик. Приведу суждение из пионерской работы Т. ван Дейка «Текст и контекст» 1977 г., раскрывающее, почему смыслообразование не может быть объяснено только с опорой на формально-грамматические отношения между предложениями. Грамматика связной речи в узком понимании термина не может применяться для описания всей полноты семантических характеристик, только понятие грамматики в методологически широком смысле, включая прагматический компонент, референциальную семантику, интерпретативную семантику и макросемантику, может обеспечить доступ ко многим общим качествам дискурса, работая с грамматикой как таковой, ср.: «If we take this notion [grammar of discourse] in a very restricted sense, only a few properties of discourse can be accounted for. If we are prepared to take the notion of grammar in a still methodologically sound wider sense, including a pragmatic component, a reference semantic, a semantic with world-knowledge interpretation conditions and a macro-semantics, we shall be able to account for many general properties of discourse within the grammar itself» [van Dijk 1977: 7]. Слова получают синтаксическую функцию только в связи с целой структурой, покрывающей предложение [ibid.: 6].

В этом отношении следует возразить мнению С. Т. Золяна о том, что текстоцентрические теории, «законченные теории, отрицающие за словом «право на владение смыслом и значением», в лингвистике все еще остаются нереализованной возможностью» [Золян 2013:12]. Теория текста вообще и лингвистика текста как самостоятельная дисциплина (подчеркнем здесь именно лингвистические, не литературоведческие или семиотические разработки) с собственным предметом, категориальным аппаратом и исследовательским инструментарием к 1990-м гг. существенно трансформировались от признания текста как формальной структуры, понимаемой как грамматическое единство, к пониманию коммуникативной процессуальной природы текста.

В современных теориях характеристики текста вообще переосмыслены как интегративное единство свойств, идущих от системы составляющих его семиотических знаков и от использующего эту систему человека. Именно текст, а не слово и предложение, является единицей коммуникации. В тексте возникает иерархическая система взаимодействия единиц разных уровней языка, не сводимая к механической сумме значений этих единиц, идущих от системы языка. Происходит не просто перенос готового содержания в текстовую форму, но возникают новые семантические приращения. «Это в принципе исключает семантико-смысловую статичность текста и его отдельных элементов, выдвигая на передний план динамический характер текстовых структур» [Гончарова 1999: 148]. Разумеется, в художественно-поэтическом тексте и в поэтической семантике «бесконечный семиозис» осуществляется с наибольшей интенсивностью и наглядностью, и это основательно демонстрируется, например, в работах С. Т. Золяна, одного из фундаментальных и последовательных исследователей поэтической семантики [Золян 2014]. Художественный текст дает читателю ту меру рецептивной свободы, которую читатель способен присвоить. Художественный текст вообще существует как дискурс и, точнее, как интердискурс и полностью включается в сферу лингвистики дискурса.

Важно понимать, что представления о тексте не как о форме готовых значений, но как о «генераторе смыслов» применяются по отношению к текстуальности вообще, а не только в связи с поэтическим текстом, как это было наиболее заметно, например, в 1970-е гг. В последнее десятилетие XX в. сфокусировались объяснительные концепции текстуальности, которые представляют ее как когнитивный феномен и наделяют текст сущностными характеристиками процессуальности, поскольку смысл текстового целого дает возможность свободной интерпретации авторских и читательских смыслов, не обязательно совпадающих с заложенными авторскими смыслами. См.: [Brinker 1993; de Beaugrande 1997; Adamzik 2004; Esser 2008; Warnke, Spitzmüller 2008; Sinclair 2004; Щирова 2004; Щирова, Гончарова 2006; Чернявская 2014, 2016].

Дискурс – контекст

Лингвистика дискурса – это развитие на новом витке теории интертекстуальности, развитие методов изучения эксплицитных и имплицитных межтекстовых связей. В дискурсе интертекстуальная компетентность получает ключевой статус. Вообще, интерпретативная способность и – шире – языковая компетентность могут быть

представлены как возможность и способность коммуникантов определить, какие межтекстовые связи актуальны и адекватны для интерпретации смысла.

Показателен следующий пример, он заимствован из документально-исторического цикла «Забывтые вожди. Виктор Абакумов» о министре госбезопасности СССР, создателе отрядов СМЕРШ («смерть шпионам»); его трансляция на первом телевизионном канале РФ состоялась 04.06.2017. В первые годы Великой Отечественной войны немецкая разведка массово забрасывала на советскую территорию диверсантов, набранных из русскоговорящих людей, проживавших на территориях Западной Украины, Прибалтики до их присоединения к СССР и начала войны. Они выдавали себя за своих, за окруженцев, попавших в немецкое кольцо во время наступления, утративших все документы, и ничто, говоря в современных терминах, ни языковая компетенция, ни стиль поведения не выдавало заброшенных шпионов. Работники СМЕРШа выявляли их благодаря найденному приему: на допросе перед такими людьми высыпали картошку и задавали один вопрос: «Где командир?» Вопрос ставил диверсантов в абсолютный тупик, они полностью терялись, а ведь каждый советский человек знал, не мог не знать ответ на этот вопрос, потому что каждый знал фильм «Чапаев» и тот его фрагмент, где Чапаев, объясняя военную науку, показывал на клубень с наростом и говорил: «Командир впереди, на лихом коне!» Комментируя использованный пример, подчеркну, что знание прецедентного текста – фильма «Чапаев» – входило в актуальные знания буквально каждого советского человека, в том числе потому, что кинофильмы в 1930–40-е гг. (и не только тогда) были основным инструментом передачи и формирования нужных смыслов в советском дискурсе. Кинофильмы были информационным каналом, имевшим всеобщий охват при отсутствии альтернативных форматов коммуникации. Не знать содержание фильма «Чапаев» означало быть чужим, исключенным из коллективной практики и общения между своими. Замечу здесь, что современные студенты-лингвисты не способны к инференции при декодировании этой ситуации, не понимают, по их собственному признанию, о чем текст, когда он предъясняется как материал анализа на учебных занятиях. Требуется дополнительное разъяснение именно в связи с интертекстуальными знаниями, актуализирующими контекст для адекватной семантизации высказывания.

Объяснительные возможности анализа зависят от степени маркированности контекстуальных связей. Они могут быть прослежены в тексте (1)

как намеренно и открыто заявляемые, эксплицитные; (2) как намеренно не выраженные в поверхностной структуре текста, скрытые автором сообщения; и (3) как не выраженные в тексте, но реконструируемые аналитически исследователем.

В первом и втором случаях межтекстовые связи, т. е. связь внутритекстовой структуры и ее внешнего пространства, выявляются традиционными методами семантического анализа текста, анализа формы изложения – аргументативного, экспликативного, дескриптивного, анализа скрытых смыслов – пресуппозиций и имплицатур связной речи и др. Выявление скрытых, т. е. не маркированных автором, но потенциально возможных, связей между высказываниями и смыслами – наиболее сложная исследовательская задача, она действительно во многом зависит от интересов и теоретических установок исследователя. Проиллюстрируем это еще одним примером. Режиссер и драматург Марк Розовский, создавший образ типичного советского писателя Евгения Сазонова в романе-фельетоне «Евгений Сазонов: Бурный поток. Роман века», вспоминал о своем сотрудничестве в советские годы со знаменитым редактором «Литературной газеты» Виктором Веселовским.

«Веселовский умел править так, чтобы не испортить текст. Это мастерство сродни умению бегать в ливень между струйками и оставаться сухим. Когда я придумал Евгения Сазонова и первые главы романа “Бурный поток”, он, восторженно приняв идею – создать типовой образ выдуманного советского писателя (...) После публикации романа “Бурный поток” Витя предложил мне публиковать так же по строчке в каждом номере биографию выдуманного мною писателя. Я тут же сочинил: “Евгений Сазонов родился в 1937 году. Продолжение следует”. Витя улыбнулся и произнес:

– Не пройдет.

– Почему?

– 37-й год не пройдет, старичок. Надо заменять.

– Понял, – сказал я. – А 36-й можно?

– 36-й можно.

Я тут же исправил: “Евгений Сазонов родился в 1936 году. Продолжение следует”. Веселовский прочел и расхохотался.

– Это какое-такое “продолжение” будет в 37-м году?

– Не знаю. Ты сказал “можно” – я исправил.

– Ладно, – сказал Виктор, – попробую с 36-м. Авось не просекут.

– Но ты же просек!

– Я – другое дело. Важно, чтобы ОНИ не просекли.

Они опять не просекли».

(Цит. по: Розовский М. Шли годы. Смеркалось // Лит. газ. № 17(6221). 22.04.2009).

Понимание этого текста предполагает вывод имплицатуры дискурса: ‘продолжения после 1937 г. не может быть’. Возможность вывода

скрытого смысла базируется на экстралингвистическом контексте, а именно общих знаниях коммуникантов о том, что происходило в СССР до и после 1937 г. Тридцать седьмой год – наивысшая точка массового сталинского террора и арестов, расстрелов советских людей по доносам и неправосудным основаниям. Тридцать седьмой год – это конец жизни, конец надежд для миллионов людей. Процесс семантизации этого текста включен и в более широкий контекст – советской идеологической машины и цензуры 1960–80-х гг. В советское время идеологические установки и партийная цензура делила все на идеологически правильное и идеологически чуждое. С этих позиций существовал дискурс антисоветчины, высказываний, «порочащих советскую действительность». «ОНИ не просекли» означало, что цензоры-редакторы, идеологические кураторы не заметили смысловых аллюзий и интertextуальных связей с другими, антисоветскими высказываниями. Потенциальные цензоры не наделили этот текст соответствующим смыслом и не реализовали, в нашей терминологии, дискурсивный анализ.

В предлагаемых суждениях значимо следующее. Контекст не сводится только к понятию ситуативного «здесь и сейчас» контекста в связи с принципом кооперации: время, место, отношения адресанта и адресата друг к другу, общие фоновые и энциклопедические знания о мире. Контекст понимается как субъектно конструируемая, подвижная категория, предполагающая понимание участниками коммуникации значимости и адекватности того или иного аспекта ситуации для ее анализа. Операционализация контекста может быть сфокусирована как дискурсивная компетентность коммуникантов, т. е. способность выводить интенции и скрытые смыслы, имплицатуры и пресуппозиции высказывания на основе общего знания, владения кодами, мыслительными операциями. Дискурсивная компетентность – категория когнитивного уровня, предшествующего уровню текстовой реализации.

Идея когнитивного интерфейса как необходимого связующего звена между речевой коммуникацией, общественной практикой и дискурсом последовательно развивалась в 1990–2000-е гг. в работах Т. ван Дейка, ориентированных на создание объяснительной теории контекста. Основная идея заключалась в том, что контекст может быть теоретизирован как ментальная модель (context model), как субъективная конструкция, как уникальный опыт участника коммуникации и одновременно коллективное знание. Контекстные модели, по ван Дейку, постоянно адаптируются к изменчивой социокультурной среде при интерпретации актуальной ситуации,

см. напр.: [van Dijk 2008, 2009]. Создание целостной теории контекстуальных моделей остается дискуссионной и во всяком случае открытой задачей. Основным при таком подходе становится вопрос – как, собственно, можно определить, зафиксировать для оперативного анализа процесс адаптации участником коммуникации комплекса внешних действующих факторов при взаимодействии с заданной ситуацией. И этот вопрос остается открытым, его реальная верификация возможна на основе данных нейро- и когнитивных наук. Соответственно, попытки моделирования контекста, как и всякие ментальные процедуры категоризации, следует рассматривать как гипотезы, объяснительные возможности которых оцениваются только исходя из их внутренней непротиворечивости и соответствия исходным постулатам. Перспективы теоретизации контекста, очевидно, связаны не с лингвистическим инструментарием и методологическими возможностями лингвистики, но с аналитическим потенциалом социально ориентированных теорий, объясняющих процессы в социальных практиках, и с прорывами в когнитивных науках, моделирующих сложные процессы речемыслительной деятельности.

Критический анализ дискурса

Контекст по-разному операционализируется и с разной мерой допущения возможных действующих факторов используется в объяснении языковых структур в разных практиках. В определенном исследовательском подходе может задаваться особая координата в интерпретации текста. Может накладываться рамка на взаимодействие семантической структуры текста и его возможного понимания. Исследователь, руководствуясь целями, приоритетами своей поисковой деятельности, может выделять определенные контекстно зависимые характеристики в семантике и прагматике текста. В таком ракурсе дискурс становится для исследователя инструментом обнаружения тех внешних социально обусловленных факторов, которые он, исследователь, усматривает за использованием языка.

Именно такой подход реализован в критическом анализе дискурса (КДА), в практике социально ориентированного изучения языка (Critical Discourse Analysis, Critical Discourse Studies, Discourse Historical Approach), подр. см.: [Chilton 2004; van Dijk 1993a, 1993b, 2005, 2010; Fairclough 1995; Fairclough, Wodak 1997; Fairclough 2010; Jager 2009; Riesigl, Wodak 2001; Wodak, Riesigl 2009], аналитическом обзоре [Молодыхенко 2015, 2016]. Рассматриваются формы социально-речевой практики, порождаемые властными идеологическими отношениями. Цель ана-

лиза – показать в интерпретации текста зависимость языковых структур и форм от идеологически сконструированной формы социальной практики. Изучается не язык как таковой, но представления о широком идеологическом контроле, стоящем за (над) текстами. Идеология создает и поддерживает идентичность социальных групп в их целях, интересах, ресурсах и возможностях социального доминирования.

В центре внимания оказываются серийные высказывания, типичные, воспроизводящие стоящую за ними идеологию. В направлении критического дискурс-анализа, которое развивает австрийский исследователь Р. Водак, заданы дополнительные ракурсы, а именно идея о том, что в обществе различные идеологии, идентичности конкурируют друг с другом. Предметом критического анализа является отношение и различие между конкурирующими идеологиями. Так, центральной темой стал скрытый антисемитизм, ксенофобия общества. Объектом стали расистские, антисемитские, националистические, гендерные предубеждения, которые исследователи, практикующие КДА, прослеживали в австрийском и немецком обществе, в том числе на уровне обыденной коммуникации через анализ обыденных тривиальных высказываний, получающих националистическую, расистскую окраску и идеологические смыслы. Бытовые стереотипы рассматриваются как источник распространения ксенофобской, националистической идеологии. Критический анализ дискурса высветил различные формы ксенофобии и социального неравенства, в том числе те, которые отрицаются или замалчиваются, например, бытовой антисемитизм, расизм, «элитарный» расизм, сексизм в среде интеллигентов, в академической среде и т. п.

Принципиально значимо, что в критическом анализе дискурса язык рассматривается как форма социальной практики, порождающей различные властные идеологические отношения. Связь идеологии, дискурса и определенного, такого и не иного, употребления языка не всегда осознается как таковая участниками коммуникации. Цель анализа – отрефлексировать эту связь как очевидную, системную, регулярно действующую; показать в интерпретации текста зависимость языковых структур и форм от идеологически сконструированной формы социальной практики.

Цели критического дискурс-анализа вызывают возражения у специалистов, практикующих «некритический» дискурсивный анализ. Обвинения в редуccionизме КДА основаны в том числе на том, что концепция дискурса как социальной практики, детерминированной идеологически, не дает возможности для эмпирического лингвистического анализа, поисковой методик, см.

напр.: [Warnke, Spitzmüller 2008: 23]. Критикуется политическая ангажированность метода, при которой политический, идеологический аспект приобретает в анализе масштаб абсолютной эпистемической детерминации. Анализ реализуется как предзаданный поиск примет и проявлений идеологически обусловленной идентичности в текстовых структурах.

Соглашаясь с этим критическим взглядом, упомяну здесь, что выдвигание идеологического контекста как абсолютной детерминанты в понимании социально-речевых проявлений не является находкой именно критического анализа дискурса. Например, советская цензура, о которой упоминалось выше, выдвигала политическую составляющую контекста в практиках контроля. В СССР с 1922 г. существовал Главлит – Главное управление по делам литературы и издательств, осуществлявший всеохватывающий, придирчивый контроль в советском дискурсе как ценностно-правильной модели должного. Одновременно конструировался т. н. «антисоветский дискурс», в рамки которого притягивались высказывания/тексты из художественных произведений, рутинные повседневные высказывания, заподозренные критикой в антисоветском подтексте. Это значит, что идеологическая критика делала заметными некие языковые единицы и объясняла их употребление как политически мотивированное нелояльное иносказание. Политическая составляющая в восприятии высказываний делалась основной, значимой. Так, литература для детей становилась объектом внимательной цензуры. Многие стихи К. Чуковского, как известно сегодня, были прочитаны в 1920–30-е гг. как критика советского образа жизни. Строки из «Мойдодыра»: «А нечистым трубочистам // Стыд и срам, стыд и срам» были восприняты не как дидактическое назидание детям, но как высокомерное отношение к рабочей профессии, см.: «Комиссия Главсоца... требует выбросить «трубочистов» [Чуковский 1990: 240]. Строки из сказки «Тараканище»: «Он сидит и усами шевелит» прочитывались как отсылка лично к Сталину. Примеры такого прочтения и конструирования фантомного дискурса антисоветчины, приписывания нелояльных государству смыслов могут быть многократно продолжены, см. также: [Чернявская 2014].

Итак, в анализе отношений текста и его контекста возможны разные методологические подходы, влияющие на выводы интерпретатора. Некое высказывание может быть рассмотрено интрадискурсивно, т. е. как составная часть дискурса, зависимая от заданных дискурсом смыслов. В этом случае дискурс как внешняя рамка генерирует и транслирует ценностные представ-

ления, если понимать под ценностью «идеальное (когнитивное) образование – модель должного, задающую ориентиры человеческой деятельности ... компонент надындивидуального, общественного сознания...» [Молодыхенко 2015: 92]. «Дискурс действует как моделирующая система» [там же: 94].

Одновременно высказывание может само задавать условия для его понимания и оценки, т. е. порождать контекст для объединения своего смысла с другими. Например, многожды повторяющиеся высказывания на тему однополых браков, демократичен или нет их запрет, так ли они плохи или нет и т. п. создают фокус на теме, ее релевантности и контекст для ее выдвигания в пространство общественного внимания. Оформляется соответствующий дискурс. Следует согласиться, что «текстовые репрезентации не просто нейтрально отражают внешний мир, системы идентичностей и социальных отношений, но активно участвуют в их изменении и создании новых» [там же: 94]. Непосредственная «механика» взаимодействия дискурсивного пространства с конкретными текстами действует как «управление процессом вербализации: дискурс с вмонтированной в него системой ценностей определяет, какие элементы включать в текстовые репрезентации, а какие исключать, в каком порядке их комбинировать. С одной стороны, текст... «пассивно» формулирует некоторую ценностную позицию как само собой разумеющуюся. С другой стороны, текст может активно конструировать новые ценности или переформулировать старые...» [там же: 95]. Высказывания могут прочитываться определенным образом потому, что создается и поддерживается ценностное, идеологическое рамочное пространство, в котором они воспринимаются как однородные, серийные. Методологическим следствием здесь является следующее: высказывание / текст не только механически включается в существующий контекст. Высказывание само конструирует контекст, в котором оно будет интерпретировано.

Заключение

Выявление релевантных составляющих контекста, значимых и адекватных в анализе текстовых смыслов, остается актуальной и сложно решаемой задачей. Контекст не поддается кодификации и унификации, его операционализация не может быть формализована, сведена к системе очевидных языковых маркеров и кодифицированных процедур доступа к когнитивным моделям контекста, если снова сослаться на ключевые гипотезы Т. ван Дейка. Определение релевантного контекста обеспечивается не только лингви-

стическим инструментарием в смысле применения методов семантического анализа, вывода имплицатур и пресуппозиций и т. д. Это социально контролируемый процесс, он отражает проблему социального доминирования, контроля над каналами передачи информации. Следует согласиться, что релевантность контекста регулируется и детерминируется социальной практикой. Когерентность конструируется не только и не столько исходя из семантики языковых единиц и ситуативных знаний, сколько основываясь на значимости для участника коммуникации того или иного аспекта ситуации. Это в свою очередь основывается на доминирующем «прочтении», на коллективной практике понимания.

Работа с контекстом в практике лингвистического анализа означает определение и включение в анализ значимых характеристик актуальной практики в ее культурной, исторической, локальной обусловленности. Это не формально-структурное, но динамическое взаимодействие смысла текста как сложного знака, соотношенного с дискурсом, и смысла адресата, контролируемое дискурсивной компетенцией последнего.

Список литературы

Беляева Л. Н., Чернявская В. Е. Доказательная лингвистика: метод в когнитивной парадигме // Вопросы когнитивной лингвистики. 2016. № 3. С. 77–84.

Гончарова Е. А. Стиль как антропоцентрическая категория // *Studia Linguistica*. 1999. № 8. С. 146–154.

Золян С. Т. Семантика и структура поэтического текста. М.: УРСС, 2014. 336 с.

Золян С. Т. Текстцентрическая семантика и теория перевода // *Иностранные языки в высшей школе*. 2013. № 2(25). С. 11–18.

Молодыхенко Е. Н. Об операционализации категории «ценность» в текстовом и дискурсивном анализе: к вопросу о лингвистической аксиологии // *Вестник Московского городского педагогического университета*. 2015. № 3. С. 90–97.

Молодыхенко Е. Н. Ценности и оценка в дискурсе консьюмеризма: лингво-прагматический и критический анализ // *Вестник Северного (Арктического) федерального университета*. 2016. № 3. С. 122–130.

Чернявская В. Е. Фантомы и синдромы дискурсивной парадигмы // *Вопросы когнитивной лингвистики*. 2014. № 1. С. 54–61.

Чернявская В. Е. Текст в медиальном пространстве. М.: УРСС, 2014. 232 с.

Чернявская В. Е. Прошлое как текстовая реальность: методологические возможности лингвистики в интерпретации исторического narra-

тива // *Вестник Томского государственного университета. Филология*. 2016. № 3(41). С. 76–87.

Чернявская В. Е. Методологические возможности дискурсивного анализа в корпусной лингвистике // *Вестник Томского государственного университета. Филология*. 2017. № 6 (в печати).

Чуковский К. И. Собрание сочинений: в 2 т. М.: Правда, 1990. Т. 1. С. 71–404.

Шилихина К. М. Использование корпусов в исследованиях дискурса // *Вестник Воронежского государственного университета. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2014. № 3. С. 21–26.

Щирова И. А. Текст и контекст в меняющемся мире // *Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина*. 2014. № 1(7). С. 163–171.

Щирова И. А., Гончарова Е. А. Текст в парадигмах современного гуманитарного знания. СПб.: Книжный дом, 2006. 172 с.

Щирова И. А. О «правах» автора, читателя и текста // *Вопросы когнитивной лингвистики*. 2004. № 2–3. С. 86–92.

Adamzik K. *Textlinguistik*. Tübingen: Niemeyer, 2004. 176 p.

Baker P. *Using Corpora in Discourse analysis*. London et al.: Continuum, 2006. 189 p.

Baker P., Gabrielatos C., Khosravinik M., Krzyzanowski M., McEnery T., Wodak R. A useful methodological synergy? Combining critical discourse analysis and corpus linguistics to examine discourse of refugees and asylum seekers in the UK press // *Discourse and Society*. 2008. Vol. 19(3). P. 273–306.

Beaugrande R. de. *New Foundations for a Science of Text and Discourse: Cognition, Communication and the Freedom of Access to Knowledge and Society*. Norwood; New York, 1997. 670 p.

Brinker K. *Textlinguistik*. Heidelberg: Groos, 1993. 48 S.

Chilton P. *Analysing Political Discourse*. London; Routledge, 2004. 226 p.

Dijk T. A. van *Text and Context. Explorations in the Semantics and Pragmatics of Discourse*. Longman; London; New York, 1977. 261 p.

Dijk T. A. van *Principes of critical discourse analysis* // *Discourse and society* 4/2. 1993a. P. 249–283.

Dijk T. A. van *Elite Discourse and Racism*. Thousand Oaks, CA: Sage. 1993b. 251 p.

Dijk T. A. van *Discourse and Racism in Spain and Latin America*. Amsterdam: Benjamins, 2005a. 251 p.

Dijk T. A. van *Contextual knowledge management in discourse production. A CDA perspective* // R. Wodak and P. Chilton (eds.). *A New Agenda in*

- (Critical) Discourse Analysis. Amsterdam: Benjamins, 2005. P. 71–100.
- Dijk T. A. van Discourse, context and cognition // *Discourse Studies*. 2006. № 8(1). P. 159–177.
- Dijk T. A. van Discourse and Context: A socio-cognitive Approach. Cambridge University Press, 2008. 284 p.
- Dijk T. A. van Society and Discourse. How Contexts influence Text and Talk. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. 287 p.
- Duranti A., Goodwin Ch. (Eds.) Rethinking Context: An Introduction // *Rethinking Context: Language as an Interactive Phenomenon (Studies in the Social and Cultural Foundations of Language)*. Cambridge University Press, 1992. P. 1–42.
- Esser J. Introduction to English Text-linguistics. Peter Lang. Frankfurt/M, 2009. 209 p.
- Fairclough N. Critical discourse analysis. The critical study of language. London; New York, 1995. 279 p.
- Fairclough N. Language and power. London, 2010. 274 p.
- Fairclough N., Wodak R. Critical discourse analysis // van Dijk T. A. (Hg.). *Discourse Studies. A multidisciplinary introduction*. Bd. 2: Discourse as social interaction. London: Sage, 1997. P. 258–284.
- Jäger S. Kritische Diskursanalyse. Eine Einführung. Münster, 2009. 260 S.
- Mautner G. Mining Large Corpora for Social Information: the Case of Elderly // *Language in Society*. 2007. № 36(1). P. 51–72.
- Reisigl M., Wodak R. Discourse and discrimination. Rhetorics of racism and anti-Semitism. London; New York, 2001. 246 p.
- Sinclair J. Trust the Text. Language, Corpus and Discourse. Routledge; London; New York, 2004. 224 p.
- Spitzmüller J., Warnke I. Diskurslinguistik. Eine Einführung in Theorien und Methoden der transtextuellen Sprachanalyse. W. de Gruyter, 2011. 236 S.
- Warnke I., Spitzmüller J. Methoden und Methodologie der Diskurslinguistik // Warnke I., Spitzmüller J. (Hgg.) *Methoden der Diskurslinguistik*. Walter de Gruyter; Berlin; New York, 2008. P. 3–54.
- Warnke I., Spitzmüller J. (Hgg.) *Methoden der Diskurslinguistik*. Walter de Gruyter; Berlin; New York, 2008. 240 S.
- Wodak R., Reisigl M. The discourse-historical approach (DHA) // Wodak R., Meyer M. (hgg.). *Methods of critical discourse analysis*. London; New Delhi, 2009. P. 87–121.
- [Issues of Cognitive Linguistics], 2016, no 3, pp. 77–84. (In Russ.)
- Gonscharova E. A. Stil' kak antropotsentricheskaya kategoriya [Style as an anthropocentric Category]. *Studia Linguistica*, 1999, no. 8, pp. 146–154. (In Russ.)
- Zolyan S. T. *Semantika i struktura poeticheskogo teksta* [Semantics and Structure of Poetic Text]. Moscow, Editorial URSS Publ., 2014. 336 p. (In Russ.)
- Zolyan S. T. Tekstotsentricheskaya semantika i teoriya perevoda [Text-Centered Semantics and Theory of Translation]. *Inostrannye yazyki v vysshey shkole* [Foreign Languages in Tertiary Education], 2013, no. 2(25), pp. 11–18. (In Russ.)
- Molodychenko E. N. Ob operatsionalizatsii kategorii «tsennost'» v tekstovom i diskursivnom analize [The concept of Value in Textual and Discourse Analysis: towards Linguistic Axiology]. *Vestnik Moskovskogo Gorodskogo pedagogicheskogo universiteta* [Moscow City Teacher Training University Vestnik], 2015, no. 3, pp. 90–97. (In Russ.)
- Molodychenko E.N. Tsennosti i otsenka v diskurse konsyumerizma [Values and Evaluation in Discourse of Consumerism: a Pragmalinguistic Analysis]. *Vestnik Severnogo Arkticheskogo Federal'nogo Universiteta* [Northern (Arctic) Federal University Bulletin], 2016, no. 3, pp. 122–130. (In Russ.)
- Chernyavskaya V. E. Fantomy i sindromy diskursivnoy paradigmy [Discourse Paradigm: Phantom objects and Syndromes]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki* [Issues of Cognitive Linguistics], 2014, no. 1, pp. 54–61. (In Russ.)
- Chernyavskaya V. E. *Tekst v medial'nom prostanstve* [Text in Multimodal Dimension]. Moscow, Editorial URSS Publ., 2014. 232 p. (In Russ.)
- Chernyavskaya V. E. Istoricheskoe proshloe kak tekstovaya real'nost' [Historical Past as a Textual Reality: a linguistic approach in the historical narrative and its methodological implementation]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya* [Tomsk State University Journal of Philology], 2016, no 3(41), pp. 76–87. (In Russ.)
- Chernyavskaya V. E. Metodologicheskie vozmozhnosti diskursivnogo analiza v korpusnoy lingvistike [Towards Methodological Application of Discourse Analysis in Corpus-driven Linguistics]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya* [Tomsk State University Journal of Philology], 2017, no. 6. (In print). (In Russ.)
- Chukovskiy K. I. *Ot dvukh do pyati* [From two to five]. Moscow, 1990, vol. 1, pp. 71–404. (In Russ.)
- Shilikhina K. M. Ispol'zovanie korpusov v issledovaniakh diskursa [The use of language corpora in discourse studies]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Lingvistika i mezhkul'*

References

Belyaeva L. N., Chernyavskaya V. E. Dokazatel'naya lingvistika: metod v kognitivnoy paradigme [Evidence-based linguistics: method in cognitive paradigm]. *Voprosy Kognitivnoy Lingvistiki*

- turnaya kommunikatsiya [Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and intercultural communication], 2014, no. 3, pp. 21–26. (In Russ.)
- Shchirova I. A. Tekst i kontekst v menyayushchemsya mire [Text and Context in the changing world]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo Universiteta* [Vestnik of Pushkin Leningrad State University], 2014, no. 1(7), pp. 163–171. (In Russ.)
- Shchirova I. A., Goncharova E. A. *Tekst v paradigmatkakh gumanitarnogo znaniya* [Text in the paradigm of humanities]. St. Petersburg, Knizhnyy Dom Publ., 2006. 172 p. (In Russ.)
- Shchirova I. A. O pravakh avtora, chitatelya, teksta [On the Author, Reader and Text's "Rights"]. *Voprosy Kognitivnoy Lingvistiki*. [Issues of Cognitive Linguistics], 2004, no. 2–3, pp. 86–92. (In Russ.)
- Adamzik K. *Textlinguistik*. Tübingen, Niemeyer, 2004. 176 p. (In Germ.)
- Baker P. *Using Corpora in Discourse analysis*. London et al., Continuum, 2006. 189 p. (In Eng.)
- Baker P., Gabrielatos C., Khosravinik M., Krzyzanowski M., McEnery T., Wodak R. A useful methodological synergy? Combining critical discourse analysis and corpus linguistics to examine discourse of refugees and asylum seekers in the UK press. *Discourse and Society*. 2008, vol. 19(3), pp. 273–306. (In Eng.)
- Beaugrande R. de. *New Foundations for a Science of Text and Discourse: Cognition, Communication and the Freedom of Access to Knowledge and Society*. Norwood, New York, 1997. 670 p. (In Eng.)
- Brinker K. *Textlinguistik*. Heidelberg, Groos, 1993. 48 p. (In Germ.)
- Chilton P. *Analyzing Political Discourse*. London, Routledge, 2004. 226 p. (In Eng.)
- Dijk van T. A. *Text and Context. Explorations in the Semantics and Pragmatics of Discourse*. Longman: London, New York, 1977. 261 p. (In Eng.)
- Dijk van T. A. Principles of critical discourse analysis. *Discourse and society*. 1993a, no. 4/2, pp. 249–83. (In Eng.)
- Dijk van T. A. *Elite Discourse and Racism*. Thousand Oaks, CA: Sage, 1993b. 251 p. (In Eng.)
- Dijk van T. A. *Discourse and Racism in Spain and Latin America*. Amsterdam, Benjamins, 2005a. 251 p. (In Eng.)
- Dijk van T. A. Contextual knowledge management in discourse production. A CDA perspective. R. Wodak and P. Chilton (Eds.). *A New Agenda in (Critical) Discourse Analysis*. Amsterdam, Benjamins, 2005b, pp. 71–100. (In Eng.)
- Dijk van T. A. Discourse, context and cognition. *Discourse Studies*. 2006, no. 8(1), pp. 159–177. (In Eng.)
- Dijk van T. A. *Discourse and Context: A socio-cognitive Approach*. Cambridge University Press, 2008. 284 p. (In Eng.)
- Dijk van T. A. *Society in Discourse. How Context Controls Text and Talk*. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. 287 p. (In Eng.)
- Duranti A., Goodwin Ch. (Eds.) *Rethinking Context: An Introduction. Rethinking Context: Language as an Interactive Phenomenon (Studies in the Social and Cultural Foundations of Language)*. Cambridge University Press, 1992, pp. 1–42. (In Eng.)
- Esser J. *Introduction to English Text-linguistics*. Peter Lang, Frankfurt/M, 2009. 209 p. (In Eng.)
- Fairclough N. *Critical discourse analysis. The critical study of language*. London, New York, 1995. 279 p. (In Eng.)
- Fairclough N. *Language and power*. London, 2010. 274 p. (In Eng.)
- Fairclough N., Wodak R. Critical discourse analysis. Dijk T. A. van (Hg.). *Discourse Studies. A multidisciplinary introduction*. Bd. 2: Discourse as social interaction. London, Sage, 1997, pp. 258–284. (In Eng.)
- Jäger S. *Kritische Diskursanalyse. Eine Einführung*. Münster, 2009. 260 p. (In Germ.)
- Mautner G. Mining Large Corpora for Social Information: the Case of Elderly. *Language in Society*, 2007, no. 36(1), pp. 51–72. (In Eng.)
- Reisigl M., Wodak R. *Discourse and discrimination. Rhetoric of racism and anti-Semitism*. London, New York, 2001. 246 p. (In Eng.)
- Sinclair J. *Trust the Text. Language, Corpus and Discourse*. Ruthledge: London, New York, 2004. 224 p. (In Eng.)
- Spitzmüller J., Warnke I. *Diskurslinguistik. Eine Einführung in Theorien und Methoden der transtextuellen Sprachanalyse*. W. de Gruyter, 2011. 236 p. (In Germ.)
- Warnke I., Spitzmüller J. Methoden und Methodologie der Diskurslinguistik. Warnke I., Spitzmüller J. (Hgg.) *Methoden der Diskurslinguistik*. Walter de Gruyter: Berlin, New York, 2008, pp. 3–54. (In Eng.)
- Warnke I., Spitzmüller J. (Hgg.) *Methoden der Diskurslinguistik*. Walter de Gruyter: Berlin, New York, 2008. 240 p. (In Germ.)
- Wodak R., Reisigl M. The discourse-historical approach (DHA). Wodak R., Meyer M. (Hgg.). *Methods of critical discourse analysis*. London, New Delhi, 2009, pp. 87–121. (In Eng.)

OPERATIONALIZATION OF CONTEXT IN DISCOURSE ANALYSIS

Valeria E. Chernyavskaya

Head of the Linguistic Technologies Research Center

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

19, Politekhnikeskaya st., St. Petersburg, 196135, Russian Federation. tcherniavskaia@rambler.ru

SPIN-code: 5173-6746

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-6039-6305>

ResearcherID: A-1304-2017

The author puts the notion of context under the analytical spotlight. The context is discussed as a sociocultural dimension of a text structure. It is presumed that context is one of the most elusive notions in social sciences resisting formalization. The question of how to indicate and define extralinguistic aspects relevant in explanation of text meanings is a key issue both in modern text linguistics and discourse linguistics. In a broader dimension, it might contribute to evidence-based interpretation of linguistic facts.

This paper will follow the idea that operationalization of a context is not to be reduced to a communicative situation, some kind of social environment of a text, but is to be explained as a discursive competence of language speakers sharing social practice and cognitive framework. It is the social practice that causes and effects operationalization of relevant context aspects and thus the adequate understanding of text meanings. It is presumed that a cognitive representation of context in the mind of those involved in communication is analytically relevant. To perform an adequate analysis of discourse, we need to include a cognitive dimension. To operationalize context means to take into consideration features of actual practice in specific cultural, historical etc. conditions. The discursive competence controls all the relevant aspects of the production and comprehension of discourse that vary with the social situation. In this aspect, the author critically discusses the main thesis of T. van Dijk's conception that interpretation by the participants of the relevant dimensions of the social environment is represented in so-called "context models" in episodic memory.

The article discusses the extent to which different extralinguistic factors can be effectively used in noncritical discourse analysis and in critical discourse analysis / CDA, it discusses the merits and explanatory potential of CDA.

Key words: context; discourse analysis; critical discourse analysis; discursive competence.

УДК 801.82: 2
doi 10.17072/2037-6681-2017-4-94-102

ОБРАЗ БОГА В ДРЕВНЕГЕРМАНСКОЙ КАРТИНЕ МИРА (на материале древнеисландских и древнеанглийских текстов)

Екатерина Александровна Чулкова

аспирант кафедры фонетики и лексики английского языка

Московский педагогический государственный университет

119571, Россия, г. Москва, просп. Вернадского, 88. ea.chulkova@mpgu.edu

SPIN-код: 4875-1981

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-1190-529X>

ResearcherID: D-8298-2017

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Чулкова Е. А. Образ Бога в древнегерманской картине мира (на материале древнеисландских и древнеанглийских текстов) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2017. Т. 9, вып. 4. С. 94–102. doi 10.17072/2037-6681-2017-4-94-102

Please cite this article in English as:

Chulkova E. A. Obraz Boga v drevnegermanskoy kartine mira (na materiale drevneislanskih i drevneangliyskih tekstov) [The Image of God as a Reflection of the Old Germanic Model of the World (a Case Study of the Old Icelandic and Old English Languages)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2017, vol. 9, issue 4, pp. 94–102. doi 10.17072/2037-6681-2017-4-94-102 (In Russ.)

Рассматриваются особенности взаимодействия религиозной и мифологической картин мира и их влияние на формирование образа Бога в древнегерманской культуре.

Христианизация народов севера, обозначившая новую веху в истории Великобритании и Скандинавии, носила гетерогенный характер и распространялась на разные районы островной и континентальной частей неравномерно. Язычество и христианство долгое время сосуществовали внутри одной культурной области, образуя «диффузионные зоны», в пределах которых происходила интеграция компонентов обоих верований, – ее свидетельства мы находим в письменных памятниках древнего периода.

Данное исследование проводится на материале древнеисландских и древнеанглийских текстов, в ходе которого анализируются лексические единицы, служащие для наименования Творца в «Гимне Кэдмона», а также рассматриваются элементы христианского и языческого мировосприятия, зафиксированные в древнегерманских текстах. Устанавливаются корреляции между образом правителя (конунга) и Богом в картине мира древних германцев; исследуется архетип «Бог», заложивший основу космогонических мифов. Делается попытка выявить связь между человеческим мировосприятием и его отражением в языке того или иного этноса, а также проследить, каким образом происходила смена устоявшейся парадигмы, и установить промежуточную стадию между языческой (мифологической) и христианской картиной мира, которая выражалась в наделении христианского Бога качествами Бога-воина, свойственными языческому мировоззрению.

Ключевые слова: мифологическая картина мира; религиозная картина мира; древнегерманские языки; космогоническая мифология; культурные образы; культурная интерференция.

Диалог культур стал фарватером религиозной интерференции, фиксируемым в древнегерманских письменных памятниках и проявившимся как основополагающий фактор формирования представления о Боге в германско-скандинавской картине мира. Автор настоящей

статьи имеет целью рассмотреть, каким образом происходил процесс смены культурной парадигмы на примере образа Бога в эпоху раннего христианства. Материалом исследования послужили такие письменные памятники древнеанглийского языка, как «Англосаксонская хро-

ника» [<http://asc.jebbo.co.uk>], «Англосаксонское руководство по астрономии» [Wright 1841], «Гимн Кэдмона» [Смирницкий 2008: 27]; а также работы исландских авторов – «Круг земной» [Стурлусон 1980], «Младшая и Старшая Эдды» [<http://norse.ulver.com/src>] и “Liber Regum” [Wright 1841]. Вышеуказанные памятники в большей или меньшей степени связаны между собой общим лейтмотивом повествования – обращенностью к богу или демиургу – имманентной чертой средневекового человека. А. Я. Гуревич отмечает, что анализ картины мира того или иного народа невозможен без учета «системы ценностей, лежавших в основе мироздания людей средневековой эпохи, и понимания их культуры. Наиболее распространенный и популярный в эту эпоху жанр литературного произведения – жития святых, самый типичный образец архитектуры – собор, в живописи преобладает икона, в скульптуре – персонажи Священного писания. Средневековые мастера, писатели, художники, пренебрегая зримыми очертаниями окружающего их земного мира, пристально всматриваются в потусторонний мир» [Гуревич 1984: 17].

В «Философском словаре» мы находим следующее определение понятия «Бог»: «Бог – фантастический образ сверхъестественного всемогущего существа, якобы сотворившего мир и управляющего им... Представления о Боге составляют основу современных форм религии. На ранних этапах развития религии понятия «Бог» еще не существовало (см.: Анимизм, Тотемизм, Фетишизм). В условиях разложения первобытно-общинного строя, развития племенных объединений, появления классов и государства возникают образы племенных и государственных Богов» [Фролов 1981: 232]. Структура построения космогонических мифов, на основе которых зиждутся образы племенных богов, позволяет вывести некое общее ядро при соотнесении с мифами о сотворении мира в разных культурах: «в последовательной смене Богов мифология действительно сохраняет реальную историю своего возникновения – это окончательно становится непреложным фактом, если сопоставлять мифологии различных народов» [Шеллинг 1987: 262]. Данное утверждение позволяет нам сделать вывод о своеобразном архетипе, лежащем в основе многих мифов о сотворении мира. Как справедливо отмечает Д. В. Бердникова, «обе картины – религиозная и мифологическая – строятся на архетипических образах и мотивах. В религии такие образы обрели определенные формы» [Бердникова 2014: 36].

Большинство мифологий различных культур описывают процесс создания мира или возникновения космоса (греч. *Cosmos* порядок, мироупорядок), пространства вокруг поверхности Земли. Космос противопоставлялся «хаосу» (пустоте) – первоначальному состоянию вселенной. Песня «Прорицание Вэльвы», содержащаяся в «Старшей Эдде», начинается с описания хаоса (пустоты), отсутствия порядка во вселенной, а также взаимодействия изначальных стихий: *Ár var alda þar er Ýmir bygði, / vara sandr né sær né svalar unnir, / jörð fannsk æva né upphiminn, / gap var ginnunga, en gras hvergi* (Был век тот древний, когда жил Имир, / не было ни песка, ни моря, ни прохладных волн, / ещё не было земли, ни небес над ней, / была лишь зияющая пропасть, и не было ни травинки) (здесь и далее пер. авт. – Е. Ч.), ср. «Англосаксонское руководство по астрономии»: *Dat æmtige fæc bufon Þære lyfte is æfre scinende of ðam heofenlicum tunglum* (Пустое пространство над атмосферой [земли] всегда освещают небесные звезды) [Wright 1841: 13]; затем посредством вмешательства демиурга происходит структурирование космического пространственно-временного континуума и установление космической оси (мирового древа Иггдрасиль), сотворение земли, небес и светил (разделение дня и ночи, света и тьмы) и т. д.: *Ór Ýmis holdi var jörð of sköpuð, / en ór sveita sær, björg ór beinum, / baðmr ór hári, en ór hausi himinn* (Из плоти Имира была создана земля, из его крови сотворили моря и воду, кости легли в основу гор, волосы образовали леса, а из черепа сформировали небеса). В древнеисландском космогоническом мифе роль демиурга отведена внукам Бури – Виле, Ве и Одину, верховному богу древнескандинавского пантеона; они расправляются с древним великаном Имиром и начинают процесс творения, используя в качестве строительного материала плоть первосущества. Наличие создателя (Бога) является отличительной особенностью религиозной (креационической) картины мира, в которой «он [Бог] персонифицирован и выступает как личность (разум и воля). Мир создан по его замыслу. Бог (Боги) – творец всего вокруг, в том числе и законов жизни» [Бердникова 2014: 35]. Архетип Божества или Творца свойствен большинству космогонических моделей, в то время как божественное вмешательство в жизнь людей и в окружающее пространство может варьироваться. Христианская модель отражает концепцию креационизма, в свете которой Божество предстает нам Всесоздателем и регулирует все природные процессы, а через движение небесных тел по небесному

своду он проявляет свое физическое присутствие: *Seo eorðe stent on æle-middan, Ðurh Godes mihte swa ge-fæstnod, heo næfre ne byhð ne ufor ne nuðor Þonne se ælmihtiga scyppend Þe ealle ðing hylt buton swince he ge-staðelode* (Земля по воле Божьей расположена точно в центре и так крепко закреплена, что она не может находиться выше или ниже установленного ей Всемогущим Господом, который без труда регулирует все сущее, места) [Wright 1841: 10]; в то время как в скандинавской мифологии божественное вмешательство ограничивается помещением светил на небесный свод для освещения мира и установкой траектории их движения: *Sól þat ne vissi hvar hon sali átti, / máni þat ne vissi hvat hann megins átti, / stjörnur þat ne vissu hvar þær staði áttu* (Не ведала Солнце, где должен быть её дом, / Луна не знала, какая у неё сила / звезды не знали, где их места).

В свою очередь, «религиозная (христианская) система представления мира (мировоззрение), по словам Ю. И. Семенова, опирается на веру или мистический опыт и связана с отношением к непознаваемым и нематериальным сущностям» [Семенов 2003: 236]. Н. Б. Мечковская также выделяет одним из неотъемлемых компонентов плана содержания религии веру как психологическую установку принимать определенную информацию и следовать ей («исповедовать»), независимо от степени ее правдоподобности или доказанности, часто вопреки возможным сомнениям [Мечковская 1988: 26]. Так в прологе к «Младшей Эдде» древнескандинавская мифология рассматривается с эвгемеристической позиции христианства, в которой Бог предстает всемогущим существом, контролирующим все аспекты мироздания: *Af þvílíkum hlutum grunaði þá, at nökkurr myndi vera stjórnnari himintunglanna, sá er stilla myndi gang þeira at vilja sínum, ok myndi sá vera ríkr mjök ok máttigr... Þá vissu þeir eigi, hvar ríki hans var, en því trúðu þeir, at hann réð öllum hlutum á jörðu ok í lofti, himins ok himintunglum, sævarins ok veðranna* (И люди верили, что это он правит стихиями и он существовал еще до того, как появились небесные светила... Они не ведали, где его государство, но верили, что ему подчиняется все, что ни есть на земле и в воздухе: небо и небесные светила, море и ветры) (пер. О. А. Смирницкой). С принятием христианства жители Исландии отходят от языческих принципов постижения причин и закономерности природных явлений в пользу аксиоматического соотнесения повседневных эмпирических наблюдений со сверхъестественным всемогущим существом; средневековому человеку не нужно было стремиться полностью постичь

истинную природу вещей, она уже описана в священном писании.

Однако важно отметить, что переход от устоявшегося миропорядка и консолидация христианских догм произошли не сразу, образовав тем самым некий «диффузионный» период, на протяжении которого элементы христианского мировоззрения сосуществовали с языческой культурой древних германцев. Смена верования ознаменовала появление новых категорий, требующих более глубокого понимания об устройстве мира. Заповеди христианства во многом противоречили старой традиции: они требовали не только отречения от старых богов и принятия Христа, но и смены ценностей, которые являются частью народной идентификации. Так, христианские апологеты средневековья прибегали к эвгемеристическим методам для ослабления языческого верования, в результате которых языческие боги представлялись значимыми историческими фигурами – верховными правителями или прославленными воинами древности, почитаемыми за свои заслуги. В результате их деятельности, как справедливо обращает внимание А. Я. Гуревич, «утвердилась церковная обрядность, в принципе, враждебная язычеству и, с точки зрения богословов, не имевшая ничего общего со старыми народными обычаями, а на деле частично компенсировавшая вчерашних язычников, которые, не вникая в высший трансцендентный смысл христианской литургии, вряд ли доступный их разумению, видели в ней комплекс ритуалов, отчасти удовлетворявший их религиозно-практические нужды» [Гуревич 2007: 293]. Подобной точки зрения придерживается Б. Бранстон, который замечает, что миф продолжает жить и после христианизации Англии, но уже в соединении с новым верованием. Христианские обряды и праздники прекрасно уживались с языческими ритуалами древних германцев (например, благословение плуга, рек и моря, заклинания на плодородие), в которых древний человек видел способ хранения и передачи информации и своего мировоззрения следующим поколениям. А пасхальные церемонии оплакивания Бога, погибшего за наши грехи, и радость по поводу его воскрешения были необходимы для понимания древним человеком того, что мир будет жить дальше [Бранстон 2014: 197]. Подобные примеры интерпретации мифа мы находим в «Хронографии» византийского историка Иоанна Малалы или в «Этимологиях» Исидора Севильского, а также в «Младшей Эдде» Снорри Стурлусона. В работах исландского скальда языческие боги являются конунгами, обладающими невероятной

силой и отвагой, способными в одиночку победить полчища врагов и огромных чудовищ. В данном контексте любопытным представляется изображение Одина: *Hann átti þann son, er nefndr er Vóden. Þann köllum vér Óðin. Hann var ágætr maðr af speki ok allri atgervi. Kona hans hét Frigíða, er vér köllum Frigg... Óðinn hafði spádóm ok svá kona hans, ok af þeim vísendum fann hann þat, at nafn hans myndi uppi vera haft i norðrhálfu heims ok tignat um fram alla konunga.* (...у того был сын Воден, а мы зовем его Один. Он славился своею мудростью и всеми совершенствами. Жену его звали Фригида, а мы зовем ее Фригг... Одину и жене его было пророчество, и оно открыло ему, что его имя превознесут в северной части света и будут чтить превыше имен всех конунгов) (пер. О. А. Смирницкой). Верховный бог скандинавов в альтернативной интерпретации – прославленный витязь и могучий конунг, которому не было на свете равных; в какой бы город ни прибыл Один со своей дружиной, всюду их принимали “*svá at þeir þóttu líkari godum en mönnum*” (скорее за богов, чем за людей). Несмотря на то что языческие боги лишились своей сверхъестественной силы, они все равно превозносятся не только над простыми людьми, но и над правящей элитой, выделяясь среди остальных конунгов экстраординарными способностями. Перевод языческих богов в ранг смертных созданий обеспечил постепенную смену привычной для язычников картины мира, заполнив пустующую нишу единственным существом, способным творить чудеса в реалиях данного верования, – христианским Богом.

Одним из образчиков преемственности языческого и раннего христианского мировоззрения англосаксов является произведение «Гимн Кэдмона», датированное ок. 737 г., в котором мы находим следующие образно-перифрастические единицы, служащие для обозначения Творца: *Nū scylun herzan / hefaen-rīcaes uard, / metudæs maecti / end his mōd-zidanc, / uerc uuldur-fadur, / suē hē uundra zihuaes, / ēci dryctin / ōr āstelidæ. / Hē ārist scōp / aelda barnum / heben til hrōfe, // hāleg scep[p]en[d]; / thā middun-zeard mōn-cynnæs uard, / ēci dryctin, / æfter tīadæ / firum foldu[n], frēa allmectiz* [Смирницкий 2008: 27] (Ныне же должны мы восхвалить / **стража небес**, / мощь создателя / и его замысел, / творение **отца славы**, / поскольку он, / **предвечный Господь**, / положил начало чудесам, / сотворил первое дитя человеческое, / небеса – крышу [мира], / **святой Создатель**. / Затем **хранитель людей срединного мира**, / **предвечный Господь**, / создал землю, / **всемогущий Господь**) (пер. авт.).

Словосочетания типа *hefaen-rīcaes uard* «страж небес», *uuldur-fadur* «отец славы» и *middun-geard mōn-cynnæs uard* «хранитель людей срединного мира» свойственны больше языческому мировоззрению, нежели христианскому, даже само слово *middun-geard* «срединный мир» представляет собой мифологему, о чем свидетельствует компонент *middun* или в некоторых вариантах *middan* в составе композита, которое служило для обозначения вселенной или окружающего пространства [Манерко 2008: 215]. При этом «наименования космологических элементов выделялись в словаре не своим многообразием, то есть избыточной синонимией, а своей многообразностью, то есть своего рода формальной вариативностью, перерастающей в текучесть границ слова» [Смирницкая 2008: 125]. Говоря о принадлежности слова *middun-geard* и его лексических когнатов в других германских языках к мифологическим терминам, А. Я. Гуревич отмечает, что «мир людей осознавался как благоустроенное, огороженное, защищенное “место посередине” и то, что термин встречается во всех германских языках, свидетельствует о древности такого представления» [Гуревич 1984: 215]. Е. А. Мельникова также замечает, что «в разных поэмах Христос называется “отважным воином”, “могучим вождем”, “стражем народа”, метафорами, типичными для обозначения германского короля» [Мельникова 1987: 186]. Религиозные ценности, присущие христианству, также не вписывались в привычную картину мира скандинавов, равно как и учение о грехе и его искуплении. Образ сына Божьего в представлении древних германцев – это образ воина, защитника, который покровительствует в битве и дарует победу. Именно таким он и изображен на еллингском камне, где, несмотря на то, что «он представлен в позе распятого, мастер изобразил скорее воина с распростертыми руками, чем страдальца» [Гуревич 2007: 176]. Не случайно М. М. Маковский соотносит понятие бога со значением «война»: «(бог наказывает людей за их прегрешения), ср. карийск. *mas* “бог”, но русск. мстить, месть; англ. *god* “бог”, но др.-англ. *gud* “борьба, война”» [Маковский 1996: 48]; этимологически слово *god* восходит к прагерманскому **guthan* (ср. гол. *god*, др.-верхнем. *got*, нем. *Gott*, др.-сканд. *guð*, гот. *guþ*) с праиндоевропейской корневой морфемой **ghut-* «тот, к кому зывают, возносят мольбы». Кроме того, стоит отметить, что лексическая единица *frēa* «Господь» восходит к праиндоевропейскому **prōw* «справедливый судья», «господин» и представляет собой когнат

древнескандинавского слова *Freyr* – наименования бога плодородия в германо-скандинавской мифологии. Языческому божеству присущи такие качества, приписываемые христианскому Богу, как доброта, стремление к миру и спокойствию между людьми, умение управлять космическими объектами – Солнцем. Таким образом, в лексеме *frēa* симультанно воплощены элементы как языческой, так и христианской культуры. Однако наряду с вышеуказанными единицами мы также находим христианскую лексику, например, *ēci dryctin* «предвечный Господь», *hāleg scepēn* «святой Создатель». Вероятно, подобные фразы существовали задолго до того, как они впервые появились в «Гимне Кэдмона», и представляли собой англосаксонские поэтические клише. Но, по словам Б. Бранстона, это были клише дохристианского поэтического языка, порожденного языческой традицией [Бранстон 2014: 184]. Данный факт еще раз свидетельствует о том, что переход от старого верования к новому не происходил одновременно, христианское мировоззрение накладывалось на сформировавшееся видение мира, и путем взаимопроникновения возникал своеобразный синкретизм верований.

При этом немаловажным будет отметить, что лексему *Freyr* также связывали с концептом священного царствования (*sacral kingship*) [Thury, Devinney 2012: 635], т. е. такой теократической формой правления, при которой верховного правителя отождествляли с божеством и наделяли сакральной функцией. А. Я. Гуревич также предполагал, что «власть конунга, возможно, уже в тот период [раннего средневековья] осмыслялась как сакральная, хотя точное содержание этой сакральности (происхождение от богов, тесная связь с ними и покровительство, оказываемое богами отдельным знатым родам, ведущая роль короля в религиозно-культурной жизни племени, жреческие и магические функции его) ускользает от нашего взора [Гуревич 2007: 45–46]. Действительно, в древнегерманских письменных памятниках мы не находим четких атрибутов подобной сакрализации, однако в «Саге об Олаве святом», входящей в цикл «Круг Земной», встречается следующее описание битвы при Стикластадире: *Veðr var fagrt, ok skein sól i heiði. En er orrosta hófst, þá laust roða á himininn, ok svá á sólna, ok áðr en létti, gerði myrkt sem um nótt* (Погода была хорошая, и светило солнце. Но когда началось сражение, то и небо, и солнце побагровели, а потом вдруг стало темно, как ночью) [Стурлусон 1980: 451]. Далее из саги мы узнаем о смерти Олава: *Þá varð þat, er fyrr var sagt, at himinn var heiðr, en sól hvarf at sýn*

ok gerði myrkt. Þess getr Sigvatr: Undr láta þat ýtar / eigi smátt, er máttit / skænjördungum skorðu / skýlauss röðull hlýja. / Drjúg varð á því dægri, / dagr náðit lit fögrum, / orrostu frá ek austan / atburð konungs, furða (Тут, как уже раньше было сказано, исчезло солнце, хотя на небе и не было ни облака и наступила темнота. Об этом говорит Сигват: Почитают чудом / Великим, что в крике / Хильд среди сини солнце / С глаз людских сокрылось. / Ясный день — мы вести — / Померк: к смерти было / Князевой знаменье — / За морем узнали) [Стурлусон 1980: 452]. Интересно, что указанное солнечное затмение случилось 31 августа 1030 г., в то время как битва при Стикластадире произошла за месяц до вышеописанного события – 29 июля. А. Я. Гуревич предполагает, что подобное несоответствие «было продиктовано стремлением его апологетов установить аналогию между Христом, в момент гибели которого, согласно евангелию, тьма пала на землю» [Гуревич 2007: 625]. Кроме того, в «Англосаксонском руководстве по астрономии», согласно изречению пророков, солнце также несет в себе свет праведности и олицетворяет Спасителя Христа: *Timentibus autem nomen Domini oriatur sol justitiæ...* (Над теми, кто трепещет перед именем Божьим, взойдет праведное Солнце) [Wright 1841: 3]. Мы предполагаем, что затмение Солнца также можно трактовать как знамение, ср. греч. *ἥλιος* «солнце», но др.-сев. *Heill* «знамение» «предзнаменование» [Маковский 1996: 210], а именно – предвестника смерти или злого рока. Образ Солнца в сознании древнего человека соотносился с подземным царством, миром мертвых, на это указывает наличие большого пласта индоевропейской лексики со значением «Солнце = подземный мир»: лат. *in-fernum* «ад, преисподняя», но ирл. *grian* «солнце», ср. валл. *haul* «солнце», но англ. *hell*, нем. *Nolle* «ад» (ср. прусск. *gallon* «смерть») [там же]. Подтверждением данной гипотезы может служить запись в «Англосаксонских хрониках» за 1135 г.: *On þis gære for se king Henri ouer sæ æt te Lammasse. Ðæt oþer dei þa he lai an slep in scip. Þa þestrede þe dæi ouer al landes... Wurþen men suide ofiundred æ ofdred, sæden dæt micel þing sculde cumen hereafter. Sua dide. For þat ilc gær warth þe king ded. Ðæt oþer dæi efter Sancti Andreas massedæi on Normandi* (В этом году первого августа король Генрих отправился за море, и на следующий день, во время его сна все вокруг померкло... Люди были сильно напуганы и сказали, что за этим должно последовать что-то важное – так оно и было, в этом же году король скончался на второй день после Андреева дня [30 ноября] в

Нормандии) (пер. авт.). Данная запись кажется нам подтверждением того, что летописцы уделяли больше внимания астрономическим явлениям, в особенности затмениям Солнца, приурочивая их к таким знаменательным событиям, как, например, смерть правителя, которые концептуализировались в сознании англосаксов как дурное предзнаменование, а формулировка и прагматическая функция предложения: “*Wurþen men suide ofuundred æ ofdred, sæden ðæt micel þing sculde cumen hereafter*” – только подтверждает данное утверждение. При этом описанное в Англосаксонских хрониках солнечное затмение фактически произошло 2 августа 1133 г. [http://www.secl.ru/eclipse_catalog/1133_8_2.html], т. е. за два года до смерти короля, что позволяет нам предположить, что переписчик летописи передвинул дату вышеуказанного затмения на 1135 г. для придания ему функции знамения.

В более древнем представлении образ солнца мог непосредственно соотноситься со значением «бог, божество»: ср. др.-инд. *suar* «солнце», но др.-инд. *sura* «бог» [Маковский 1996: 210]; так К. Этеридж заметил, что антропоним *Earendel* в поэме «*Христос II*» (др.-англ. *Christ II*), написанной в середине VIII в., употреблялся в двух значениях: 1) луч света, предвещающий начало дня; 2) наступающий или поступающий свет – и соответствует латинскому слову *aurora* «рассвет, заря». *Earendel* также выступает в поэтических текстах как эпитет для обозначения Христа, ср. лат. *oriens* «восходящее Солнце или свет», *licifer* «приносящий свет» и *jubar* «(солнечный) свет, сияние» [Etheridge 2014: 126]. Однако в христианской традиции солнце – посредник между богом и людьми, инструмент взаимодействия с миром смертных; так, например, в «Англосаксонском руководстве по астрономии» отмечается, что [*bissexum cume*] *Purh Iosue abæd æt Gode seo sunne stod stille anes dæges lencge, Pa Pa he ða hæðenan of ðam eared adilegode, Pe him God forgeaf* (Путем молитвы Иисус Навин узнал от Бога, что солнце может оставаться неподвижным в течение одного дня, дарованного ему Богом, и уничтожить язычников в стране) [Wright 1841: 13]. Кроме того, в христианской картине мира также можно проследить лейтмотив «кары» или «наказания» за несоблюдение заповедей или за грехи, как правило, проявляющееся через природные явления – катастрофы. В «Англосаксонском руководстве по астрономии» также описывается сюжет книги «*Liber Regum*» (лат. «Книга царей»), в центре сюжета книги находится пророк Элиас, которому снизошло божественное озарение о том, что «человечество ждет великая

засуха за его прегрешения, которая продлится три с половиной года. Тогда пал Элиас на колени и взмолил о помиловании, как только юноша произнес слова мольбы, тут же из моря взмыло облако, небеса потемнели, задули ветра, и полил сильный ливень» [ibid: 18]. Здесь проявляется еще одна имманентная черта Творца, присущая христианскому мировоззрению: «[Богу] подвластно отменить законы, являясь сверхъестественным существом, он способен вызывать сверхъестественные явления и тогда происходит чудо» [Бердникова 2014: 35], а милость Творца добывается искренним раскаянием и молитвой.

В результате можно проследить четкую трехуровневую иерархию по вертикальной оси в направлении снизу вверх: нижняя ступень, уровень земли «конунг» → средняя ступень, уровень неба «солнце» → верхняя ступень, уровень небесного царства «Бог». Дихотомическая организация пространства характеризуется главенством вертикального измерения «верх-низ». Предпочтение ориентации по вертикали объясняется «характерной для человека пространственной ориентированностью его тела в нормальном положении, т. е. в положении стоя. Благодаря особенностям анатомического строения восприятие и концептуализация предметной сущности «человеческое тело» направлены по оси «верх-низ», поэтому человеческому телу вертикальность присуща как изначальное свойство, составляющее когнитивную основу предметной сущности» [Черепанова 2009: 89]. Кроме того, расположение объекта на вертикальной шкале в нашем случае прямо пропорционально уровню его могущества и благодати: «строю мир по образу и подобию своему, люди оценивают его зоны, исходя из их соотношенности со своим телом. Все, что находится выше, – положительно, то, что находится ниже, – презираемо и недостойно, впереди – положительно, позади – имеет отрицательную коннотацию» [Гак 200: 130]. Бог, как вершина всего сущего, представляет собой идеальное, сверхъестественное существо, олицетворение высшего блага, с которого ниспадает свет праведности через солнце на его земное воплощение – конунга.

В жизни любого народа большую роль играют традиции, во времена язычества воплощенные в олицетворении сил природы и небесных тел, которых нередко наделяли сверхъестественными способностями или придавали им символическое значение. Со временем христианские образы стали вытеснять привычные языческие элементы культуры, и постепенно древние германцы отходят от языческой традиции

персонализации неодушевленного мира в пользу более абстрактных форм и понятий. Тем не менее в основе образа Творца средневекового человека лежат более древние модели и сквозные сюжеты, присущие мифологическому восприятию, в нем переплетаются элементы христианского мировоззрения, в то время как отголоски язычества лежат «под спудом» и проявляются на первый взгляд в мелочах. Традиционный образ Христа был чужд воинственным скандинавам, в связи с чем основа, заложенная христианской культурой, наложилась на привычный им образ витязя (конунга), ведущего их в битву, под началом которого их ждет победа над недругом, образовав таким образом промежуточную ступень между представлением о Боге-воине и христианским Богом-мучеником, наделив Иисуса Христа чертами, свойственными языческим сверхъестественным существам: «под покровом христианских догм продолжалась жизнь архаических верований и представлений» [Гуревич 1984: 29].

Список литературы

Бердникова Д. А. Англо-шотландская баллада как объект сопоставительного изучения: лингвокогнитивный аспект: дис. ...канд. филол. наук. М., 2014. 251 с.

Бранстон Б. Забытые боги Англии / пер. с англ. З. Ю. Метлицкой. М.: Новый Акрополь, 2014. 224 с.

Гак В. Г. Пространство вне пространства // Логический анализ языка. Языки пространств / под ред. Н. Д. Арутюновой, И. Б. Левонтиной. М., 2000. С. 127–134.

Гуревич А. Я. Избранные труды. Древние германцы. Викинги. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2007. 352 с.

Гуревич А. Я. Избранные труды. Средневековый мир. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2007. 560 с.

Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. М.: Искусство, 1984. 350 с.

Кассирер Э. Мифологическое мышление. Философия символических форм: в 3 т. М.: Академ. Проект, 2011. 279 с.

Маковский М. М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: образ мира и миры образов. М.: Владос, 1996. 416 с.

Манерко Л. А. Типы знаний, определяющие древнеанглийскую категорию пространства // Когнитивные исследования языка. Москва; Тамбов, 2008. С. 210–233.

Мельникова Е. А. Меч и лира. Англосаксонское общество в истории и эпосе. М.: Мысль, 1987. 203 с.

Мечковская Н. Б. Язык и религия. Лекции по филологии и истории религий. М.: Агентство «ФАИР», 1988. 352 с.

Полное Солнечное затмение. Электронный каталог затмений. URL: http://www.secl.ru/eclipse_catalog (дата обращения: 17.05.2017).

Семенов Ю. И. Производство и общество: учебник / под ред. И. А. Гобозова. М.: Изд. Савин С. А., 2003. С. 236–266.

Смирницкая О. А. Избранные статьи по германской филологии. М.: МАКС Пресс, 2008. 472 с.

Смирницкий А. И. Хрестоматия по истории английского языка с VII по XVII в. М.: Академия ИЦ, 2008. 304 с.

Стурлусон С. Круг Земной. М.: Наука, 1980. 691 с.

Фролов – Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. М.: Политиздат, 1981. 445 с.

Черепанова И. А. Пространственно-временной континуум древнегерманской картины мира // Язык и культура. 2009. Вып. 3(7). С. 88–93.

Шеллинг Ф. Историко-критическое введение в философию мифологии // Шеллинг Ф. Собр. соч. М., 1989. Т. 2. С. 160–374.

Etheridge Ch. A Systematic Re-evaluation of the Sources of Old Norse Astronomy // Culture and Cosmos. England: Sophia Centre Press, 2014. Vol. 16. P. 119–131.

Grimm F. Astronomical Lore in Chaucer. Lincoln, Nebraska: University of Nebraska Studies in Language, Literature and Criticism, 1919. 106 p.

Mason L. Genesis A. Translated from the Old English by Lawrence Mason. New York: Holt, 1915. 86 p.

Norraen Dýrð. Online Source of Eddas. URL: <http://norse.ulver.com/src.html> (дата обращения: 04.01.2017).

The Anglo-Saxon Chronicle: an Electronic Edition. Online Source of Anglo-Saxon Chronicle. URL: <http://asc.jebbo.co.uk> (дата обращения: 12.05.2017).

Thury E., Devinney M. Introduction to Mythology. Contemporary Approaches to Classical and World Myths. Oxford: Oxford University Press, 2016. 944 p.

Wright Th. Popular Treatises on Science Written during the Middle Ages, in Anglo-Saxon, Anglo-Norman, and English. Michigan: University of Michigan Library, 1841. 212 p.

References

- Berdnikova D. A. *Anglo-shotlandskaya ballada kak ob"ekt sopostavitel'nogo izucheniya: lingvo-kognitivnyy aspekt*. Diss. kand. filol. nauk. [English-Scottish ballade as an object of contrastive analysis: linguo-cognitive aspect. Cand. philol. sci. diss.]. Moscow, 2014. 251 p. (In Russ.)
- Branston B. *Zabytye bogi Anglii* [The Lost Gods of England]. Transl. from English by Z. Yu. Metlitskaya. Moscow, Novyy Akropol' Publ., 2014. 224 p. (In Russ.)
- Gak V. G. Prostranstvo vne prostranstva [Space outside the space]. *Logicheskii analiz yazyka. Yazyki prostranstv* [Logical analysis of the language. Languages of the space]. Ed. by N. D. Arutyunova, I. B. Levontina. Moscow, 2000, pp. 127–134. (In Russ.)
- Gurevich A. Ya. *Izbrannye trudy. Drevnie germancy. Vikingi* [Selected Works. The ancient Germans. Vikings]. St. Petersburg, St. Petersburg University Press, 2007. 352 p. (In Russ.)
- Gurevich A. Ya. *Izbrannye trudy. Srednevekovyy mir* [Selected Works. The Medieval world]. St. Petersburg, St. Petersburg University Press, 2007. 560 p. (In Russ.)
- Gurevich A. Ya. *Kategorii srednevekovoy kul'tury* [Categories of the medieval culture]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1984. 350 p. (In Russ.)
- Cassirer E. *Mifologicheskoe myshlenie. Filosofiya simvolicheskikh form: v 3 t.* [Mythological way of thinking. Philosophy of the symbolical forms: in 3 vols.]. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., 2011. 279 p. (In Russ.)
- Makovskiy M. M. *Sravnitel'nyy slovar' mifologicheskoy simboliki v indoevropeyskikh yazykakh: obraz mira i miry obrazov* [Comparative dictionary of mythological symbols in the Indo-European languages: the image of the world and the worlds of images]. Moscow, Vldos, 1996. 416 p. (In Russ.)
- Manerko L. A. Tipy znaniy, opredelyayushchie drevneangliyskuyu kategoriyu prostranstva [Types of knowledge denoting the old English category of space]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka* [Cognitive Language Research]. Moscow; Tambov, 2008, pp. 210–223. (In Russ.) Mel'nikova E. A. *Mech i lira. Anglosaksonskoe obshchestvo v istorii i epose* [Sword and lyre. Anglo-Saxon society in history and epos]. Moscow, Mysl' Publ., 1987. 203 p. (In Russ.)
- Mechkovskaya N. B. *Yazyk i religia. Lektsii po filosofii i istorii religiy.* [Language and religion. Lectures on philology and history of religions]. Moscow, agency "FAIR" Publ., 1988. 352 p. (In Russ.)
- Polnoe solnechnoe zatmenie.* Online database of solar eclipses. Available at: http://www.secl.ru/eclipse_catalog (accessed 17.05.17) (In Russ.)
- Semenov Yu. I. *Proizvodstvo i obshchestvo* [Industry and society]. Ed. by I. A. Gobozova. Moscow, publisher S. A. Savin, 2003, pp. 236–266. (In Russ.)
- Smirnickaya O. A. *Izbrannye stat'i po germanskoy filologii* [Selected papers on Germanic Linguistics]. Moscow, MAKS Press, 2008. 472 p. (In Russ.)
- Smirnitkiy A. I. *Krestomatiya po istorii angliyskogo yazyka s 7 po 17 v.* [Anthology on the history of the English language from the 7th to 17th centuries]. Moscow, AcademiaIC Publ., 2008. 304 p. (In Russ.)
- Sturluson S. *Krug Zemnoy* [Circle of the Earth]. Moscow, Nauka Publ., 1980. 691 p. (In Russ.)
- Filosofskiy slovar'* [Philosophical dictionary]. Ed. by I. T. Frolov. Moscow, Politizdat Publ., 1981. 445 p. (In Russ.)
- Cherepanova I. A. Prostranstvenno-vremennoy kontinuum drevnegermanskoy kartiny mira [Space-time continuum in the Old Germanic model of the world]. *Yazyk i kul'tura* [Language and culture]. Tomsk, 2009, issue 3(7), pp. 88–93. (In Russ.)
- Schelling F. *Istoriko-kriticheskoe vvedenie v filosofiyu mifologii. Sobranie sochineniy* [Historical-Critical Introduction to the Philosophy of Mythology. Collection of papers]. Moscow, 1989, pp. 160–374. (In Russ.)
- Etheridge Ch. A Systematic Re-evaluation of the Sources of Old Norse Astronomy. *Culture and Cosmos*, vol. 16. England, Sophia Centre Press, 2014, pp. 119–131. (In Eng.)
- Grimm F. *Astronomical Lore in Chaucer*. Lincoln, Nebraska, University of Nebraska Studies in Language, Literature and Criticism, 1919. 106 p. (In Eng.)
- Mason L. *Genesis A. Translated from the Old English by Lawrence Mason*. New York, Holt, 1915. 86 p. (In Eng.)
- Norraen Dýrð.* Online source of Eddas. Available at: <http://norse.ulver.com/src.html> (accessed 04.01.17). (In Eng.)
- The Anglo-Saxon Chronicle: An Electronic Edition.* Online Source of Anglo-Saxon Chronicle. Available at: <http://asc.jebbo.co.uk> (accessed 12.05.17). (In Eng.)
- Thury E., Devinney M. *Introduction to Mythology. Contemporary Approaches to Classical and World Myths*. Oxford, Oxford University Press, 2016. 944 p. (In Eng.)
- Wright Th. *Popular Treatises on Science Written during the Middle Ages, in Anglo-Saxon, Anglo-Norman, and English*. Michigan, University of Michigan Library, 1841. 212 p. (In Eng.)

**THE IMAGE OF GOD AS A REFLECTION
OF THE OLD GERMANIC MODEL OF THE WORLD
(a Case Study of the Old Icelandic and Old English Languages)**

Ekaterina A. Chulkova

Postgraduate Student in the Department of English Phonetics and Lexicology

Moscow State Pedagogical University

88, prospekt Vernadskogo, Moscow, 119571, Russian Federation. ea.chulkova@mpgu.edu

SPIN-code: 4875-1981

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-1190-529X>

ResearcherID: D-8298-2017

The research deals with the peculiarities of interaction of the mythological and religious world models of the ancient Germans and their influence on the image of God in the Old Germanic culture.

Christianization of the north tribes was of a heterogeneous nature and took centuries to span the whole territory of Britain and the border area. Cross-cultural interaction of two dominating religions – paganism on the one hand and Christianity on the other – gave birth to the so called interference of mythological and religious world models. Evidence of this process is detected and comprised in the texts written during the Early Middle Ages, where components of Christian and pagan culture simultaneously coexist within one written record.

The analysis of this cultural interference is performed on the basis of the Old English and Old Norse languages. The influence of the religion on the linguistic worldview and perception of the world by the ancient Germanic people are considered. Lexical units used to denote God in *Cædmon's Hymn* are investigated, and components of the Christian and pagan world perception are elicited. Correlation between God and a ruler of a Germanic tribe (konung) in the world model of the ancient Germans is revealed. The author studies the archetype of God, which formed the basis of foundational stories, whereas the Sun embodies a tool with the help of which God demonstrates his power and conveys his will, besides it functions as a mediator between the Earth (which is represented by a konung) and God. One of the objectives of this article is to detect an intermediate stage which took place between paganism and Christianity. The author attempts to find the connection between the worldview of people and its reflection in the language, and to trace the modification of the former world model apart from the factors which caused the changes of this worldview.

Key words: mythological world model; religious worldview; Old Germanic languages; archetype of God; cultural images; cultural interference.

ЛИТЕРАТУРА В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ

УДК 82.09

doi 10.17072/2037-6681-2017-4-103-112

БЛОГ-ЛИТЕРАТУРА КАК ФЕНОМЕН: ОПЫТЫ ЕВГЕНИЯ ГРИШКОВЦА

Марина Петровна Абашева

д. филол. н., профессор кафедры новейшей русской литературы

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет

614990, Россия, г. Пермь, ул. Сибирская, 24. m.abasheva@gmail.com

профессор кафедры журналистики и массовых коммуникаций

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15

SPIN-код: 2169-4629

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-5720-7916>

ResearcherID: R-8012-2016

Татьяна Олеговна Максимова

соискатель кафедры современной русской литературы

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет

614990, Россия, г. Пермь, ул. Сибирская, 24. tvo1408@mail.ru

SPIN-код: 4544-1435

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-7166-175X>

ResearcherID: P-6507-2017

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Абашева М. П., Максимова Т. О. Блог-литература как феномен: опыт Евгения Гришковца // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2017. Т. 9, вып. 4. С. 103–112. doi 10.17072/2037-6681-2017-4-103-112

Please cite this article in English as:

Abasheva M. P., Maksimova T. O. Blog-literatura kak fenomen: opyt Evgeniya Grishkovtsa [Blog Literature as a Phenomenon: the Experience of Evgeny Gryshkovets]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2017, vol. 9, issue 4, pp. 103–112. doi 10.17072/2037-6681-2017-4-103-112 (In Russ.)

В статье анализируется блог-литература как феномен современного литературного процесса в России. Рассматриваются художественные произведения писателей, созданные на основе блога (на разных платформах), осмысляется полемика литературоведов и критиков о его статусе: блог сегодня понимается как речевой жанр, как интернет-жанр, как жанр литературный. Главным предметом анализа стали индивидуальные стратегии авторов в обращении с блогом, особенности коммуникации с читателем, и в частности, внутрижанровые и внутрилитературные трансформации текста в блоге. Текст испытывает воздействие и со стороны законов интернет-коммуникации в целом, и от принятого в блоге стиля общения, зависит от творческой манеры и целей автора. Поскольку блог – синтетическое явление, существующее на грани литературы, медиа, быта, а также визуальных и музыкальных кодов, его изучение требует выработки междисциплинарных методов анализа: применения методов рецептивной эстетики, нарратологии и дискурсивного анализа. В соответствии с принципами исторической поэтики в статье рассматриваются новые формы трансформированных околотитера-

турных жанров. На примере серии блогов Е. Гришковца («Год жизни» (2008), «Продолжение жизни» (2009), «151 эпизод жизни» (2011), «От ЖЖизни к жизни» (2012), «Почти рукописная жизнь» (2013), «Одновременно: жизнь» (2014) в статье изучаются процессы трансформации блога в литературу, прослеживается индивидуальная стратегия поведения писателя в интернет-пространстве, осмысливается значение блога в творчестве писателя, который превратил блог в художественный текст, в серию книг. Авторы статьи приходят к выводу об очевидности перестройки литературного поля под влиянием блог-литературы.

Ключевые слова: писательский блог; блог-литература; роман-блог; блогоника; сетература; интернет-дневник; Е. Гришковец.

Проблема взаимодействия литературы и Интернета – одна из ключевых в современных литературоведческих исследованиях, ведь сам объект изучения развивается чрезвычайно быстро. Художественная литература существует сегодня в русском Интернете в разных формах: как собственно сетература – тексты, размещенные в пространстве Интернета, как электронные аналоги бумажных текстов на специальных сайтах и в онлайн-библиотеках и т. п. (см. подробнее: [Абашева, Катаев 2013]). Блог писателя в этом ряду – особенно интересный предмет для изучения: в нем наглядно проявляются самые важные особенности бытования литературы в Интернете – на уровне писательского поведения, в сфере производства текста, в открытой читательской реакции. В блоге отражаются перемены в бытовании литературы и культуры в целом¹.

Сегодня блоги писателей выступают, с одной стороны, преемниками записных книжек, черновиков будущих произведений, классических писательских дневников, с другой – интерактивной платформой для новых текстов, рабочим инструментом, экспериментальной творческой площадкой. В режиме онлайн создаются полноценные литературные жанры: повести, романы, рассказы. Возможностями блога активно пользуются многие авторы: Т. Толстая в книге «Легкие миры» (2014), Н. Горланова в «Повести Журнала Живаго» (2009) и «Романе с искусством» (2016), Д. Бавильский в книге «Музей воды. Венецианский дневник эпохи твиттера» (2016), Е. Попов в повести «Арбайт. Широкое полотно» (2012). Некоторые книги полностью складываются в блогах – таковы «Highest degree» (2011) и «Пенсия» (2015) А. Ильенена (последняя в 2015 г. вошла в шорт-лист премии НОС). С. Чупринин, как литературный критик отрефлексировав природу жанра, назвал свою выросшую из блога книгу «Вот жизнь моя. Фейсбучный роман» (2015). Блогом как инструментом воздействия на читателя охотно пользуются авторы массовой литературы: Борис Акунин в книгах «Фото как хокку» (2011), «Любовь к истории» (2012) и «По следам группы Дятлова»

(2013), С. Лукьяненко при создании книги «Черновик» (2005) и др. Благодаря возможностям Интернета в «большую» печатную литературу вошли писатели, в литературе неизвестные и сделавшие себе имя в блоге: Марта Кетро, Слава Сэ, О. Лукас и др. Показателен пример Дмитрия Глуховского, чья карьера началась с размещения постапокалиптического романа «Метро» на сайте с бесплатным хостингом (m-e-t-r-o.ru) после отказа издательств опубликовать роман. Сегодня проект особо успешен: в его рамках существуют книжная серия «Вселенная Метро 2033», компьютерные игры, квесты, настольные игры. Глуховский – автор бестселлеров «Сумерки» (2007), «Будущее» (2013), трилогии «Метро» (2005, 2009, 2015), его книги переведены на более чем 30 иностранных языков.

Книги на основе блога становятся характерной приметой эпохи web 2.0 – когда технические возможности интернет-платформы позволяют любому пользователю создавать и транслировать собственный контент. На поэтику текста, созданного в блоге, влияют особенности, общие для всех видов компьютерно опосредованной коммуникации. Прежде всего, это *интерактивность*, усилившая свойство культуры, что Хабермас назвал «публичностью», приводя в качестве параллели античную агору, когда каждый выступающий на площади (а теперь в Сети) виден друг другу [Хабермас 2013]. Ученица Хабермаса С. Бенхабиб определяет постиндустриальную «новую публику» как не обладающую никаким местом в пространстве, локализованную сразу во множестве мест и характеризует Интернет как сферу, превращающую публичный диалог в «публичный разговор» [цит. по: Вербилоч 2013: 43].

Любой текст, существующий сегодня в Сети, и блог здесь не исключение, с необходимостью вырабатывает свойства *мультимедийности* (см.: [Морослин 2010; Казнова 2011; Горшкова 2013]: включает элементы фото, видео и музыки. Обилие интернет-ссылок, чужих цитат, разнородных текстов формирует блог как гипертекст. *Гипертекстуальность* (связанность системой ссылок в

единый большой текст) в блоге реализуется как в многоголосии реплик, так и во включенности эстетического содержания в бытовой контекст. Б. Гройс видит в этом проблему: «В интернете искусство и литература функционируют в том же пространстве, что и военное планирование, туристический бизнес, движения капитала и т. д.» [Гройс 2015: 4].

Перечисленные особенности блога как сетевого текста сообщают новое качество входящим в него околотературным жанрам (записным книжкам писателя, дневникам, черновикам). Блог писателя состоит из малых «речевых жанров» (в терминологии М. М. Бахтина²): это письма, записи, байки, анекдоты, кулинарные рецепты, споры с читателями, черновики будущих произведений, анонсы новых книг, любимая музыка, фотографии, опросы читателей и др. Теперь речевые жанры в блоге оказываются в соседстве с литературными текстами и воспринимаются наравне с ними.

Новый массив созданной в Сети литературы требует литературоведческого осмысления. Не все филологи согласны признать блог литературным жанром. Лингвист Р. М. Фрумкина подчеркивает пограничный статус блога: «Мы вправе объявить тексты блогосферы литературой – и столько же оснований у нас считать это множество текстов паралитературой, антилитературой» [Фрумкина 2010: 402]. Действительно, качество текстов, размещенных одним и тем же автором, даже в одном блоге, неоднородно. У Е. Гришкова один пост может содержать рецензию на фильм, другой – краткий комментарий по поводу какой-либо новости, третий – полноценный рассказ, впоследствии вошедший в бумажный сборник. Некоторые ученые, впрочем, склонны видеть в блоге литературную форму, даже поэтическую – как исследователь современной поэзии А. А. Житенев. Обращаясь к поэтическому творчеству Д. Воденникова, к книге «Здравствуйте, я пришел с вами попрощаться» (2007), представляющей собой переработку двух онлайн-дневников – *netnikogda* и *vodennikov* (2004–2006 гг.), А. А. Житенев выделяет три ключевые особенности новой формы. Это «поисковый характер онлайн-текста, его соотнесенность с «самосбором» пишущего», «перформативность, проговаривание существенного в испытующем присутствии другого», «рефлексивность, метатекстуальность» [Житенев 2011: 134–135]. Исследователь приходит к выводу о том, что «мультимедийность и интерактивность блога, а также ограниченная емкость постовых записей программируют новый тип художественной про-

зы. Неся в себе такие родовые черты «прозы поэта», как фрагментарность, бессюжетность и монтажность, он переводит все эти признаки в новое качество, поскольку создает новую модель отношения автора и реальности, автора и читателя» [там же: 135].

Постепенно в критике и литературоведении появляются гибридные синонимичные термины: «книга-блог», «роман-блог» и «блог-роман». Писательница и критик М. Галина оперирует термином «блог, изданный в формате книги» и считает, что Интернет способен «перекроить иерархию литературных жанров» [Галина 2007]. В противовес этой точке зрения Ю. В. Щербинина блог-роман называет квазижанром, видя в нем черты механистичности и неспособности «на творческое изобретение» [Щербинина 2014]. В. Пустовая, напротив, прочит блогу превращение в литературный жанр: «Грань между литературой и блогом остро ощущается сегодня, когда издание книги все еще веха на пути писателя. Но что если очередная техническая революция довершится и все искусства переместятся в цифровое пространство, оставив аналоговый мир на попечение декоративно-прикладного дизайна? Тогда роман окончательно уравнивается в правах с блогом, который станет еще одним литературным жанром» [Пустовая 2011]. По мнению С. Оробия, блог влияет на природу традиционных литературных жанров и писательскую идентичность: «блогопись существенно меняет формулу ключевого жанра литературы – романа» [Оробий 2012]. Сравнивая современный роман, родившийся «из музыки блога», с романом в понимании Белинского («эпос частной жизни»), литературовед пишет: «...Собственная, частная жизнь сегодня кардинально переосмыслена. «Свое», «личное» плотно встроено в коллективное бессознательное Сети. Квазианонимность, что царит на ее просторах, деформирует идентичность» [там же]. Современный постмодернистский роман и блог и вправду имеют много точек соприкосновения. Н. В. Максимова объясняет это тем, что «многие черты постмодернизма совпадают с законами существования в Сети – многоуровневость, игра и диалог с читателем, отсутствие доминанты, открытость структуры, возможность множественных вариантов прочтения и интерпретации, интертекстуальность, «смерть автора», читателя, индивидуального текста» [Максимова 2015: 155].

Представляется, что специфика блог-литературы должна рассматриваться в связи с технологическими особенностями создания и бытования текста. Понятием «блог-литература» сегодня обо-

значают «художественные произведения, написанные «с использованием технологий блог-сервисов» [Зими́на 2008: 83]. Критики относят к блог-литературе и писательское творчество в традиционном понимании, где «никак не использовался движок блога», но «процесс написания такого произведения является интерактивным и дальнейшее развитие сюжета может зависеть от комментариев» [Шульга 2009: 275]. Исследователи отмечают, что блог-литература может создаваться как одним автором, так и коллективом авторов, иметь разнообразные поджанры: «от линейных повествований до гипертекстовых (нелинейных, фрагментарных) нарративов; от дневника до набора миниатюр или глав» [Зими́на 2008: 83].

Западное литературоведение давно осваивает проблематику писательских блогов [Gross 2011; Maryl, Niewiadomski, Kidawa 2016]. Уже существует термин «Blook» (составленный из слов *blog* и *book* [Gibson 2006]), обозначающий книгу на основе блога. Свидетельство того, что феномен укоренен в российской культуре и вошел в массовое употребление, – появление статьи «Блог-литература» в популярной энциклопедии «Википедия» (<https://ru.wikipedia.org/wiki/Блог-литература>).

Функция блога у каждого из писателей специфична. Т. Толстая ведет себя в Фейсбуке как медийная личность и охотно заполняет блог заметками, интересными массовому читателю, – кулинарными рецептами например. Для Н. Горлановой блог является черновиком и записной книжкой: записи блога потом находят свое место в ее рассказах. Так, диалог с мужем об Остапе Бендере, помещенный в блог, трансформируется в рассказе «Зеленая клякса» (2011) в лирическое отступление автора / главной героини. «Роман с искусством» Н. Горлановой полностью соткан из постов Живого Журнала и Фейсбука. Для писателей массовой литературы – Б. Акунина, Д. Глуховского, С. Лукьяненко и др. – блог является способом маркетинга, т. е. изучения читательского мнения, управления им, а иногда – способом сотворчества с читателем. Эти авторы проводят читательские опросы о том, как лучше назвать новую книгу, какой финал предпочтут читатели и т. д. Каждая из писательских стратегий в использовании блога заслуживает специального изучения. Нам представляется важным обратиться к опыту Евгения Гришковца – российского прозаика, драматурга, актера, режиссера и музыканта, чьи книги определили начало существования российской блог-литературы.

Гришковец начал вести блог в 2007 г. на площадке Живого Журнала (для сравнения: Д. Глуховский завел блог в 2005 г., Н. Горланова – в 2007, Б. Акунин лишь в 2010, Л. Петрушевская в 2016). Блог Гришковца состоит из ежедневных записей и напоминает эпистолярный: каждая запись начинается словом «Здравствуйте!» и заканчивается подписью «Ваш Гришковец». Основными темами становятся вопросы творчества (о новых книгах, спектаклях, концертах писателя), рассказы о друзьях, о детях, о путешествиях, размышления о политике, бытовые зарисовки. Нам представляется очевидной стилистическая близость «доблоговых» текстов Гришковца природе блога. Его монопьесы («Как я съел собаку», «Одновременно», «Дредноуты», «Прощание с бумагой», «Шепот сердца») состоят из фрагментов и микросюжетов, близких блогу в своей речевой стихии. Но писатель не сразу почувствовал близость своего творчества новой форме бытования: завел блог неохотно, «по совету и настоянию друзей и коллег» [Гришковец 2008: 3]. Решиться на этот шаг Гришковцу, который признавался в том, что пишет свои романы шариковой ручкой, затем отдает в набор и вычитывает текст после правки редактора [там же: 175], вероятно, было не просто. Однако через четыре года Гришковец демонстративно уходит из Живого Журнала. Главной причиной отказа писателя от ЖЖ стал конфликт с читателями: «В конце концов я понял всю опасность и вред зависимости от быстрой реакции на сказанное в интернете, жестокость и злоба ранили не меньше, чем благодушие и похвалы» [Гришковец 2012: 5]. Закрыв в 2011 г. свой блог в ЖЖ, Гришковец продолжил публикацию дневниковых записей на отдельном сайте «*OdnoVremenno.com*». Главное отличие нового формата – невозможность комментирования записей. Писатель отказался от основного свойства Сети – интерактивности, возможности отклика читателей. Он перенес записи из ЖЖ (с июля 2008 г.) в архив нового дневника, но без читательских комментариев. Сегодня сайт «*OdnoVremenno.com*» выглядит как имитация белых листов бумаги формата А4 на бледно-сером фоне. Каждый лист – датированная дневниковая запись с тематическими метками в конце страницы («гастроли», «Шепот сердца», «конец сезона» и т. д.). Имитация бумажного листа – едва ли не типовой дизайн интернет-сайта, но в случае Гришковца напоминание о бумажном листе особо значимо. Он любит бумагу, признается в дневнике: «... лист бумаги совершенен и прекрасен» [Гришковец 2011: 21]. Признание в любви к бумажному листу стало темой моноспектак-

ля, аудиоспектакля, иллюстрированной книги «Прощание с бумагой». То, что Гришковец не хочет такого прощания, подтверждается переводом блога в бумажные книги³.

На основе блоговых записей писателя их вышло шесть: «Год жжизни» (2008), «Продолжение жжизни» (2009), «151 эпизод жжизни» (2011), «От ЖЖизни к жизни» (2012), «Почти рукописная жизнь» (2013), «Одновременно: жизнь» (2014). По смыслу и содержанию интернет-дневник и книги равноценны: «бумажные» тексты представляет собой посты блога. Как соотносятся блог и книга между собою? Оценки критиков различны. В статье А. А. Суворова, исследующего «цифрового» читателя Гришковца, книга писателя рассматривается как равный блогу жанр [Суворов 2016]. А. А. Леонова видит в блоге Гришковца «своего рода «черновик» для тестирования и апробации отдельных идей, образов, вкусовых оценок», который «содержит внутренний потенциал для превращения в книгу» [Леонова 2009: 89]. Для Д. Кожановой блог Гришковца тоже имеет статус черновика: «пример Евгения Гришковца показал, что интернет-дневники можно превратить в литературу – хотя бы по формальному признаку, издав свои записи в печатном варианте» [Кожанова 2015]. К. В. Синегубова отказывает книге Гришковца «Год жжизни» в статусе художественного произведения, считая, что та «остаётся промежуточным вариантом – блогом, перенесенным на бумагу» [Синегубова 2016: 73]. Для нас важен не только ответ на вопрос, является ли блог литературой, но и определение функции блога в творчестве писателя и характеристика внутрижанровых трансформаций внутри писательского блога.

Полагаем, что литературой блог Гришковца делает наличие авторского замысла, задающего тексту презумпцию целостности при объединении блогов в книгу. Если в «бумажной» литературе у писателя художественный замысел присутствует изначально, как и ориентация на «память жанра» (термин М. М. Бахтина), то в блог-книге он рождается при оформлении фрагментов в цельный текст. Когда автор осмысляет сумму блогов как книгу, он, очевидно, обнаруживает внутреннюю логику и сюжет, редактирует текст в соответствии с этой установкой. По замечанию Гришковца, у книги «От жжизни к жизни» «весьма сложный сюжет и даже довольно лихая фабула» [Гришковец 2013: 94]. Фабулой стало путешествие писателя от Живого Журнала (блога) к книге: первые книги («Год жжизни», «Продолжение жжизни», «151 эпизод жжизни») со-

средоточены на событиях, происходящих в блоге, четвертая книга «От жжизни к жизни» знаменует переход от жизни online к жизни без читательской реакции. Названия завершающих книг серии («Почти рукописная жизнь», «Одновременно: жизнь») указывают на дневниковый, мемуарный характер текста. Сюжетом стал именно выбор Гришковца между галактикой Гутенберга и галактикой Интернета.

Автор включает свои записи в таксономию литературных жанров: о книге «Почти рукописная жизнь» говорит, что это «настоящий личный писательский дневник» [там же: 5]. Использование Гришковцом формы традиционного литературного дневника вводит его [дневник] в почтенную жанровую традицию: «Опавшие листья» В. В. Розанова, «Ни дня без строчки» Ю. К. Олеси, «Дневник» Ж. Ренара и др. Примеряя к текстам Гришковца жанровые признаки дневника, выявленные, например, А. Зализняк (двуадресность, отсутствие повествователя, отдельного от автора, нефикциональность текста, наличие метатекстовой даты записи, единого авторского замысла и т. д.) [Зализняк 2010], находим ряд соответствий. Во-первых, в блоге и книгах Гришковца коммуникативная ситуация отмечена двуадресностью: писатель сам является адресатом («мне было интересно прочитать эту книгу. На бумаге все иначе» [Гришковец 2008: 4]), читатель – адресатом вторым, потенциальным. Во-вторых, в интернет-дневнике Гришковца нет отдельного от автора повествователя. Все тексты написаны от первого лица: автора блога. В-третьих, это текст о текущем моменте, каждой записи соответствует дата. Но в дневнике метатекстовая дата записи должна соответствовать моменту записи. В книгах же Гришковца запись датирована лишь числом и месяцем, но указание на год отсутствует. Это отсутствие позволяет А. А. Леоновой говорить о «смене режимов документальности / художественности. По мысли автора, это некий абстрактный год жизни» [Леонова 2009: 87].

И все же книги Гришковца – не буквальное возвращение к «старому» литературному жанру дневника или повести. Это очевидно уже в мультимедийном характере текста. Каждая книга серии имеет фотовставку / приложение: фотографии кабинета писателя, рукописи книги, репортажи с презентации книги, концерта и т. д. К книге «Продолжение жжизни» прилагается DVD-диск с трейлером к фильму «Сатисфакция», фрагментом документального фильма «Без сценария». В конце книги «Почти рукописная жизнь» даются интернет-ссылки на видеоресур-

сы. Кроме того, в книгах, несмотря на отсутствие читательских комментариев, сохраняется диалогичность. Гришковец косвенно цитирует вопросы читателей в блоге: «один человек, который много меня младше, задал мне интересный вопрос...» [Гришковец 2008: 173]. Таким образом, книжная серия Гришковца, созданная на основе блогов писателя, вбирает в себя атрибуты Сети: мультимедийность, гипертекстуальность, интерактивность.

Показательно: издав бумажные книги, Гришковец не оставляет ведения блога. Блог необходим ему для того, чтобы осуществлять полноценную коммуникацию в современной культуре: для расширения творческого общения и продвижения своего творчества (помимо писательского слова, на сайте представлена совместная музыкальная деятельность Гришковца, видеoverсии спектаклей, аудиокниги); для информирования читателей о гастролях и выходе книг. Здесь же осуществляется экономическая деятельность: объявляется краудфандинг (сбор читательских средств) на создание видеoverсий спектаклей, на издание новых книг, на создание декораций для спектакля и т. д. Означает ли это многообразие функций блога, что он не может существовать как самостоятельная литературная форма, а может быть только предтекстом для литературы и средством продвижения имени и творчества писателя?

Ответ на этот вопрос зависит от того, как понимать слово «литература». Ц. Тодоров, например, в статье «Что такое литература?» под литературой понимает «многочисленные типы дискурса» в отсутствие какого-то особого, специального литературного дискурса [Тодоров 1983: 368]. Ю. Н. Тынянов представлял литературу как «[не]прерывно эволюционирующий ряд» [Тынянов 1977: 270], в котором факты быта постепенно превращаются в факты литературные и наоборот. (Тынянов, кстати, замечает, что «быт соотнесен с литературой прежде всего своей речевой стороной» [Тынянов 1977: 278], а ведь именно собранные в блогах «жанры речи» становятся основой блог-литературы.) По нашему мнению, блог, зародившийся в Сети как явление бытовое, постепенно становится литературным фактом. Блог и литература осуществляют процесс дискурсивного взаимообмена. Е. Пономарева справедливо полагает: сегодня «само творчество понимается как процесс, имеющий циклические характеристики: из отдельных произведений складываются рубрики-циклы, которые формируют более масштабные циклические единства – книги, а те, в свою очередь, могут

пониматься как циклически продолжающие друг друга. В читательском восприятии такие книги остаются неделимым мегатекстом» [Пономарева 2013: 198–199]. Вероятно, сейчас мы имеем дело с процессами перераспределения жанров в системе культуры, о которых писал Ю. М. Лотман: «Одновременно с включением (выключением) тех или иных текстов из области литературы работает и другой механизм – иерархического распределения литературных произведений и ценностной их характеристики» [Лотман 1992: 208]. На наших глазах происходит включение нелитературных (еще недавно) жанров в состав художественной литературы. И к этому процессу надлежит отнести предельно внимательно – блог-литература заслуживает дальнейшего изучения.

Примечания

¹ О глобальных изменениях языка культуры под воздействием Интернета см.: [Кастельс 2004; Маклюэн 2013].

² «Каждое отдельное высказывание, конечно, индивидуально, но каждая сфера использования языка вырабатывает свои относительно устойчивые типы таких высказываний, которые мы и называем речевыми жанрами» [Бахтин 1996: 159].

³ Аналогичный путь «возвращения» к бумаге прошел Б. Акунин. На основе его блога изданы книги «Самый страшный злодей и другие сюжеты» (2013), «Самая таинственная тайна и другие сюжеты» (2014) и др. В последних книгах («Нечеховская интеллигенция», 2016, «Жизнь замечательных людей и зверей. Короткие истории о всяком разном», 2017) Акунин, как Гришковец, удалил комментарии пользователей.

Список литературы

Абашева М. П., Катаев Ф. А. Русская проза в эпоху интернета: трансформации в поэтике и авторская идентичность. Пермь: Перм. гос. гум.-пед. ун-т, 2013. 168 с.

Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Бахтин М. М. Собр. соч. М.: Русские словари, 1996. Т. 5: Работы 1940–1960 гг. С. 159–206.

Вербилович О. Теория коммуникативного действия: ключевые категории и познавательный потенциал // Публичная сфера: теория, методология, кейс-стади / под ред. Е. Р. Ярской-Смирновой и П. В. Романова М.: ООО «Вариант»: ЦСПГИ, 2013. С. 35–52. (Библиотека «Журнала исследований социальной политики»).

Галина М. Блог-романы // Знамя. 2007. № 3. URL: <http://magazines.russ.ru/znamia/2007/3/ga27.html> (дата обращения: 20.09.2017).

- Горшкова Е. И. Блог как вид интернет-коммуникации: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2013. 23 с.
- Гришковец Е. Продолжение ЖЖизни. М.: АСТ: Астрель, 2009. 317 с.
- Гришковец Е. 151 эпизод жжизни. М.: Махаон: Азбука-Аттикус, 2011. 480 с.
- Гришковец Е. Год жжизни. М.: АСТ: Астрель, 2008. 318 с.
- Гришковец Е. Зима: все пьесы. М.: Эксмо, 2008а. 318 с.
- Гришковец Е. От жжизни к жизни. М.: Махаон: Азбука-Аттикус, 2012. 432 с.
- Гришковец Е. Почти рукописная жизнь. М.: Махаон: Азбука-Аттикус, 2013. 493 с.
- Гройс Б. Дефикционализация фиктивного: искусство и литература в интернете // Логос. 2015. Т. 25, № 4. С. 1–15.
- Житенев А. А. «Проза поэта» в контексте медиакультуры: блог как художественный феномен // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2011. Т. 64, № 10. С. 132–136.
- Зализняк А. А. Дневник: к определению жанра // Новое литературное обозрение. 2010. № 106. С. 162–180.
- Зимина Л. В. Инструмент блоггинга в издательском деле, или в поисках новых авторов и жанровых форм // Известия высших учебных заведений. Проблемы полиграфии и издательского дела. 2008. № 4. С. 78–85.
- Казнова Н. Н. Трансформация языковой личности в интернет-коммуникации (на примере французской блогосферы): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2011. 23 с.
- Кастельс М. Галактика Интернет: размышление об Интернете, бизнесе и обществе / пер. с англ. А. Матвеева. Екатеринбург: У-Фактория, 2004. 328 с.
- Кожанова Д. От критики до блогосферы // Октябрь. 2015, № 2. URL: <http://magazines.russ.ru/october/2015/2/15ko-pr.html> (дата обращения: 20.09.2017).
- Леонова А. А. Приемы «интернет-форматирования» в современной прозе: «электронная» книга «Е-Гришковца» «Год жжизни» // Вестник Костромского государственного университета. 2009. Т. 15, № 2. С. 85–89.
- Лотман Ю. М. О содержании и структуре понятия «художественная литература» // Лотман Ю. М. Избранные статьи. Таллинн, 1992. Т. 1. С. 203–216.
- Маклюэн М. Галактика Гутенберга: Становление человека печатающего / пер. И. О. Тюриной. Изд. 2-е. М.: Акад. проект; Гаудеамус, 2013. 496 с.
- Максимова Н. В. Писательские блоги как форма автобиографической и художественной практики // Гуманитарные исследования. 2015. № 4 (56). С. 154–159.
- Морослин П. В. Лингвокультурные основы теории функционирования рунета в пространстве межкультурной коммуникации: дис. ... д-ра филол. Наук. М., 2010. 339 с.
- Оробий С. Рождение романа из музыки блога? // Homo Legens. 2012. № 1. URL: http://magazines.russ.ru/homo_legens/2012/1/rozhdenie-romana-iz-muzyki-bloga-pr.html (дата обращения: 20.09.2017).
- Пономарева Е. В. «Оппозиция» или «позиция»: сетевая литература в современном литературном пространстве // Уральский филологический вестник. Сер. Русская литература XX–XXI веков: направления и течения. 2012. № 1. С. 193–207.
- Пустовая В. Антология скриншотов // Октябрь. 2011. № 12. URL: <http://magazines.russ.ru/october/2011/12/pu28.html> (дата обращения: 20.09.2017).
- Синегубова К. В. Стратегии трансформации интернет-дневника в художественное произведение (на материале книг Е. Гришковца и Т. Мжаванадзе) // Знание. 2016. № 10–3(39). С. 69–74.
- Суворов А. А. Блогосфера как литературная среда: «цифровой» читатель Евгения Гришковца // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер. Филология. Журналистика. 2016. Т. 16, № 2. С. 211–222.
- Тодоров Ц. Понятие литературы // Семиотика. М., 1983. С. 355–369.
- Тынянов Ю. Н. Литературный факт // Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977. С. 255–269.
- Фрумкина Р. Рецензия на книгу: From Poets to Padonki // Новое литературное обозрение. 2010. № 4. С. 401–402.
- Хабермас Ю. Социоструктурная трансформация публичной сферы // Публичная сфера: теория, методология, кейс-стади / под ред. Е. Р. Ярской-Смирновой и П. В. Романова (Библиотека «Журнала исследований социальной политики»). М.: ООО «Вариант»: ЦСПГИ, 2013. С. 226–265.
- Шульга О. А. Основные жанровые разновидности интернет-текстов // Ученые записки Забайкальского государственного университета. Сер. Филология, история, востоковедение. 2009. № 3. С. 274–276.
- Щербинина Ю. Чтение в эпоху Web 2.0 // Знамя. 2014. № 5. URL: <http://magazines.russ.ru/znamia/2014/5/17sh.html> (дата обращения: 20.09.2017).

Gibson O. From blog to book: first awards for online writers who became mainstream successes. 3 April 2006. URL: <https://www.theguardian.com/technology/2006/apr/03/news.newmedia1/> (дата обращения: 20.09.2017).

Gross J. Australian Literary Blogs and Bloggers: A Review of the Converged Environment // Vanden Driesen, C. & Vanden Driesen Change – Conflict and Convergence: Austral–Asian Scenarios, 2011. P. 117–125. URL: <http://ro.ecu.edu.au/cgi/viewcontent.cgi?article=7661&context=ecuworks> (дата обращения: 20.09.2017).

Maryl M., Niewiadomski K., Kidawa M. Toward an Empirically-generated Typology of Weblog Genres // CLCWeb: Comparative Literature and Culture. 2016. Vol. 18, Issue 2. URL: <http://docs.lib.purdue.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=2846&context=clcweb> (дата обращения: 20.09.2017).

References

Abasheva M. P., Kataev F. A. *Russkaya proza v epokhu interneta: transformatsii v poetike i avtorskaya identichnost'* [Russian prose in the age of the Internet: transformations in the poetics and author's identity]. Perm, 2013. 168 p. (In Russ.)

Bakhtin M. M. *Problema rechevykh zhanrov* [The problem of speech genres]. Collected works. Moscow, 1996, vol. 5, pp. 159–206. (In Russ.)

Verbilovich O. Teoriya kommunikativnogo deystviya: klyuchevye kategorii i poznavatel'nyy potentsial [Theory of communicative action: key categories and cognitive potential]. *Publichnaya sfera: teoriya, metodologiya, keis stadi* [Public sphere: theory, methodology, case study]. Moscow, Variant Publ., 2013, pp. 35–52. (In Russ.)

Galina M. Blog-romany [Blog-novels]. *Znamya* [Banner], 2007, issue 3. Available at: <http://magazines.russ.ru/znamia/2007/3/ga27.html> (accessed 20.09.2017) (In Russ.)

Gorshkova E. I. *Blog kak vid internet-kommunikatsii. Avtoreferat diss. kand. filol. Nauk* [Blog as a form of internet communication. Abstract of Cand. filol. sci. diss.]. St. Petersburg, 2013. 23 p. (In Russ.)

Grishkovets E. *Prodolzhenie ZHZHizni* [Continuation of LJ-Life]. Moscow, AST: Astrel' Publ., 2009. 317 p. (In Russ.)

Grishkovets E. *151 epizod ZHZHizni* [151 Episode of LJ-Life]. Moscow, Machaon: Azbuka-Attikus Publ., 2011. 480 p. (In Russ.)

Grishkovets E. *God ZHZHizni* [A Year of LJ-Life]. Moscow, AST: Astrel' Publ., 2008. 318 p. (In Russ.)

Grishkovets E. *Zima: vse p'esy* [Winter: All Plays]. Moscow, Eksmo Publ., 2008a. 318 p. (In Russ.)

Grishkovets E. *Ot ZHZHizni k zhizni* [From LJ-Life to Life]. Moscow, Machaon: Azbuka-Attikus Publ., 2012. 432 p. (In Russ.)

Grishkovets E. *Pochti rukopisnaya zhizn'* [Almost Handwritten Life]. Moscow, Machaon: Azbuka-Attikus Publ., 2013. 493 p. (In Russ.)

Groys B. Defiktsionalizatsiya fiktivnogo: iskusstvo i literatura v internete [Fiction Defictionalized: Art and Literature Online]. *Logos*, 2015, vol. 25, issue 4, pp. 1–15. (In Russ.)

Zhitenev A. A. «Proza poeta» v kontekste mediakul'tury: blog kak khudozhestvennyy fenomen [“Prose of a poet” in the context of media culture: a blog as the artistic phenomenon]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University], 2011, vol. 64, issue 10, pp. 132–136. (In Russ.)

Zaliznyak A. A. *Dnevnik: k opredeleniyu zhanra* [Diary: to the definition of genre]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Observer], 2010, issue 106, pp. 162–180. (In Russ.)

Zimina L. V. Instrument blogginga v izdatel'skom dele, ili v poiskakh novykh avtorov i zhanrovyykh form [The tool of blogging in publishing or in search for new authors and genre forms]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Problemy poligrafii i izdatel'skogo dela* [Proceedings of the Institutions of Higher Education. Issues of the Graphic Arts and Publishing], 2008, issue 4, pp. 78–85. (In Russ.)

Kaznova N. N. *Transformatsiya yazykovoï lichnosti v internet-kommunikatsii. Avtoreferat diss. kand. filol. nauk* [Transformation of the linguistic identity in the Internet communication. Abstract of Cand. filol. sci. diss.]. Perm, 2011. 23 p. (In Russ.)

Castells M. *Galaktika Internet: razmyshlenie ob Internete, biznese i obshchestve* [The Internet Galaxy: Reflections on the Internet, Business and Society]. Ekaterinburg, U-Faktoriya Publ., 2004. 328 p. (In Russ.)

Leonova A. A. Priemy «internet-formatirovaniya» v sovremennoy proze: «elektronnaya» kniga «E-Grishkovtsa» «God zhzhizni» [Methods of “Internet formatting” in modern prose: the “electronic” book “E-Grishkovtsa” “The Year of LJ-Life”]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Kostroma State University], 2009, vol. 15, issue 2, pp. 85–89. (In Russ.)

Lotman Yu. M. O soderzhanii i strukture ponyatiya “khudozhestvennaya literatura” [On the content and structure of the concept “fiction”]. *Izbrannye stat'i* [Selected articles]. Tallinn, 1992, vol. 1, pp. 203–216. (In Russ.)

McLuhan M. *Galaktika Gutenberga: Stanovlenie cheloveka pechatayushchego* [The Gutenberg Gal-

axy: The Making of Typographic Man]. Moscow, Akademicheskiiy proekt: Gaudeamus Publ., 2013. 496 p. (In Russ.)

Maksimova N. V. Pisatel'skie blogi kak forma avtobiograficheskoy i khudozhestvennoy praktiki [Writers' blogs as a form of autobiographical and artistic practice]. *Gumanitarnye issledovaniya* [Humanitarian Researches], 2015, issue 4(56), pp. 154–159. (In Russ.)

Moroslin P. V. *Lingvokul'turnye osnovy teorii funktsionirovaniya runeta v prostranstve mezhkul'turnoi kommunikatsii. Diss. dokt. filol. nauk* [Linguistic and cultural foundations of the theory of the RuNet's functioning in the space of intercultural communication. Dr. philol. sci. diss.]. Moscow, 2010. 339 p. (In Russ.)

Orobiy S. Rozhdenie romana iz muzyki bloga? [Birth of the novel from the music of the blog?]. *Homo Legens*, 2012, issue 1. Available at: http://magazines.russ.ru/homo_legens/2012/1/rozhdenie-romana-iz-muzyki-bloga-pr.html (accessed 20.09.2017). (In Russ.)

Ponomareva E. V. «Oppozitsiya» ili «pozitsiya»: setevaya literatura v sovremennom literaturnom prostranstve [“Opposition” or “position”: network literature in the contemporary literary space]. *Ural'skiy filologicheskiiy vestnik. Seriya: Russkaya literatura XX–XXI vekov: napravleniya i techeniya* [Ural Journal of Philology. Series: Russian Literature of 20 and 21 Centuries: Directions and Streams], 2012, issue 1, pp. 193–207. (In Russ.)

Pustovaya V. Antologiya skrinshotov [Anthology of screenshots]. *Oktyabr'* [October], 2011, issue 12. Available at: <http://magazines.russ.ru/october/2011/12/pu28.html> (accessed 20.09.2017). (In Russ.)

Sinegubova K. V. Strategii transformatsii internet-dnevnik v khudozhestvennoe proizvedenie (na materiale knig E. Grishkovtsova i T. Mzhavanadze) [Strategies for the transformation of the Internet diary into an artistic work (based on the books by E. Grishkovets and T. Mzhavanadze)]. *Znanie* [Knowledge], 2016, issue 10–3(39), pp. 69–74. (In Russ.)

Suvorov A. A. Blogosfera kak literaturnaya sreda: «tsifrovoy» chitatel' Evgeniya Grishkovtsova [Blogosphere as a literary environment: a “Digital” Reader of Evgeny Grishkovets]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika* [Izvestiya of Saratov University. Series: Philology. Journalism], 2016, vol. 16, issue 2, pp. 211–222. (In Russ.)

Todorov Ts. Ponyatie literatury [The concept of literature]. *Semiotika* [Semiotics]. Moscow, 1983, pp. 355–369. (In Russ.)

Tynyanov Yu. N. Literaturnyy fakt [Literary fact]. *Poetika. Istoriya literatury. Kino* [Poetics. History of literature. Cinema]. Moscow, 1977, pp. 255–269. (In Russ.)

Frumkina R. Retsenziya na knigu: From Poets to Padonki [Book Review: From Poets to Padonki]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Observer], 2010, issue 4, pp. 401–402. (In Russ.)

Habermas J. Sotsiostrukturnaya transformatsiya publichnoy sfery [Socio-structural transformation of the public sphere]. *Publichnaya sfera: teoriya, metodologiya, keis stadi* [Public sphere: theory, methodology, case studies]. Ed. by E. R. Yarskaya-Smirnova, P. V. Romanova. Moscow, Variant, TsSPGI Publ., 2013, pp. 226–265. (In Russ.)

Shul'ga O. A. Osnovnye zhanrovy raznovidnosti internet-tekstov [The main genre varieties of Internet texts]. *Uchenye zapiski Zabaykal'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya, istoriya, vostokovedenie* [Scholarly Notes of Transbaikalian State University. Series: Philology, History, Oriental Studies.], 2009, issue 3, pp. 274–276. (In Russ.)

Shcherbinina Yu. Chtenie v epokhu Web 2.0 [Reading in the Epoch of Web 2.0]. *Znamya* [Banner], 2014, issue 5. Available at: <http://magazines.russ.ru/znamia/2014/5/17sh.html> (accessed 20.09.2017). (In Russ.)

Gibson O. *From blog to book: first awards for online writers who became mainstream successes*. 3 April 2006. Available at: <https://www.theguardian.com/technology/2006/apr/03/news.newmedia1/> (accessed 20.09.2017) (In Eng.)

Gross J. Australian Literary Blogs and Bloggers: A Review of the Converged Environment. Vanden Driesen, C. & Vanden Driesen *Change – Conflict and Convergence: Austral-Asian Scenarios*, 2011, pp. 117–125. Available at: <http://ro.ecu.edu.au/cgi/viewcontent.cgi?article=7661&context=ecuworks> (accessed 20.09.2017). (In Eng.)

Maryl M., Niewiadomski K., Kidawa M. Toward an Empirically-generated Typology of Weblog Genres. *CLCWeb: Comparative Literature and Culture*. Vol. 18(2016), issue 2. Available at: <http://docs.lib.purdue.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=2846&context=clcweb> (accessed 20.09.2017). (In Eng.)

BLOG LITERATURE AS A PHENOMENON: THE EXPERIENCE OF EVGENY GRYSHKOVETS

Marina P. Abasheva

Professor in the Department of Contemporary Russian Literature

Perm State Humanitarian-Pedagogical University

24, Sibirskaya st., Perm, 614990, Russian Federation. m.abasheva@gmail.com

Professor in the Department of Journalism and Mass Communication

Perm State University

15, Bukireva st., Perm, 614990, Russian Federation

SPIN-code: 2169-4629

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-5720-7916>

ResearcherID: R-8012-2016

Tatiana O. Maksimova

Postgraduate Student in the Department of Contemporary Russian Literature

Perm State Humanitarian-Pedagogical University

24, Sibirskaya st., Perm, 614990, Russian Federation. vto1408@mail.ru

SPIN-code: 4544-1435

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-7166-175X>

ResearcherID: P-6507-2017

The article considers blog literature as a phenomenon of the current literary process in Russia. Works of contemporary writers based on blogs (on different platforms) are analyzed in the context of the debates among literary scholars and critics about its status: blogging today could be seen as a speech genre, as an Internet genre, or as a literary genre. The analysis is focused on authors' individual strategies in dealing with the blog, features of the author – reader communication, and in particular on the intra-genre and intraliterary transformations of text. Text in a blog is influenced by both laws of the Internet communication in general and the style of communication in the blog. It also depends on the creative manner and goals of the author. Since the blog is a synthetic phenomenon that exists at the intersection of literature, media, everyday life, as well as visual and musical codes, its study necessarily requires the development of interdisciplinary methods of analysis: the application of methods of receptive aesthetics, narratology and discursive analysis. In accordance with the principles of historical poetics, the article considers new forms of the transformed near-literary genres. The analysis is performed as a case study of a series of blog books (blook) by E. Grishkovets based on his LiveJournal accounts (*A Year of LJ-Life* (God Zhzhizni, 2008), *The Continuation of LJ-Life* (Prodolzhenie Zhzhizni, 2009), *151 Episodes of LJ-Life* (151 Epizod Zhzhizni, 2011), *From LJ-Life to Life* (Ot Zhzhizni k zhizni, 2012), *Almost Manuscript Life* (Pochti Rukopisnaya Zhizn, 2013), and *Simultaneously: Life* (Odnovremenno: Zhizn, 2014). The paper studies the processes of the blog's transformation into literature, traces the individual strategy of the writer's behavior in the Internet space, considers the significance of blogging in the work of the writer who turned his blog into literary text, into a series of books. The authors of the article come to a conclusion that the literary field is being restructured under the influence of blogging.

Key words: writer's blog; blog literature; blog fiction; blog novel; blook; digital literature; Internet diary; Evgeny Grishkovets.

УДК 821.161.1.09-2:771.5
doi 10.17072/2037-6681-2017-4-113-120

ФОТОЭКФРАСИС В ПЬЕСЕ Л. ПЕТРУШЕВСКОЙ «ЧЕМОДАН ЧЕПУХИ, ИЛИ БЫСТРО ХОРОШО НЕ БЫВАЕТ»

Нина Станиславна Бочкарева

д. филол. н., профессор кафедры мировой литературы и культуры

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15. nsbochk@mail.ru

SPIN-код: 5691-5020

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-0518-9976>

ResearcherID: P-2300-2016

Кристина Владимировна Загороднева

к. филол. н., доцент кафедры филологии

Пермский государственный институт искусства и культуры

614990, Россия, г. Пермь, ул. Газеты Звезда, 18. zagor-kris@yandex.ru

SPIN-код: 8509-2609

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-4383-5513>

ResearcherID: S-1355-2017

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Бочкарева Н. С., Загороднева К. В. Фотоэкфрасис в пьесе Л. Петрушевской «Чемодан чепухи, или Быстро хорошо не бывает» // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2017. Т. 9, вып. 4. С. 113–120. doi 10.17072/2037-6681-2017-4-113-120

Please cite this article in English as:

Bochkareva N. S., Zagorodneva K. V. Fotoekfrasis v p'ese L. Petrushevskoy «Chemodan chepukhi, ili Bystro khorosho ne byvaet» [Photoekphrasis in *The Suitcase of Nonsense, or Quickly Done Cannot Be Well Done* by L. Petrushevskaya]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2017, vol. 9, issue 4, pp. 113–120. doi 10.17072/2037-6681-2017-4-113-120 (In Russ.)

В статье анализируются природа и функции фотографического экфрасиса в ранней пьесе-сказке Л. Петрушевской «Чемодан чепухи, или Быстро хорошо не бывает» (1975). Ставятся вопросы взаимодействия литературы и фотографии, фотографии в литературе, фотоэкфрасиса в драме и его театральной интерпретации. Подтверждается креативный потенциал фотографического дискурса. Доказывается, что в пьесе «Чемодан чепухи» проявились программные черты поэтики Петрушевской, близость автору героев-«творцов» (фотографа, портного и волшебницы). Делается вывод о том, что в анализируемой пьесе фотоэкфрасис развернуто представлен только в диалогах первой картины и выполняет прежде всего экспозиционную и метатеатральную функции. С его помощью вводятся и характеризуются главные и второстепенные персонажи, создается ситуация абсурдных превращений, появляются игра слов и клоунада. Комическая рефлексия процесса фотографирования, деятельности фотографа, миметической природы фотографии и ее функций обнаруживает конфликт видимости и сущности. Визуализация метафоры в предметах и действиях и вербализация последних в ремарках, монологах и диалогах создают неисчерпаемые возможности интермедиальной игры и интерпретации для режиссера и читателя / зрителя.

Ключевые слова: фотография в литературе; экфрасис; экспозиция; миметический; пьеса-сказка; фотодрама; метатеатральность.

Фотография часто вызывала острое неприятие и недоверие у поэтов и художников с самого ее возникновения. Например, Ш. Бодлер в «Салоне 1859 г.» писал: «Фотография стала прибежищем неудавшихся художников, малоодаренных или слишком ленивых недоучек, и вследствие этого всеобщее увлечение ею не только приобрело характер ослепления и слабоумия, но было окрашено неким злорадством» [Бодлер 1986: 189]. С другой стороны, литература и искусство второй половины XIX в., в частности викторианская культура, ориентировались на объективность, документальность, детализацию, наблюдение, визуальность, что способствовало распространению фотографии [Straub 2015: 161–163]. Фотографы и фотографии появляются уже в романах и рассказах Н. Готорна, Г. Джеймса, Т. Гарди и др. [idid.: 163–169].

В XX столетии споры о принадлежности фотографии к искусству не только не прекратились, но и получили философскую интерпретацию [Беньямин (1931) 2013; Барт (1980) 1997; Сонтаг (1973–1977) 2013; Савчук (2005) 2015]. Соединяющие текст и фотографию документальные книги 1937–1941 гг. с наибольшей полнотой, выразительностью и наглядностью отразили состояние Великой депрессии в США и сравниваются с реалистическими романами этого периода [Voger 2015: 173]. Несмотря на непосредственное и опосредованное присутствие фотографий в художественной литературе на протяжении всего XX в., исследователи говорят об особом распространении этого феномена в романе на рубеже XX–XXI вв. [Fjellestad 2015: 193; Судленкова 2015: 97–98]. С середины XX в. появляется фотороман, близкий комиксу и кинороману [Baetens 2015: 219] и принципиально отличающийся, на наш взгляд, от романа с фотографиями и фотозкфрасисом.

Так же вызывает спор отнесение фотографии в литературе к экфрасису, т. е. само понятие фотозкфрасиса. В одном из последних коллективных изданий по интермедальности фотография в литературе вынесена в отдельную главу, следующую после главы об экфрасисе [Handbook of Intermediality 2015: 156–239]. Вместе с тем в монографии С. Чика фотография в поэзии XX в. органично включается в изучение экфрасиса в литературе вообще [Cheek 2010: 142–162].

Для Дж. Хеффернана и других исследователей главным является то, что объектом экфрасиса должно быть визуальное изображение, которое получает вторичную (вербальную) репрезентацию [Heffernan 2004: 3]. Фотография как раз подчеркивает миметические свойства изображи-

тельных искусств и литературы, особенно ценные для реалистической эстетики. Миметическая природа фотографии проявляется уже в самом процессе фотографирования, в непосредственной направленности объектива на объект изображения, но именно она ставится под сомнение в пьесе Л. Петрушевской «Чемодан чепухи, или Быстро хорошо не бывает» (1975) [Петрушевская 1989: 331–353].

В этой ранней детской пьесе-сказке проявились основные черты поэтики Петрушевской: «процесс фантазмагорического синтеза, торжествующий в своем упоенном сочинительстве» [Тименчик 1989: 395], «карнавал взаимонепонимания» [там же: 394], «парадоксальное отрицание видимого сущим» [Максимова 1982: 223], «метонимический тип построения образа мира» [Меркотун 2009: 7], «нелинейность ситуации выбора» [там же: 8], «метатеатральность» [Кубасов 2012: 168–180], бесконечные разговоры при отсутствии действия [Одесская 2009: 183], «поэзия абсурда» и др. Сегодня Людмила Петрушевская «играет в собственном театрике “Кабаре одного автора”», «поет лучшие песни XX века в собственных переводах», «исполняет рэп», «делает картонных кукол», «самостоятельно рисует мультфильмы в “Студии ручного труда”» и мастерит «фантастические шляпы, без которых не выходит на сцену» [Новикова 2016: 198], т. е. больше всего напоминает героев своей пьесы-сказки – фотографа, портного и волшебницу. По мнению М. И. Громовой, колдовство волшебницы заставляет «нерадивого портного» и «ленивого фотографа» «относиться к делу серьезно» [Громова 2007: 175]. Однако дидактика второй части названия пьесы не такая прямолинейная, и не столько волшебница, сколько портной своими костюмами ограничивает «вредные» действия персонажей. «Сказочный опыт» (или «творческая лаборатория, в которой испытывались разные формы драмы») пригодился Петрушевской для того, чтобы «не принимать реальность за абсолютную необходимость» [Строева 1986: 226].

В пьесе «Чемодан чепухи, или Быстро хорошо не бывает», в отличие от фотодрамы, экфрасис фотографии представлен только в первой картине. С. П. Лавлинский и В. Я. Малкина принципиально отделяют фотодраму от фоторомана и определяют ее как «композиционно-речевую форму современной пьесы, основной принцип которой – миметическая презентация в сценическом хронотопе перформативной последовательности мизансцен “внешнего” и / или “внутреннего” действия, имеющих подчеркнuto визуальные фотоанalogии. Предполагается, что оно (дей-

ствие) в той или иной мере связано с “фотоэлементами”, проявляющимися в сюжетной структуре (начальной и финальной ситуациях, визуальных мотивах), системе персонажей, вставных компонентах (литературных, музыкальных, собственно фотографических), репликах, ремарках и т. п.» [Лавлинский 2015: 408]. Классическим образцом фотодрамы для исследователей стала пьеса современного драматурга Александра Струганова «Черный, белый, акценты красного, оранжевый». Кроме того, участники кафедрального семинара «Визуальное в литературе» осуществили собственный проект создания фотодраматических текстов [Двойная экспозиция 2016].

Своими пьесами они дали импульс новой научной рефлексии фотодрамы. По словам А. Синицкой, «Фотодрама – это, разумеется, не строгий жанр, а “композиционно-речевая форма”, специфический конструкт текста, который обеспечивает вербальную презентацию визуально-перформативного жеста, адресованного читателю-зрителю и создающего коммуникативные условия присутствия адресата» [там же: 126]. Этот «конструкт», по мнению А. Маркова, реализуется в разных жанрах: «Все эти жанры фотографичны в том смысле, что исходный литературный опыт не перерабатывается по каким-то правилам и не эксплуатируется, но останавливается на миг, с удивлением перед тем, насколько это сильный материал, – и оказывается, что сказать об этом удивлении не менее важно, чем о содержании своего и чужого опыта» [там же: 124]. Как пишет А. Павлов, «ослабление значимости внешнесобытийного ряда, по-видимому, можно считать одним из свойств поэтики фотодрамы» [там же: 137].

«Чемодан чепухи», созданный за сорок лет до проекта РГГУ, подтверждает это предположение. Хотя в пьесе Петрушевской основными «драматургическими скрепами» [Зелинский 2002: 204] являются не фотографии, а костюмы – необычная одежда, которую шьет портной для героев, выявляющая сущность персонажей и их поступков и одновременно ограничивающая и исправляющая их. Тем не менее мы проанализируем экфрасис фотографий, предвосхищающий в экспозиции «клоунаду» (переодевания) основного действия. Цель статьи – выявить особенности создания и функции фотоэкфрасиса в пьесе-сказке Петрушевской.

Уже первая ремарка носит двойственный характер, подключающий разные регистры восприятия. «Фотография. За столом сидит фотограф и пишет» [Петрушевская 1989: 332]. Первое слово может означать и фотографию, на которой изоб-

ражен пишущий фотограф. И, что потом становится более очевидным, помещение, в котором фотографируют. Такое помещение как место действия первой картины в любом случае предполагает наличие фотографий. Согласно другим ремаркам персонажи часто «всовываются» и «высовываются», как будто в отверстия нарисованной картины-декорации, которую часто использовали фотографы в своих салонах. Необычный характер последующих описаний фотографий не исключает возможности сценической интерпретации первой ремарки как фотографии (по аналогии с текстом в тексте), т. е. все действие происходит как бы на фотографии, что подчеркивает его статичность.

Тем более странно, что фотограф не фотографирует, а пишет. Возможно, он, как автор, наблюдает и записывает (документирует) то, что происходит, т. е. пишет пьесу, которую читатель / зритель читает / смотрит. Поэтика абсурда доводит театральную условность до логического завершения, выводит театр за границы возможного поддержания иллюзии реальности, поэтому театральная саморефлексия («метатеатральность») здесь выражена особенно ярко: «эта “сшитость”, откровенная сочиненность сценических фигур особенно наглядна в детских пьесах писательницы, и, пожалуй, в этом главная педагогическая функция этих пьес – они приобщают к процессу сочинения, творения театра» [Тименчик 1989: 395].

Фотограф не только не фотографирует, а, как выясняется, пишет письмо родственникам о том, что происходит (точнее – не происходит) на сцене, но и визуализирует (буквально понимает) метафору «Фотограф щелкает, и птичка вылетает» (Б. Окуджава, 1970), пытаясь найти в фотоаппарате птичку, которая должна вылететь: «Как я и ожидал, работа фотографа очень простая. Говоришь: “Сейчас вылетит птичка” – и нажимаешь на крючок. Однако в настоящее время птичка почему-то не вылетает, видимо, мне достался неисправный фотоаппарат. Я уже смотрел там внутри, но никаких птичек не нашел» [Петрушевская 1989: 332]. И далее: «Я уже писал вам, что птичка не вылетает. Вчера я целый день выгонял ее. Вечером пришли соседи, что напишут жалобу, что я целый день стучу палкой. Я им ответил, что не ваше дело, я стучу палкой по своему фотоаппарату, а не по вам... (зачеркивает) не по вас (зачеркивает), не по всех вам...» [там же: 333]. Второй отрывок из письма взят в кавычки и находится внутри реплики фотографа, что подчеркивает его вставной характер (текст в тексте). В письме детально и подробно

(как на серии фотографий) описываются (вербализируются) действия фотографа с фотоаппаратом, напоминающие, в свою очередь, настоящую клоунаду.

Процесс вербализации этих действий подчеркивается трудностями орфографии, которые тоже выполняют функцию «остранения» фотографии. В диалоге фотографа с портным, как и в монологах фотографа, обсуждается написание разных слов, хотя акцент делается на слове «птичка». Комический эффект усиливается, когда визуализация метафоры «птичка вылетает» переводится в другой (пищевой) регистр, не связанный с фотографированием: «Дорогой папа! Пришли мне птичку для работы. Лучше всего курочку. А также пришли мне девяносто штук яиц, а то масло у меня кончилось, потому что колбасу я съел» [Петрушевская 1989: 332]. Разрыв причинно-следственных связей, как и пропуск слов, усиливает «карнавал взаимонепонимания». Миметическая природа фотографии иронически рефлексивируется через сравнение ее с зеркалом:

Фотограф. Повесишь фотографию и будешь перед ней бриться.

Портной. Да у меня зеркало есть.

[там же: 333]

Такой же словесной игрой и логическими парадоксами сопровождается разговор о назначении фотографии:

Портной. Давай фотографируй на добрую память.

Фотограф (*насторожившись*). На добрую не фотографируем.

Портной. Ну, давай тогда просто на память.

Фотограф. А такую фотографию ты не возьмешь сам. Выбросишь.

Портной. Почему? Возьму.

Фотограф. Возьмешь? Тогда бери сейчас.

Портной. Где?

Фотограф. А вон там. В мусорном ящике.

Портной. Почему в мусорном ящике?

Фотограф. А заказчик получит фотографию и сразу спрашивает – где у вас тут мусорный ящик? Я никому не отказываю. Ну, посмотри, поройся, все равно у меня все одинаково выходит.

[Петрушевская 1989: 332]

Комический эффект возникает в результате нарушения традиционных представлений о фотографии, ее свойствах и назначении. Более того, нетрадиционная логика персонажей кажется более привлекательной. Портной видит красоту на испорченных фотографиях, и его живое воображение, усиленное голодом, воздействует на восприятие самого фотографа, выраженное с присущей последнему псевдопрофессиональной демагогией (сравните восприятие Ником фотографии Мак-Ки в романе Ф. С. Фицджеральда: вме-

сто портрета женщины в шляпе он видит курицу на окутанной туманом скале [Бочкарева, Майшева 2017: 150]). Экфрасис фотографий превращается в пьесе Петрушевской в словесную игру, где легко подменяют друг друга не только слова, но и объекты изображения:

Портной. Гляди, красиво как!

Фотограф. Смеешься?

Портной. Гляди: два таких кружочка, один на другой наехал. Это что?

Фотограф. А, это я яичницу сфотографировал, случайно получилось, не туда навел, не на клиента, на сковородку.

Портной. Слушай, ничего получилось. Яичница была глазунья? Желток на желток разлился. (Облизывается.)

Фотограф. Это в фотографии называется наплыв.

Портной. Давай я это возьму, у себя на кухне повешу. А то я уже забыл, как яичница выглядит.

Фотограф. Нет, нет, это мне нужно самому. Давай сюда обратно. Ишь какой! Лучшую работу берет... Она у меня выставочная. (Всматривается.) Нет! Это не яичница.

Портной. Как же не яичница. Вылитая яичница. Сковорода. Желток попал на желток, растекся немножко (Облизывается.)

Фотограф. Это не яичница. Это я одного профессора фотографировал. Он в очках был.

Портной. Немного сдвинутый получился.

Фотограф. А у меня всегда со сдвигом выходит.

[Петрушевская 1989: 334]

Фотографические термины «наплыв», «сдвиг» переносятся на объект (яичницу, профессора), чьи изображения взаимозаменяются. Ремарки, обозначающие характерные жесты персонажей («Всматривается» между двумя «Облизывается»), подчеркивают комический эффект. Кроме того, вариативные повторы, напоминающие отражения в искривленных зеркалах, усиливают особую «музыкальность» разговорной речи персонажей. Следующий экфрасис фотографий в диалоге фотографа с волшебницей, как эхо (вариативно-контрастный повтор), подхватывает и продолжает предыдущий:

Волшебница. Ну как же, я еще у вас со сдвигом получилась.

Фотограф. Этого у нас не бывает. А! Вспомнил. Один раз было. Тогда еще, помнится, птичка не вылетела. Вот ваш снимок.

Волшебница. Это не мой.

Фотограф. Берите, берите, другого нет.

Волшебница. У меня ведь был бантик, где он?

Фотограф. А вон он, со стороны спины. Сбоку. Видите?

Волшебница. И потом, у меня ведь два уха, а тут четыре.

Фотограф. Ну да, ну да, четыре уха, сбоку бантик. Это вы.

Волшебница. Это не я! Я не лысая!

Фотограф. Да почему же не лысая?

Волшебница. Да потому что я в парике! Ясно? Если бы без парика, тогда другое дело, а я нарочно ношу парик, чтобы никто ничего не подумал.

Фотограф. Или вы берете с лысиной и с ушами, или...

Волшебница. Что – или?

Фотограф. Приходите-ка через сорок дней, подберем еще.

Волшебница. Я ведь тебя сейчас в морковку превращу, ты знаешь это?

[Петрушевская 1989: 335]

Через сказочный мотив превращения волшебница объединяется с другими героями – фотографом и портным, которые тоже «превращают» своих клиентов в кого-то другого, точнее, как в процитированном только что диалоге, вольно или невольно выявляют их истинный облик. Но на этом экфрасис фотографии в пьесе не заканчивается. Напоследок герои обсуждают отсутствующую фотографию, хотя и предыдущие, где «один кружок на другой наехал» и «четыре уха и сбоку бантик», довольно сложно представить непосредственно визуально (сценически), а не только вербально.

Фотограф. А... вспомнил. Я вашу фотографию, по-моему, отдал одному человеку.

Волшебница (живо). Кому?

Фотограф. Да одному тут разбойнику.

Волшебница. Ему что... на память?

Фотограф. Вроде того.

Волшебница (в нос). Ему что... сильно понравилось?

Фотограф. Не в том дело. Он ко мне пристал с ножом к горлу, говорит, сними на паспорт. Так прямо умолял, сам нож держит, сам плачет. Мне, говорит, сходство не важно, только чтобы не забрали.

Волшебница. Но я ведь на него совсем не похожа! Я красивая женщина, а он разбойник!

Фотограф. Все правильно, но он-то ведь одноглазый.

Волшебница. А я?

Фотограф. А вы получились тоже. Глаз зашел за глаз, бровь за бровь, ноздря в ноздю, зуб за зуб.

Волшебница. При чем тут зубы?

Фотограф. Вы уже забыли, а я все как сейчас помню. Вы улыбнулись.

Волшебница. Улыбнулась!

Фотограф. И получилось шестьдесят четыре зуба. Как у крокодила. Но он взял, ему было некуда деваться, мне тоже. Аппарат как раз был неисправный. Не фотографировал.

Волшебница. Ну, снимите меня еще раз!

Фотограф. Не могу. Вы не перефотографируемые.

Волшебница. Просто вы не умеете!левой ногой все делает, понимаешь...

[Петрушевская 1989: 335–336]

В этом экфрасическом диалоге экспозиционно предвосхищается не только появление в третьей картине новых героев – разбойников, но и будущее раскрытие портным сущности «безрукого» фотографа через его одежду. Выражение «левой ногой» во второй картине буквально визуализируется в костюме («бархатная блуза с бантиком»), который портной шьет фотографу («У фотографа рукава блузы кончаются валенками»). В диалогах фотографа с волшебницей проясняется смысл этого костюма:

Волшебница. Вы помните, фотограф, вы говорили, что у вас точная рука?

Фотограф. У меня? Точная.

Волшебница. А что же вы меня тогда сфотографировали так? Так неточно? Так небрежно? Как будто левой ногой снимали?

<...>

Фотограф. Я что теперь, четвероногое? Как же я буду снимать?

Волшебница. Так же, как раньше, левой ногой.

[Петрушевская 1989: 339–340]

Но неслучайно «безрукий» фотограф сопровождает «безголового» кассира. Как и у портного, у фотографа есть воображение, которое отчасти компенсирует недостаток ума и элементарных знаний. В основном на «сочинениях» фотографа держится первая картина, неизменно вызывая смех читателей / зрителей.

Таким образом, в пьесе Петрушевской фотоэкфрасис развернуто представлен в диалогах первой картины и выполняет прежде всего экспозиционную и метатеатральную функции. С его помощью вводятся и характеризуются главные и второстепенные персонажи, создается ситуация абсурдных превращений, появляются игра слов и клоунада. Комическая рефлексия процесса фотографирования, деятельности фотографа, миметической природы фотографии и ее функций обнаруживает конфликт видимости и сущности. Визуализация метафоры в предметах и действиях и вербализация последних в ремарках, монологах и диалогах создают неисчерпаемые возможности интермедальной игры и интерпретации для режиссера и читателя / зрителя.

Список литературы

Барт Р. Camera Lucida. Комментарии к фотографиям / пер. с фр. М. Рыклина. М.: Ad Marginem, 1997. 221 с.

Беньямин В. Краткая история фотографии / пер. с нем. С. А. Ромашко. М.: Ад Маргинем Пресс; Айрис, 2013. 144 с.

Бодлер Ш. Современная публика и фотография // Бодлер Ш. Об искусстве / пер. с фр. Н. Столяровой и Л. Липман; предисл. В. Левика;

послесл. В. Мильчиной. М.: Искусство, 1986. С. 186–190.

Бочкарева Н. С., Майшева К. А. Функции фотографии в романе Ф. С. Фицджеральда «Великий Гэтсби» // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2017. № 48. С. 143–157. doi 10.17223/19986645/48/10.

Громова М. И. Русская драматургия конца XX – начала XXI века. М.: Флинта, Наука, 2007. 368 с.

Двойная экспозиция: фотодрамы / сост. и ред. С. П. Лавлинский, В. Я. Малкина; спецсеминар «Визуальное в литературе». М.: РГГУ; ООО «Буки Веди», 2016. 145 с.

Зелинский Я. «Беатрикс Ченчи» Словацкого как экфрастическая драма // Экфрасис в русской литературе. М.: МИК, 2002. С. 199–210.

Кубасов А. В. Метатеатральность в пьесе Л. С. Петрушевской «Квартира Коломбины» // Литература и театр: модели взаимодействия. Челябинск, 2012. С. 168–180.

Лавлинский С. П. Фотодрама: художественная структура и креативно-проектный потенциал // Диалог согласия: сб. науч. ст. к 70-летию В. И. Тютюпы / под ред. О. В. Федунинной и Ю. Л. Троицкого. М.: Intrada, 2015. С. 404–412.

Максимова В. Судьба первых пьес // Современная драматургия. 1982. № 2. С. 212–224.

Меркотун Е. А. Поэтика одноактной драматургии Л. С. Петрушевской: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2009. 24 с.

Новикова С. Людмила Петрушевская: «Сцена – это волшебство!» // Современная драматургия. 2016. № 4. С. 198–200.

Одесская М. Отец и безотцовщина в драматургии Чехова, Вампилова и Петрушевской // Современная драматургия. 2009. № 1. С. 180–183.

Петрушевская Л. Три девушки в голубом: сб. пьес. М.: Искусство, 1989. 399 с.

Савчук В. В. Философия фотографии. 2-е изд. СПб.: Академия исследований культуры, 2015. 335 с.

Сонтаг С. О фотографии / пер. с англ. В. Гольшева. М.: Ад Маргинем Пресс, 2013. 272 с.

Строева М. Мера откровенности: Опыт драматургии Людмилы Петрушевской // Современная драматургия. 1986. № 2. С. 218–228.

Судленкова О. А. Фотография как прием сюжетной организации литературного произведения // Судленкова О. А. Английская поэзия романтизма и современная проза: ст. разных лет. Минск, 2015. С. 97–103.

Тименчик Р. Введение в театр Петрушевской // Петрушевская Л. Три девушки в голубом: сб. пьес. М.: Искусство, 1989. С. 394–398.

Baetens J. The Photographic Novel // Handbook of Intermediality / ed. G. Rippl. GmbH; Berlin; Boston: De Gruyter, 2015. P. 219–239.

Böger A. Twentieth-century American Literature and Photography // Handbook of Intermediality / ed. G. Rippl. GmbH; Berlin; Boston: De Gruyter, 2015. P. 173–192.

Cheeke S. Writing for Art: The Aesthetics of Ekphrasis. Manchester: Manchester University Press, 2010. 204 p.

Fjellestad D. Nesting – Braiding – Weaving: Photographic Interventions in Three Contemporary American Novels // Handbook of Intermediality / ed. G. Rippl. GmbH; Berlin; Boston: De Gruyter, 2015. P. 193–218.

Handbook of Intermediality / ed. G. Rippl. GmbH; Berlin; Boston: De Gruyter, 2015. 691 p.

Heffernan J. A. W. The Museum of Words: The Poetics of Ekphrasis from Homer to Ashbery. Chicago: University of Chicago Press, 2004. 249 p.

Straub J. Nineteenth-century Literature and Photography // Handbook of Intermediality / ed. G. Rippl. GmbH; Berlin; Boston: De Gruyter, 2015. P. 156–172.

References

Barthes R. *Camera Lucida. Kommentarii k fotografijam* [Camera Lucida. Comments on photos]. Transl. from French by M. Ryklin. Moscow, Ad Marginem Press, 1997. 221 p. (In Russ.)

Benjamin W. *Kratkaya istoriya fotografii* [Short History of Photography]. Transl. from German by S. Romashko. Moscow, Ad Marginem Press, 2013. 144 p. (In Russ.)

Baudelaire Ch. *Sovremennaya publika i fotografiya* [The Modern Public and Photography]. Transl. from French by N. Stolyarov and L. Lipman. Moscow, Iskustvo Publ., 1986, pp. 186–190. (In Russ.)

Bochkareva N. S., Maysheva K. A. Funktsii fotografii v romane F. S. Fitzsgeral'da «Velikiy Getsbi» [Functions of a Photograph in F. S. Fitzgerald's The Great Gatsby] *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya* [Tomsk State University Journal of Philology], 2017, issue 48, pp. 143–157. doi: 10.17223/19986645/48/10 (In Russ.)

Gromova M. I. *Russkaya dramaturgiya kontsa 20 – nachala 21 veka* [Russian Drama of the End of the 20th – Beginning of the 21st Centuries]. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2007. 368 p. (In Russ.)

Dvoynaya ekspozitsiya: fotodramy [Double Exposure: Photodramas]. Comp. and ed. by S. P. Lavlinsky, V. Ya. Malkina. Seminar “The Visual in Literature”. Moscow, Russian State University for the Humanities Press, ООО «BukiVedi» Publ., 2016. 145 p. (In Russ.)

Zelinsky Ya. «Beatrics Chenchi» Slovatskogo kak ekfrasticheseskaya drama [“Beatrice Cenci” by Słowacki as an ekphrastic drama]. *Ekfrasis v russkoy literature* [Ekphrasis in Russian Literature]. Moscow, MIK Publ., 2002, pp. 199–210. (In Russ.)

Kubasov A. V. Metateatral’nost’ v p’ese L. S. Petrushevskoy «Kvartira Kolombiny» [Metatheatricality in L. S. Petrushevskaya’s Play *Colombina’s Apartment*]. *Literatura i teatr: Modeli vzaimodeystviya* [Literature and Theatre: the Models of Interaction]. Chelyabinsk, 2012, pp. 168–180. (In Russ.)

Lavlinsky S. P. Fotodrama: khudozhestvennaya struktura i kreativno-proektnyy potentsial [Photodrama: Artistic Structure and Creative Project Potential]. Ed. by O. V. Fedunina, Yu. L. Troitskiy. *Dialog soglasiya: sb. nauch. st. k 70-letiyu V. I. Tyupy* [Dialogue of Agreement: a collection of scientific articles to the 70th anniversary of V. I. Tiupa]. Moscow, Intrada Publ., 2015, pp. 404–412. (In Russ.)

Maksimova V. Sud’ba pervykh p’es [The Fortune of the First Plays]. *Sovremennaya dramaturgiya* [Modern Drama], 1982, issue 2, pp. 212–224. (In Russ.)

Merkotun E. A. *Poetika odnoaktnoy dramaturgii L. S. Petrushevskoy*. Avtoreferat diss. kand. filol. nauk [Poetics of One-Act Drama by L. S. Petrushevskaya. Abstract of Cand. philol. sci. diss.]. Ekaterinburg, 2009. 24 p. (In Russ.)

Novikova S. Lyudmila Petrushevskaya: “Stsena – eto volshebstvo” [Lyudmila Petrushevskaya: The Stage is Magic]. *Sovremennaya dramaturgiya* [Modern Drama], 2016, issue 2, pp. 198–200. (In Russ.)

Odesskaya M. Otets i bezotsovshchina v dramaturgii Chekhova, Vampilova i Petrushevskoy [Father and Fatherlessness in Plays by Chekhov, Vampilov and Petrushevskaya]. *Sovremennaya dramaturgiya* [Modern Drama], 2009, issue 1, pp. 180–183. (In Russ.)

Petrushevskaya L. *Tri devushki v golubom: Sbornik p’es* [Three Girls in Blue: Playbook]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1989. 399 p. (In Russ.)

Savchuk V. V. *Filosofija fotografii* [Philosophy of photography]. St. Petersburg, Academy of Cultural Studies Publ., 2015. 335 p. (In Russ.)

Sontag S. *O fotografii* [On photography]. Transl. from English by V. Golyshev. Moscow, Ad Marginem Press, 2013. 272 p. (In Russ.)

Stroeva M. Mera otkrovennosti. Opyt dramaturgii Ludmily Petrushevskoy [The Measure of Confidence. The experience of Ludmila Petrushevskaya’s drama]. *Sovremennaya dramaturgiya* [Modern Drama], 1986, issue 2, pp. 218–228. (In Russ.)

Sudlenkova O.A. *Angliyskaya poeziya romantizma i sovremennaya proza: stat’i raznykh let* [English poetry of romanticism and modern prose: articles of different years]. Minsk, MSLU Press, 2015, pp. 97–103. (In Russ.)

Timenchik R. Vvedenie v teatr Petrushevskoy [Introduction to Petrushevskaya’s Theatre]. *Petrushevskaya L. Tri devushki v golubom: Sbornik p’es* [Three Girls in Blue: Playbook]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1989, pp. 394–398. (In Russ.)

Baetens J. The Photographic Novel. *Handbook of Intermediality*. Ed. by G. Rippl. GmbH, Berlin; Boston: De Gruyter, 2015, pp. 219–239. (In Eng.)

Böger A. Twentieth-century American Literature and Photography. *Handbook of Intermediality*. Ed. by G. Rippl. GmbH, Berlin; Boston: De Gruyter, 2015, pp. 173–192. (In Eng.)

Cheeke S. *Writing for Art: The Aesthetics of Ekphrasis*. Manchester: Manchester University Press, 2010. 204 p. (In Eng.)

Fjellestad D. Nesting – Braiding – Weaving: Photographic Interventions in Three Contemporary American Novels. *Handbook of Intermediality*. Ed. by G. Rippl. GmbH, Berlin/ Boston: De Gruyter, 2015, pp. 193–218. (In Eng.)

Handbook of Intermediality. Ed. by G. Rippl. GmbH, Berlin; Boston: De Gruyter, 2015. 691 p. (In Eng.)

Heffernan J. A. W. *The Museum of Words: The Poetics of Ekphrasis from Homer to Ashbery*. Chicago: University of Chicago Press, 2004. 249 p. (In Eng.)

Straub J. Nineteenth-century Literature and Photography. *Handbook of Intermediality*. Ed. by G. Rippl. GmbH, Berlin / Boston: De Gruyter, 2015, pp. 156–172. (In Eng.)

**PHOTOEKPHRISIS IN *THE SUITCASE OF NONSENSE*,
OR *QUICKLY DONE CANNOT BE WELL DONE* BY L. PETRUSHEVSKAYA**

Nina S. Bochkareva

Professor in the Department of World Literature and Culture

Perm State University

15, Bukireva st., Perm, 614990, Russian Federation. nsbochk@mail.ru

SPIN-code: 5691-5020

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-0518-9976>

ResearcherID: P-2300-2016

Kristina V. Zagorodneva

Associate Professor in the Department of Philology

Perm State Institute of Culture

18, Gazety Zvezda st., Perm, 614000, Russian Federation. zagor-kris@yandex.ru

SPIN-code: 8509-2609

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-4383-5513>

ResearcherID: S-1355-2017

The article studies the nature and functions of the photographic ekphrasis in L. Petrushevskaya's early fairy tale play *The Suitcase of Nonsense, or Quickly Done Cannot Be Well Done* (1975). The questions of interaction of literature and photography, photography in literature, photoekphrasis in the drama and its theatrical interpretation are considered. The creative potential of photographic discourse is confirmed. It is proved that the play under study reflects the basic features of Petrushevskaya's poetics and demonstrates the author's affinity for the heroes-“creators” (photographer, tailor and enchantress). The authors conclude that in the play photoekphrasis is only presented in the dialogues of the first scene, and it performs, first of all, expositive and metatheatrical functions. With its help, the main and supporting characters are introduced and characterized, the situation of absurd transformations is created, the wordplay and the clownery appear. The comic reflection of the process of photographing, the photographer's activity, the mimetic nature of photography and its functions reveals a conflict of visibility and essence. The visualization of the metaphor in objects and actions and the verbalization of the metaphor in remarks, monologues and dialogues create infinite possibilities for the intermedial play and interpretation for the director and reader / spectator.

Key words: photography in literature; ekphrasis; exposition; mimetic; fairy tale play; photodrama; metatheatricality.

УДК 821.111
doi 10.17072/2037-6681-2017-4-121-132

ВЕРА И ЗНАНИЕ: «ИСПОВЕДЬ» VS «ПРОПОВЕДЬ» В РАССКАЗЕ ДЖОРДЖ ЭЛИОТ «ПРИОТКРЫТАЯ ЗАВЕСА»

Наталья Владимировна Горбунова

к. филол. н., доцент кафедры русской и зарубежной литературы

Институт социально-гуманитарных наук Тюменского государственного университета
625003, Россия, г. Тюмень, ул. Семакова, 10. natvlagor@yandex.ru

SPIN-код: 6687-6867

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-8583-1385>

ResearcherID: O-7180-2017

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Горбунова Н. В. Вера и Знание: «исповедь» vs «проповедь» в рассказе Джордж Элиот «Приоткрытая завеса» // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2017. Т. 9, вып. 4. С. 121–132. doi 10.17072/2037-6681-2017-4-121-132

Please cite this article in English as:

Gorbunova N. V. Vera i znanie: «isповед'» vs «propoved'» v rasskaze Dzhordzh Eliot «Priotkrytaya zavesa» [Faith and Knowledge: “Confession” vs “Sermon” in George Eliot’s *The Lifted Veil*]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2017, vol. 9, issue 4, pp. 121–132. doi 10.17072/2037-6681-2017-4-121-132 (In Russ.)

В статье представлен один из вариантов интерпретации малоизвестного «готического» рассказа Джордж Элиот «Приоткрытая завеса» (1859). Созданный писательницей в начале творческой карьеры и до настоящего времени недостаточно изученный отечественным литературоведением, рассказ рассматривается как своеобразный эксперимент по интеграции элементов религиозного и научного дискурсов, который способствует трансформации отношений автора и читателя, изменяя характер повествовательной стратегии реалистического текста второй половины XIX в.

Основные проблемы, обозначенные в работе: соотнесение рассказа Джордж Элиот с классикой готической прозы (Г. Уолпол, М. Шелли); «двойственность» мировоззрения европейца середины XIX в. и осмысление этого феномена в русле позитивистской философии (О. Конт); специфика восприятия Природы и Памяти в контексте европейской исповедальной прозы («Исповедь», Аврелий Августин, «Исповедь», Ж.-Ж. Руссо); характер оценки творчества писательницы ее современниками (Б. Шоу). Центральным представляется вопрос о соотношении потенциала Религии и Науки в ранней прозе Джордж Элиот, утверждающей в данном случае идею сомнения и поиска в сфере мысли.

Представленная в статье интерпретация рассказа «Приоткрытая завеса» в контексте особенностей европейской культуры второй половины XIX в. позволяет утверждать: «малая проза» Джордж Элиот содержит возможности существенного расширения потенциала повествования в связи с усилением психологического аспекта в викторианской литературе, во многом предвосхищающей научные исследования и открытия последующего времени.

Ключевые слова: викторианство; готический рассказ; Джордж Элиот; О. Конт; позитивизм; психологизм; исповедь; Ж.-Ж. Руссо; Аврелий Августин; Б. Шоу.

Джордж Элиот (1819–1880) еще при жизни довелось прослыть человеком, по-своему способствовавшим изменению «мыслительных привычек», характерных для представителей викторианского общества. Даже Б. Шоу, с его иронией и парадоксами, отмечал значимость творчества писательницы для современников. Характеризуя формировавший его личность

комплекс идей, Шоу неоднократно упоминал и это имя: «“Пытливые”... зачитывались Хаксли, Тиндалем, Джордж Элиот. <...> Что же касается Дарвина, Тиндаля и Джордж Элиот, то их я знал ничуть не хуже, чем большинство “пытливых”» [Шоу 1989: 75]. При этом в воспоминаниях Б. Шоу писательница парадоксальным образом предстает одновременно в двух контекстах – и

как признанный приверженец уходящей в прошлое традиции «старого» викторианского романа¹, и как серьезный мыслитель, чутко реагирующий на все «новое».

Дж. Элиот, безусловно, понимала необходимость грядущих изменений, в духе эпохи воспринимая «новое как неизбежное расщепление традиционно цельных и “беспроблемных” жизненных категорий» [Венедиктова 2000: 117]. Но, по-видимому, не спешила окончательно разувериться в том, что многим вокруг еще казалось неизблемым. Например, в необходимости какой бы то ни было религии даже для человека, охваченного жаждой научного познания: «Нравственные споры и борения эллиотовских персонажей, секулярные по сути, весьма близки к религиозной традиции по риторике, стилю и пафосу. Дж. Элиот, как и многие писатели-викторианцы, была «генетически» привязана к религиозному дискурсу и к Библии. <...> Викторианцы, полагая свое время переходным, очень боялись, что при... стремительных изменениях... в обществе могут размыться основы духовности. Именно поэтому вера... нужна как источник морали и нравственности, как опора в той ежедневной борьбе, которую человек ведет с самим собой и своими слабостями» [Проскурнин 2009: 52].

Об этом, на наш взгляд, свидетельствует и малоизвестный рассказ писательницы «Приоткрытая завеса» («*The Lifted Veil*», 1859). Не считающийся по-настоящему значительным в ее творческой карьере, он заставляет задуматься о том, что неизбежное проникновение «нового» в сферу литературы предполагает лишь большую свободу для множасьихся вопросов и сомнений, связанных с религиозной сферой, но ни в коем случае не свободу абсолютного ее отрицания.

«Приоткрытая завеса» в контексте всего наследия Дж. Элиот представляется любопытным вариантом осмысления возможностей готического повествования и традиций романтической литературы². В основе сюжета – воспоминания Лэтимера, обычного, казалось бы, человека XIX в., чья несчастливая жизнь определена его способностью предвидеть будущее, которую сам герой именуется «утомительным даром проницательности» [Элиот 2004: 271]³.

В плане развития потенциала готического повествования к середине XIX столетия уже был накоплен достаточно богатый опыт. Неслучайно возникает ощущение, что Дж. Элиот ориентировалась непосредственно на классика жанра – «Замок Отранто» Г. Уолпола. Так не похожий на все, что выходило из-под ее пера [Bignami 2016: 177], рассказ Дж. Элиот вполне соотносится с эстетической программой, изложенной в предисловии к первому изданию «готической повести»

Г. Уолпола: «Каждый эпизод толкает повествование к развязке. <...> Развитие действия почти на всем протяжении рассказа происходит в соответствии с законами драмы. <...> Ужас... ни на мгновение не дает рассказу стать вялым; притом ужасу так часто противопоставляется сострадание, что душу читателя попеременно захватывает то одно, то другое из этих могучих чувств» [Уолпол 2007: 31].

История Лэтимера – своего рода внутренний монолог, возможно, обращенный к некоему условному собеседнику. Еще в молодости обнаружив у себя после болезни дар предвидения, рассказчик заранее осведомлен обо всех несчастьях, которые должны с ним произойти, в том числе и о пугающих подробностях, которые должны сопровождать его скорый уход из жизни в полном одиночестве.

Читатель знакомится с Лэтимером в «критической ситуации, когда возникает угроза самому существованию, происходит виртуальное проживание заново всей жизни человека» [Нуркова 2000: 72]. Рассказ практически сфокусирован на моменте, когда герою открылась вся безосновательность заблуждений в отношении жены, которая его ненавидит и намерена отравить. Времени на исправление ошибок не осталось, поскольку Лэтимеру известно, что ровно через месяц он умрет: «Конец мой близок. <...> Я страстно хочу жить, но никто не идет мне на помощь. Я жажду неведомого, но жажда прошла. О Боже, позволь мне жить с моим знанием и изнывать под сим бременем: я всем доволен. <...> Неужели тьма поглотит все это навсегда?...» (226–227).

Пребывая на грани между жизнью и смертью, Лэтимер благодаря своему дару имеет возможность не только заглянуть в душу каждого человека, но и «приоткрыть завесу» между миром живых и обителью мертвых. Однако дар предвидения оказывается роковым: обретая запретное знание, Лэтимер «прозревает» только состояние абсолютного одиночества, от которого не спасают общеизвестные истины, сосредоточенные в сфере Религии или Науки. Его прозрение сродни прозрению не столько «знающего прежде» Прометея у Эсхила, сколько – Эдипа у Софокла: слишком позднее признание собственной вины не освобождает от ответственности за совершенный когда-то выбор.

Рассказ о переживании человеком неожиданного мистического опыта, – фактически начинающийся «с конца», – соотносится с предшествующей традицией, что позволяет поместить «Приоткрытую завесу» в один ряд с классикой литературной «готики», например, с романом о Франкенштейне и другими мистическими произведениями М. Шелли [Johnson 2007]. Примечатель-

тельно и то, что рассказ обнаруживает определенный потенциал в контексте возможного влияния на литературу последующих этапов. Показательный пример – изучение любопытных параллелей между «Приоткрытой завесой» и новеллой Г. Джеймса «Зверь в чаше» [Abitz 2013]. В контексте же всего творчества Дж. Элиот этот опыт вполне может рассматриваться как некий экспериментальный материал, предвосхищающий многое не только в ее собственной литературной практике, но и в плане последующих научных изысканий в области психологии (например, в сфере «автобиографической памяти»).

В конце 1850-х гг. принципиальное требование «реалистичности» повествования *предельно* ограничивает необузданные фантазии автора и заставляет его искать новые пути изображения человеческой жизни с ее удивительными феноменами⁴. Вероятно, поэтому Лэтимер у Дж. Элиот, следуя требованиям своей «прозаической» эпохи, пытается дать приемлемые в реальности объяснения всему, что с ним произошло, в том числе и своему «дару предвидения».

Так, неоднократно акцентируется внимание читателя на почти «физиологическом» неприятии Лэтимером естественных наук и его горячем увлечении литературой (230, 231, 232, 238). Причем повествование выстроено таким образом, что читатель вправе воспринимать именно склонность к литературе как основную причину того, что Лэтимер оказался на грани между «кажушимся» и «действительным». Сознательный выбор героем «блуждания в мире грез» вызван чтением Гомера и Эсхила, Плутарха и Горация, Данте и Шекспира, Сервантеса и Мильтона, Руссо и немецких романтиков. Это порождает особую «литературность» рассказа⁵: любое упоминание того или иного автора либо произведения выступает как «сюжетобразующий» элемент повествования. Как Дульсинея Тобосская является «идеальным» объектом поклонения только в восприятии Дон Кихота, так и Берта Грант исключительно в видениях Лэтимера предстает «прекрасной сильфидой» (258), нежной и загадочной. Благодаря своему дару он имеет возможность оценить ее коварство и склонность к интригам, но долго не желает замечать inferнального начала в облике и душе своей избранницы.

Берта же, будучи существом трезвым и прагматичным, единственная из всех родных и знакомых отказывает ему в «поэтическом даре», при этом шутливо называя Лэтимера «мой маленький Тассо» (258). Обнаруживая тонкую иронию по отношению к поклоннику, Берта словно бы намекает не только на характер творчества одного из последних крупных поэтов Возрождения,

пытавшегося «зафиксировать» в своих произведениях изживший себя «рыцарский идеал», но и на постепенно завладевшее им безумие.

Так, Берта ведет тонкую игру с романтично настроенным юношей, – что в итоге оборачивается браком, несчастливим для обоих. Сознательное, «по-донкихотски» рыцарское нежелание проникать за «густую завесу, скрывавшую... душу Берты и превращавшую ее в единственную среди всех знакомых людей тайну» (265–266) приводит Лэтимера к печальному жизненному финалу. За попыткой Берты избавиться от ненавистного мужа с помощью яда следуют окончательный разрыв и мучительная смерть Лэтимера в полном одиночестве (которая *должна произойти* ровно через месяц, 20 октября 1850 г.).

О. Конт, последователем идей которого считалась и Дж. Элиот, отмечал в работе «Курс позитивной философии» (1842), что «великий политический и моральный кризис современного общества зависит... от умственной анархии. <...> Опаснейшая болезнь состоит в глубоком разногласии умов относительно всех основных вопросов жизни...» [Конт 1996: 109]. Причиной этого он считал «существующий... в умах беспорядок», который «зависит от одновременного применения трех совершенно несовместимых философий: теологической, метафизической и положительной», а «зло состоит именно в отсутствии какой бы то ни было организации» [там же].

Эта особенность времени, на наш взгляд, представляется существенной для понимания рассказа Дж. Элиот. Так, характер восприятия образа Лэтимера как ««многослойной» личности» [Проскурнин 2009: 53] в ситуации духовных поисков может варьироваться в зависимости от контекста рассмотрения его истории. «Позитивистский» контекст определяет суть принципиального выбора, перед которым герой оказывается в самом начале сознательной жизни. На одной чаше символических весов – возможность остаться «невежественным человеком», который просто радуется «виду бегущего с горы ручья» и «живо интересуется человеческими деяниями и движениями человеческой души» (231). На другой – возможность стать «развитым человеком», отдающим предпочтение современной науке, прежде всего знающим «причины, по которым вода стекает со склона» (231–232). Лэтимер, выбрав «невежество», предпочел Науке не только Литературу, но и Природу – без всяких объяснений: «Я не имел никакого желания быть... развитым человеком. <...> Я не знал, почему ручей бежит, но был твердо убежден: явление, настолько прекрасное, не может существовать на свете без веских на то оснований» (232).

На первый взгляд Лэтимер – поэтически настроенный, горячо влюбленный без взаимности чужак, наделенный даром предвидения. Но в интерпретации Дж. Элиот это еще и человек, пожинаяющий плоды «умственной анархии» XIX в.: он вынужден пребывать в экстремальной ситуации выбора между «интуитивным» прозрением и «объективным» знанием. К моменту начала рассказа герой «Приоткрытой завесы» невольно напоминает героя «Божественной комедии» Данте, однако его положение еще более неоднозначно. Он оказался в буквальном смысле «посередине»: в середине столетия (1850 г.), между настоящим и будущим, между жизнью и смертью, между искренней верой и отчаянием безверия – очевидностью Знания и тайной Неизвестности. И в этом контексте личная история Лэтимера обретает уже совершенно другие масштабы и смысл, требует иного рода толкований, нежели просто очередной «готический рассказ» в ряду многих.

Возникает ощущение, что Дж. Элиот задалась целью представить непростую ситуацию «перехода» «между теологией и физикой» [Конт 1996: 97], в которой оказался ее современник – человек викторианской эпохи. При этом Литература в рассказе выступает как одна из «традиционных» форм знания, позволяющая избежать «умственной анархии» [там же]: именно она становится своеобразной точкой отсчета в воспоминаниях Лэтимера. Однако ориентация на богатый опыт Литературы вступает в сложное взаимодействие, – а в случае с восприятием облика и личности Берты Грант даже в противоречие, – с личным мистическим опытом. Комплекс познавательных возможностей, которыми располагает Лэтимер, постоянно заставляет читателя задумываться о пределах «кажущегося» и «действительного» в его истории. В этом случае рассказчика вполне возможно позиционировать как носителя «переходного» способа познания, актуального прежде всего в «метафизическом» контексте.

Специфический интерес Дж. Элиот к вопросам интеллектуального развития человечества и различным аспектам религиозного мировоззрения проявился достаточно рано, во многом способствуя решению одного из насущных вопросов викторианской эпохи: в какой форме предложить читательской аудитории обсуждение актуальных общественных проблем. Ситуация, когда «новый» читатель «остро ощущается пишущим как “другой”, с кем властные отношения напряжены и неясны» [Венедиктова 2000: 120], вероятно, даже импонировала Дж. Элиот. Так, в эссе «*Tom свет и этот свет: Поэт Юнг*» («*Worldliness and Other-Worldliness: The Poet Young*», 1857) будущая романистка, выступив с довольно резкой

критикой поэзии одного из духовных кумиров своей юности, отмечала его приверженность к созданию величественных, но абстрактных, далеких от реальной жизни, образов [Eliot 1883: 45, 46]. Главным объектом этой критики стало все «возвышенно дидактическое» («pre-eminently didactic»), препятствующее возникновению у читателей по-настоящему искренних эмоций: «педагогический склад ума» («pedagogic habit of mind») [Eliot 1883: 56], откровенно поучающий тон, атмосфера *проповеди*.

Позицию же Дж. Элиот как писателя отличает стремление представить современнику определенный взгляд на ту или иную актуальную проблему, например, проблему веры, *без поучения и проповеди*. Будучи апологетом Науки и пребывая в сомнении относительно традиционных церковных догм, она не столько отказывалась от веры в Бога, сколько полагала необходимым критическое осмысление всего с религией связанного⁶. Неслучайно еще в 1857 г. в письме к Ч. Брюю она, сетуя на сложность собственных взаимоотношений с людьми и размышляя о неприятии позиции «духовного высокомерия» в общении с окружающими, отмечала: «Тот факт, что в основе вещей мы видим постоянную и огромную человеческую жертву, является... лишь одним из многих доказательств, которые убеждают нас в нашей полной неспособности *найти в нашей собственной природе ключ к Божественной тайне...*» (перевод и курсив наш. – Н. Г.). Я могла бы с большей готовностью обратиться к христианам и снова поклоняться Иисусу, чем принять Теизм...» [George Eliot's Life... 1885: 339].

Рассказ Дж. Элиот – как литературный вариант «сомневающегося» суждения о допустимых границах повседневного человеческого опыта – представляется тяготеющим в большей степени к сфере «теологии». Интерпретация же «Приоткрытой завесы» в «теологическом» контексте существенно расширяет смысловую составляющую данного текста. Обнаруживаются смыслы, которые даже противоречат смыслам, открывающимся в контекстах «позитивистском» или «метафизическом».

Повествование от первого лица приобретает характер *исповеди* (что не свойственно для произведений Дж. Элиот), а «главное отличие исповеди от другой продукции автобиографической памяти – это ее строгий нормативный характер. Исповедоваться можно только в том, что рассматривается в качестве греха в данной конкретной религии, на данном историческом отрезке времени» [Нуркова 2000: 210]. Причем исповедь может восприниматься не только как «некая процедура, ориентированная на изменение будущего, как назидание и образец для других лю-

дей, предполагающий и воспитательную функцию» [Нуркова 2000: 212]. Историю Лэтимера можно расценивать и как символ готовности вновь обрести веру в Бога, утраченную в силу конкретных жизненных обстоятельств.

Рассказчик – отнюдь не поэт, о чем упоминается неоднократно: «Возможно, моя рано проявившаяся способность чувствовать Природу наведет вас на мысль о том, что я был поэтом. Увы, небо не дало мне такого счастья» (232). Однако три года жизни в Швейцарии с 16 до 19 лет – это «постоянное пребывание в состоянии радостного возбуждения... от сознания близости к Природе во всем ее сверхъестественном очаровании» (232). Неслучайно «панорама Альп, освещенных лучами закатного солнца», представляется Лэтимеру «преддверием рая», а закат в горах наводит на мысли об «огненной колеснице пророка», которая пролетает над вершинами «по пути в пределы вечного света» (232, 233).

Читатель вправе оценить подобные сравнения как показатель тесных и доверительных взаимоотношений рассказчика с Богом. Но переживаемое Лэтимером заставляет вспомнить слова евангельской притчи: «...еще на малое время свет есть с вами; ходите, пока есть свет, чтобы не объяла вас тьма, а ходящий во тьме не знает, куда идет; доколе свет с вами, веруйте в свет, да будете сынами света» [Новый Завет: Ин. 12: 35–36].

Именно контраст света и тьмы, слепоты и прозрения становится основой повествования в рассказе Дж. Элиот. Краткие воспоминания Лэтимера о детстве, о недолгом присутствии в его жизни матери связаны с конкретным фактом: «Я страдал от болезни глаз и на некоторое время потерял зрение – и мама держала меня на коленях с утра до вечера» (229). Упоминание о ее пристально наблюдающих за ребенком «любящих глазах» и «ласковых руках», всегда готовых раскрыться в нежных объятиях, по сути, вполне соотносимы с образом и Мадонны, и Матери-Церкви, и Религии как воплощения идеи чистой Веры.

После смерти матери этот образ в сознании ребенка постепенно вытесняется образом жесткого отца, вполне соотносимого с образом сурового Бога как воплощения идеи Закона. Позже, взрослея, Лэтимер «каждый четверг» (231) занимается с учителями, изучая естественные науки. Упоминание именно о *четверге* позволяет предположить: научное знание как попытка разложить «деяния Творца» на жалкие «системы и категории» (231) в данном случае может восприниматься как символ предательства Христа [Новый Завет: Мф. 26: 2; М. 14: 1; Лк. 22: 7; Ин. 18: 27] и древнего религиозного знания.

Для читателя Лэтимер – скорее «ходящий во тьме», нежели «сын света»: возникает впечатление, что погружающиеся во тьму вершины Альп, свет заходящего солнца гораздо более привлекательны для него, чем жизнеутверждающие солнечные пейзажи (233). Это погружение в темноту выглядит как символическое погружение во мрак сознательно избранной жизни без Бога. Неслучайно мистическое ощущение «близости к Природе» заканчивается для Лэтимера «тяжелой болезнью, во время которой черные провалы в памяти чередовались с периодами полубытья» (234). По сути, выздоровление так и не наступает: вся его дальнейшая жизнь является лишь медленным погружением в ад духовного недуга.

Таким образом, неоднозначность взаимоотношений Лэтимера с Богом для читателя очевидна с самого начала. Его история – история европейца, прошедшего ключевые этапы символического духовного «взросления», от искренней веры к сомнению, умножающемуся в процессе постижения нового знания. Ранняя смерть матери лишает его искренней веры. По настоянию отца обратившись к «научному» познанию физических законов бытия, рассказчик в итоге лишь допускает наличие неких «веских оснований» для существования мира и всего, что его наполняет. Краткий и вполне осмысленный миг почти языческого единения с Природой в Швейцарии, – как сознательное погружение в буквальную и символическую тьму, – сменяется болезнью и физическими страданиями.

Путешествие в Восточную Европу, обещанное отцом, должно «излечить» Лэтимера. Но мысль о нем вызывает в сознании юноши таинственный образ Праги, совершенно незнакомого герою города, приобретающего в контексте рассказа принципиальное значение: «...Представление об этом городе ограничивалось для меня одним географическим названием и смутными историческими ассоциациями – неопределенными воспоминаниями об имперском величии и религиозных войнах» (236).

Именно «видение» Праги *впервые* открывает перед Лэтимером возможности его «внутреннего зрения». Однако эта «странная ослепительная вспышка», возникшая «без преднамеренной работы мысли» (237), начинает счет и его несчастьям. При этом Прага представляется Лэтимеру как «город, залитый лучами... ослепительного летнего солнца, словно замершего на месте много веков назад и давно забывшего свежесть утренних рос и проливных дождей» (234–235).

Читателем *такая* Прага воспринимается не столько как символ «религиозных войн» за возвращение к ценностям раннего христианства, сколько как символ древних религиозных догм.

Неслучайно «почерневшие статуи святых в старинных одеждах и венцах» с «пустыми взглядами» в видении Лэтимера выглядят более осязаемыми, чем реальные люди, которым эти святые и призваны служить, – словно дискредитируя своей «самодостаточностью» саму идею веры (235).

Прага в контексте истории Лэтимера – это еще и символ *сомнения на грани с безверием*. Статуи святых воспринимаются им как «суровые каменные существа», которые «устало служат Господу в душных церквах, без надежды и страха – обреченные небом на вечную старость и бессмертие, на существование в привычной неподвижности *под солнцем вечно полдня* (курсив наш. – Н. Г.)» (235). Солнце, живительный источник тепла и света, представляется Лэтимеру в видении Праги, скорее, источником удушающего зноя и адского жара: «Оно сжигало пыльное, печальное, источенное временем творение людей, обреченных вечно жить в кругу мертвых воспоминаний, подобно низложенным престарелым властителям в изорванных, расшитых золотом царских одеяниях» (235).

Вроде бы случайное замечание рассказчика о том, что «город казался раскаленным, и широкая река темнела листом металла» (235), наряду с упоминаниями о «душных церквах», «вечном полдне» и невозможности «узреть рождение нового утра», напоминают о «геенне огненной». Позже, оказавшись в реальной Праге, Лэтимер переживает последний день «неопределенности – единственного состояния, в котором испуганная душа может утешиться надеждой» (254), – о котором он скорбит всю последующую жизнь (262, 263, 267). Однако уже в старой пражской синагоге, воплощающей «чудом уцелевший обломок средневекового иудаизма» и напоминающей об истоках христианства, герой ощущает лишь еще большую пустоту: «Те потемневшие и запыленные христианские святые, стоявшие под более высокими сводами и при свете более толстых свечей, должны были утешаться тем, что могут с презрительной усмешкой указать на смерть-в-жизни, еще более иссушенную и источенную временем, чем их собственная» (254).

Характерно, что видение Праги у Лэтимера предшествует другому видению – перед первой встречей с Бертой. Таким образом, оба видения, по сути, можно рассматривать как предостережение, дающее возможность соотносить «свое» знание с тем, что может произойти в ближайшем либо отдаленном будущем. Более того, оба эти события представляются так или иначе связанными с религиозными сомнениями Лэтимера – в возможностях как христианства, так и, по видимому, любой другой религии. Но за сомнения, как и «за познание приходится платить»

(269): с каждым новым «прозрением» Лэтимер все больше ощущает infernalную силу зла, заполняющего пустоту в его душе («...Ибо постоянные страдания убили во мне религиозную веру...» (272)). В результате уделом Лэтимера, тяготящегося «светом», становится лишь постепенно сгущающаяся «тьма», которую сопровождает «давящее присутствие некоего... безжалостного начала» – «Неизвестного Начала, одновременно явного и скрытого за колеблющейся завесой земли и неба» (272, 281).

Ограниченное пространство, заполненное все более сгущающимся мраком, тесно связано с образом Берты. Именно избраннице Лэтимера на протяжении всего повествования сопутствуют ситуации, когда последовательно меркнущий свет окончательно сменяется непроницаемой тьмой и тяжелым физическим состоянием рассказчика. Так, меркнет дневной свет накануне первой встречи с Бертой, затем – яркий солнечный свет в парке Лихтенбергского дворца, позже – свет от яркого огня в камине, а в итоге должен погаснуть и свет жизни как таковой, свет умирающего человеческого сознания. При этом у читателя, в отличие от самого Лэтимера, не возникает иллюзий: именно «светлая девушка» Берта представляется персонифицированным носителем сознательно выбранного Лэтимером «ограниченного пространства», лишённого любого источника света; исчадием ада; воплощением абсолютного Зла.

О. Конт, доказывая «необходимость сделать мораль независимой от теологии и метафизики», полагал, что «человечество... не может быть бесконечно обречено основывать свои правила поведения только на химерических мотивах, чтобы... увековечить временно существовавшее до сих пор гибельное противоречие между интеллектуальными и моральными потребностями» [Конт 1996: 58]. В случае с Лэтимером попытка постепенного отхода от «химерических мотивов» – религиозных и изначально связанных с ними нравственных ориентиров, утвержденных когда-то человечеством, – оборачивается не просто тривиальным столкновением со злом, но и осознанием абсолютной пустоты. Погружение в таинства мира вечной и не познаваемой до конца Природы как отказ Лэтимера от «света»; подмена христианского Бога сомнительными объектами поклонения; жажда заполнить пустоту в душе и бесполезное знание как итог всей жизни – вот печальный удел, который уготован герою рассказа Дж. Элиот. Однако именно осознание Лэтимером проблемы *смысла* собственной жизни приводит его, на наш взгляд, к зрелым размышлениям о Боге: «в момент приближения катастрофы интегрально срабатывают механизмы

автобиографической памяти как особого вида памяти, и человеку открывается его истинная судьба...» [Нуркова 2000: 72].

Искренность «предсмертной» истории в рассказе Дж. Элиот, безусловно, позволяет обнаружить очевидные параллели с «Исповедью» Ж.-Ж. Руссо – одним из самых значимых для писательницы произведений, которое «впервые побудило ее к глубокому размышлению» (перевод наш. – Н. Г.). [George Eliot's Life... 1885: 361]. Некоторые факты из жизни Лэтимера – ранняя смерть матери; мучительный физический недуг, сказывающийся на душевном состоянии героя; его привязанность к миру грез и фантазий от самозабвенного чтения книг⁷; восхищение чарующим душу и обманчиво целительным для тела миром Природы – возможно, обусловлены непосредственными впечатлениями от «Исповеди».

Образ человека, откровенно поведавшего миру о своих заблуждениях и исканиях, подчас даже шокирующего своей искренностью, в какой-то степени соотносим и с образом Лэтимера. Но в рассказе Дж. Элиот в большей мере ощущается сосредоточенность автора не столько на «правде природы» характера отдельного «несчастливца» [Руссо 2014: 7, 390], сколько на его «уникальности». Так, видение Лэтимера, – в котором впервые появляется Берта Грант, хотя они еще незнакомы, – завершается внезапным обмороком и ведет к приступу «странного безумия», благодаря чему Лэтимер начинает «осознавать весь ужас положения, на которое обречены человеческие существа, *отличные* (курсив наш. – Н. Г.) по природе своей от соплеменников» (240).

При этом и Руссо, и Элиот стремятся показать человека в высшей степени «чувствительного». Качество этой «чувствительности» разного уровня и порядка, однако обоих рассказчиков объединяет осознанное к концу пройденного пути понимание жизни. Так, герой «Исповеди» Руссо отмечает: «Мы так мало созданы для счастья на земле, что если не страдают и наше тело, и наша душа, нам нужно, чтобы страдало что-то одно из них...» [Руссо 2014: 240]. Истинный смысл бытия для него открывается только как результат познания жизни в ее целостности и полноте, невзирая на то, насколько «приятно» или «неприятно» проживаемое для человека, «полезно» или «губительно» для его репутации в обществе: «Впоследствии, несмотря на... годы и... болезни, мое тело будто восстановило силы, чтобы я мог лучше ощущать свои несчастья, и теперь... я чувствую, страдая, в себе больше крепости и жизни, чем имел... во цвете лет и в минуты самого истинного счастья» [там же].

Дж. Элиот в «Приоткрытой завесе» словно бы пытается развивать эту мысль Руссо. Лэтимер, зная «все обстоятельства последних минут жизни», так начинает свою исповедь: «...Мне недолго осталось стонать под тяжким бременем земного существования. Если же все сложится иначе и мне суждено будет дожить до возраста, которого стремится достигнуть и достигает большинство людей, я хотя бы раз получу возможность сравнить муки тщетного ожидания с муками истинного предвидения. <...> Я жаждал неведомого, но жажда прошла. О Боже, позволь мне жить с моим знанием и изнывать под сим бременем: я всем доволен» (226–227).

Но именно осознание смиренного принятия жизни во *всех* ее проявлениях позволяет обнаружить и некую двойственность в рассказе Дж. Элиот, порождающую своего рода «конфликт интерпретаций». Если рассматривать эту «готическую» историю через осмысление идей Ж.-Ж. Руссо, то, казалось бы, очевидно жизненное фиаско Лэтимера, к которому его приводит увлечение Природой и интуитивное поклонение объектам материального мира как некоему божееству (не важно, что это: горы, небо, книги или живой человек). Попытки заполнить чем угодно пустоту в душе, где нет Бога, косвенно напоминают и о спорной идее Руссо относительно пагубности влияния наук и искусств на развивающуюся цивилизацию, порождающих в человеке пресыщенность и ненужные сомнения. Дж. Элиот тем не менее отмечала: «...Гений Руссо пронизал... электрическим трепетом мою интеллектуальную и моральную основу, пробудив меня к новым представлениям»; а «...могучий ветер его вдохновения так ускорил мои способности, что я смогла более определенно сформулировать для себя идеи, которые и раньше были в моей душе...» (перевод наш. – Н. Г.). [George Eliot's Life... 1885: 144].

М. М. Бахтин, размышляя о неизбежном приращении потенциала художественного текста, рассматриваемого далеко за рамками «условий своей эпохи», утверждал: «Пытаясь понять и объяснить произведение... только из условий ближайшего времени, мы никогда не проникнем в его смысловые глубины. <...> Произведения разбивают грани своего времени, живут в веках, то есть в *большом времени*, притом часто (а великие произведения – всегда) более интенсивной и полной жизнью, чем в своей современности. <...> В процессе своей посмертной жизни они обогащаются новыми значениями, новыми смыслами; эти произведения как бы перерастают то, чем они были в эпоху своего создания» [Бахтин 1979: 331].

Так, принципиально иной смысл обнаруживается и в рассказе Дж. Элиот при попытке его соотнесения с еще более ранним опытом исповедальной прозы – «Исповедью» Аврелия Августина. Возможно, именно к первоисточнику данной традиции невольно и в гораздо большей степени апеллировала писательница в «Приоткрытой завесе». Особенно если учесть, что эта «Исповедь» «была первым произведением, в котором исследовалось внутреннее состояние человеческой мысли, а также взаимоотношения благодати и свободы воли – темы, которые составили основу христианской философии и богословия» [Казанский 2009].

Августин, размышляя, в частности, о вероятных толкованиях смысла «всемогущей Троицы», отмечал: «Я хотел бы, чтобы люди подумали над тремя свойствами в них самих... быть, знать, хотеть. <...> Эти три свойства и составляют нераздельное единство – жизнь. <...> Перед каждым стоит, конечно, он сам: пусть всмотрится в себя...» [Августин 1991: 347]. Лэтимер, сосредоточенный на пристальном интересе к трансформации своей души в процессе жизни, вникает в те же механизмы внутренних изменений, что и герой «Исповеди». «...В огромных палатах моей памяти... встречаюсь я и сам с собой. <...> Там находится все, что я помню из проверенного собственным опытом и принятого на веру от других. <...> Я создаю... то одни, то другие образы; я вплетаю их в прошлое; из них тку ткань будущего: поступки, события, надежды – все это я вновь и вновь обдумываю как настоящее» [Августин 1991: 244].

Настоящее же, учитывая *знание* будущего, представляется Лэтимеру безрадостным: «Ровно через месяц... я буду сидеть в этом самом кресле в своем кабинете, мечтая о смерти, – бесконечно уставший от своего дара предвидения и проникновения в сущность вещей, лишенный всех надежд и иллюзий. <...> Мучительная агония, удушье... но как же земля, поля, ручей... воздух после дождя, утренний свет в окне спальни, тепло очага?... *Неужели тьма поглотит все это навсегда?...*» (курсив наш. – Н. Г.) (227).

Вопрос, заданный рассказчиком в самом начале его истории, сразу формирует и вполне определенный контекст читательского восприятия, – выводя далеко за рамки «мелодраматически» окрашенного «готического» повествования и заставляя задуматься о более серьезных вещах, о характере соотношения потенциала Религии и Науки, Веры и Знания. Тем самым Дж. Элиот в рассказе «Приоткрытая завеса» словно бы задает своему современнику принципиальный вопрос: насколько вообще возможна жизнь без Бога и к чему это может привести?

История Лэтимера буквально демонстрирует объемный взгляд на сомнение и неверие как основную проблему своего времени. Как и много веков назад, одной из ее составляющих становится удручающая «болезнь любопытства» – «люди хотят узнать... только чтобы узнать» [Августин 1991: 271]. Более того, «даже в религии желание испытать Бога: от Него требуют знамений и чудес не в целях спасения, а только чтобы узнать их» [Августин 1991: 272].

Именно это «любопытство», как кажется, движет и Лэтимером. Примечательно, что миг его первого «прозрения» связан с пребыванием за пределами отцовского дома и собственно Британии: «сеансы» ясновидения осуществляются сначала в Швейцарии, а затем в Вене. Осознание Лэтимером принципиально новых возможностей за пределами «своей» территории – некий символический выход за традиционно очерченные границы, не только в плане пространства, но и в сфере Знания. При этом герой Дж. Элиот лишь на первый взгляд тяготеет *любим* знанием, в том числе и тем, к которому имеет «непосредственный» доступ благодаря своему уникальному дару.

Лэтимер в определенном смысле напоминает Виктора Франкенштейна. Но если ученый в романе М. Шелли изначально охвачен горячим желанием проникнуть за таинственную завесу, скрывающую тайны бытия⁸, то герой Дж. Элиот лишь в ожидании смерти *откровенно* признается в том, что «жаждал неведомого» (227). Однако по мере приобщения к истинному положению дел запретное знание у обоих вызывает все больший страх, рассказать о котором – значит навлечь на себя обвинения в безумии.

Единственной и главной загадкой для Лэтимера *как будто* остается лишь душа Берты, скрытая смутной завесой его принципиального нежелания «знать». Он сам, невольно прозревая фатальную пустоту ее души, беспомощно объясняет это нежелание следующим образом: «...Не важно, сколь пусто святилище в храме, когда столь густа завеса, скрывающая его от взора. <...> Даже если завтра будущее целиком откроется нашим глазам, интересы всего человечества сосредоточатся на оставшихся в его распоряжении часах неизвестности. <...> Искусство, философия, литература и наука слетятся как пчелы на эту тайну, дабы вкусить нектара неизвестности с тем большим упоением, что их радость должна окончиться с заходом солнца» (262).

Не столько «черная», сколько «пустая» душа Берты, подобная в восприятии Лэтимера «глухой стене» и отделенная от его «проницательности» «незримой завесой», может рассматриваться в контексте этого повествования как образ, фоку-

сирующий все его заблуждения в целом. Причем он в равной степени напоминает не только об античных школах как «вместилищах знаний» под портиками, отделенными от площадей особыми занавесами, скрывающими «заблуждения», но и о еще более древних храмах, где языческие святилища со статуями особо чтимых богов также предполагали наличие специальной «завесы» [Августин 1991: 409]. Резонно предположить, что «завеса» произвольного «незнания» для Лэтимера – всего лишь символическая преграда, о подобии которой иронически размышлял еще Августин в «Исповеди»: «это не знак тайны, внушающей уважение: *это прикрытие заблуждения*» (курсив наш. – Н. Г.) [там же: 66; 409].

Однако Лэтимер, благодаря внезапно посещающим его видениям, *знает* все тайны Берты, даже если для «проверки» и «уточнения» этого знания приходится прибегнуть к помощи старого друга, ученого Чарльза Менье, осуществившего научный эксперимент с переливанием крови и ненадолго оживившего умершую служанку жены, которая подтверждает намерение Берты отравить мужа. Это событие в рассказе Дж. Элиот вновь заставляет вспомнить мысль Августина о том, что есть «таинственное предчувствие будущего»: «...Видят не его – будущего еще нет, – а, вероятно, его причины или признаки, которые уже налицо. <...> Эти представления уже существуют, и те, кто предсказывает будущее, всматриваются в них: они живут в их уме» [там же: 296].

Однако «личная» составляющая истории Лэтимера в контексте всего творчества Дж. Элиот представляется не более чем «мелодраматически-развлекательным» элементом в избранной повествовательной стратегии. Рассказчик знает все, что с ним должно произойти, но не доверяет себе и призывает представителя сферы «объективного» знания, – чтобы удостовериться в очевидном. Это можно интерпретировать как всеислие Науки: ученый способен «прозревать» и без обращения к «сверхъестественному». Однако можно рассматривать это повествование и как утверждение того, что для Дж. Элиот Наука – лишь сфера, параллельная сфере Религии, Веры: различны способы проникновения в тайны бытия, различна терминология, но смысл один, и он в том, что прозрение истины без Бога невозможно.

По большому счету, вся сознательная жизнь Лэтимера – это жизнь без Бога. Вечная неуверенность в, казалось бы, очевидных для него фактах, иллюзии и самообман – жестокое наказание прежде всего за произвольное погружение в стихию природного начала, материального мира, не освященного верой («Дружба с этим миром – измена Тебе...» [там же: 66]). Возможно,

одна из важнейших идей этого рассказа в том, что Лэтимер в течение всей жизни мучительно ищет опору своему существованию. И в этом герой «готической истории» Дж. Элиот также уподобляется герою «Исповеди» Августина накануне своего духовного «перерождения»: «Где же пребываешь Ты, Господи, в памяти моей? <...> Какое святилище выстроил Себе? <...> Несомненно одно: Ты живешь в ней. <...> *Со мной был Ты, с Тобой я не был*» (курсив наш. – Н. Г.) [там же: 260, 261].

Возможно, и смысл всей жизни Лэтимера – именно в этом запоздавшем доверии Богу. Его прозрение отчасти сродни тому, что переживает герой «Исповеди» Августина в процессе приобщения к христианской вере: «Ты сверкнул, засиял и прогнал слепоту мою. <...> Меня обволокло тьмой, но... даже там я так любил Тебя. Скитался и вспомнил Тебя. И теперь... возвращаюсь к источнику Твоему. <...> Я плохо жил собой, смертью был я себе – в Тебе оживаю...» [там же: 315].

Примечательно, что и Лэтимер уже в *самом начале* своей «исповеди», предвидя печальный жизненный финал, утверждает, несмотря ни на что: «О Боже! Я всем доволен...» (227). Так, приоткрывая символическую завесу между «знанием» и «незнанием» конкретных жизненных реалий, он обретает нечто большее: возможность преодолеть условную «завесу» между насущными потребностями материального мира и глубинным осознанием своего духовного начала.

Б. Шоу в письме Г. Джеймсу (от 17.01.1909), настаивая на более жизнеутверждающем финале противостояния молодого героя его пьесы «Салун» с прошлым, призраком отца и давлением «среды», писал: «Чего ради хотите Вы сломить человеческий дух? Право же, Джордж Элиот сделала в этом плане вполне достаточно. Во имя жизненной силы человеческой, скажите, где привлекательность в этом тщетном, удручающем, обескураживающем фатализме, что так ужасно распространился в 1860-е годы вместе с учением Дарвина и заставил людей – вопреки тому, что у них есть и зубы, и когти, – поверить, будто человек – это безвольный раб и жертва своего окружения?..» [Шоу 1989: 281].

Мнение Б. Шоу относительно мировоззренческой позиции Дж. Элиот представляет интерес, поскольку свидетельствует об особенностях восприятия ее творческого наследия литератором нового поколения. Однако в контексте предложенной интерпретации рассказа «Приоткрытая завеса» Дж. Элиот, на наш взгляд, как раз позволяет себе усомниться в том, что человек всего лишь «безвольный раб и жертва своего окружения». Используя неисчерпаемый потенциал пси-

хологической прозы – возможности «автобиографического» повествования с элементами исповеди, – Дж. Элиот не просто призывает человека найти в себе волю и мужество признаться в собственных заблуждениях, но стремится укрепить «человеческий дух». Такая позиция позволяет читателю поверить в то, что выбор между «светом» и «тьмой», «добром» и «злом» зависит не столько от пресловутой «среды», сколько от степени личной ответственности самого человека.

При этом характер реализма в рассказе «Приоткрытая завеса» носит специфический характер: обнаруживая безусловное влияние традиции готического повествования, обогащенной элементами романтической эстетики, этот текст свидетельствует о попытке преодолеть «рамки обыденной жизни», парадоксальным образом не выходя из них. И, балансируя на этой тонкой грани, писательница, как кажется, демонстрирует принципиально новые возможности современной ей литературы.

Примечания

¹ Сам Б. Шоу признавал: в одном из неоконченных романов, ставшем впоследствии основой для его пьесы «Кандида», «дает себя знать традиционная схема элиотовского “Мидлмарча”» [Шоу 1989: 73].

² Этот вопрос достаточно подробно рассматривался в работе: Горбунова Н. В. Рассказ Дж. Элиот «Приоткрытая завеса»: к вопросу о переосмыслении традиции // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2012. Вып. 1(17). С. 116–124. Вопрос об особенностях трансформации элементов готической традиции в творчестве Дж. Элиот рассматривался в работе: *Royce Mahawatte. George Eliot and the Gothic Novel: Genres, Gender, Feeling.* University of Wales Press, 2013. 260 p.

³ Далее ссылки на номера страниц анализируемого текста даны в круглых скобках.

⁴ Уже Г. Уолпол в предисловии ко второму изданию «Замка Отранто» отмечал: «...Богатые возможности воображения теперь строго ограничены рамками обыденной жизни» [Уолпол 2007: 34].

⁵ Этому вопросу посвящена работа: Горбунова Н. В. Литература и «метафизика» в рассказе Дж. Элиот «Приоткрытая завеса» // Homo Legens / Человек Читающий: компаративный подход к проблемам современного образования. Тюмень: Мандр и К^а, 2012. С. 271–279.

⁶ Известно, что в сложные моменты жизни Дж. Элиот перечитывала «Подражание Христу» Фомы Кемпийского. Именно «Подражание Христу» и Библия лежали перед смертью у ее кровати [Laski 1997: 31].

⁷ В частности, параллель «Приоткрытой завесы» с «Исповедью» представляется очевидной, когда рассказчик у Руссо объясняет свою потребность в призрачном «мире фантазий»: «...Не видя в окружающем ничего достойного своих грез, я перенесся в мир идеальный, который мое творческое воображение вскоре населило созданиями по моему вкусу...» [Руссо 2014: 417]. Подобное происходит и с Лэтимером: «По мере того как я отдалялся от общества... все более яркие и живые картины... стали представляться моему воображению: незнакомые города, песчаные равнины, гигантские деревья, странные созвездия на полуночных небесах...» (272).

⁸ Франкенштейн, уроженец Швейцарии, также совершает свое «открытие» за пределами родного дома. Итог приобщения к запретным тайнам бытия – разочарование: «Невежественный поселянин созерцал окружающие его стихии и на опыте узнавал их проявления... И самый ученый из философов... лишь слегка приоткрыл завесу над ликом Природы, но ее бессмертные черты оставались дивом и тайной...» [Шелли 2010: 44].

Список литературы

Августин Аврелий. Исповедь / пер. с лат. М. Е. Сергеевко. М.: Изд-во «Ренессанс», 1991. 488 с.

Бахтин М. М. Ответ на вопрос редакции «Нового мира» // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. С. 328–336.

Венедиктова Т. Д. Литература на пороге «века толпы»: «новый человек» как читатель и писатель // «На границах». Зарубежная литература от средневековья до современности: сб. работ / отв. ред. Л. Г. Андреев. М.: ЭКОН, 2000. С. 117–133.

Казанский Н. Исповедь как литературный жанр // Вестник истории, литературы, искусства / РАН, гл. ред. Г. М. Бонгард-Левин. М.: Собрание, 2009. Т. 6. С. 73–90. URL: http://krotov.info/libr_min/10_y/az/ansky_01.htm (дата обращения: 29.03.2017).

Конт О. Дух позитивной философии; Курс положительной философии // Западноевропейская социология XIX века: Тексты / под ред. В. И. Добренкова. М.: Международный университет бизнеса и управления, 1996. С. 7–93; 94–119.

Нуркова В. В. Свершенное продолжается: Психология автобиографической памяти личности. М.: Изд-во УРАО, 2000. 320 с.

Проскурнин Б. М. Джордж Элиот и английская литература XX века // Английская литература от XIX века к XX, от XX к XIX: Проблема взаимодействия литературных эпох / ред. А. П. Саруханян, М. И. Свердлов. М.: ИМЛИ РАН, 2009. С. 43–84.

Руссо Ж.-Ж. Исповедь / пер. с франц. под ред. Н. Бердяева и О. Вайнер. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2014. 640 с.

Уолтол Г. Замок Отранто // Готический роман: Замок Отранто; Италиянец; Аббатство кошмаров: Повести, роман / пер. с англ. Е. Суриц, Т. Шинкарь, В. Шора. М.: Эксмо, 2007. С. 27–168.

Шелли М. Франкенштейн, или Современный Прометей / пер. с англ. З. Александровой. М.: Эксмо, 2010. 288 с.

Шоу Б. Автобиографические заметки. Статьи. Письма. М.: «Радуга», 1989. 496 с.

Элиот Дж. Приоткрытая завеса // Дом с призраками: Английские готические рассказы / пер. с англ. М. Куренной. СПб.: Азбука-классика, 2004. С. 226–282.

Abitz D. Lifting the Veil Between George Eliot's "The Lifted Veil" and Henry James' "The Beast in the Jungle": A Thesis Submitted in Partial Fulfillment of the Requirements for the Degree of Master of Art in the College of Arts and Sciences Georgia State University. 2013. URL: http://scholarworks.gsu.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1160&context=english_these (дата обращения: 13.01.2017).

Bignami M. The Reception of George Eliot in Italy: 1868 to the Present // The Reception of George Eliot in Europe / ed. by E. Shaffer and C. Brown. London; Oxford; New York; New Delhi; Sydney: Bloomsbury Academic, 2016. P. 167–177.

Eliot G. Worldliness and Other-Worldliness: The Poet Young // Essays by George Eliot. Boston, 1883. P. 9–62. URL: <https://ebooks.adelaide.edu.au/e/eliot/george/e42e/chapter7.html> (дата обращения: 22.01.2017).

George Eliot's Life as related in her Letters and Journals: in III vols. Vol. I / ed. by J. W. Cross. URL: <https://ru.scribd.com/book/187444535/George-Eliot-s-Life-Vol-I-of-3-as-related-in-her-Letters-and-Journal> (дата обращения: 20.03.2017).

Johnson J. Print, Image and the Cycle of Materiality in George Eliot's *The Lifted Veil* // Nineteenth-Century Gender Studies. Issue 3.2 (Summer 2007). URL: <http://www.ncgsjournal.com/issue32/johnson.htm> (дата обращения: 22.03.2017).

Laski M. George Eliot. N. Y.: Thames and Hudson, 1997. 123 p.

References

Augustiny of Hippo. *Ispoved'* [Confessions]. Transl. from Latin by M. E. Sergeenko. Moscow, Renessans Publ., 1991. 488 p. (In Russ.)

Bakhtin M. M. Otvet na vopros redaktsii «Novogo mira» [The answer to the question of the editorial board of "The New World" journal]. Bakhtin M. M. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal creativity]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1979, pp. 328–336. (In Russ.)

Venediktova T. D. Literatura na poroge «veka tolpa»: «novyy chelovek» kak chitatel' i pisatel' [Literature on the verge of the "century of crowds": "new person" as a reader and a writer]. «Na granitsakh». *Zarubezhnaya literatura ot srednevekov'ya do sovremennosti* ["At borders". Foreign Literature from the Middle Ages to Modern Times]. Ed. by L. G. Andreev. Moscow, EKON Publ., 2000, pp. 117–133. (In Russ.)

Kazanskiy N. Ispoved' kak literaturnyy zhanr [Confession as a Literary Genre]. *Vestnik istorii, literatury, iskusstva* [Herald of History, Literature, Art]. Ed. by G. M. Bongard-Levin. Moscow, Sobranie Publ., 2009, vol. 6, pp. 73–90. Available at: http://krotov.info/libr_min/10_y/az/ansky_01.htm (accessed 29.03.17). (In Russ.)

Comte Au. Dukh pozitivnoy filosofii; Kurs polozhitel'noy filosofii [The Spirit of Positive Philosophy; Course of Positive Philosophy]. *Zapadno-evropeyskaya sotsiologiya 19 veka: Teksty* [Western European Sociology in the 19th century: Texts]. Ed. by V. I. Dobren'kov. Moscow, International university of business and management Publ., 1996, pp. 94–119. (In Russ.)

Nurkova V. V. *Svershennoe prodolzhaetsya: Psikhologiya avtobiograficheskoy pamyati lichnosti* [The done is going on: The Psychology of Autobiographical Memory]. Moscow, URAO Publ., 2000. 320 p. (In Russ.)

Proskurnin B. M. Dzhordzh Eliot i angliyskaya literatura 20 veka [George Eliot and English Literature of the 20th century]. *Angliyskaya literatura ot 19 veka k 20, ot 20 k 19: Problema vzaimodeystviya literaturnykh epokh* [English Literature from the 19th to 20th century, from the 20th to 19th century: The Problem of Relations between the Literature Epochs]. Ed. by A. P. Sarukhanyan, M. I. Sverdlov. Moscow, IWL RAN Publ., 2009, pp. 43–84. (In Russ.)

Rousseau J.-J. *Ispoved'* [Confessions]. St. Petersburg, Azbuka, Azbuka-Attikus Publ., 2014. 640 p. (In Russ.)

Walpole H. *Zamok Otranto* [The Castle of Otranto]. *Goticheskiy roman: Zamok Otranto; Ital'ya-nets; Abbatstvo koshmarov: Povesti, roman* [The Castle of Otranto; The Italian; Nightmare Abbey]. Transl. from English by E. Suriz, T. Shinkar', V. Shora. Moscow, Eksmo Publ., 2007, pp. 27–168. (In Russ.)

Shelley M. *Frankenshtein, ili Sovremennyy Prometey* [Frankenstein, or The Modern Prometheus]. Transl. from English by Z. Aleksandrova. Moscow, Eksmo Publ., 2010. 288 p. (In Russ.)

Shaw B. *Avtobiograficheskie zametki. Stat'i. Pis'ma* [Autobiographical Notes. Essays. Letters]. Transl. from English by A. Livergant. Moscow, Raduga Publ., 1989. 496 p. (In Russ.)

Eliot G. Priotkrytaya zavesa [The Lifted Veil]. *Dom s prizrakami: Angliyskie goticheskie rasskazy* [Haunted house: English Gothic Stories]. Transl. from English by M. Kurennaya. St. Petersburg, Azbuka-klassika Publ., 2004, pp. 226–282. (In Russ.)

Abitz D. *Lifting the Veil Between George Eliot's "The Lifted Veil" and Henry James' "The Beast in the Jungle"*. A Thesis Submitted in Partial Fulfillment of the Requirements for the Degree of Master of Art in the College of Arts and Sciences Georgia State University, 2013. Available at: http://scholarworks.gsu.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1160&context=english_these (accessed 13.01.2017). (In Eng.)

Bignami M. The Reception of George Eliot in Italy: 1868 to the Present. *The Reception of George Eliot in Europe*. By E. Shaffer and C. Brown. London; Oxford; New York; New Delhi; Sydney, Bloomsbury Academic, 2016, pp. 167–177. (In Eng.)

Eliot G. *Worldliness and Other-Worldliness: The Poet Young. Essays by George Eliot*. Boston, 1883, pp. 9–62. Available at: <https://ebooks.adelaide.edu.au/e/eliot/george/e42e/chapter7.html> (accessed 22.01.2017). (In Eng.)

George Eliot's life as related in her letters and journals. Ed. by J. W. Cross. Vol. I. Available at: <https://ru.scribd.com/book/187444535/George-Eliot-s-Life-Vol-I-of-3-as-related-in-her-Letters-and-Journals> (accessed 20.03.2017). (In Eng.)

Johnson J. Print, Image and the Cycle of Materiality in George Eliot's "The Lifted Veil". *Nineteenth-Century Gender Studies*, issue 3.2 (summer 2007). Available at: <http://www.ncgsjournal.com/issue32/johnson.htm> (accessed 22.03.2017). (In Eng.)

Laski M. *George Eliot*. New York, Thames and Hadson, 1997. 123 p. (In Eng.)

FAITH AND KNOWLEDGE: "CONFESSION" VS "SERMON" IN GEORGE ELIOT'S *THE LIFTED VEIL*

Natalya V. Gorbunova

Associate Professor in the Department of Russian and Foreign Literature
Tyumen State University

10, Semakova st., Tyumen, 625003, Russian Federation. natvlagor@yandex.ru

SPIN-code: 6687-6867,

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-8583-1385>

ResearcherID: O-7180-2017

The article presents an interpretation of the little-known "gothic" story by George Eliot *The Lifted Veil* (1859). Created by the writer at the beginning of her career, and up to the present time insufficiently studied by Russian literary criticism, the story is regarded as a kind of experiment in integration of elements of religious and scientific discourse – which promotes the transformation of the relationship between the author and the reader and changes the nature of the narrative strategy of realistic text in the second half of the 19th century.

The paper focuses on the following problems: *The Lifted Veil* and the classics of gothic prose (H. Walpole, M. Shelley); "duality" of European outlook in the middle of the 19th century (Au. Comte) and comprehension of this phenomenon by positivist philosophy; peculiarities of perception of Nature and Memory in European confessional prose (*Confession* by St. Augustine, *Confessions* by J.-J. Rousseau); assessment of the writer's creative work by her contemporaries (B. Shaw). The central question is the relationship between the potential of Religion and Science in early prose of George Eliot, who in this case affirms the idea of doubt and search in the realm of thought.

The presented interpretation of the story *The Lifted Veil* in the context of European culture in the second half of the 19th century allows us to assert: the short prose by George Eliot contains opportunities for significant expansion of the narrative potential in connection with the strengthening of the psychological aspect in the Victorian literature, which in many respects anticipates the scientific research and discoveries of the subsequent period.

Key words: Victorian Age; gothic story; George Eliot; Au. Comte; positivism; psychologism; confession; J.-J. Rousseau; St. Augustine; B. Shaw.

УДК 82'01: 82'04
doi 10.17072/2037-6681-2017-4-133-142

РЕБЕНОК В ДРАМЕ АНТИЧНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЯ: КТО ОН? ¹

Ольга Валерьевна Ловцова

аспирант кафедры литературы и методики ее преподавания

Уральский государственный педагогический университет

620017, Россия, г. Екатеринбург, просп. Космонавтов, 26. o_lovtsova@mail.ru

SPIN-код: 2817-6141

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-0326-1305>

ResearcherID: G-1699-2017

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Ловцова О. В. Ребенок в драме Античности и Средневековья: кто он? // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2017. Т. 9, вып. 4. С. 133–142. doi 10.17072/2037-6681-2017-4-133-142

Please cite this article in English as:

Lovtsova O. V. Rebenok v drame Antichnosti i Srednevekov'ya: kto on? [A Child in the Ancient and Medieval Drama: Who Is He?]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2017, vol. 9, issue 4, pp. 133–142. doi 10.17072/2037-6681-2017-4-133-142 (In Russ.)

Статья посвящена динамике развития образа ребенка как драматического героя. Впервые герой-ребенок появляется в драме еще эпохи Античности, в пьесах Еврипида, Менандра, Сенеки и др. Однако отличительные черты детей как драматических героев до сих пор не являлись предметом научного изучения. Автор статьи рассматривает наиболее известные пьесы, в которых присутствуют дети-герои, выделяет особенности детей как драматических персонажей. В ходе анализа делается вывод о том, что в драме эпохи Античности дети-герои оказывались чаще всего внесценическими персонажами, были лишены голоса и характера, не являлись самостоятельными действующими лицами. Они реализовывали свои драматические функции в гибели и страданиях по вине взрослых героев. Функция героя-ребенка в античной пьесе определялась жанром.

Проблема детей как героев средневековой драмы также не подвергалась научному освоению. Автор данной работы прослеживает формирование особого типа героя – «божественный младенец» – в средневековых литургических драмах. Позднее в связи с ослаблением канона литургической драмы и расширением жанровой палитры светских драматических произведений типаж «божественного первенца» сменяется образом ребенка-плута, ребенка-трикстера, представленным в фарсах и моралитях. Тем не менее, несмотря на появление героев-детей в религиозных и светских пьесах, говорить о заинтересованности создателей драм психологией ребенка и реальным детством еще не приходится. В античной драме появляются дети, выполняющие функции невинной жертвы и ребенка-подкидыша, а в Средние века – божественного младенца и ребенка-плута.

Ключевые слова: античная драма; драматический герой; образ ребенка; средневековая драма; трагедия; литургическая драма; мистификация; мистерия; моралити; фарс.

К образу ребенка авторы мировой художественной литературы обращались и продолжают обращаться на протяжении многих веков. Дети как персонажи отнюдь не закреплены исключительно за детской литературой и впервые появляются еще в античной драме, постепенно утверждая свою позицию полноправных действующих лиц как в драматическом произведении, так и на театральной сцене. Однако отличительные

черты детей как драматических героев, образы детей-героев в античной драме и драме последующих веков, насколько нам известно, до сих пор не являлись предметом научного изучения. В настоящее время отсутствуют не только крупные отечественные и западные исследования ребенка как драматического характера, но и локальные работы, посвященные детям – действующим лицам отдельных пьес.

Появление в древнегреческой драме ребенка в качестве героя стало одной из культурных примет кризиса полиса и начала формирования постполисного периода². Предположение, что дети, статус которых был чрезвычайно низок в дополисный и полисный периоды, могут обладать некоторыми правами, а не быть исключительно собственностью своего отца, «выводило детей из частно-семейной в публично-правовую сферу, нивелирующую домашнее отцовское всевластие» [Шипилов 2012: 51]. Вместе с тем особый эмоционально-чувственный и поведенческий мир ребенка в это время еще не был открыт. Для формирования полноценного героя-ребенка было необходимо «увидеть» ребенка вне семьи и государства, признать в нем присутствие субстанциональной Природы и перевести его в категорию «чудес», уравнивающую его с мифическими героями» [Арзамасцева 2004]. Поэтому дети, представленные в античной драме, почти всегда являлись внесценическими персонажами (так, зритель лишь слышит плач ребенка в комедии Менандра «Третейский суд», но не видит самого младенца, а причины его плача поясняют взрослые персонажи):

«Г а б р о т о н о н .
С ребенком выхожу... Он плачет, беденький,
И уж давно... Что с ним, не разберу никак!»
[Менандр 1963: 133]

Если же дети-герои и появлялись на сцене, то их роли исполняли взрослые актеры. И в древнегреческих (Еврипид «Алкеста», «Медея», «Гекуба», «Просительницы», Аристофан «Облака», Менандр «Третейский суд»), и в древнеримских драмах Сенеки, Плавта, Теренция драматические функции ребенка определялись положением ребенка в обществе и представлениями древних греков и римлян о детстве и детях: дети не обладали автономностью, а мыслились лишь как звено в системе смен поколений, как потенциальные наследники, претендующие на положение своих отцов. В античной драме, как правило, дети-герои бессловесны и почти лишены действия, а смысл их присутствия в пьесах заключался в том, что «дети богов или царей (других детей античная трагедия «не знает») так или иначе гибнут – в гибели их основная драматургическая функция» [там же], поскольку ребенок в античной драме выступает как потенциальная угроза статусу героя – своего отца.

Мысль о том, что основное предназначение маленьких героев драмы – стать жертвой взрослых персонажей, находит подтверждение и в работе Р. Боулби «Ребенок сам по себе: родительские истории» (A Child of One's Own: Parental

Stories, 2013). Анализируя особенности детско-родительских отношений в трагедии Еврипида «Медея» (431 г. до н. э.), исследовательница отмечает, что в Античности союзы между мужчиной и женщиной обязательно подразумевали рождение и воспитание детей, однако именно присутствие детей в трагедии высвечивает оформившееся уже в то время острое противоречие между необходимостью продолжить род и любовью. Функция гибели детей-героев трактуется ею как иллюстрация этого противоречия, убийство матерью детей рассматривается не только как прекращение рода Ясона во имя мести, но и как принесение родительской любви в жертву любви эротической: «...в Мееде мы видим родительские эмоции, разыгрывающиеся в связи с горечью от утраты эротического» [Bowlby 2013: 114]. Хотя избавление от детей и кажется радикальным способом преодоления столкновения вероломной любви с родительскими чувствами и удовлетворения жажды мести, в драме Еврипида убийство не разрешает конфликт, а напротив, усиливает его трагическую глубину. Смерть детей становится доказательством мстительности и жестокости главной героини. Вместе с тем образ Медеи не так однозначен, как может показаться на первый взгляд, «замысел убить собственных детей поражает Медею не менее сильно, чем ненавистного ей Ясона, и соединение в ее образе коварной мстительницы с несчастной матерью ставило перед Еврипидом совершенно новую художественную задачу, не имевшую прецедентов в античной драме» [Ярхо 1999] – изобразить страдающую и мятущуюся героиню, в которой борются материнские чувства и обида женщины, покинутой возлюбленным. А. Ф. Лосев отмечает, что трагедия Еврипида отличается «ярко выраженной психологической направленностью, обусловленной огромным интересом драматурга к личности человека со всеми ее противоречиями и страстями» [Лосев 2005: 105]. Решение убить детей дается Мееде сложно, прежде чем совершить поступок, героиня несколько раз передумывает, мечется от желания сохранить жизнь детей к потребности уничтожить род Ясона:

«М е д е я .
Сама Ясонов с корнем
Я вырву дом. А там – пускай ярмо
Изгнания, клеймо детоубийцы,
Безбожия позор, – все, что хотите.
<...>
Что ж это я задумала?
(Опускает руки.)
Упало
И сердце у меня, когда их лиц

Я светлую улыбку вижу, жены.
Я не смогу, о нет... Ты сгибни, гнет
Ужасного решенья!.. Я с собою
Возьму детей... Безумно покупать
Ясоновы страдания своими
И по двойной цене... О, никогда...
Тот план забыт... Забыт... Конечно...»
[Еврипид 1998: 96–107]

Совершая детоубийство, как пишет А. Ф. Лосев, Медея поступает вопреки этике полиса, но в соответствии с личными стремлениями и «показывая этот трагический конфликт, не приукрашивая действительности, драматург приходит к выводу, что страсть часто берет верх над долгом, разрушая человеческую личность» [Лосев 2005: 107]. Показательно и само появление детей-героев в тексте и на сцене. На протяжении всего развития действия сыновья Медеи лишь упоминаются взрослыми действующими лицами и фигурируют как внесценические герои, мальчики не наделены ни характерами, ни голосами, ни именами, а их действия зритель видит глазами взрослой героини:

«Кормилица.
Но мальчиков я вижу – бег они
Окончили привычный и домой
Идут теперь спокойно. А до муки
И дела нет им материнской. Да,
Страдания детей не занимают.»
[Еврипид 1998: 63–64]

Голос же дети-герои обретают лишь в момент своей гибели, однако даже в этой части драматического действия голоса не персонифицированы, а обозначены как «один детский голос», «другой детский голос» и «детские голоса», но сами дети в момент смерти остаются невидимыми за сценой:

«Один детский голос.
Ай... ай... о, как от матери спасусь?
Другой.
Не знаю, милый... Гибнем... Мы погибли...
<...>
Детские голоса.
Скорее, ради бога, – нас убьют...
Железные сейчас сожмут нас сети.»
[там же: 114]

Античная драма знала детей-героев только мужского пола, поскольку значимой в патриархальном обществе была только мужская фигура. Убийство Медей героев-мальчиков – это не только акт мести, но и протест против несправедливого положения героини в патриархальном обществе, где она лишена права определять ход собственной жизни и вынуждена находиться в подчинении у мужчин.

В монографии Дж. Казин «Игры времени: истории о пропавших детях, призраках и опасностях, тающихся в современном театре» (*Playing for time: Stories of lost children, ghosts and the endangered present in contemporary theatre*, 2007) трагедия Еврипида «Медея» рассматривается в качестве драмы, ставшей первоисточником сюжетов и конфликтов для множества пьес, где дети-герои страдают и гибнут по вине своих родителей. В современных пьесах мотив гибели ребенка возникает вновь и вновь, имея под собой опору в виде трагедии Еврипида. Исследовательница Дж. Казин акцентирует мысль на том, что образы Медеи и ее детей обрели в драмах различных эпох архетипическое звучание, приводя в качестве примеров пьес, испытавших влияние трагедии Еврипида, «Порцию Кохлан» (1996) и «На болоте кошек» (1998) британского драматурга М. Карп, в основе которых лежит история Медеи, а «прочные связи между пьесами обусловлены изображением отношений матери и дочери» [Cousin 2003: 39].

Кроме детей гибнущих, представленных в «Медее», драматург обращался и к образу младенца-подкидыша. В пьесе «Ион» (414 г. до н. э.) герой-ребенок, рожденный от насильственной связи Креусы и Аполлона, оказывается оставленным в храме, но впоследствии благодаря сохранившимся пеленкам матери удается узнать своего покинутого сына Иона. Сюжет о подброшенном младенце позднее станет крайне популярным среди греческих комедиографов, а «Третьей суд» Менандра окажется одной из самых известных комедий, конфликт которой разворачивается вокруг ребенка-подкидыша.

В античной драме зародились, как нам кажется, два типажа детей-героев, из которых позднее оформилось множество новых типов героев-детей: со времен «Иона» Еврипида и «Третьей суда» Менандра образ ребенка-подкидыша стал литературным «мейнстримом», постепенно трансформируясь в образ покинутого, брошенного дитя, а гибнущие дети из трагедии «Медея» стали первообразами типажей ребенка страдающего и ребенка-жертвы. Типаж ребенка-героя в античной драме, по нашему мнению, определяется жанром произведения: например, образ невинно убиенной жертвы «работает» на усиление трагического пафоса произведения.

Античная драма повлияла на развитие византийской литературы; так, образ младенца встречается в византийской драме «Христос-страсто-терпец», причем известно, что «примерно треть стихов всей пьесы заимствована из греческих трагиков. Удалось установить, что автор «Хри-

ста-страстотерпца» взял для заимствований семь трагедий Еврипида: «Гекубу», «Медею», «Ореста», «Ипполита», «Троянок», «Реса» и «Вахханок»; «Агамемнона» и «Прометея» Эсхила и «Александрю» Ликофрона. <...> Например, Мария должна последовательно произносить слова Медеи, Гекубы, Кассандры, Клитемнестры, Андромахи, Гермеса» [Фрейберг 1969: 221–222]. В драме «Христос-страстотерпец» изображается плач Богородицы над убитым сыном, при этом образ мертвого тела, завернутого в саван, парадоксально сближается с образом новорожденно-го, укутанного в детские пеленки:

«Вот ты лежишь, и саван спеленал тебя,
Дитя мое, как пелена в младенчестве!..»
[Христос-страстотерпец 1969: 223]

Литература Византии, в свою очередь, оказала влияние на латинскую литературу Средневековья. В Средние века дети не представляли особого интереса для общества, поскольку социумом еще не были признаны отличия детей от взрослых. Кроме того, Средневековье отличалось чрезвычайно высоким уровнем детской смертности, причем «дети богатых людей (которыми могли бы заинтересоваться средневековые драматурги подобно тому, как античные авторы интересовались детьми царей и богов, прим. – О. В. Ловцова) куда реже доживают до старости или вырастают, чем дети бедняков» [Гуревич 1990: 251]. Другими словами, драматурги Средних веков почти не располагали ни реальным материалом, ни соответствующей жанровой системой для осуществления художественной рефлексии.

В условиях становления христианства оппозиция между театральным искусством и церковью постепенно утверждается с обеих сторон: служители церкви предлагали отречься от театрального искусства всем желающим быть принятыми в лоно церкви, рекомендовали пастве не посещать театры; «католическая церковь в течение многих веков беспощадно искореняла зрелища, которые возникали в народной среде, преследовала гистрионов-потешников, осуждала восходящие к языческим временам обрядовые игры» [История всемирной литературы 1984: 586]. Но при этом сложно отрицать наличие общих черт, которые обнаруживал человек раннего Средневековья между христианским культом и народными, календарно-обрядовыми действиями, представлениями актеров-мимов. М. Л. Андреев в работе «Средневековая европейская драма» пишет: «... в бытовой практике рядового христианина пространство храма могло свободно пересекаться с пространством цирка или балагана, и в какой-то степени они пере-

секались даже в законодательном сознании церкви, хотя бы по принципу подозрительно четкого контраста» [Андреев 1989: 16]. На пересечение церковных событий с карнавалом указывает и М. М. Бахтин: «... и даже карнавал, не приуроченный ни к какому событию священной истории и ни к какому святому, примыкал к последним дням перед великим постом. <...> Еще более существенна генетическая связь этих форм с древними языческими празднествами аграрного типа, включавшими в свой ритуал смеховой элемент» [Бахтин 1990: 13]; «для жизни и искусства всего огромного периода средневековья характерно влияние той организованной силы, которая в известном аспекте представляется в нем доминирующей, – религии и церкви» [Добиаш-Рождественская 1987: 20].

Вместе с тем католическая церковь, понимая идеологический потенциал зрелищ, начала постепенно вводить отдельные детали драматического действия в свои религиозные практики, «католическая церковь, ... добиваясь максимальной выразительности и доходчивости богослужения, стремясь воздействовать на воображение и эмоции верующих, ... стала прибегать к элементам театрализации» [История всемирной литературы 1984: 586]. Изначально существовали небольшие вставки, вкрапления диалогических тропов в латинскую монодию, исполнявшуюся по случаю крупных церковных праздников (Рождество Христово, Пасха, Богоявление). Постепенно к IX–X вв. из литургии, благодаря вкраплениям в нее чужеродных диалогических элементов, оформилась литургическая драма. Литургическая драма инсценировала библейские сюжеты, главным образом Рождество, а образ Младенца стал ключевым в средневековой драматургии, хотя театр и драма Средних веков реальным детством и реальными детьми не интересовались, поскольку такого психологически или социально значимого понятия, как «ребенок», еще попросту не существовало, дети в эту эпоху не обладали автономией, «у них не было особого статуса, привилегий, форм социального поведения, которые бы принадлежали исключительно им» [Kline 1998: 96]; «поток коллективной жизни нес в одном течении все возраста и сословия, никому не оставляя времени на одиночество и частную жизнь» [Арьес 1999: 408]. В литургических драмах новорожденный был представлен не как реальный ребенок, а исключительно в качестве божественного первенца: «совершенно очевидно, что мифологическое представление о ребенке является не копией эмпирического «ребенка», а ясно познаваемым символом: речь идет о

божественном, чудесном ребенке, а вовсе не о человеческом – зачатом, рожденном и выращенном при совершенно необычных обстоятельствах» [Юнг 1997: 357]. Между тем архетип божественного ребенка оформился не в Средневековье, а пришел из античной мифологии. А. Ф. Лосев в книге «Античная мифология в ее историческом развитии» отмечает: «... как божественный младенец понимался также Плутос, сын Деметры и Иасиона, которые вступили в брак на трижды вспаханном поле. <...> Памятники изобразительного искусства дают его в разных возрастах, начиная от младенца и кончая седовласым старцем. <...> Ребенок с рогом изобилия или ребенок, передаваемый одними богами другим богам или героям на воспитание, – этот мотив вообще нередок в архаическом искусстве» [Лосев 1957: 247]. В поздней Античности Дионис нередко изображался как младенец: «здесь тоже появился и божественный младенец, и его кормление и воспитание, и его смерть от титанов, и его последующее восстановление» [там же: 248]. Божественный младенец Загрей, сын Зевса и Персефоны, понимался как связующее звено между светом и тьмой.

В драме Средних веков «представления о богатстве человеческой души ... переплетались со сложной иерархией высших, “небесных”, и “низших”, “земных” сил, с фантастической верой в мир чудес в святых христианской религии» [Всеобщая история искусств 1960: 278]; «средневековые люди считали, что история человечества не может быть объяснена исключительно в человеческих терминах, следовательно, в их драме воспроизведение и интерпретация истории не могли ограничивать себя изображением человеческих характеров. Бог Отец должен явиться, Бог Сын должен быть в своем человеческом облике; должны быть ангелы и дьяволы, должна быть и Божья Матерь» [Kolve 1966: 9]. Известно, что к исполнению роли Младенца, и вообще к участию в подобных действиях, привлекались мальчики из церковных капелл, «певчие участвовали в церковных обрядах, содержащих... отдельные элементы театральности» [Аникст 1965: 240]. В литургических драмах «Stella» и «Officium Pastorum» (VIII–IX вв.) мальчикам-певчим отводились роли и ангелов, которые должны были славить Всевышнего, и пастухов, которые двигались в церкви по направлению к яслям с песнопением. Важно, что пол бога в авраамических религиях по умолчанию определяется как мужской, т. е. божественный младенец – это новорожденный мальчик. Традиция изображать маленького героя драмы в мужском обли-

чи сохранится и в последующие века (и в целом героев-мальчиков театр и драма знают больше, чем героинь-девочек), когда идея божественного происхождения уже утратит свою значимость, но «даже те люди, которые больше не “верят в Бога” или не участвуют в институциональной структуре патриархальной религии, по-прежнему не могут быть свободны от силы символизма Бога-Отца» [Christ 1989]. Однако в драме XXI в. «День рождения» (Birthday, 2012) британского драматурга Дж. Пенхолла произойдет феминистское переосмысление «канона», и ребенком, «чудесное» рождение которого ожидалось героями-родителями как спасение, окажется девочка.

Приблизительно с X в. второй «по популярности» в литургической драме после рождественского сюжета становится сцена избияния младенцев. Этот библейский сюжет также обладал особой значимостью в средневековой религиозной драме: «фигуры жертв были важнейшими. <...> они являлись основой драмы, поскольку находились в центре религии» [Kolve 1966: 79]. К XII в. литургические драмы образовали целый цикл пьес под названием «Corpus Christi», драмы из которого исполняли в честь религиозных праздников, а детям в этих пьесах, как правило, отводилась функция не активных персонажей, а статичных фигур ангелов, возвещавших о рождении Христа, и невинно убиенных младенцев, гибель которых символически изображалась в церкви: процессия «погибших» мальчиков от руки Ирода обычно поднималась к хору, где их ожидали мальчики-певчие, исполнявшие роли ангелов, призвавших убитых детей к себе.

Постепенно строгость строя литургической драмы размывалась, в ней появлялись бытовые и простонародные элементы, а действие перемещалось из церкви сначала в притвор и церковный двор, затем – на паперть, а оттуда – на городские площади. Ослабление канона литургической драмы дало толчок к расширению жанровой палитры средневековых пьес (полулитургическая драма, мистерии, моралите, миракли, фарсы) и состава публики: «средневековая городская аудитория была неоднородной в своем составе: мужчины, женщины и дети из различных сословий были постоянными зрителями театрализованных представлений» [Normington 2006: 3]. Известен цикл пьес-мистерий «Chester Plays», подавляющее большинство драм в котором представляли собой инсценировки убийства Иродом детей, а к исполнению этих мистерий привлекались сотни человек, среди которых были и дети, и подростки.

Говоря о становлении героя-ребенка в светской драме, важно отметить фарсы, в которых

появлялись дети в качестве действующих лиц. Бытует мнение, что фарсы могли оформиться из мистерий, красочно описывающих земной путь Христа, «они начинались с трогательных сцен поклонения пастухов или волхвов, чтобы, не пропуская ни одного значительного евангельского эпизода, дойти до кульминационного напряжения Голгофы и разрешиться вознесением Иисуса» [Михайлов 1981: 10], но фарсы, в отличие от мистерий, не имеют аналогий с библейскими сюжетами, более того, фарсы и мистерии соперничали, между ними «шла борьба и взаимное переплетение мистического и рационального, фантастического и реального» [Всеобщая история искусств 1960: 278].

Герой-ребенок уже в одном из первых анонимных фарсов «Мальчик и Слепой», текст которого относят ко второй половине XIII в. (самый ранний манускрипт датирован 1266 г.) [Davis 2003: 77], предстает активным действующим лицом, напоминающим обычного мальчика-горожанина, и представляет собой образ, предельно отклоняющийся от сложившегося в религиозной драме канона, согласно которому дитя – ангелоподобное существо / божественный младенец. Объектом изображения фарса оказывались именно бытовые сцены из жизни горожан, в фарсах «получали первую обрисовку реальные людские типы и характеры» [Всеобщая история искусств 1960: 230]: «семейные дразги и свары совершенно не обязательно подаются в фарсах как столкновение мужа и жены, как соперничество полов за главенство в доме, ... ссорятся дети с родителями, хозяева со слугами и т. д. И все тщатся по сильнее навредить друг другу, половчее обмануть, урвать побольше жизненных благ» [Михайлов 1981: 22–23]. Герой-ребенок во французском фарсе «Мальчик и Слепой» корыстолюбив и жаден («Видит небо, / Невыгодно слепцов водить» [Мальчик и Слепой 1981: 37]), он обманывает слепого старика, бьет его палкой, меняет голос и притворяется перед слепцом разными людьми:

«С л е п о й .

Меня ты вводишь в искушенье.
Мне так по нраву твой рассказ,
Что я красоточку сейчас
Без промедленья б распластал
<...>

М а л ь ч и к .

Господь да не спасет в беде
Тебя, босяк, за эти речи.
Спина твоя, бока и плечи
(колотит Слепого)
Поплатятся за них!»

[Мальчик и Слепой 1981: 38]

В финале пьесы мальчик и вовсе обкрадывает своего спутника:

«М а л ь ч и к .

Слепца, как малого ребенка,
Не правда ли, провел я тонко?
Где плащ и денежки его?
Все отобрал я у него.»

[там же: 41]

В действиях Мальчика не только отражено амбивалентное отношение средневековых людей к калекам (для общества было характерно, с одной стороны воспринимать физические недуги как «знак» святости их обладателя, а с другой стороны – подвергать увечья общественному осмеянию), но и продемонстрировано «чистое трюкачество: в “Мальчике и Слепом”, как ни в одной из известных нам пьес, чувствуется навык человека, профессионально знакомого со сценой, с ее условиями, тайнами, эффектами» [Андреев 1989: 186]. Пьеса пользовалась большой популярностью, поскольку мимы обладали незаурядными способностями в сфере исполнения комических сцен, а сюжету была присуща карнавальность. Герои этого фарса «должны вызывать смех и одновременно производить отталкивающее впечатление» [Davis 2003: 77]. Образ Мальчика в фарсе примечателен, главным образом тем, что это первый в истории драмы деятельный герой-ребенок, причем это не просто активный персонаж, а действующее лицо, наделенное плутовским характером. Типаж героя-ребенка данного фарса можно обозначить как ребенок-трикстер. Более того, Мальчик из фарса – герой-ребенок, склонный не только к трюкачеству, обману, ловкачеству, но и к определенной жестокости. Кажется, средневековый герой-мальчик вполне может претендовать на первообраз жестокого, испорченного подростка, «несносного дитя», образ которого активно эксплуатирует современная европейская драма, в частности, новый британский театр жестокости.

Фигуры Мальчика и Слепого впоследствии неоднократно возникали в средневековой драме, а данный фарсовый сюжет стал одним из самых распространенных среди авторов моралите XV–XVI вв., которые, обращаясь к приему «переодевания» и аллегориям, критиковали церковь в эпоху инквизиции. Например, в «Моралите о болезни Христианства, в тринадцати лицах», созданном в XVI в. М. Маленгром, «на сцену выходят слепец и его слуга, нищие, которые просят милостыню, однако занятая недолжными мыслями героиня Христианство не замечает их истинной нужды. Так М. Маленгр разворачивает в нужную ему сторону один из древнейших фар-

совых сценариев – о мальчике и слепом. Эти два персонажа появляются по ходу действия еще несколько раз, иллюстрируя на своем примере праведный и неправедный подход к благотворительности» [Некрасова 2013: 1092]. В период позднего Средневековья (XIV–XVI вв.) пьесы-моралите «играла и первые профессиональные актерские труппы, играли придворные-любители, особенную популярность жанр сохранял на школьной сцене» [там же: 1088]. Дети были, наряду с женщинами, главными зрителями моралите, поскольку и пьесы, и их постановки отличались дидактичностью, назидательностью, нередко они, подобно литургическим драмам (*Corpus Christy*) и мистериям (*Chester Plays*), объединялись в тематические циклы, представлявшие собой «инструкции ко многим аспектам средневековой культуры» [Normington 2006: 19]. Дети фигурировали и в качестве драматических героев моралите, более того, для исполнения детских ролей стали создаваться целые детские труппы для закрытых театров, а юные актеры отбирались из хоровых капелл. Труппы актеров-мальчиков были популярны по двум причинам: во-первых, репертуар, в который входили спектакли с участием детей, был интересен, спектакли «были свободны от элементов площадного зрелища, неизбежных в труппах взрослых актеров, игравших в общедоступных театрах» [Аникст 1965: 240], во-вторых, исполнение отличалось высоким уровнем профессионализма, мальчики, получившие образование в певческой капелле, были действительно художественно одаренными детьми.

Средневековая драма, как и драма эпохи Античности, родилась из ритуала (античная драма – из дионисийского, а средневековая – из христианского культа). Подобно тому, как появление детей в качестве героев античных трагедий и комедий связано с культурным и социально-политическим кризисом, вследствие чего статус детей повысился, обращение к образу ребенка в драме Средневековья явилось знаком крупных перемен в духовной и культурной жизни общества – утверждения христианской религии и театрализации литургии, из которой впоследствии оформились литургическая драма, после ослабления канона которой возникли моралите и другие жанры. Но даже с учетом центрального положения младенца Иисуса в христианской культуре Средневековья (чем и обусловлена высокая частотность обращений к образу ребенка в драме данного периода) и регулярного привлечения детей к исполнению ролей в религиозных пьесах и светских сценках, говорить о заинтересованности общества и авторов средневековой драмы

темой детства и ребенком как личностью еще не приходится: реальный ребенок со своим особым духовным миром, по определению П. М. Конеско, для драматургов и театральных деятелей все еще, как и в Античности, остается «невидимым» [Konesko 2013: 63].

Между тем в эпоху Античности и в Средневековье оформилось четыре основных типажа детей-героев, которые впоследствии будут варьироваться и трансформироваться в драме более поздних эпох. В античной драме появляются дети-герои, выполняющие функции невинной жертвы и ребенка-подкидыша, а в драме Средних веков – божественного младенца и ребенка-плута.

Примечания

¹ Статья выполнена при поддержке РФФИ в рамках научного проекта «Современная британская драма: три классика» (Грант РФФИ № 17-34-00032).

² Подробнее см. статью: *Шутилов А. В.* Отцы и дети в античности // *Человек.* 2012. № 5. С. 43–53.

Список литературы

- Андреев М. Л.* Средневековая европейская драма. М.: Искусство, 1989. 216 с.
- Аникст А. А.* Театр эпохи Шекспира. М.: Искусство, 1965. 328 с.
- Арзамасцева И. Н.* О концепции «детство» в древнеримской литературе // *Развитие личности.* 2004. № 1. URL: <http://rl-online.ru/articles/1-04/407.html> (дата обращения: 01.09.2017).
- Аръес Ф.* Ребенок и семейная жизнь при старом порядке. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999. 416 с.
- Бахтин М. М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. 2-е изд. М.: Худож. лит., 1990. 543 с.
- Всеобщая история искусств:* в 6 т. Т. 2, кн. 1: Искусство средних веков / под ред. Б. В. Веймарна. М.: Искусство, 1960. 508 с.
- Гуревич А. Я.* Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. М.: Искусство, 1990. 396 с.
- Добиаши-Рождественская О. А.* Культура западноевропейского средневековья. Научное наследие. М.: Наука, 1987. 345 с.
- Еврипид.* Медея / пер. с др.-греч. И. Анненского // *Трагедии:* в 2 т. М.: Ладомир, Наука, 1998. Т. 1. С. 62–122.
- История всемирной литературы:* в 9 т. / под ред. Г. П. Бердникова. М.: Наука, 1984. Т. 2. 672 с.
- Лосев А. Ф.* Античная литература / под ред. проф. А. А. Тахо-Годи. 7-е изд., стереотип. М.: ЧеРо: Омега-Л, 2005. 541 с.

Лосев А. Ф. Античная мифология в ее историческом развитии. М.: Гос. учеб.-пед. изд-во, 1957. 620 с.

Мальчик и Слепой / пер. с фр. Ю. Корнеева // Средневековые французские фарсы. М.: Искусство, 1981. С. 33–42.

Менандр. Третьейский суд / пер. с др.-греч. Г. Церетели // Менандр – Комедии, Герод – Мимамбы. М.: Худож. лит., 1963. С. 103–145. (Библиотека античной литературы – Греция).

Михайлов А. Д. Средневековый французский фарс. Предисловие // Средневековые французские фарсы. М.: Искусство, 1981. С. 6–32.

Некрасова И. А. Театральный жанр моралите и духовные конфликты XVI века // Известия Самарского научного центра РАН. 2013. Т. 15, № 2 (4). С. 1088–1093.

Фрейберг Л. А. Христос-страстотерпец // Памятники византийской литературы IX–IV веков. М.: Наука, 1969. С. 221–222.

Христос-страстотерпец / пер. С. Аверинцева // Памятники византийской литературы IX–XIV веков. М.: Наука, 1969. С. 222–226.

Шутилов А. В. Отцы и дети в античности // Человек. 2012. № 5. С. 43–53.

Юнг К. Г. Божественный ребенок: [аналитическая психология и воспитание]. М.: Олимп: АСТ-ЛТД, 1997. 400 с. (Классики зарубежной психологии).

Ярхо В. Н. Драматургия Еврипида и конец античной героической трагедии // Еврипид. Трагедии: в 2 т. Т. 1: Литературные памятники. М.: Наука, Ладомир, 1999. 644 с. URL: http://www.lib.ru/POEEAST/EVRIPID/evripid0_1.txt_with-big-pictures.html# (дата обращения: 01.09.2017).

Bowlby R. A Child of One's Own: Parental Stories. Oxford University Press, 2013. 256 p.

Christ C. P. Why Women Need the Goddess. 1989. URL: <https://www.goddessariadne.org/why-women-need-the-goddess-part-1>. (дата обращения: 01.09.2017).

Cousin G. Playing for time: Stories of lost children, ghosts and the endangered present in contemporary theatre. Manchester University Press, 2007. 192 p.

Davis J. M. Farce: With a new introduction by the author. New Brunswick; New York: Transaction Publishers, 2003. 191 p.

Kline S. The Making of Children's Culture // The Children's Culture Reader. New York: NYU Press, 1998. P. 95–109.

Kolve V. A. The Play Called Corpus Christi. Stanford University Press, 1966. 337 p.

Konesko P. M. Representing Childhood: the Social, Historical, and Theatrical Significance of the

Child on Stage. A Dissertation Submitted to the Graduate College of Bowling Green State University in partial fulfillment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy. Bowling Green, 2013. 193 p.

Normington K. Gender and Medieval Drama (Gender in the Middle Ages) Cambridge: Cambridge University Press & D. S. Brewer. 2006. 168 p.

References

Andreev M. L. *Srednevekovaya evropeyskaya drama* [Medieval European Drama]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1989. 216 p. (In Russ.)

Anikst A. A. *Teatr epokhi Shekspira* [The Theater of Shakespeare's Epoch] Moscow, Iskusstvo Publ., 1965. 328 p. (In Russ.)

Arzamastseva I. N. O kontseptsii «detstvo» v drevnerimskoy literature [On the Concept of Childhood in Ancient Roman Literature]. *Razvitie lichnosti* [Development of Personality], 2004, issue 1. Available at: <http://rl-online.ru/articles/1-04/407.html> (accessed 01.09.2017). (In Russ.)

Ariès Ph. *Rebenok i semeynaya zhizn' pri starom poryadke* [Child and Family Life in the Old Order]. Ekaterinburg, Ural'skiy Universitet Publ., 1999. 416 p. (In Russ.)

Bakhtin M. M. *Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kultura srednevekov'ya i Renessansa* [François Rabelais' creative works and folk culture of the Middle Ages and the Renaissance]. 2nd edition. Moscow, Khudozhestvennaya Literatura Publ., 1990. 543 p. (In Russ.)

Vseobshchaya istoriya iskusstv: v 6 t. T. 2, kn. 1. *Iskusstvo srednikh vekov* [General history of art: in 6 vols. Vol. 2, book 1. The Art of the Middle Ages]. Ed. by B. V. Veimarn. Moscow, Iskusstvo Publ., 1960. 508 p. (In Russ.)

Gurevich A. Ya. *Srednevekovyy mir: kul'tura bezmolstvuyushchego bol'shinstva* [The Medieval World: the Culture of the Silent Majority]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1990. 396 p. (In Russ.)

Dobiash-Rozhdestvenskaya O. A. *Kultura zapadnoevropeyskogo srednevekov'ya. Nauchnoe nasledie* [The Culture of the Western Middle Ages. The Scientific Heritage]. Moscow, Nauka Publ., 1987. 345 p. (In Russ.)

Euripides Medeya [Medea]. Transl. from ancient Greek by I. Annenskiy. *Tragedii: v 2 t.* [Tragedies in 2 vols.]. Vol. 1. Moscow, Ladomir, Nauka Publ., 1998, pp. 62–122. (In Russ.)

Istoriya vseмирной literatury: v 9 t. [The History of World Literature: in 9 vols.]. Vol. 2. Ed. by G. P. Berdnikov, Moscow, Nauka Publ, 1984. 672 p. (In Russ.)

Losev A. F. *Antichnaya literature* [The Ancient Literature] Ed. by A. A. Takho-Godi. 7th stereotyped

edition. Moscow, CheRo: Omega-L Publ., 2005. 541 p. (In Russ.)

Losev A. F. *Antichnaya mifologiya v ee istoricheskom razviti* [Ancient Mythology in Its Historical Development]. Moscow, Gosudarstvennoe uchebno-pedagogicheskoe izdatel'stvo Ministerstva Prosveshcheniya RSFSR Publ., 1957. 620 p. (In Russ.)

Mal'chik i Slepoy [The Boy and the Blind Man]. Transl. from French by Yu. Korneev. *Srednevekovye frantsuzskie farsy* [Medieval French Farces]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1981, pp. 33–42. (In Russ.)

Menander Treteyskiy sud [The Arbitration]. Transl. from ancient Greek by G. Tsereteli. *Menander – Komedii, Gerod – Mimiamby* [Menander – Comedies, Gerod – Mimiambes]. Moscow, Khudozhestvennaya literature Publ., 1963, pp. 103–145. (Ancient Literature Library – Greece). (In Russ.)

Mikhaylov A. D. *Srednevekovyy frantsuzskiy fars*. Predislovie [Medieval French farce. Preface]. *Srednevekovye frantsuzskie farsy* [Medieval French Farces]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1981, pp. 6–32. (In Russ.)

Nekrasova I. A. *Teatral'nyy zhanr moralite i dukhovnye konflikty 16 veka* [Morality Plays and Spiritual Conflicts in the 16th Century]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra Rossiyskoy akademii nauk* [Izvestia of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences], 2013, vol. 15, issue 2(4), pp. 1088–1093. (In Russ.)

Freyberg L. A. *Khristos-strastoterpets* [Christ-Passion Bearer]. *Pamyatniki vizantiyskoy literatury 9-14 vekov* [Byzantine literary monuments of the 9th – 14th century]. Moscow, Nauka Publ., 1969, pp. 221–222. (In Russ.)

Khristos-strastoterpets [Christ-Passion Bearer]. *Pamyatniki vizantiyskoy literatury 9–14 vekov*. [Byzantine literary monuments of the 9th – 14th centuries]. Transl. by S. Averintsev. Moscow, Nauka Publ., 1969, pp. 222–226. (In Russ.)

Shipilov A. V. *Ottsy i deti v antichnosti* [Fathers and Sons in Antiquity]. *Chelovek* [Man], 2012, issue 15, pp. 43–53. (In Russ.)

Yung K. G. *Bozhestvennyy rebenok: Analiticheskaya psikhologiya i vospitanie* [The Divine Child: Analytical Psychology and Education]. Moscow, Olimp: AST-LTD Publ., 1997. 400 p. (Fathers of foreign psychology). (In Russ.)

Yarkho V. N. *Dramaturgiya Evripida i konets antichnoy geroicheskoy tragedii* [The Drama of Euripides and the End of the Ancient Heroic Tragedy]. *Tragedii v 2 t. T. 1. «Literaturnye pamyatniki»*. [Tragedies in 2 vols. Vol. 1 “Literary monuments”]. Moscow, Nauka, Ladomir Publ., 1999. 644 p. Available at: http://www.lib.ru/POEEAST/EVRIPID/evripid0_1.txt_with-big-pictures.html# (accessed 01.09.2017). (In Russ.)

Bowlby R. A. *Child of One's Own: Parental Stories*. Oxford University Press, 2013. 256 p. (In Eng.)

Christ C. P. *Why Women Need the Goddess*. 1989. Available at: <https://www.goddessariadne.org/why-women-need-the-goddess-part-1> (accessed 01.09.2017). (In Eng.)

Cousin G. *Playing for time: Stories of lost children, ghosts and the endangered present in contemporary theatre*. Manchester University Press, 2007. 192 p. (In Eng.)

Davis J. M. *Farce: With a new introduction by the author*. New Brunswick, NJ: Transaction Publishers, 2003. 191 p. (In Eng.)

Kline S. *The Making of Children's Culture. The Children's Culture Reader*. New York: NYU Press, 1998, pp. 95–109. (In Eng.)

Kolve V. A. *The Play Called Corpus Christi*. Stanford University Press, 1966. 337 p. (In Eng.)

Konesko P. M. *Representing Childhood: the Social, Historical, and Theatrical Significance of the Child on Stage*. A Dissertation Submitted to the Graduate College of Bowling Green State University in partial fulfillment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy. Bowling Green, 2013. 193 p. (In Eng.)

Normington K. *Gender and Medieval Drama (Gender in the Middle Ages)*. Cambridge: Cambridge University Press & D. S. Brewer, 2006. 168 p. (In Eng.)

A CHILD IN THE ANCIENT AND MEDIEVAL DRAMA: WHO IS HE?

Olga V. Lovtsova

Postgraduate Student in the Department of Literature and Teaching Methods

Ural State Pedagogical University

26, prospekt Kosmonavtov, Ekaterinburg, 620017, Russian Federation. o_lovtsova@mail.ru

SPIN-code: 2817-6141

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-0326-1305>

ResearcherID: G-1699-2017

The article considers the development of the image of a child as a dramatic hero. For the first time, a child hero appears in the drama of classical antiquity, in plays by Euripides, Menander, Seneca, etc. However, the distinctive features of children as dramatic heroes have not been the subject of scientific study yet. The paper considers well-known plays in which children heroes are present, identifies the features of children as dramatic heroes. The analysis allows us to conclude that in the drama of antiquity children were mainly outside-stage characters. They were deprived of voice, character or action. Adult actors played the role of children on stage. In the ancient theater and drama, children were “invisible” because their social status was low. Children heroes of ancient plays realized their dramatic functions through their death and suffering. The function of the child hero in the ancient play was determined by the genre. In tragedies, death of a child hero helped to deepen the tragic pathos. In comedies, the type of the rescued foundling child was developed.

The problem of children as heroes in the Medieval drama also has not been researched properly so far. Children heroes rarely appeared in medieval plays because the medieval world was not interested in children and childhood. In addition, in the Middle Ages there was a high level of infant mortality. In other words, playwrights did not have the material for artistic reflection. The author of the paper traces the formation of a special type of hero (the “divine child”) in medieval liturgical dramas. Boys-singers from church chapels were involved in the performance of children’s roles in liturgical dramas. Singing boys played the role of the Child Jesus, angels and innocent infants murdered by Herod. New dramatic genres appear after the weakening of the canon of the liturgical drama. In farce and morality plays, there is a child-trickster. However, playwrights still do not care about real childhood and real children even in secular plays. In the ancient drama, there are children performing the functions of an innocent victim and foundling. In the medieval drama, children performed the functions of a divine child and trickster.

Key words: ancient drama; dramatic hero; image of a child; medieval drama; tragedy; liturgical drama; miracle play; mystery play; morality play; farce.

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

УДК 81.13
doi 10.17072/2037-6681-2017-4-143-147

НАУЧНЫЙ ТЕКСТ В ГЛОБАЛЬНОМ НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ XXI ВЕКА

Елена Александровна Баженова

д. филол. н., зав. кафедрой русского языка и стилистики

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15. bazhenova_e2000@mail.ru

SPIN-код: 2117-6927

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-9899-8408>

ResearcherID: L-9322-2017

Мария Павловна Котюрова

д. филол. н., профессор кафедры русского языка и стилистики

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15. kotyurova@yandex.ru

SPIN-код: 1625-0504

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-5418-726X>

ResearcherID: N-9344-2017

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Баженова Е. А., Котюрова М. П. Научный текст в глобальном научном дискурсе XXI века // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2017. Т. 9, вып. 4. С. 143–147. doi 10.17072/2037-6681-2017-4-143-147

Please cite this article in English as:

Bazhenova E. A., Kotyurova M. P. Nauchnyy tekst v global'nom nauchnom diskurse XXI veka [Scientific Text in the Global Scientific Discourse of the 21st Century]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2017, vol. 9, issue 4, pp. 143–147. doi 10.17072/2037-6681-2017-4-143-147 (In Russ.)

В рецензии на монографию В. Е. Чернявской «Научный дискурс: Выдвижение результата как коммуникативная и языковая проблема» (М.: ЛЕНАНД, 2017. 144 с.) утверждается, что сверхзадача книги – привлечь внимание научного сообщества к проблемам коммуникации в науке XXI в. Авторы рассматривают ряд вопросов, актуальных для современной стилистики научной речи: научное знание в эпистемическом и социокультурном контексте, коммерциализация науки, дисбаланс между фундаментальными и прикладными исследованиями, формы распространения знания, структура современного научного текста, влияние языка публикации на продвижение результата исследования и др. Подчеркивается актуальность и социально-научная значимость монографии, в которой ученый рассматривает комплекс факторов, влияющих на восприятие и оценку знания в современном информационном обществе, и предлагает эталонную структуру текста, обеспечивающего успешное продвижение научного результата. Рецензенты считают, что публикация монографии обусловлена необходимостью осмыслить глобальный научный дискурс и акцентировать внимание на проблеме репрезентации, восприятия и оценки научного знания. Они отмечают дискуссионные моменты современной научной коммуникации, в частности, выбор языка публикации, трудности продвижения гуманитарного знания, противоречия между субъектом познания и институциональными установками, препятствующими продуктивной познавательной деятельности, и др. Подчеркивают единство взглядов автора монографии проф. В. Е. Чернявской и представителей пермской школы функциональной стилистики на структуру научного текста и его роль в развитии науки.

Ключевые слова: научный дискурс; коммуникация в науке; научный текст; эталонная структура научного текста; научная публикация.

Современная стилистика научной речи приобретает особую социальную значимость в связи с изменившимися дискурсивными факторами, сопровождающими создание и публикацию научного текста. В коммуникативно-речевой деятельности ученого едва ли не первостепенное значение приобретает необходимость привлечения внимания к новому научному знанию, его позиционированию – актуализации, выдвижению, выведению на передний план в сравнении с фоновой научной информацией. Обусловленные глобализацией, эти вопросы вызывают закономерный интерес специалистов, изучающих научный дискурс. Интерес к научному дискурсу объединяет науковедение и гносеологию, социологию и психологию научного творчества, теорию коммуникации и стилистику научной речи. В связи с этим не случайно появление новой монографии проф. В. Е. Чернявской, поставившей метазадачу осмыслить глобальный научный дискурс XXI в. и сфокусировавшей внимание на проблеме репрезентации, восприятия и оценки научного знания.

Автор справедливо подчеркивает, что «новое слово в науке должно быть не только произнесено, но и услышано» [Чернявская 2017: 8], при этом «резонансность научной работы зависит от того, где ее результаты были опубликованы» [там же: 9], обоснованно иронизируя над «сложившимся консенсусом» и «правилами игры» в области представления результатов исследования и вхождения научного знания в глобальный дискурс. Мы разделяем мнение В. Е. Чернявской относительно того, что в систему координат современного исследователя входит качество журнала, его импакт-фактор, индексируемость в ведущих базах данных и др. Несомненно, «сложившаяся ситуация... не является однозначно положительной и не решает всех задач распространения знания» [там же]. Продолжая мысль автора, можно утверждать, что такие «правила игры» нередко приводят к девальвации научного знания, поскольку «продвижение публикации может не обязательно совпадать с продвижением нового научного результата» [там же: 10]. Иначе говоря, «продвигаться» может и неготовое научное знание.

Кстати, в современной «жизни науки» с неизбежностью проявляется социально-научный парадокс. С одной стороны, публикация результата предполагает репрезентацию «оформленного» научного знания, т. е. знания в познавательно-логической форме понятия (значит, нужно его определение), умозаключения, классификации, типологии, концепции и т. д. С другой стороны, научное знание сопряжено с этапом научно-познавательной деятельности, на котором оно получено (наука переднего края, ядро научного

знания, научное знание, ушедшее на периферию, в историю).

Очевидно, что с учетом этапа научно-познавательной деятельности следует признать, что «знание переднего края», наиболее креативное, новое, авторское, по природе своей не может соответствовать строго логической структуре и формально-логическому изложению. Это так или иначе отразится на композиционно-смысловой и языковой стороне текста, который скорее всего не будет соответствовать стандарту академического письма и требованиям редакций международных научных журналов. Хотя данное противоречие для всех очевидно, в современной ситуации оно не получает адекватного разрешения, особенно в гуманитарных науках.

Автор монографии убедительно показывает, что новые дискурсивные факторы носят социальный характер и неподвластны субъекту познавательной деятельности. Наиболее уязвимым в этом отношении оказывается гуманитарное знание и гуманитарный научный текст, поскольку, как отмечает специалист в области теории познания В. В. Ильин, в противоположность объекту естествознания объект гуманитарного знания имеет «мобильный, гибкий статус» [Ильин 2008: 128]. Другое дело – структурирование информации в тексте, выражение научного знания языковыми средствами. Значит, особое внимание должно быть привлечено к лингвостилистическому аспекту порождения научного текста: последний может как способствовать, так и препятствовать вхождению нового знания в общий научный фонд. По мнению В. Е. Чернявской, «лингвистические стратегии и средства имеют статус ключевых при выражении и продвижении научного результата» [Чернявская 2017: 11].

Структура книги соответствует дискурсивно-функционально-стилистическому подходу к научному тексту. Этот подход эксплицирован в теоретическом введении, содержащем наряду с постановкой проблемы характеристику методологических основ монографии: «Выдвижение научного результата рассмотрено в широком контексте, как обусловленное действием разнородных факторов, с одной стороны, идущих от социальных характеристик науки, с другой, являющихся следствием (не)владения правилами и стратегиями речевого оформления результата его автором» [там же: 13].

Первая часть монографии «Научный результат в эпистемическом и социокультурном контексте» объединяет две главы: «Коммуникация в науке и формы распространения знания» и «Научный результат в дискурсе профессионального общения». Эта часть ориентирована на дискурсивный анализ научно-познавательной деятельности и ее результата – научного знания. Во второй части «Науч-

ный результат в структуре текста», включающей также две главы – «Научная публикация как моделированный текст» и «Культурно-языковые нормы в научных публикациях», – представлена традиционная функционально-стилистическая интерпретация научного текста с учетом изменившейся социально-научной ситуации.

Раскроем содержание монографии несколько подробнее.

В первой ее части рассматриваются формы распространения знания, роль экспертизы в оценке научного результата, приемы измерения «заметности» публикации, стратегии популяризации науки и другие науковедческие и социокультурные вопросы функционирования знания в условиях глобализации. Обобщая зарубежный опыт, В. Е. Чернявская констатирует: «В науке существует лишь то, что опубликовано. В современных условиях этот тезис принимает еще более заостренную формулировку: для науки существует лишь то, что индексируется и цитируется» [Чернявская 2017: 31].

Несомненный интерес читателя вызовут размышления о понимании ценности научных исследований и научного результата в современном мире, открывшем «путь для коммерциализации науки и перемещения фокуса на прикладной характер исследований» [там же: 23]. К сожалению, автор не пишет о том, как работает институт экспертной оценки знания в российской науке (скорее всего такой институт в России еще не сформирован). В книге приводится зарубежный опыт экспертной деятельности, в рамках которой экспертом является «тот, кто способен *позиционировать себя* как компетентного и автономного в суждениях субъекта науки» (курсив наш. – Е. Б., М. К.) [там же: 26]. Такие ли эксперты нужны науке? Тем более что история располагает совсем другими примерами отношения общества к науке и научному социуму. Так, в книге читаем: «Институционализация доверия и контроля в науке... складывалась вместе с первыми научными институтами, определившими современное очертание науки. В XVII веке Лондонское королевское общество и Французская Королевская академия наук получили привилегию и исключительное право публиковать произведения своих членов на основании собственных разрешительных инструкций... Главным регулятором в становлении норм и эталонов научного сообщества становятся понятия самоцензуры и чести... Честь, репутация ученого функционирует как гарант достоверности его собственного высказывания или высказываний того, кто был оценен им положительно в отзыве» [там же: 27]. Нельзя не согласиться с этим мнением автора.

Первая глава монографии завершается рассуждением о необходимости формирования по-

ложительного образа науки в общественной среде, повышения роли науки и принципов научной этики в принятии политических и общественно значимых решений.

Во второй части книги дается анализ речевых приемов фокусирования результата исследования в структуре текста. Научно значимыми нам представляются следующие аспекты этой части:

- установление базовых познавательных операций по формированию и представлению знания;
- определение динамики преемственности и поступательности в смысловой структуре текста;
- постановка вопроса о сильной позиции текста и его прагматическом фокусе;
- рассуждение об идиоэтнических стилях научного мышления (германском, англосаксонском, галльском);
- положение о зависимости конкурентоспособности исследователя от уровня его научно-речевой культуры.

Сверхзадача книги – привлечь внимание научного сообщества к проблемам коммуникации в науке XXI в., когда ученый «стоит перед необходимостью осознанного и намеренного выдвижения своего результата. В этом смысле он должен быть прагматически ориентирован в большей степени на технику, технологию, а не на текст в герменевтическом гуманитарном понимании текста как генератора смыслов» [там же: 124].

Нам как представителям пермской школы функциональной стилистики приятно отметить, что при обсуждении вопроса о моделировании научного текста В. Е. Чернявская опирается на концепцию смысловой структуры, разработанную в исследованиях нашей школы (см., напр.: [Котюрова 1988; Баженова 2001; Данилевская 2005; Котюрова, Баженова 2008; Котюрова 2010 и др.]). Так, в рецензируемой книге структура текста соотносится с понятием эпистемической ситуации, основанной на единстве четырех аспектов знания – онтологического, методологического, аксиологического и коммуникативно-прагматического. С учетом решения поставленной в монографии проблемы особая роль отводится аксиологическому аспекту, т. е. познавательной оценке старого и нового знания в отношении его новизны, значимости и обоснованности. По справедливому утверждению автора, «оценочная квалификация отражает критичность научного мышления, способность и готовность субъекта к самоконтролю над процедурами получения нового знания» [Чернявская 2017: 69]. Кстати, в новых исследованиях представителей пермской стилистической школы установлено снижение критичности мышления российских ученых, о чем свидетельствует лингвостилистический анализ текстов современных научных рецензий [Соловьева 2016; Котюрова, Соловьева 2017].

В. Е. Чернявская, несомненно, права, придавая особую значимость речевым технологиям при создании научного текста. Речевые технологии понимаются здесь как «совокупность специальных научно обоснованных и практически проверенных языковых и – шире – коммуникативных приемов, обеспечивающих адекватное и оптимальное языковое выражение для достижения коммуникативно обусловленных целей и задач. Представления об этих технологиях должны лежать в основе продуктивной компетенции специалистов» (курсив наш. – Е. Б., М. К.) [Чернявская 2017: 74]. Как нам представляется, формирование научно-речевой компетентности должно осуществляться в специальном курсе по методологии научного исследования на второй – третьей ступенях вузовского образования (в магистратуре и аспирантуре).

Одной из важных речевых технологий создания научного произведения В. Е. Чернявская считает выдвижение наиболее значимой информации в сильную – начальную и заключительную – позицию текста. См.: «Именно начальная и заключительная позиции любого текстового сообщения запускают процесс общения автора текста и его адресата, маркируют коммуникативно-прагматические акценты содержания» [там же: 81]. Автор монографии по существу поддерживает разработанную в пермской функционально-стилистической школе концепцию стилистики научной речи, композиционно-смыслового развертывания научного текста и роли его периферийных компонентов (аннотации и ключевых слов) в продвижении нового знания.

На основе обобщения зарубежного опыта трансфера знаний и выбора языка публикации автор монографии приходит к выводу, что «особенности современной научной коммуникации определяются сложившейся ситуацией языкового неравенства, проявляющейся в доминировании английского языка как средства международного научного общения» [там же: 109], хотя доминирование английского языка в науке приводит к подавлению идиоэтнических особенностей и традиций научно-познавательной деятельности. Между тем «научные тексты, выполненные в различных национально-культурных традициях, обладают различной степенью информационной плотности» [там же: 117]. Интересно, что «немецкие научные тексты... создаются как информационно уплотненные, с преобладанием старого знания в экспозиционном развертывании содержания» [там же], иначе говоря, новое вводится в широком контексте предшествующего знания. Констатация языкового неравенства свидетельствует о несогласии автора монографии с проявлением глобализации в науке, поскольку «доминирование английского языка

обуславливает невнимание к тем публикациям, которые традиционно представляются на родном языке ученого» [там же: 123].

Привлекая внимание к «коммуникативному и лингвистическому вызову», имеющему место в современной науке, В. Е. Чернявская вскрывает причины противоречия между субъектом познания, обладающим индивидуальным стилем мышления, и социальными, точнее институциональными, установками, препятствующими продуктивной познавательной деятельности. В этом мы видим своевременность и социально-научную значимость монографии. Отчетливо выраженная в ней позиция ученого-публициста позволяет с удовлетворением констатировать единство наших взглядов на современное состояние науки и научной коммуникации.

Список литературы

Баженова Е. А. Научный текст в аспекте политекстуальности. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2001. 272 с.

Данилевская Н. В. Роль оценки в механизмах развертывания научного текста. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2005. 380 с.

Ильин В. В. Методология социально-гуманитарных наук // Философия социально-гуманитарных наук: учеб. пособие. М.: Академический проект, 2008. С. 69–151.

Котюрова М. П. Об экстралингвистических основаниях смысловой структуры научного текста (Функционально-стилистический аспект). Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1988. 170 с.

Котюрова М. П. Стилистика научной речи: учеб. пособие. М.: Изд. центр «Academia», 2010. 240 с.

Котюрова М. П., Баженова Е. А. Культура научной речи: текст и его редактирование: учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2008. 280 с.

Котюрова М. П., Соловьева Н. В. Современный научный текст (сквозь призму дискурсивных изменений) / Перм. гос. нац. исслед. ун-т Пермь, 2017. 204 с.

Соловьева Н. В. Ослабление критичности мышления как одна из тенденций современного научного дискурса // Болгарская русистика. № 2. София: Орган Общ-ва русистов в Болгарии, 2016. С. 41–55.

Чернявская В. Е. Научный дискурс: Выдвижение результата как коммуникативная и языковая проблема. М.: ЛЕНАНД, 2017. 144 с.

References

Bazhenova E. A. *Nauchnyy tekst v aspekte politekstual'nosti* [Scientific text in the aspect of polytextuality]. Perm, Perm State University Press, 2001. 272 p. (In Russ.)

Danilevskaya N. V. *Rol' otsenki v mekhanizmaxh razvertyvaniya nauchnogo teksta* [The Role of Evaluation in the Mechanisms of the Scientific Text Deployment]. Perm, Perm State University Press, 2005. 380 p. (In Russ.)

Il'in V. V. *Metodologiya sotsial'no-gumanitarnykh nauk* [Methodology of Social Sciences and Humanities]. *Filosofiya sotsial'no-gumanitarnykh nauk* [The Philosophy of Social Sciences and Humanities]. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., 2008, pp. 69–151. (In Russ.)

Kotyurova M. P. *Ob ekstralingvisticheskikh osnovaniyakh smyslovoy struktury nauchnogo teksta (Funktional'no-stilisticheskii aspekt)* [On Extralinguistic Grounds of the Semantic Structure of Scientific Text (Functional and Stylistic Aspect)]. Krasnoyarsk, Krasnoyarsk State University Press, 1988. 170 p. (In Russ.)

Kotyurova M. P. *Stilistika nauchnoy rechi* [Stylistics of Scientific Speech]. Moscow, Academia Publ., 2010. 240 p. (In Russ.)

Kotyurova M. P., Bazhenova E. A. *Kul'tura nauchnoy rechi: tekst i ego redaktirovanie* [Culture of Scientific Speech: Text and Its Editing]. Moscow, Flinta: Nauka Publ., 2008. 280 p. (In Russ.)

Kotyurova M. P., Solovyeva N. V. *Sovremennyy nauchnyy tekst (skvoz' prizmu diskursivnykh izmeneniy)* [Modern Scientific Text (through the Prism of Discursive Changes)]. Perm, Perm State University Press, 2017. 204 p. (In Russ.)

Solovyeva N. V. *Oslablenie kritichnosti myshleniya kak odna iz tendentsiy sovremennogo nauchnogo diskursa* [The Critical Thinking Weakening as one of the Modern Scientific Discourse Trends]. *Bolgarskaya Rusistika*, 2016, issue 2, pp. 41–55. (In Russ.)

Chernyavskaya V. E. *Nauchnyy diskurs: Vydvuzhenie rezul'tata kak kommunikativnaya i yazykovaya problema* [Scientific Discourse: Introducing the Result as Communicative and Linguistic Problem]. Moscow, LENAND Publ., 2017. 144 p. (In Russ.)

SCIENTIFIC TEXT IN THE GLOBAL SCIENTIFIC DISCOURSE OF THE 21ST CENTURY

Elena A. Bazhenova

Head of the Department of Russian Language and Stylistics

Perm State University

15, Bukireva st., Perm, 614990, Russian Federation. bazhenova_e2000@mail.ru

SPIN-code: 2117-6927

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-9899-8408>

ResearcherID: L-9322-2017

Mariya P. Kotyurova

Professor in the Department of Russian Language and Stylistics

Perm State University

15, Bukireva st., Perm, 614990, Russian Federation. kotyurova@yandex.ru

SPIN-code: 1625-0504

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-5418-726X>

ResearcherID: N-9344-2017

The review of the monograph by V. E. Chernyavskaya *Scientific Discourse: Representation of Results as Communicative and Linguistic Problem* (Moscow, 2017) states that the most important task of this book lies in attracting attention of research community to communication problems in science in the 21st century. The review's authors examine a range of issues that are of current importance to modern stylistics of scientific language. These include science in epistemic and socio-cultural contexts, commercialization of science, imbalance between fundamental and applied researches, forms of knowledge spread, structure of modern scientific text etc. The reviewers emphasize a high topicality, social and scientific importance of the monograph as its author analyzes a combination of factors influencing perception and evaluation of knowledge in the modern information society as well as proposes a reference text structure contributing to successful promotion of scientific results. According to the reviewers' opinion, the monograph meets the need to conceive the global scientific discourse and pay attention to the issues of representation, perception and evaluation of scientific knowledge. The review also considers some debatable issues of modern scientific communication, namely selection of a language for publication, difficulties in promoting knowledge in the humanities, contradictions between a perception subject and institutional factors that impede productive cognitive activity etc. The review underlines the unanimity of Professor V. E. Chernyavskaya's views and the views of Perm School of Functional Stylistics on the structure of scientific text and its role in the development of science.

Key words: scientific discourse; communication in science; scientific text; reference structure of scientific text; scientific publication.

УДК 821.161.1–4

doi 10.17072/2037-6681-2017-4-148-153

БЫЛЬ СКАЗКИ: ИСТОРИЯ РУССКОЙ ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В ИСТОРИКО-СОЦИАЛЬНОМ КОНТЕКСТЕ

Анна Ивановна Зырянова

аспирант кафедры новейшей русской литературы

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет

614990, Россия, г. Пермь, ул. Сибирская, 24. ann506343@yandex.ru

SPIN-код: 5300-5311

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-4670-6167>

ResearcherID: P-7384-2017

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Зырянова А. И. Быль сказки: история русской детской литературы в историко-социальном контексте // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2017. Т. 9, вып. 4. С. 148–153. doi 10.17072/2037-6681-2017-4-148-153

Please cite this article in English as:

Zyryanova A. I. Byl' skazki: istoriya russkoy detskoy literatury v istoriko-sotsial'nom kontekste [True Tales: History of Russian Children's Literature in Historical and Social Context]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2017, vol. 9, issue 4, pp. 148–153. doi 10.17072/2037-6681-2017-4-148-153 (In Russ.)

В рецензии анализируется монография финского ученого-филолога Бена Хеллмана «Сказка и быль. История русской детской литературы», вышедшая в издательстве «Новое литературное обозрение» (М., 2016) в переводе с английского О. Бухиной. Книга представляет собой системное исследование истории русской детской литературы от ее зарождения до первого десятилетия XXI в. Развитие каждого жанра детской литературы в монографии представлено хронологически. Особое внимание уделено периодике – детским журналам и, соответственно, текстам писателей «второго ряда», что представляет особую научную ценность. Важно также содержательное исследование проблемы иностранных влияний на творчество российских детских писателей. Специфика подхода финского ученого состоит в том, что детская литература России рассматривается в историческом, социальном, эстетическом контекстах. Периодизация детской литературы связана с основными литературными течениями (сентиментализм, романтизм, реализм, модернизм). Главы, посвященные советскому периоду в русской детской литературе, обращены к анализу общественно-политического дискурса эпохи. В монографии оценивается воздействие идеологии на такие уровни художественного текста, как стиль, образ автора, сюжет. Последняя глава книги представляет собой исследование российской детской литературы последних лет (1991–2000). В этом периоде главной тенденцией Бен Хеллман считает готовность писателей к экспериментам в системе жанров, к их гибридизации. В целом рецензируемая монография, сосредоточенная на проблемах взаимодействия литературы и социокультурной среды, политического и социального дискурсов, предлагает новый взгляд на развитие российской детской литературы.

Ключевые слова: русская детская литература; советская детская литература; Бен Хеллман; исторический и культурный контекст.

Монография «Сказка и быль. История русской детской литературы» (2016) Бена Хеллмана представляет собой подробное, увлекательное и во многом неожиданное для русского читателя исследование русской детской литературы, начиная с самых ее истоков – первой азбуки 1634 г. – и заканчивая современными текстами

2000-х гг. Эта книга станет значительным событием в изучении истории российской детской литературы, детского чтения уже потому, что она во многом отлична от существующей отечественной исследовательской традиции.

Рассмотрим книгу Бена Хеллмана на фоне российских книг об истории детской литературы.

Научный интерес к детской литературе возник в России в 1820–1830-е гг. По словам И. Н. Арзамасцевой, автора современного учебника для вузов «Детская литература» (2005), «он рождался из потребностей воспитателей и книгопродавцов, которые часто объединяли книги для детей и книги для народа» [Арзамасцева 2005: 4]. В это же время к текстам для детей обратилась литературная критика, которая стремилась выявить специфику и определить задачи детской литературы. Большую роль в этом сыграл В. Г. Белинский, а впоследствии Н. Г. Чернышевский, Н. А. Добролюбов, М. Е. Салтыков-Щедрин.

Большой вклад в исследование литературы, по словам И. Н. Арзамасцевой, внес отечественный педагог Ф. Г. Толль (1823–1867), автор книги «Наша детская литература» (1862) [Толь 1862]. «Одна из целей его работы состояла в том, чтобы указать детским писателям поприща, которые требуют их сил, в противоположность тем, на которые они вотще тратят свою деятельность. Тщетность заключалась в изображении писателя исключительно детского мира» [Арзамасцева 2005: 10]

В XX в. исследователей стал волновать вопрос об эстетических критериях детской литературы. В 1909 г. выходит труд историка литературы, педагога Н. В. Чехова «Детская литература», где впервые внимание уделяется теории и критике детской литературы (см.: [Чехов 1909]).

Учебник А. П. Бабушкиной «История детской литературы» (1948) стал первой попыткой создания систематического курса русской детской литературы. В книге прослеживается ее история от первых народных песен для детей до произведений начала XX в. (см.: [Бабушкина 1948]). Кроме того, автор представляет свою точку зрения на специфику детской литературы, которая обозначается ею как гибрид науки о воспитании и искусства: «Детская литература – это литература, специально предназначенная для детей до 15–16 лет и осуществляющая языком художественных образов задачи воспитания и образования детей. Она неотделима от общего литературного потока, рождается на пересечении художественной литературы и педагогики и осуществляет единство принципов искусства и педагогики» [там же: 35].

Книги второй половины и конца XX в. в основном содержат материал по отдельным периодам развития русской детской литературы XIX и XX вв., выдающимся произведениям этого времени. Таковы «Страна нашего детства» (1964) Б. М. Сарнова (см.: [Сарнов 1964]), «Полвека» (1969) И. П. Лупановой (см.: [Лупанова 1969]), «Книги нашего детства» (1986) М. С. Петров-

ского (см.: [Петровский 1986]). В 1997 г. издан учебник для студентов высших педагогических учебных заведений «Детская литература» под редакцией ранее названной И. Н. Арзамасцевой и С. А. Николаевой, один из наиболее популярных сегодня (в 2012 г. вышло восьмое переиздание). Успех книги объясняется не только большим количеством анализируемых текстов, но и методикой анализа. Взяв за основу историко-хронологический принцип, И. Н. Арзамасцева (в предисловии к изданию) пишет: «Цель учебника – не изложение истории детской литературы, а введение в историю и раскрытие самого понятия детской литературы» [Арзамасцева 2005: 4]. Произведения из курса детской литературы рассматриваются в духе исторической поэтики, как пример устойчивой художественной формы, поэтому список подробно изучаемых произведений и круг писательских имен принципиально ограничен.

В 2002 г. Вышел в свет учебно-методический комплекс для студентов высших учебных заведений «Детская литература», написанный И. Г. Минераловой, «позволяющий построить изучение предмета с опорой на анализ доминантных жанрово-тематических направлений круга детского и юношеского чтения...» [Минералова 2002: 7].

Возросло число зарубежных исследований русской детской литературы. Опубликованная в 2007 г. книга американских исследовательниц М. Р. Балиной и Л. Ю. Рудовой «Russian Children's Literature and Culture» стала одним из первых исследований советского периода русской детской литературы (см. подробнее: [Balina, Rudova 2007]). Книга «Inside the rainbow: russian children's literature 1920–35: beautiful books, terrible times» (2013), написанная О. Budashevskaya, J. Rothenstein, для западного читателя открыла дверь в мир иллюстраций детских книг советского периода (см. подробнее: [Budashevskaya, Rothenstein 2013]).

Кроме монографий, все чаще выходят тематические сборники статей по проблемам детской литературы – как правило, по материалам научных конференций. Так, например, в 2008 г. в Перми вышел сборник «В измерении детства. Статьи о детской литературе». По материалам Международного научного семинара «Русская детская литература: национальное и региональное», 27–29 февраля 2008 г., под редакцией М. П. Абашевой, М. Р. Балиной. В основе издания – работы современных исследователей о советском периоде в русской детской литературе, а также статьи, посвященные региональным особенностям текстов пермских авторов XX–XXI вв., проблемам поэтики современной русской литературы (см.: [В измерении детства: 312]). В 2010 г. увидел свет сборник научных

статей «Детская литература сегодня», составленный д.ф.н., профессором Н. В. Барковской по материалам межвузовского научно-практического семинара, проходившего в Екатеринбурге 26–27 марта 2010 г. В нем представлены исследования филологов из Москвы, Санкт-Петербурга (И. Н. Арзамасцевой, М. А. Черняк, С. Г. Леонтьевой и др.), в которых рассматриваются основные проблемы тематики и прагматики детской литературы в постсоветскую эпоху (см.: [Детская литература сегодня 2010]).

Все перечисленные работы «текстоцентричны» по своей направленности, сосредоточены на собственно литературном процессе. Новая же книга Бена Хеллмана отличается особым вниманием к историческим, социальным, политическим, эстетическим контекстам российской детской литературы.

Надо отметить, что Бен Хеллман, доктор лингвистики, профессор Хельсинского университета, давно занимающийся проблемами осмысления русской детской литературы, уже известен в русскоязычном литературоведении как автор нескольких статей. В работе «Великий друг детей: Образ Сталина в советской детской литературе» [Хеллман 2013] ученый рассматривает основные темы детской сталинианы в книгах и детских журналах. В статье «Мобилизация детей: Военная тематика в журналах для детей и юношества периода Первой мировой войны» [Хеллман 2014] финский исследователь впервые в литературоведении обращается к проблеме влияния событий Первой мировой войны на детскую литературу, называя разные по жанру произведения данной тематики: повесть «Дикари» Л. Чарской, рассказ «Дед мороз на Карпатах» М. Ловича-Кошунова, рассказ Е. Шведера «Маруся помогает» и т. д. Автор подробно анализирует тематику детских журналов военного периода, рассказов Н. Асеева («Рядовой Васейка»), И. Митропольского («Ваня-стрелок»). Изучение творчества писателей «второго ряда» – И. Митропольского, Е. Баранова, П. Сурожского – представляет особую ценность предпринятого Б. Хеллманом исследования.

Монография «Сказка и быль. История русской детской литературы» включает в себя подробное описание значимых этапов в развитии русской детской литературы, которые соотносятся с литературными течениями (классицизм, сентиментализм, романтизм, реализм). В монографии выделены основные периоды в творчестве известных российских писателей (от В. А. Жуковского, А. С. Пушкина, В. Ф. Одоевского, П. П. Ершова до К. И. Чуковского, Ю. И. Ковалю и др.) и писателей «второго ряда» (Д. Д. Минаева, Е. Ф. Трутневой, Н. А. Лухмановой, А. И. Свирского и

др.), без творчества которых история русской детской литературы была бы неполной.

Книга состоит из двенадцати глав. Строгого структурирования в них нет, скорее, можно утверждать, что каждая глава монографии уникальна по своему содержанию. Некоторые разделы глав – это названия популярных произведений, этапных для определенного периода развития русской детской литературы («Черная курица» А. А. Погорельского, «Городок в табакерке» В. Ф. Одоевского, «Конек-Горбунок» П. П. Ершова и т. д.). Другие параграфы полностью посвящены творчеству отдельных писателей, произведения которых известны в мировой литературе (А. С. Пушкин, А. П. Гайдар, К. И. Чуковский и др.). Почти в каждой главе есть разделы о познавательной литературе, детской поэзии и учебной литературе. Особенно интересен параграф о первом русском «Букваре» (1634), составленном В. Бурцовым-Протопоповым. Хеллман особенно внимателен к истории создания первых азбук.

Главы монографии задают не только исторические, но и теоретические принципы изучения русской детской литературы. В книге представлена история развития стихотворного жанра, романа-воспитания и литературной сказки. Так, например, периодом расцвета русской литературной сказки Хеллман справедливо называет эпоху романтизма, когда «возникло представление о «двоемирии», совместном существовании обыденной реальности и мира фантазии, где ребенок – тот, кто безо всяких усилий может пересекать границу между мирами» (29)¹. В связи с этим возник интерес к стихотворным сказкам поэтов эпохи романтизма – А. С. Пушкина, В. А. Жуковского и П. П. Ершова. Были времена, когда литературные сказки не были востребованы детским чтением. Несмотря на популярность сказок Серебряного века, критики видели в них чрезмерное использование символов и аллегорий, чуждых юному читателю. Конфликт между сторонниками сказочного жанра и его противниками достиг кульминации к концу 1920-х гг. Бен Хеллман здесь (как и во всей книге) обращается к документам эпохи: «На Третьем всероссийском съезде по дошкольному воспитанию в 1924 году была принята резолюция относительно очищения детского чтения от народных сказок. Требовали запрета на персонификацию животных и неживых предметов. <...> Проблема авторской сказки состояла в том, что она выражала идеологию правящего класса и отрицала социальные конфликты» (328).

Автор монографии подробно анализирует общественно-политический контекст, влияющий на зарождение сказочного жанра, взаимодействие

текста с социокультурной средой. Так, он отмечает, что те дискуссии, проходившие вокруг сказочного жанра, повлияли на создание новых текстов – с революционным содержанием. Первые из них («Бунт кукол» (1924), «Еж – большевик» (1925)) принадлежат перу известного поэта Сергея Городецкого, писавшего и до 1917 г. Хеллман называет их не столь удачными, как и многие другие сказки идеологической направленности.

В основе исследовательского подхода автора монографии, таким образом, лежит дискурсивный анализ. Изучение специфики русской детской литературы не только явлено через описание текстов наиболее выдающихся мастеров того или иного жанра, но и рассматривается как поле влияния литературного и социального дискурсов. Книга Хеллмана дает представление о том, как повлияла на отдельные произведения, творчество в целом детских писателей политическая и литературная ситуация в стране.

Общественный и литературный контекст всегда отчетливее видится в периодике, отражающей течение времени. В каждом из разделов книги о конкретном периоде развития художественной литературы Хеллман размещает параграф о периодических изданиях. Особое внимание исследователь уделяет журналам советского периода детской литературы, подробно анализирует деятельность журналов «Чиж» и «Еж», «Крокодил», «Мурзилка» – как самых профессиональных среди периодических изданий для детей.

Отдельно в книге представлены параграфы о переводной литературе. Хеллман (как И. Н. Арзамасцева в учебнике «Детская литература») пишет о том, что русская литература во многом следовала образцам зарубежной литературы, начиная от детских периодических журналов (Арно Беркенон «Друг детей» (*L'ami des enfants*, 1782–1783) и «Друг юношества» (*L'ami de l'adolescence*, 1775–1781) и заканчивая сюжетами и героями всем известных произведений («Золотой ключик, или Приключения Буратино» (1936) А. Толстого, «Волшебник Изумрудного города» (1939) А. Волкова).

Впервые в истории русской детской литературы Хеллманом в отдельные параграфы по периодам выделено творчество женщин-писательниц. Сочинения Августы Вороновой, Софьи Буткевич заложили основы жанра романа-воспитания. В 1870-е гг. сказки, написанные Евгенией Тур, вошедшие в сборник «Три рассказа» (1884), имели большой успех у современников – книга переиздавалась семь раз. Этот гендерный акцент исследователя в подборе материала представляется логичным: большинство русских писательниц писали произведения для детей.

Большую часть книги Хеллмана составляют главы о детской литературе XX в., которая, по мнению автора, во многом зависела от социального заказа государственной власти. Начиная с 1918 г., детская литература должна была стать важнейшим союзником в деле воспитания в молодежи коммунистической морали. В монографии подробно описаны съезды писателей с выступлениями известных авторов 1920–1930-х гг. (М. Горького, С. Маршака, А. Барто и др.), которые были направлены на создание и развитие идеологической литературы.

Хеллман представляет историю детской советской литературы как историю лишений, несправедливых решений власти, гонений на писателей: «Обэриуты никогда не подходили текущему моменту. И литературные критики-догматики, не колеблясь, объявили их классовыми врагами. Александр Веденский пытался приспособиться к новой ситуации и писать стихи и прозу о Ленине и о героических пионерах в Советском Союзе, но ничего не помогло. В 1931 году и он, и Хармс были арестованы вместе с еще тремя коллегами, обвиненными в том, что их поэзия мешает индустриализации страны» (344). В то же время финский литературовед анализирует тексты тех советских писателей, творчество которых приобрело популярность из-за свежести тем и отсутствия «следов культа Ленина или Сталина» (378), – это книги К. И. Чуковского, С. Я. Маршака, А. П. Гайдара, Л. А. Кассиля.

В настоящей рецензии мы смогли обозначить далеко не все рассматриваемые в книге проблемы русской детской литературы. Значимость проделанной Беном Хеллманом работы определяется беспрецедентным объемом и масштабом привлеченного для анализа материала – произведениями русской детской литературы с начала ее зарождения и практически до наших дней. Заканчивает автор монографию анализом одного из современных жанров детской литературы – фэнтези (переводов с английского на русский трилогии Толкиена и «Хроник Нарнии» К. С. Льюиса). Продуктивна мысль Хеллмана о явлении «пародийности» и смешении жанров в современных сказках, фантастических романах, фэнтези. Для современной литературы характерна жанровая контаминация, примеры тому – сборники сказок Сергея Седова (р. 1954), который использует известные литературные образы из классических мифов, русских народных сказок, волшебных сказок и библейских историй, и фэнтези Д. Емца (р. 1974) о Тане Гроттер. Бен Хеллман видит обновление современной детской литературы именно в смешении разнообразных жанров.

В целом Бен Хеллман приветствует свободу детской литературы: когда идеологические ограничения сняты, детская литература готова искать точки соприкосновения с новым читателем. Автор монографии искренне верит: «...готовность к эксперименту сулит яркое будущее литературе с четырехсотлетней историей» (530). Нам, читателям, остается только надеяться на это и ждать продолжения истории русской детской литературы новых десятилетий XXI в.

Примечание

¹ Здесь и далее указания на номера страниц рецензируемой монографии даются в круглых скобках.

Список литературы

Арзамасцева И. Н., Николаева С. А. Детская литература: учеб. пособие для студентов пед. вузов. М.: Академия, 2005. 576 с.

Бабушкина А. П. История русской детской литературы. М.: Учпедгиз, 1948. 480 с.

В измерении детства. Статьи о детской литературе: сб. ст. по материалам Междунар. науч. семинара «Русская детская литература: национальное и региональное», 27–29 февр. 2008 г. / отв. ред. М. П. Абашева; Перм. гос. пед. ун-т. Пермь, 2008. 314 с.

Детская литература сегодня: сб. науч. ст. Екатеринбург: УрГПУ, 2010. 154 с.

Лупанова И. П. Полвека. Очерки / И. Лупанова. М.: Дет. лит., 1969. 671 с.

Минералова И. Г. Детская литература: учеб. пособие для студ. вузов / И. Г. Минералова. М.: ВЛАДОС, 2002. 176 с.

Петровский М. С. Книжки нашего детства. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2006. 424 с.

Сарнов Б. М. Страна нашего детства. М.: Дет. лит., 1965. 248 с.

Толь Ф. Г. Наша детская литература. СПб., 1862.

Хеллман Б. Великий друг детей: Образ Сталина в советской детской литературе // История и повествование: сб. ст. / под ред. Г. В. Обатнина и П. Песонена. М., 2006. С. 446–460. (Переизд.: *Hellman Ben*. Встречи и столкновения. Meeting-sand Clashes: Статьи по русской литературе. Articles on Russian Literature. Slavica Helsingiensia 36. Helsinki, 2008. P. 250–264).

Хеллман Б. Детская литература как оружие: Творческий путь Л. Кормчего // «Убить Чарскую...»: Парадоксы советской литературы для детей. 1920-е–1930-е гг. / под ред. М. Балиной и В. Вьюгина. СПб., 2013. С. 20–45.

Хеллман Б. Мобилизация детей: Военная тематика в журналах для детей и юношества периода Первой мировой войны // Политика и поэти-

ка. Русская литература в историко-культурном контексте Первой мировой войны. Публикации, исследования и материалы / под ред. В. В. Полонского. М., 2014. С. 745–757.

Хеллман Б. Сказка и быль: История русской детской литературы / авториз. пер. с англ. О. Бухиной. М.: Новое лит. обозрение, 2016. 560 с.

Чехов Н В. Детская литература. М.: Польза, 1909. 256 с.

Balina M., Rudova L. Russian Children's Literature and Culture. Routledge, 2007. 352 p.

Budashevskaya O., Rothenstein J. Inside the rainbow: Russian children's literature 1920–35: beautiful books, terrible times. Redstone, 2013. 312 p.

References

Arzamastseva I. N., Nikolaeva S A. *Detskaya literatura: Uchebnoe posobie dlya studentov ped. vuzov* [Children's literature: a textbook for students of pedagogical universities]. Moscow, Academia Publ., 2005. 576 p. (In Russ.)

Babushkina A. P. *Istoriya russkoy detskoy literatury* [The History of Russian Literature for Children and Young People]. Moscow, Uchpedgiz Publ., 1948. 480 p. (In Russ.)

Chekhov N V. *Detskaya literatura* [Children's literature]. Moscow, Pol'za Publ., 1909. 256 p. (In Russ.)

Detskaya literatura segodnya: sb. nauch. st. [Children's literature today: Collection of scientific articles]. Ekaterinburg, USPU Press, 2010. 154 p. (In Russ.)

Hellman B. *Detskaya literatura kak oruzhie: Tvorcheskiy put' L. Kormchego* [Children's literature as a weapon: L. Kormchey's creative path]. «Ubit' Charskuyu»: *Paradoksy sovetskoy literatury dlya detey 1920-e–1930-e gg.* [“To kill Charskaya”: Paradoxes of Soviet literature for children, 1920–1930s]. Ed. by M. Balina, V. V'yugina. St. Petersburg, 2013, pp. 20–45. (In Russ.)

Hellman B. *Mobilizatsiya detey: Voennaya tematika v zhurnalakh dlya detey i yunoshestva perioda Pervoy mirovoy voyny* [The mobilization of children: Military themes in the journals for children and youth during the First World War]. *Politika i poetika. Russkaya literatura v istoriko-kul'turnom kontekste Pervoy mirovoy voyny. Publikatsii, issledovaniya i materialy* [Politics and poetics. Russian literature in historical and cultural context of the First World War. Publications, studies and materials]. Ed. by V. V. Polonskiy. Moscow, 2014, pp. 745–757. (In Russ.)

Hellman B. *Skazka i byl': Istoriya russkoi detskoy literatury* [Fairy Tales and True Stories: The History of Russian Literature for Children and Young People (1574–2010)]. Transl. from Engl. by O. Bukhina. Moscow, New Literary Observer Publ., 2016. 560 p. (In Russ.)

Hellman B. Velikiy drug detey: Obraz Stalina v sovetskoy detskoy literature [A great friend of children: the Image of Stalin in Soviet children's literature]. *Istoriya i povestvovanie: Sbornik statey* [History and narrative: a Collection of articles]. Moscow, 2006, pp. 446–460. (In Russ.) (Republished: Hellman B. Vstrechi i stolknoveniya. Stat'i po russkoy literature [Meetings and Clashes. Articles on Russian Literature]. *Slavica Helsingiensia* 36. Helsinki, 2008, pp. 250–264. (In Russ.)

Lupanova I. P. *Polveka. Ocherki* [A half-century. Essays]. Ed. by I. Lupanova. Moscow, Detskaya Literatura Publ., 1969. 671 p. (In Russ.)

Mineralova I. G. *Detskaya literatura: ucheb. posobie dlya stud. vuzov* [Children's literature: a textbook for university students]. Moscow, VLADOS Publ., 2002. 176 p. (In Russ.)

Petrovskiy M. S. *Knigi nashego detstva* [Books of our childhood]. St. Petersburg, Ivana Limbakh Publ., 2006. 424 p. (In Russ.)

Sarnov B. M. *Strana nashego detstva* [The country of our childhood]. Moscow, Detskaya Literatura Publ., 1965. 248 p. (In Russ.)

Tol' F. G. *Nasha detskaya literatura: Opyt bibliografii sovremennoy otechestvennoy literatury, preimushchestvenno v vospitatel'nom otnoshenii* [Our children's literature: The experience of bibliography of the modern domestic literature, mostly in relation to education]. St. Petersburg, Tipografia E. Veimara Publ., 1862. 332 p. (In Russ.)

V izmerenii detstva [In the dimension of childhood]. *Sbornik statey po materialam Mezhdunarodnogo nauchnogo seminara «Russkaya detskaya literatura: natsional'noe i regional'noe» 27–29 fevralya 2008 g.* [Proceedings of International scientific seminar “Russian children's literature: national and regional” 27–29 February, 2008]. Perm, Perm State Pedagogical University Press, 2008. 314 p. (In Russ.)

Balina M., Rudova L. *Russian Children's Literature and Culture*. Routledge, 2007. 352 p. (In Eng.)

Budashevskaya O., Rothenstein J. *Inside the rainbow: Russian children's literature 1920–35: beautiful books, terrible times*. Redstone, 2013. 312 p. (In Eng.)

TRUE TALES: HISTORY OF RUSSIAN CHILDREN'S LITERATURE IN HISTORICAL AND SOCIAL CONTEXT

Anna I. Zyryanova

Postgraduate Student in the Department of Contemporary Russian Literature
Perm State Humanitarian-Pedagogical University

24, Sibirskaia st., Perm, 614990, Russian Federation. ann506343@yandex.ru

SPIN-code: 5300-5311

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-4670-6167>

ResearcherID: P-7384-2017

The paper reviews the monograph by the Finnish philologist Ben Hellman, *Fairy Tales and True Stories: the History of Russian Literature for Children and Young People*, released by the publishing house “New literary review” (Moscow) in 2016 in translation from English by O. Bukhina. The book is a systematic study of the history of Russian children's literature from its beginnings to the first decade of the 21st century. The development of each genre of children's literature is presented in the book chronologically. Special attention is paid to periodicals and children's magazines and, accordingly, to the texts of writers of the “second row”, which is of a particular scientific value. The monograph also studies the problem of foreign influences on the work of Russian children's writers. The specificity of the approach in the monograph by the Finnish scholar is that children's literature of Russia is considered in historical, social, and aesthetic contexts. The periodization of children's literature is connected with the main literary movements (sentimentalism, romanticism, realism, modernism). Chapters on the Soviet period in Russian children's literature contain analysis of the socio-political discourse of the era. The monograph analyzes the impact of ideology on such levels of the artistic text as the style, image of the author, and plot. The last chapter of the book is a study of Russian children's literature of recent years (1991–2000). In this period, Ben Hellman sees the willingness of the writers to experiment in genres and their hybridization. On the whole, the monograph under review is focused on the problems of interaction between literature and socio-cultural environment, political and social discourses, offering a new look at the development of Russian children's literature.

Key words: Russian children's literature; Soviet children's literature; Ben Hellman; historical and cultural context.

УДК 82.09: [821.112 + 821.161]
doi 10.17072/2037-6681-2017-4-154-160

ПИСАТЬ СТИХИ В ЭПОХУ ПЕРЕМЕН: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ПОЭЗИИ ПОСЛЕ 1989 ГОДА В РОССИИ И ГЕРМАНИИ

Галина Васильевна Кучумова

д. филол. н., профессор кафедры немецкой филологии

Самарский национальный исследовательский университет им. акад. С. П. Королева

443086, Россия, г. Самара, Московское шоссе, 34. gal-kuchumova@mail.ru

SPIN-код: 1072-4633

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-8699-0484>

ResearcherID: S-2848-2017

Проcьба cсылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Кучумова В. Г. Писать стихи в эпоху перемен: основные тенденции поэзии после 1989 года в России и Германии // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2017. Т. 9, вып. 4. С. 154–160. doi 10.17072/2037-6681-2017-4-154-160

Please cite this article in English as:

Kuchumova G. V. Pisat' stikhi v epokhu peremen: osnovnye tendentsii poezii posle 1989 goda v Rossii i Germanii [Writing Poetry in the Time of Change: the Main Trends in German and Russian Poetry after 1989]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2017, vol. 9, issue 4, pp. 154–160. doi 10.17072/2037-6681-2017-4-154-160 (In Russ.)

Рецензируется коллективный сборник научных статей (на немецком языке) филологов-славистов и германистов, посвященный исследованию наблюдаемых тенденций развития немецкоязычной и русскоязычной поэзии после 1989 г.: *Gedichte schreiben in Zeiten der Umbrüche. Tendenzen der Lyrik seit 1989 in Russland und Deutschland* / Hrsg. von Henriecke Stahl und Hermann Korte. Band 2. Leipzig: BiblionMedia, 2016. – 676 S. – ISBN 978-3-86688-599-8.

В статьях сборника освещаются основные направления и художественные ориентиры новейшей русско- и немецкоязычной поэзии, сравниваются различные поколения авторов, характеризуется творчество известных и значительных поэтов последних десятилетий. В материалах, представленных в пяти разделах, прослеживаются новые тенденции в развитии современной поэзии, выделяются судьбоносные вехи (1989, 2000), а также отмечается новый характер поэтических текстов (гетерогенность, перформативность), обусловленный ускорением социокультурных перемен и активными миграционными процессами в России и Германии.

В новых историко-эстетических обстоятельствах, в формирующейся информационной среде складываются новые формы существования поэзии, определяемые, главным образом, художественным рынком, издательскими интересами и новыми запросами читателей. Сегодня в пестром разнообразии поэтических форм выделяются верлибр и экспериментальная поэзия, «примитивистская» и политическая поэзия с ее протестным потенциалом, интермедийные и визуально-поэтические проекты в России и Германии.

Значимость рецензируемого сборника определяется теоретическим осмыслением отдельных поэтических практик и художественных языков, сосуществующих сегодня в поэтическом ландшафте, а также двухсторонним анализом методик исследования новейшей русско- и немецкоязычной поэзии.

Ключевые слова: новейшая русскоязычная и немецкоязычная поэзия; новые тенденции развития после 1989 года; гетерогенность поэзии; поэтические практики; художественные языки; новые ценности и традиции в поэзии.

Объемный том (676 с.) «Писать стихи в эпоху перемен» включает в себя статьи известных филологов-славистов и германистов по материалам немецко-русских конференций: Москва (2013), Трир (2015), Москва (2016).

Великолепно изданный сборник статей стал событием в литературоведческой науке [Gedichte schreiben 2016]. Его появление особенно ценно в ситуации почти полного исчезновения такого жанра, как сборник критических статей о поэзии.

В названии сборника переломный 1989 год заявлен неслучайно: с начала 1990-х происходит коллапс прежней системы, в которой существовала поэзия. В новых социокультурных и историко-эстетических обстоятельствах, в новой информационной среде складываются новые формы существования поэзии, определяемые, главным образом, художественным рынком, издательскими интересами и новыми запросами читателей. В избытке пишутся тексты, изначально рассчитанные на филологическую интерпретацию «сильного читателя», на поиск интертекстуальных связей и глубинных смыслов. Существенным становится вопрос о том, с каких точек зрения говорить о поэзии. Если настаивать на ценности традиций в поэзии, то важно оценивать не только поэтическую технику точной рифмы и классических размеров, но и гармоничность, мысль, открытия в понимании мира, человека и искусства посредством поэзии.

В Германии и России новейшая поэзия все еще остается малоисследованной областью, несмотря на то, что отдельные поэтические практики вполне могут дать широкое представление о кардинальных социокультурных изменениях в последние десятилетия. В России исследованиями поэзии активно занимаются известные филологи Юрий Орлицкий, Елена Зейферт, Михаил Одесский из Москвы, ученые из Центра новейшей литературы, творческой лаборатории им. Д. И. Пригова и постоянные участники конференций «Сапгировские чтения». В Германии уникальными специалистами по современной немецко- и русскоязычной поэзии считаются Хенрике Шталь (*Henriecke Stahl*) и Херманн Корте (*Hermann Korte*), а также Петер Гайст (*Peter Geist*) и Урсула Хейленкамп (*Ursula Heulenkamp*), авторы фундаментального труда «Немецкоязычные поэты XX века» [Heulenkamp, Geist 2007]. Их статьи представлены в данном томе.

Книга имеет несколько разделов. Авторы статей первого раздела «Лирика после 1989 года: Феномен гетерогенности» (*Lyrikgeschichte seit 1989: Heterogenität und Ungleichzeitigkeit*) осмысливают новые тенденции в развитии немецкоязычной и русской поэзии, указывая на судьбоносные

вехи (1989 и 2000), на новый характер поэтических текстов (гетерогенность, перформативность).

Статья Германа Корте «Поэтика поэзии в переломное время: Позиции после 1989 года» (*Gedichtpoetiken in Zeiten der Umbrüche. Exemplarische Positionen seit 1989*) выводит читателя на активную дискуссию о поэтике современной поэзии, которую инициировали немецкие поэты 1990-х Томас Клинг (*Thomas Kling*) и Дурс Грюнбайн (*Durs Grünbein*). Автор статьи выявляет и подробно рассматривает несколько ключевых современных поэтов, среди них – поэтика «замедления». Стихи современных поэтов выступают как «островки замедления», как устойчивые «культурные ниши» в контексте тотального ускорения всех социокультурных процессов. В поле зрения Г. Корте – поэтики, рассматривающие стихотворение как область порождения уникальных смыслов и рефлексиирующие изначальную «языковость» поэзии («языковая магия» по Т. Клиngu), а также поэтики, заново открывающие звучащее слово в новых историко-эстетических обстоятельствах [Korte 2012: 95–124].

Эти же процессы наблюдаются и в русской поэзии. Московский филолог Илья Кукулин в статье «Гетерохрония современной русской поэзии» указывает на сосуществование в поэтическом ландшафте художественных языков нескольких эпох, что характерно для переломных этапов в истории литературы. В гетерохронном поле поэзии 1990–2000-х одновременно действуют эстетики, принадлежащие разным временам (знак постмодернизма). Согласно автору статьи, поэзия последних десятилетий может быть описана как «трехмерное пространство с неявными переключками между фигурами разных поколений». В этом пространстве задача «реабилитации времени» соединяется с задачами языковой рефлексии (генетически восходящей к концептуализму), что иллюстрируется на материале творчества молодых поэтов – Ксении Чарыевой (р.1986) и Евгении Суловой (р. 1990) [Кузьмин 2001: 459–476].

В пестром разнообразии современных поэтических форм особо выделяется московский концептуализм. Немецкий автор Роберт Ходель (*Robert Hodel*) из Гамбурга в своей статье «Русская лирика после московского концептуализма» (*Russische Lyrik nach dem Moskauer Konzeptualismus*) определяет его как центральное литературное направление советского «андеграунда», которое множится другими поэтическими формами [Hodel 2015].

Поэтическая гетерогенность обусловлена и самим фактом ускоренных процессов миграции в России и в Германии. Елена Зейферт (Москва) в статье «Русско-немецкая литература в Германии

на новом рубеже веков» иллюстрирует этот особый художественный феномен на материале прозы, лирики и драмы «российских немцев», живущих в Германии и пишущих на немецком языке.

Интересные наблюдения делает Виллем Вестштайн (*Willem G. Weststeijn, Amsterdam*) в статье «Лирическое Я в современной русской поэзии» (*Das lyrische Ich in der russischen Gegenwartsdichtung*). Присутствие лирического «Я» в современной русскоязычной поэзии становится все менее заметным, а у некоторых поэтов и вообще отсутствует. Прослеживаемая в последние десятилетия тенденция к объективации лирики представляется важным этапом в ее развитии. Знаком этой объективизации воспринимается верлибр и экспериментальная поэзия, где постмодернистские языковые игры в пике традиционному стиху «правят бал». Разговор о гетерогенности продолжает известный стиховед Юрий Орлицкий (Москва). В его статье говорится о специфике гетероморфности лирических форм в новейшей русской поэзии [Орлицкий 1999].

Ведущий российский специалист по сонету Татьяна Андреюшкина (Тольятти) в статье «Современный немецкоязычный сонет: старое в новом» обращается к формам репрезентации сонетной формы в новейшей немецкоязычной поэзии (Т. Крюгер, К. М. Рариш, К. Феллнер и др.). Сегодня эта стихотворная форма, несмотря на различные трансформации и вариации в интертекстуальной игре, переживает своеобразный ренессанс, удивительным образом сохраняя свою инвариантную основу [Greber 2008: 188–200].

Прекрасным дополнением к этим аспектам выступает статья Александра Бириха (*Alexander Bierich*) из Трира «Субстандартная лексика в современной русской лирике» (*Substandardsprachliche Lexik in der russischen Gegenwartsliryk*). Исследование гетерогенности в современной поэзии он помещает в поле лингвистики. Вследствие определенной маргинализации современная поэзия (Т. Кибиров, Л. Лосев, В. Кривулин и др.) все более насыщается элементами жаргонов разных социальных групп (ненормативная лексика, арго, сленг), что свидетельствует о желании поэта провокационно и эпатажно заявить о себе [Bierich 2010: 76–82].

Завершающая первый раздел статья Натальи Фатеевой (Москва) «Метаязыковая составляющая современного поэтического текста» акцентирует усиление метатекстового компонента. На материале отдельных текстов (А. Драгомощенко, Л. Лосев, Ю. Идлис и др.) Фатеева выявляет основные тенденции в развитии поэтического языка, как проявляющиеся непосредственно в самих стихотворных текстах, так и обнаруживающие себя в процессе их возникновения.

Второй раздел сборника под названием «Лирика поворота» (*Die Wende in der Lyrik*) объединяет пять статей с центральной темой «поэт в гуще исторических перемен». Александр Ерохин (Ижевск) представляет интересный аналитический материал по лирике немецкого поэта Магнуса Энденбергера (его стихотворные сборники *Zukunftsmusik* и *Kiosk*), автора, сугубо «постмодернистского», стоящего вне исторических перемен.

Замечательной параллелью творчеству Энденбергера выступают поэтические тексты Геннадия Айги, на эстетические позиции которого политические и исторические перемены в России также не повлияли. Немецкий исследователь Райнер Грюбель (*Rainer Grübel*) из Ольденбурга в своей статье «Отражает ли поэзия Айги трансформацию Советского Союза в Российскую Федерацию?» указывает на то, что Айги не изображает «перестроечный крах» Советского Союза и не размышляет о нем, однако суровая политическая действительность неизбежно разоблачается его творческой практикой [Grübel 2013: 205–240].

Две следующие статьи, Стефана Элита (Падерборн) и Хироко Масумото (Кобе, Япония), о творчестве немецких поэтов Уве Кольбе (*Uwe Kolbe*) и Фолькера Брауна (*Volker Braun*) – это прекрасный материал, иллюстрирующий факт, что извечная проблема отношений «власть / художник» и в современных условиях сохраняет напряженность.

В третьем разделе под названием «Лирика после 2000 года в историческом и политическом дискурсе» (*Lyrik nach 2000: Geschichte und Politik*) не слишком обильно, но выразительно представлена современная поэзия в контексте исторических перемен. Понятно, что поэзия 1990–2000-х в массмедийной и политической среде не допускает «высоких» элегических нот. Постмодернизм «умеет» тотально дискредитировать поэтические ценности. Однако есть прекрасные исключения. Генрих Киршбаум (*Heinrich Kirschbaum, Berlin*), автор статьи *Ekphrasen einer Elegie. Sergei Gandlewskis Poetik der Stagnation*, обращается к экфрастической поэзии Сергея Гандлевского (р. 1952) с ее плотной интертекстуальностью, поэзии, удивительным образом сохраняющей и развивающей лирическую интимность элегии [Жолковский 2002: 34–42].

Экфрастический поэтический текст «Запоздалая ода к Екатерине Великой» (2010) русского поэта и критика Максима Амелина (р.1970) исследует немецкий филолог Марион Рутц (*Marion Rutz, Passau*). Амелин, рассматривающий оду центральным жанром лирики, в своем визуальном стихотворении, далеком от канонов классической оды, демонстрирует литературно-историческое мышление, апеллируя к текстам «седой

старинны»: от античности до времен Екатерины Второй.

Мирьям Шпрингер (*Mirjam Springer, Münster*) в статье «Поэтическая форензика: «География» Марселя Байера» (*Lyrische Forensik: Marcel Beyers Erdkunde*) на материале сборника стихотворений М. Байера исследует «поэтику следа» в духе Хайдеггера, Левинаса и Деррида. Идущий «по следам» М. Байер отказывается от «больших нарративов». Он по-постмодернистски обращается к простым вещам, находящимся в тактильной близости с ним. Интерес к вещному миру, по мнению М. Шпрингер, – знак свидетельства об опыте исторического перелома.

Петер Гайст (*Peter Geist, Berlin*) в статье «На прекрасные шутки» (Фолькер Браун): аспекты актуальной критики цивилизации в немецких стихотворениях 2000-х годов» верно указывает на своеобразный ренессанс критической мысли в современном поэтическом ландшафте. Достаточно обширный сегмент новейшей немецкой поэзии (К. Драверт, Ф. Браун, Д. Фальб, Р. Винклер и др.) проблематизирует ключевые и болевые точки в критике современного развития цивилизации в духе шпенглеровского «Заката Европы».

С 2011 г. в России на волне бурных исторических событий уверенно занимает свободную нишу политическая лирика с протестным зарядом и сатирическими нотками [Leibov 2014: 194–214]. Литературно-сатирический проект «Гражданин поэт» Дмитрия Быкова, эпатажный и провокационный, занимает особое место в литературном и в массмедийном дискурсе. Об этом обстоятельно рассказывает исследователь из Люксембурга Инна Ганшоу (*Inna Ganschow*) в своей статье «Поэтика политики и политика поэтики: Быков versus Путин» (*Poetik der Politik und Politik der Poetik: Bykow versus Putin*).

Характерно, что современная поэзия в лице Кирилла Медведева (р.1975), представителя поколения «постконцептуалистов», все активнее перемещается в социальные сети (ВКонтакте, Живой журнал), выступающие как платформа для политических высказываний на злобу дня. Этому интересному феномену посвящена статья американского филолога Дэвида Хока (*David Hock*) из старейшего университета в Принстоне (*Truth-Telling in Putin's Russia: Kirill Medvedev and the Post-Conceptualist Generation*).

Статьи четвертого раздела «Лирика в ситуации перехода (в аспекте антитоталитарного и антиколониального подхода)» тематизируют переходные процессы в поэзии (1989-х, 2000-х гг.). Так, Юлиана Каминская из Санкт-Петербурга в своей статье «Поэзия в теории – теория в поэзии: Современные художественные эксперименты в русско- и немецкоязычном пространстве» затра-

гивает важный для современной экспериментальной поэзии вопрос: насколько «экспериментальная поэзия» принадлежит пространству литературы? [Рутц 2013: 37–58]. Подобные вопросы проблематизируют крайнюю степень размытости важнейших литературоведческих и искусствоведческих понятий, для уточнения которых необходимо обращение к теории, в частности, к понятию границ и сущности поэтического.

Наталья Азарова (Москва) в статье «Поэтическая грамматика Геннадия Айги обращается к преимуществам межъязыкового мышления» и на примере поэзии Айги убедительно показывает, что билингвизм предоставляет поэту дополнительные степени свободы от власти языка. Геннадий Айги (его родной язык – чувашский) создает особый поэтический язык («надъязык»), это прослеживается на грамматическом уровне, в частности, в специфической реализации категорий рода и падежа. По мнению автора статьи, это – характерная для поэтов-билингвов настойчивая борьба за преодоление привычных «языковых решеток».

В этом разделе сборника обратим внимание на содержательную статью Валерия Гречко (Токио) «Стратегии неопрimitивизма в современной русской поэзии», в которой автор утверждает, что современная «примитивистская» поэзия имеет более сложный и гетерогенный характер, чем «примитивистские» опыты классического авангарда. Характерно, что в историческом авангарде подражание примитивному искусству предполагало апологию последнего, в современной же художественной практике доминирует пародирующее подражание «примитиву» или даже подражание-мистификация.

Заслуживает внимания цикл статей, объединенных темой «Интермедиаальность в современном литературном ландшафте». Екатерина Евграшкина (Трир/Самара) рассматривает интермедиаальный проект – поэтический сборник под названием «Übergangenes» Р. Б. Эссига (*R.-B. Essig*) и фотографии М. Коха (*M. Koch*) – в сопоставительном ряду с литературными экспериментами Иоганна Кернера (*J. Kerner, 1755–1830*) и Петера Рюмкорфа (*P. Rühmkorf, 1929–2008*) в формате «кляксографии». Примечателен визуально-поэтический проект Габи Бергман и Сергея Бирюкова, опосредованный языковым переводом. Этот необычный культурный феномен нашего времени анализирует немецкий литературовед Хенрике Шмидт (*Henrike Schmidt, Hamburg/Berlin*) в своей статье «Двойной перевод: Интермедиаальный диалог. Проект Габи Берманна и Сергея Бирюкова» (*Doppelte Übersetzung. Zum intermedialen Dialog zwischen Text und Bild: Gaby Bermann, Sergej Birjukov*).

Интересные результаты исследования рэпа «как трансгрессивной формы социальности» излагает Михаил Одесский (Москва) в статье «Иван Вырыпаев в направлении рэпа». Текст российского поэта и драматурга Ивана Вырыпаева (р. 1974) «Кислород» (2009) как своеобразный «адамический» диалог мужчины и женщины, положенный на рэп-музыку, затрагивает простые истины. В музыкальной композиции рэпа библейские заповеди приобретают новую форму и новое обоснование [Липовецкий, Боймерс 2012: 331].

В заключительном разделе «Лирика: межкультурный аспект» (*Lyrik zwischen den Kulturen*) особо выделим статью Хенрике Шталь (*Henriette Stahl, Trier*) «Перевод как диалог: стихотворение Пауля Целана «Мандорла» в переводах на русский и польский языки» (*Übersetzung als Dialog: Paul Celans Gedicht „Mandorla“ in russischen und polnischen Übersetzungen*). Хенрике Шталь анализирует существующие в современной науке подходы к переводу поэтического текста и предлагает собственную схему типов перевода [Stahl 2013: 117–137]. Она рассматривает переводы стихотворения «Мандорла» с точки зрения выбора тех или иных переводческих стратегий, привлекая для сравнения тексты-подстрочники польских переводчиков (С. Барайнчак и Ф. Пшыбылак) и русские переводы (А. Глазова, В. Роганов, Б. Мирской, О. Седакова, С. Аверинцев).

Примечательно обращение немецких исследователей к творчеству русскоязычных авторов. Так, представляет интерес исследование Марион Рутц (*Marion Rutz, Passau*) стихотворения «Шалтай-Болтай. Свободные стихи», 2002 Тимура Кибирова (р. 1955) в аспекте постмодернистской игры с классическими англоязычными текстами (Шекспир, Байрон, В. Скотт, Ч. Диккенс). Немецкий славист из Трира Александра Третакову (*Alexandra Tretakova*) исследует в романе Бориса Акунина «Алмазная колесница» (2003) японские мотивы и темы, а также стихотворную форму «хайку» для передачи природных образов, явно или косвенно соотнесенные с жизнью человека [Сорокин 2011: 264–268].

В заключение отметим, что основной ценностью рецензируемого сборника является двухсторонний анализ методик исследования новейшей русско- и немецкоязычной поэзии. По своим задачам, зрелости рассуждения и обобщения, глубине рассмотрения проблемных вопросов современной лирики и уровню исполнения коллективный сборник научных статей является значительным вкладом в мировое литературоведение и, несомненно, будет востребован в дальнейших исследованиях.

Список литературы

Гребер Э. Комбинаторная текстура текста: тезисы к пересмотру дефиниции жанра // Вестник гуманитарного института ТГУ. 2008. Вып. 1(3). С. 188–200.

Жолковский А. К проблеме инфинитивной поэзии (Об интертекстуальном фоне стихотворения С. Гандлевского «Устроиться на автобазу...» // Известия Академии наук. Серия литературы и языка. 2002. Т. 61, № 1. С. 34–42.

Кузьмин Д. Постконцептуализм: Как бы наброски к монографии // Новое литературное обозрение. 2001. № 50. С. 459–476.

Липовецкий М., Боймерс Б. Перформансы насилия: литературные и театральные эксперименты «Новой драмы». М.: Новое лит. обозрение, 2012. 376 с.

Орлицкий Ю. На грани стиха и прозы // Арion. 1999. № 1. URL: <http://magazines.russ.ru/arion/1999/1/orlic.html> (дата обращения: 24.12. 2015).

Рутц М. «Каноны» современной русской поэзии. Наблюдения и перспективы // Шталь Х., Рутц М. (ред.) Имидж, диалог, эксперимент – поля современной русской поэзии. Берлин; Мюнхен; Вашингтон, 2013. С. 37–58.

Сорокин С. Бинарность Фандорина, или пересечение восточной и западной традиций в контексте «фандоринского цикла» Б. Акунина // Ярославский педагогический вестник. 2001. Т. 1. С. 264–268.

Bierich A. Slavischer Substandard (Probleme und Perspektiven) // Bulletin der deutschen Slavistik. 2010/16. München; Berlin, 2010. S. 76–82.

Gedichte schreiben in Zeiten der Umbrüche. Tendenzen der Lyrik seit 1989 in Russland und Deutschland / Hrsg. von Henriecke Stahl und Hermann Korte. Band 2. Leipzig: BiblionMedia, 2016. 676 S.

Grübel R. Die Medien Lyrik und Drama, Prosa und Zwecktext. Literarische Hauptgattungen und ihre Hybriden am Beispiel slawischer Texte des 19 und 20. Jahrhunderts // Poetica. 2013/3. S. 205–240.

Heukenkamp U., Geist P. (Hgg.) Deutschsprachige Lyriker des 20. Jahrhunderts. Berlin, 2007. 787 S.

Hodel R. Vor dem Fenster unten sind Volk und Macht. Russische Poesie der Generation 1940–1960. Deutsch-Russisch / Ausgewählt und übersetzt von Robert Hodel. Leipzig, 2015. 458 S.

Korte H. Eine Renaissance von Wort, Vers, Stimme und Klang? Gedichtpoetiken in der Zeitschrift „Zwischen den Zeilen“ seit 1992 // Eke N. O., Elit S. (Hgg.) Deutschsprachige Literatur(en) seit 1989 (=Sonderheft zum Band 131 der Zeitschrift für Deutsche Philologie). Berlin, 2012. S. 95–124.

Leibov R. Occasional Political Poetry and the culture of Russian Internet // Gorham M. S., Lunde I., Paulsen M. (Hgg.) Digital Russia. The Language,

Culture and Politics of New Media Communication. New York, 2014. P. 194–214.

Stahl H. Interpretation als Dialog. Votum für eine strukturelle Hermeneutik // *Coincidentia*. Zeitschrift für Europäische Geistesgeschichte. Beiheft 2: Bildung und Fragendes Denken, herausgegeben von Harald Schwaetzer. Bernkastel-Kues, 2013. S. 117–137.

References

Greber E. Kombinatornaya tekstura teksta: tezisy k peresmotru definititsii zhanra [Combinatorial texture of the text: the thesis for the revision of genre definition]. *Vestnik gumanitarnogo instituta TGU* [Vestnik of TSU], 2008, issue 1(3), pp. 188–200. (In Russ.)

Zholkovskiy A. K probleme infinitivnoy poezii (Ob intertekstual'nom fone stikhotvoreniya S. Gandlevskogo "Ustroit'sya na avtobazu") [To the problem of infinitive poetry (On the intertextual background of the poem by S. Gandlevsky "To get a job at a car pool")]. *Izvestia Akademii nauk* [Herald of the Russian Academy of Sciences], 2002, issue 61(1), pp. 34–42. (In Russ.)

Kuzmin D. Post-contseptualizm: Kak by nabroski k monografii [Post-conceptualism: A sketch for a monograph]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Observer], 2001, issue 50, pp. 459–476. (In Russ.)

Lipovetsky M., Beumers B. *Performansy nasiliya: literaturnye i teatralnye eksperimenty "novoy dramy"* [Performing Violence: Literary and Theatrical Experiments of New Russian Drama]. Moscow, New Literary Observer Publ., 2012. 376 p. (In Russ.)

Orlitskiy Yu. Na grani stikha i prozy [On the verge of verse and prose], *Arion*, 1999, issue 1. Available at: <http://magazines.russ.ru/arion/1999/1/orlic.html> (accessed 24.12.2015). (In Russ.)

Rutz M. "Kanony" sovremennoy russkoy poezii. Nablyudeniya i perspektivy ["The Canons" of contemporary Russian poetry. Observations and perspectives]. *Imidzh, dialog, eksperiment – polya sovremennoy russkoy poezii* [Image, dialogue, experiment – fields of contemporary Russian poetry]. Ed. by H. Stahl, M. Rutz. Berlin, Munich, Washington, 2013, pp. 37–58. (In Russ.)

Sorokin S. Binarnost' Fandorina, ili peresechenie vostochnoy i zapadnoy traditsii v kontekste "fandorinskogo tsikla" B. Akunina [Fandorin's Binariness or Crossing of the Eastern and Western Traditions in the Context of "the Fandorin Cycle" by B. Akunin]. *Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik* [Yaroslavl Pedagogical Bulletin], 2011, issue 1, pp. 264–268. (In Russ.)

Bierich A. Slavischer Substandard (Probleme und Perspektiven). *Bulletin der deutschen Slavistik*, 16 (2010). Munich, Berlin, pp. 76–82. (In Ger.)

Gedichte schreiben in Zeiten der Umbrüche. Tendenzen der Lyrik seit 1989 in Russland und Deutschland. Hrsg. von Henricke Stahl und Hermann Korte. Band 2. Leipzig, BiblionMedia, 2016. 676 p. (In Germ.)

Grübel Rainer. Die Medien Lyrik und Drama, Prosa und Zwecktext. Literarische Hauptgattungen und ihre Hybriden am Beispiel slawischer Texte des 19 und 20. Jahrhunderts. *Poetica* 3 (2013), pp. 205–240. (In Germ.)

Heukenkamp U., Geist P. (Hgg.) *Deutschsprachige Lyriker des 20. Jahrhunderts*. Berlin, 2007. 787 p. (In Germ.)

Hodel R. *Vor dem Fenster unten sind Volk und Macht. Russische Poesie der Generation 1940–1960*. Deutsch-Russisch /Ausgewählt und übersetzt von Robert Hodel. Leipzig, 2015. 458 p. (In Germ.)

Korte H.: Eine Renaissance von Wort, Vers, Stimme und Klang? Gedichtpoetiken in der Zeitschrift „Zwischen den Zeilen“ seit 1992. Eke N. O., Elit S. (Hgg.): *Deutschsprachige Literatur(en) seit 1989 (=Sonderheft zum Band 131 der Zeitschrift für Deutsche Philologie)*. Berlin, 2012, pp. 95–124. (In Germ.)

Leibov R. Occasional Political Poetry and the culture of Russian Internet. Gorham M. S., Lunde I., Paulsen M. (Hgg.): *Digital Russia. The Language, Culture and Politics of New Media Communication*. New York, 2014, pp. 194–214. (In Eng.)

Stahl, Henricke: Interpretation als Dialog. Votum für eine strukturelle Hermeneutik. In: *Coincidentia. Zeitschrift für Europäische Geistesgeschichte*. Beiheft 2: Bildung und Fragendes Denken, herausgegeben von Harald Schwaetzer. Bernkastel-Kues, 2013, pp. 117–137. (In Germ.)

WRITING POETRY IN THE TIME OF CHANGE: THE MAIN TRENDS IN GERMAN AND RUSSIAN POETRY AFTER 1989

Galina V. Kuchumova

Professor in the Department of German Philology

Samara National Research University

34, Moskovskoe shosse, Samara, 443086, Russian Federation. gal-kuchumova@mail.ru

SPIN-code: 1072-4633

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-8699-0484>

ResearcherID: S-2848-2017

The paper provides a review of the collection of scientific articles (in the German language) dealing with the study of the main trends in German and Russian poetry after 1989: *Gedichte schreiben in Zeiten der Umbrüche. Tendenzen der Lyrik seit 1989 in Russland und Deutschland* / Hrsg. von Henriecke Stahl und Hermann Korte. Band 2. Leipzig: BiblionMedia, 2016. 676 S.

This publication is an outstanding event in literary studies. The reviewed collection of scientific articles reflects mutual interest of German scientists in contemporary Russian poetry, and Russian philologists in poetic works by German authors.

The articles in this collection cover the latest main trends and artistic landmarks of contemporary Russian and German poetry, reveal the new values and traditions in poetry, characterize the work of famous and significant poets of the last decades. Materials, presented in 5 sections, conceptualize the new trends in the development of contemporary poetry that appeared during historically significant periods for Germany and Russia (1989, 2000), the new nature of poetic texts (heterogeneity, performativity), determined by the accelerated socio-cultural changes and migration processes in the countries.

In the new historical and aesthetic conditions, in the new information culture, new forms of existence of poetry are developing, determined by the art market, publishers' interests and the new demands of readers. Contemporary poetry is increasingly living in the social media (Vkontakte, LiveJournal), acting as a platform for political discussions on the topic of the day.

Today the trend of objectification of poetry is an important stage in its development. Free verse and experimental poetry, "primitivist" and political poetry with its protest potential, intermedia and visual poetry projects in Russia and Germany are perceived as a sign of that objectification.

The main significance of the collection under review is determined by the theoretical understanding of poetic practices and artistic languages, coexisting today in the poetic landscape, as well as a two-way analysis techniques in the study of the latest Russian and German poetry.

Key words: contemporary Russian and German poetry; new trends after 1989; heterogeneity of poetry; theoretical problems; poetic practices; artistic languages; new values and traditions in poetry.

Научный периодический журнал «Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология» зарегистрирован в 2009 г. как самостоятельное издание, объединяющее две серии журнала «Вестник Пермского университета», издаваемого с 1994 г. («Филология» и «Иностранные языки и литературы»).

В журнале отражаются результаты научной деятельности российских и зарубежных филологов. Кроме научных статей, материалов конференций, симпозиумов и семинаров, журнал печатает рецензии на монографии, сборники научных трудов и т. п., опубликованные в России и за рубежом, тематические обзоры и развернутую информацию о событиях научной жизни по профилю издания.

Полнотекстовая версия выставляется на сайте <http://www.rfp.psu.ru> и на сайте НЭБ Elibrary.ru.

С 19.02.2010 журнал включен в **Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий**, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ

Каждая рукопись сопровождается внешней рецензией специалиста в исследуемой области, имеющего степень кандидата или доктора наук и не являющегося сотрудником вуза автора. Подпись рецензента заверяется в отделе кадров по месту работы. Авторы, не имеющие ученой степени, представляют, кроме внешней рецензии, отзыв научного руководителя, подписанный и заверенный по месту его работы. В рецензии и отзыве должны быть указаны полностью ФИО, ученая степень, должность, место работы и электронный адрес рецензента. Аспиранты дополнительно представляют официальную справку о сроках обучения в аспирантуре с указанием контактного телефона зав. отделом аспирантуры, подписавшим его документ.

Все три документа с печатями могут присылаться по почте или в сканированном виде отправляться на электронный адрес редакции вместе со статьей. Письмо с вложенными файлами должно быть отправлено с адреса, указанного в сведениях об авторе, и сопровождаться следующим текстом: «Передавая статью в научный журнал “Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология”, я гарантирую, что статья создана мной лично и не была ранее опубликована. Согласен на размещение статьи на сайте “Вестника” <http://rfp.psu.ru/>. Беру на себя полную ответственность за соблюдение авторских прав в отношении используемых мной материалов» (в случае частичной публикации представляемой статьи здесь должны быть указаны сведения об уже опубликованном фрагменте и месте его публикации).

Рукописи рассматриваются в порядке их поступления в течение 1–6 месяцев. Окончательное решение о публикации статьи принимается редколлегией и главным редактором. Члены международного редакционного совета или редколлегии даже при наличии положительной рецензии могут обратиться к главному редактору с предложением о дополнительном рецензировании статьи. В этом случае назначаются три эксперта из состава редколлегии или совета для подготовки обоснованного заключения. В случае отрицательного решения автору рукописи направляется мотивированный отказ от имени редколлегии. Рукопись, сопровождаемая внутренней рецензией, может быть отправлена автору на доработку для устранения замечаний. Срок доработки не ограничен. Статья, не соответствующая требованиям, предъявляемым к публикациям, вторично на доработку не отправляется. Статьи аспирантов, одобренные редколлегией, публикуются бесплатно.

ПРАВИЛА ПОДАЧИ И ОФОРМЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ

Рукопись объемом от 20 до 40 тыс. знаков, оформленная в соответствии с выложенной на сайте ФОРМОЙ, должна поступить вместе с ПАСПОРТОМ СТАТЬИ и со всеми указанными выше документами по электронному адресу langlit2009@mail.ru. Чтобы убедиться в том, что Ваши материалы получены, попросите отправить подтверждение.

Основной текст может быть написан на русском или английском языках.

Правила оформления рукописей помещены на сайте журнала в разделе «Правила оформления рукописей» и в прикрепленном файле ФОРМА.

Главный редактор – Ирина Александровна Новокрещенных.

Адрес редакции: 614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15, ПГНИУ, корп. 5, ауд. 28 (лаборатория «Духовная культура Прикамья в лингвистическом аспекте», тел. (342)2396795), ауд. 111 (лаборатория «Сравнительно-исторических исследований и культурных инноваций», тел. (342)2396290). Зам. гл. редактора – *Ирина Ивановна Русинова, Наталья Валерьевна Шутемова*, ответственный за сайт – *Алексей Васильевич Пустовалов*.

Научное издание

Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология

Том 9. Выпуск 4 / 2017

Редакторы *Л. А. Богданова, О. И. Кирьянова*
Корректоры *Л. А. Семицветова, Е. В. Шумилова*
Компьютерная верстка: *Л. С. Нечаева*
Макет обложки: *Т. А. Басова*

Подписано в печать 15.12.2017. Дата выхода в свет 26.12.2017
Формат 60×84/8. Усл. печ. л. 18,83. Тираж 500 экз. Заказ ____

Издательский центр
Пермского государственного
национального исследовательского университета.
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15

Типография Пермского государственного
национального исследовательского университета.
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15

Подписной индекс журнала
«Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология»
в общероссийском каталоге «Пресса России» – 41008

Распространяется бесплатно и по подписке